

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК

ISSN 2542-0488 (Print) • ISSN 2541-7983 (Online)

Т. 11, № 1 • 2026

**ОМСКИЙ
НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК**

Серия Общество. История.
Современность

**OMSK
SCIENTIFIC
BULLETIN**

Series Society. History.
Modernity

ИСТОРИЯ HISTORY

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

ЭКОНОМИКА ECONOMY

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия
«Общество. История.
Современность»

Издается с июля 2016 г.
Выходит 4 раза в год

Том 11 № 1 2026

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Омский государственный
технический университет»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ55-00555 от 29.03.2017 г.
выдано Управлением Роскомнадзора
по Омской области

Сайт журнала:
<https://ois.omgtu.ru>

Страница журнала
на сайте учредителя:
[http://www.omgtu.ru/
general_information/
media_omgtu/
journal_of_omsk_research_journal/](http://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/)

Подписной индекс
в каталоге Роспечать 80638

Ответственный секретарь
М. Ф. Федорчук

Редактор
Т. П. Сёмина

Компьютерная верстка
О. Н. Чирун

Макет обложки
Н. С. Плотникова

© Редакция журнала
«Омский научный вестник»
Серия «Общество. История.
Современность»,
ОмГТУ

Подписано в печать 20.02.2026 г.
Дата выхода в свет 27.02.2026 г.

Формат 60x84 1/8.
15,81 усл. печ. л.
Бумага офсетная.

Отпечатано на дупликаторе
отдела научной информации ОмГТУ

Тираж 500 экз.
(1-й завод 1-100).

Заказ 7
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Нехаев Андрей Викторович (главный редактор),
доктор философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Сушко Алексей Владимирович (заместитель главного редактора),
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия
Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

Бернацкий Владилен Осипович,
доктор философских наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Борисов Евгений Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Владимирски Ирена,
доктор исторических наук, профессор,
Академический колледж Ахва, Беэр Тувия, Израиль

Гагкуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Гончаренко Марк Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет, Томск, Россия

Дидикин Антон Борисович,
доктор философских наук, кандидат юридических наук,
«Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»,
Астана, Республика Казахстан

Калинина Ольга Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Ковалев Василий Александрович,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Кротова Мария Владимировна,
доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Кулинок Святослав Валентинович,
кандидат исторических наук,
Национальный архив Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Ладов Всеволод Адольфович,
доктор философских наук, доцент,
Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия

Мартышина Наталья Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
Сибирский государственный университет
путей сообщения, Новосибирск, Россия

Мячин Юрий Васильевич,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Новиков Сергей Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, Омск, Россия

Петин Дмитрий Игоревич,
кандидат исторических наук, доцент
Исторический архив Омской области, Омск, Россия

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Растова Юлия Ивановна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Федотова Марина Геннадьевна,
доктор философских наук,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Фоменков Артем Александрович,
доктор исторических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Харченко Лариса Павловна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Шевцов Вячеслав Вениаминович,
доктор исторических наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Яковлева Елена Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series
"Society. History.
Modernity"

Published since July 2016
4 Times per Year

Volume 11 No. 1 2026

FOUNDER

Federal State
Autonomous Educational Institution
of Higher Education
"Omsk State Technical University"

Mass Media Registration Certificate
ПН No. TY55-00555 from 29.03.2017
issued by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media,
Omsk region

Journal Website:
<https://ois.omgtu.ru>

Journal Page on Founder's Website:
[http://www.omgtu.ru /
general_information/media_omgtu/
journal_of_oms_k_research_journal/](http://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_oms_k_research_journal/)

Subscription Index
in Federal Agency on Press and Mass
Communications Catalog 80638

Executive Secretary
M. F. Fedorchuk

Editor
T. P. Semina

Computer Page-Proofs
O. N. Chirun

Cover Layout
N. S. Plotnikova

© Editorial Board of
"Omsk Scientific Bulletin"
Series "Society. History.
Modernity", OmSTU

Signed in Print 20.02.2026
Date of Publication 27.02.2026

Format 60x84 1/8. Conventional
Printed Sheets 15.81. Offset Paper.

Printed on a Duplicator
at Scientific Publishing Office,
Omsk State Technical University

Circulation 500 Copies.
(The 1st Printing Factory 1-100).

Order 7
Open Price

EDITORIAL BOARD

Nekhaev Andrei Viktorovich (Chief Editor),
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Sushko Aleksey Vladimirovich (Deputy Chief Editor),
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia
Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk, Russia

Bernatsky Vladilen Osipovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Borisov Evgenii Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Vladimirsky Irena,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Achva Academic College, Beer Tuvia, Israel

Gagkuev Ruslan Grigorievich,
Doctor of Historical Sciences,
Institute of Russian History of RAS, Moscow, Russia

Goncharenko Mark Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Didikin Anton Borisovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law,
M. Narikbayev KAZGUU University, Astana, Republic of Kazakhstan

Kalinina Olga Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Kovalev Vasilii Aleksandrovich,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Krotova Mariia Vladimirovna,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Kulinok Svyatoslav Valentinovich,
Candidate of Historical Sciences,
The National Archives of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Ladov Vsevolod Adolfovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Scientific Center of SB RAS, Tomsk, Russia

Martishina Natalia Ivanovna,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

Myachin Yuriy Vasilievich,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Novikov Sergey Valentinovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russia

Petin Dmitry Igorevich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Historical Archive of Omsk Region, Omsk, Russia

Puchenkov Aleksandr Sergeevich,
Doctor of Historical Sciences,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Rastova Yuliya Ivanovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Fedotova Marina Gennadiyevna,
Doctor of Philosophical Sciences,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Fomenkov Artem Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences,
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia

Kharchenko Larisa Pavlovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yakovleva Elena Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

С. А. Папков. Кампания репрессий на Томской железной дороге во второй половине 1930-х гг.	6
А. Д. Попова, Н. В. Ларин. Приём и размещение беженцев с Западного фронта Первой мировой войны в 1915–1916 гг. (на примере Рязанской губернии)	13
Ю. М. Гордеев, А. Ю. Карпинец. Влияние либерально-демократических установок Александра II на воспитательный процесс в Сибирском кадетском корпусе (Сибирской военной гимназии)	20
М. Е. Разиньков. «На все нападки я не возражаю, а обхожу их брезгливо молчанием»: борьба за политический вождизм в губерниях Центрального Черноземья в марте – июне 1917 г.	29
К. А. Тишкина. Борьба с туберкулезом в 1920-е гг.: опыт трехдневников в Омском регионе	38
М. М. Гумеров, Ю. Н. Гусева. Современная российская историография о пантюркизме: проблематика, нарративы и перспективы исследований	46
А. Д. Аверкиев. Секуляризация монастырских земель в правление Екатерины II (на примере Нижегородской епархии)	55

Имя в истории

А. А. Иванов. Доктор Дубровин и граф Витте: история непримиримой вражды	60
--	----

ФИЛОСОФИЯ

В. В. Бабич. Нарративный смысл: семиозис и идентичность	70
С. Б. Куликов. Всё ли учёл Дж. Сёрл при входе в Китайскую комнату?	78

ПОЗИЦИИ И А-ПОЗИЦИИ

К. Е. Морозов. Метаэтические следствия иллюзионизма	84
А. П. Беседин. Иллюзионизм совместим с сентиентизмом	101
М. Д. Горбачев. Иллюзионизм (не) против сентиентности	108

ПРОВОКАЦИИ

М. Стокер. Шизофрения современных этических теорий = Stocker M. The schizophrenia of modern ethical theories / пер. с англ. Д. А. Борода.	115
--	-----

ЭКОНОМИКА

И. А. Анисимова, Е. В. Ходорева, В. В. Шалай. Востребованность региональных систем высшего образования Российской Федерации среди выпускников школ и межрегиональная мобильность выпускников университетов	123
---	-----

CONTENTS

HISTORY

- S. A. Papkov.** Repression campaign on the Tomsk railway in the second half of the 1930s 5
- A. D. Popova, N. V. Larin.** Reception and accommodation of refugees from the western front of the First World War in 1915–1916 (on the example of the Ryazan Province) 13
- Yu. M. Gordeev, A. Yu. Karpinets.** Influence of the liberal democratic attitudes of Alexander II on the educational process in military schools on the example of the Siberian cadet corps (Siberian military gymnasium) 20
- M. E. Razinkov.** "I do not object to all the attacks, but rather pass them by in disgusted silence": the struggle for political leadership in the provinces of the Central Black Earth Region in March–June 1917 29
- K. A. Tishkina.** Fighting tuberculosis in the 1920s: Experience of three-day camps in the Omsk region 38
- M. M. Gumerov, Ju. N. Guseva.** Modern Russian historiography on pan-Turkism: Issues, narratives and research perspectives 46
- A. D. Averkiev.** Secularization of monastic lands during the reign of Catherine II (on the example of the Nizhny Novgorod Diocese) 55

History Name

- A. A. Ivanov.** Doctor Dubrovin and Count Witte: A history of irreconcilable enmity 60

PHILOSOPHY

- V. V. Babich.** Narrative meaning: semiosis and identity 70
- S. B. Kulikov.** Did J. Searle take everything into account when entering the Chinese room? 78

Pros and Cons

- K. E. Morozov.** Metaethical implications of illusionism 84
- A. P. Besedin.** Illusionism is compatible with sentientism 101
- M. D. Gorbachev.** Illusionism is (un)resistant to sentience 108

Provocation

- M. Stocker.** The schizophrenia of modern ethical theories / trans. from Engl. D. A. Boroda 115

ECONOMY

- I. A. Anisimova, E. V. Khodoreva, V. V. Shalay.** Demand for regional higher education systems in the Russian Federation among school graduates and interregional mobility of university graduates 123

Уважаемые читатели!

Сегодня наш Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность» отмечает свой первый Юбилей. Журнал был основан 31 марта 2016 года как научное рецензируемое ежеквартальное издание. За истекшие 10 лет существования журнал преодолел сложный и полный препятствий путь от небольшой региональной площадки научной коммуникации до признанного в России периодического научного издания.

Погоня за формальными академическими показателями никогда не была самоцелью нашей работы. С момента основания миссия и общая редакционная политика журнала оставались неизменными — служить мультидисциплинарной площадкой научной коммуникации для исследователей, специализирующихся в самых разных областях социально-гуманитарного знания. Ключевыми фигурами нашего журнала были и остаются его Авторы. На правах главного редактора я хотел бы поблагодарить всех вас. Ваши исследования, идеи, ваша кропотливая работа с источниками — это «сердце» нашего журнала. Без вашего доверия и готовности делиться своими текстами журнал в его нынешнем виде был бы попросту невозможен.

Не менее важным для журнала является также вклад и со стороны Рецензентов — экспертов в своих областях, которые своей строгой и конструктивной оценкой помогали Авторам оттачивать свои идеи, укреплять аргументацию и поддерживать высокий научный уровень каждой публикации. Без вашего труда мы бы не имели столь прочного «скелета» журнала, который позволяет нам поддерживать самые высокие мировые исследовательские стандарты.

Сегодня, стоя на пороге нового 10-летия журнала, мы по-прежнему считаем своей главной целью быть современной, открытой, требовательной к качеству и в то же время доступной общероссийской площадкой для научной коммуникации и обмена идеями в области социально-гуманитарного знания.

Я искренне благодарю всю команду Редакции, Авторов, Рецензентов и Учредителей в лице Омского государственного технического университета, а также тех, кто был с нами эти годы, и поздравляю всех с первым Юбилеем! Это повод вспомнить пройденный путь с благодарностью и уверенно шагнуть вперед, где нас ожидают новые темы, новые дискуссии и новые талантливые Авторы.

**Главный редактор
Андрей НЕХАЕВ**

УДК/UDC 343.43(571.1)«193»
DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-6-12
EDN: NWUANO
Научная статья / Original article

КАМПАНИЯ РЕПРЕССИЙ НА ТОМСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

С. А. Папков

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируется положение на Томской железной дороге в предвоенный период 1930-х гг. и специфические правительственные меры по устранению кризисных явлений в работе транспорта. В связи с этим рассматривается характер приказов наркома путей сообщения СССР Лазаря Кагановича. Дается объяснение систематических кадровых смещений руководящего состава дороги, а также последующего перехода к массовым репрессиям ведущих специалистов. На базе ранее не публиковавшихся источников партийных органов и спецслужб, а также периодической печати представлены основные действия карательных органов в ходе кампании арестов отдельных групп работников железной дороги и проведения показательных судебных процессов на транспорте.

Ключевые слова: Сибирь, Томская железная дорога, кризис, Л. М. Каганович, аппарат управления, специалисты, репрессии.

Для цитирования: Папков С. А. Кампания репрессий на Томской железной дороге во второй половине 1930-х гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 6–12. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-6-12. EDN: NWUANO.

© Папков С. А., 2026.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

REPRESSION CAMPAIGN ON THE TOMSK RAILWAY IN THE SECOND HALF OF THE 1930s

S. A. Papkov

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Novosibirsk, Nikolaeva St., 8, 630090

The article analyzes the situation on the Tomsk railway in the 1930s and the specific government measures to address the crisis in transport operations. The Stalinist leadership compensated for the lack of effective economic mechanisms in the Soviet system with active methods of repression, including on one of the main railways of the USSR, linking Siberia and the Far East with the European part of the country. In such regard, the nature of special orders of the People's Commissar of Railways of the USSR Lazar Kaganovich is considered. An explanation is presented for the systematic dismissals of the Tomsk railway's management, as well as the subsequent transition to mass repressions against leading specialists. Based on original sources, the main actions of the punitive organs during the arrest campaign and the organization of show trials in transport are presented. A description is given of the main phases of the development of mass terror of 1937–1938 and the participation of the railway's management in them. Data on the consequences of the repressions is presented. It is concluded that the purge on the Tomsk railway in the second half of the 1930s. It turned out to be one of the largest punitive actions carried out by Stalin's secret services, with the participation of local organizations of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Its victims included workers from a wide variety of professions and occupations. However, no real economic results are achieved.

Keywords: Siberia, Tomsk Railway, crisis, L. M. Kaganovich, administrative apparatus, specialists, repressions.

Введение

Современная историография продолжает проявлять значительный интерес к политическим процессам и событиям периода сталинской диктатуры. В научный оборот вводятся новые факты, расширяются представления о масштабах различных кампаний, их своеобразии и последствиях. В потоке публикуемых статей и монографий выделяются не только общие вопросы, но и отдельные аспекты, раскрывающие многоуровневый характер политики сталинизма. Одним из исследовательских направлений является изучение правительственных мер в сфере железнодорожного транспорта — ключевой отрасли советской экономики 1920–1940 гг. В работах указанного спектра анализируются такие проблемы, как использование репрессивной юстиции, применение карательных акций на транспорте, репрессии в системе транспортных вузов и другие [1–11]. К изучению тематики 1930 гг. привлечено внимание и зарубежной историографии [12].

В статье ставится задача на основе выявленных документов реконструировать полную картину трагических событий на Томской железной дороге в 1935–1938 гг., вызванных инициативой известного сталинского наркома Лазаря Кагановича, организовавшего широкую кампанию «борьбы с вредителями» с огромным числом жертв как среди специалистов транспорта, так и рядовых железнодорожников.

Основная часть

Томская железная дорога 1930-х гг. — самая крупная единица железнодорожной системы СССР по протяженности и по грузообороту — служила ключевым звеном, соединяющим сибирские и дальневосточные регионы с европейской частью страны, и в то же время играла важную стратегическую роль в укреплении обороноспособности востока СССР в условиях резко обострившихся отношений с Японией на границе с Китаем.

К середине 1930-х гг. в положении Томской дороги проявились явные недостатки с продвижением грузов. Сталинское правительство требовало резко увеличения грузооборота и поставок на Дальний Восток, но технические условия не позволяли выполнять возросшие задания. Погрузка и доставка грузов, прежде всего угля из Кузбасса в обоих направлениях, систематически снижалась, средняя скорость продвижения поездов падала до 17 км/ч, значительный ущерб происходил от простоя вагонов. Особую проблему представляла аварийность на железнодорожных путях. В 1935 г. ежедневно здесь фиксировались до десятка крушений и аварий, вызывая остановки движения на важных участках магистрали.

Свидетельством общего кризиса на железных дорогах страны явились попытки перестроить систему партийно-политического руководства. В 1933 г. на транспорте СССР были образованы политотделы как инструмент дополнительной мобилизации рядового и управленческого персонала путей со-

общения. Однако такая мера мало что изменила, и дезорганизация продолжала наносить урон. В связи с этим на Томской дороге происходила постоянная кадровая чехарда: смещение не только основных руководителей, но и многих технических управленцев. Начальник дороги И. Р. Дьяков, назначенный весной 1934 г., занимал этот пост всего девять месяцев. В начале 1935 г. его сменил И. Н. Миронов, карьера которого продолжалась чуть более года и закончилась его арестом как «троцкиста-вредителя».

На декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1935 г. работа Томской дороги стала предметом особого внимания. Выступая с докладом о работе транспорта, нарком путей сообщения СССР Л. М. Каганович говорил о многочисленных недостатках в действиях местных руководителей и указал: «Томскую дорогу мы должны в ближайшее время, во что бы то ни стало, поднять..., нужно как следует взяться за улучшение работы Томской, иначе она нас подведет» [13].

Провалы в работе транспорта действительно приводили к серьезным нарушениям всего экономического организма страны. Они создавали явный дисбаланс для растущей советской промышленности, расстраивали работу по выполнению оборонных задач. Поэтому руководство СССР стремилось отыскать экстренные способы решения вопроса и нашло их в традиционной для себя сфере — усилении административного нажима и применении карательных мер.

Каганович стал ключевой фигурой в организации широкой кадровой чистки на транспорте. Как и другие большевистские вожди, он был сторонником своеобразных управленческих взглядов, основанных преимущественно на волевых методах решения проблем и том убеждении, что провалы в хозяйственной деятельности происходят либо от недостатка административных усилий командиров производства, либо от действий вредителей и шпионов. Эти принципы вошли в широкую практику в качестве средства преодоления кризиса на транспорте в 1930-е гг.

С января 1936 г. Каганович перешел к практическим действиям по устранению «позорных итогов Томской дороги». Прежде всего, он произвел замену главных исполнителей: начальником дороги назначил И. Н. Миронова, а политическим руководителем (начальником политотдела) — А. Л. Ваннына. Одновременно с этим Каганович выпустил специальный Приказ № 9-Ц «Об улучшении работы Томской», требующий «до конца вытравить предельческие настроения, беспощадно расправляться с саботажниками, срывщиками нормальной работы». В приказе были перечислены также первые 13 «разоблаченных саботажников», включая девять руководителей отделов и служб управления Томской дороги: Мариенгоф, Клочков, Медзыховский, Бойченко, Лубчанский, Морщихин, Дмитриев, Рулло и Абуашвили [14]. Эти работники были арестованы и отправлены в камеры Новосибирского управ-

ления Народного комиссариата внутренних дел (УНКВД) для допросов и подготовки к вынесению приговоров. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 23 апреля 1936 г. часть из них была расстреляна, другие приговорены к 10 годам тюремного заключения как участники контрреволюционной вредительской организации.

В январе 1936 г. Каганович лично прибыл в Сибирь, чтобы на месте установить причины кризиса и найти остальных виновных в плохой работе транспорта. Вместе с руководителями Западно-Сибирского края Р. И. Эйхе, Ф. П. Грядинским, начальником Томской железной дороги И. Н. Мироновым и другими важными лицами он посетил ряд крупных железнодорожных узлов и станций — Чулым, Новосибирск, Усыты, Белово, Сталинск — беседовал с мастерами и рабочими, давал указания и советы.

В это же время другую часть мер по исправлению критического положения на Томской дороге секретно выполняла следственная бригада оперативных работников транспортного отдела НКВД СССР во главе с М. А. Листенгуртом и С. Г. Гендиным, присланная в Новосибирск для «помощи» Кагановичу. Бригада НКВД произвела новую серию коллективных арестов, прежде всего в аппарате управления дороги, а на станциях и участках чистой занимались местные чекисты. В результате указанных действий за решеткой оказалась значительная часть специалистов, обвиненных в шпионаже и вредительстве, — начальники различных служб в управлении дороги: Струсевич, Горшков, Житков, Медведев, Орлов, Ширяев; руководитель строительства железнодорожной линии «станция Эйхе — станция Сокур» Оберталлер; руководитель строительного треста Эйдман; руководитель экскаваторного треста Барский; руководитель производственного отдела Трипольский и целый ряд других. «Таким образом, основные командные кадры Управления дороги были в руках троцкистских шпионов, вредителей и диверсантов, — докладывал крайкому ВКП(б) начальник политотдела Ваньян. За 1936 г. из аппарата Управления арестовано НКВД и изгнано контрреволюционеров, троцкистов и классово-чуждых 77 человек» [15, л. 41]. Это составляло примерно четверть всего состава дорожного управления.

Ваньян упомянул также о разоблачении нескольких «организованных троцкистских групп» на станциях и узлах, в составе которых были инженеры, мастера, бригадиры, дежурные депо и машинисты. «Разоблачены и арестованы за вредительскую и диверсионную работу 10 начальников дистанции пути, 9 начальников вагонных участков и депо, 2 начальника отделений движения, 9 начальников станций» [15, л. 41–42].

Особое значение придавалось показательным судебным процессам. Публичные, широко освещаемые суды над «виновниками» провалов на транспорте показывали населению «корни зла» и отчетливо демонстрировали угрозы рядовым работникам. Процессы начались с февраля 1936 г. вслед за арестами на основных пунктах дороги. Об одном из них в деталях рассказывала краевая газета «Советская Сибирь». Она сообщала о шестидневной сессии военно-транспортного трибунала по делу «вредительской группы» ремонта вагонов на станции Тайга, где за год произошло 126 аварий и крушений поездов. Под судом оказалась «вредительская группа» в составе 11 человек — заместителя

начальника вагонного участка, пяти мастеров, осмотрщиков вагонов и одного инженера, — которая предпочитала не ремонтировать поврежденные вагоны, а переправлять их на соседние участки. Кроме того, эти работники «подрывали стахановское движение словом и делом» [16]. Трибунал признал действия группы саботажем и приговорил девятых к тюремному заключению на срок от трех до восьми лет; двое были оправданы [17].

Подобный процесс, но уже с участием коллегии Верховного суда СССР состоялся в апреле 1936 г. в Прокопьевске. Судили десять «вредителей-саботажников» из числа руководителей рудничного транспорта Кузбасса. Под председательством диввоенюриста Н. М. Рычкова суд в течение четырех дней выявлял участие обвиняемых в «подрывной вредительской деятельности» и завершился осуждением девяти человек к тюремному заключению на сроки от двух до восьми лет; один обвиняемый был оправдан [18–20].

В начале марта 1936 г. Каганович произвел очередную перестановку в руководстве дороги. Начальник Томской железной дороги И. Н. Миронов, требовавший от Народного комиссариата путей сообщения увеличения капитальных вложений и срочного строительства дополнительного пути от Новосибирска до станции Чулым, был снят как вредитель-предельщик, через несколько месяцев арестован и расстрелян. Его пост занял А. Л. Ваньян. Начальником политотдела стал молодой парторботник Ф. Ф. Степанов. Новые назначения активно продолжили чистку кадрового состава.

Однако борьба с «вредителями» внутри управленческого аппарата практически ничего не решала. Массовые нарушения правил и технических норм, приводившие к авариям и крушениям поездов, совершались в основном на том уровне, где суровые приказы теряли свою силу. На дороге не было элементарной исполнительской дисциплины в самом низу. Кроме того, остро не хватало квалифицированных кадров, поэтому в отчетах управления дороги этого периода положение представлялось как «близкое к хаосу». В одном из них говорилось: «Вредительские навыки очковтирательского и упрощенческого ремонта не изжиты. [...] Вредители дезорганизуют ремонт паровозов, вытаскивая больные паровозы из депо и тем самым резко ухудшая оборот паровозов... Негодных машинистов, разгильдяев, аварийщиков оставляли на паровозах, несмотря на всю их дезорганизаторскую работу, и во многих депо мы оказывались в плену у негодьяв и отъявленных мерзавцев. Оставляя негодных и неопытных машинистов на паровозах, мы еще больше ухудшали свое положение, так как, не умея ездить, они рвали поезда, растягивали и дезорганизовывали все движение...» [15, л. 49].

Весной 1937 г. заместитель начальника транспортного отдела Управления государственной безопасности НКВД Западно-Сибирского края Г. М. Вяткин сообщал в крайком ВКП(б), что «работа Томской железной дороги резко ухудшилась», недогружаются тысячи тонн угля, хлеба и леса. «Вместо возможной сдачи на соседние отделения свыше 1000 вагонов в сутки сдавалось в среднем не свыше 700–800 вагонов. [...] На дороге на 11 марта с. г. имеется брошенных 29 поездов» [15, л. 2–8].

Такая ситуация вновь вызвала острую реакцию Кагановича. Произведя устранение первых групп дорожных управленцев, он развернул нажим на краевое партийное руководство. Раз за разом он

обращался к Эйхе, звонил по телефону и посылал телеграммы, ругался и угрожал, указывая на провалы в работе Транссиба. 23 марта 1937 г. Каганович направил Эйхе очередную телеграмму, напомнив ему о его личной ответственности:

«1. Требую от Вас передать руководящим работникам дороги мой устный с Вами разговор о плохой работе как Управления дороги, так и дороги в целом. 2. В дополнение к моему устному с Вами разговору по телефону, указываю Вам, что помимо срыва погрузки угля, последствия которого должны быть ясны, Вы допустили в марте резкое ухудшение работы дороги по сравнению с февралем» [15, л. 9].

Отметив снижение оборота вагонов, погрузки угля и коммерческой скорости поездов, Каганович коснулся основных причин — безответственности исполнителей и вредительства.

«Вы не сделали для себя выводов из моей телеграммы от 13 ноября 1936 г., в которой я Вас предупреждал об угрожающей вам опасности недооценки трудностей и настроений, которые, как это сейчас совершенно ясно, получили распространение на дороге и в самом управлении дороги. Вы самоуспокоились... [...] Теперь ясно, что эта плохая работа является результатом гнилых настроений руководящих работников дороги, в том числе и начальника дороги. Я думаю, что на ухудшении работы дороги в марте месяце сказывается также злостная рука врагов, шпионов, сохранивших еще свои кадры у вас на дороге, чего вы не видите. Требую большевистского вскрытия причин отставания, и обеспечить выполнение плана погрузки и, в первую очередь, погрузки угля...» [15, л. 10].

Последовала новая фаза чистки, в которой важным фактором стали решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), объявившего о начале широкой кампании по изъятию врагов народа, вредителей и шпионов. Аресты в управлении Томской дороги, на станциях и железнодорожных узлах пошли по второму — третьему кругу. На дорожной партийной конференции летом 1937 г. руководители дороги Ваньян и Степанов докладывали о десятках разоблаченных «японо-немецко-троцкистских агентов», которые одновременно раскаивались в собственных ошибках. Ваньян, в частности, говорил: «Ровно полтора года тому назад Томскую дорогу посетил нарком тов. Л. М. Каганович, разоблачивший здесь целую банду троцкистских вредителей. Вскоре после пленума мы создали актив дороги, который всколыхнул наших товарищей. Огромную роль в этом сыграла телеграмма тов. Кагановича, в которой он обвинил руководителей дороги в гнилых настроениях. Резкой критики подверг работу дороги тов. Эйхе на пленуме крайкома. Все это помогло нам изживать настроения благодушия. За время после Пленума ЦК ВКП(б) разоблачены такие матерые враги народа, как Зуев, Воробьев, Власенко, Казадаев, Хорьков и другие» [21].

После этих слов Ваньян сделал поразительное признание, ясно указывающее на то, что организационные перестройки Кагановича и кампания террора привели к обратному результату. Он сказал: «За первое полугодие мы имеем сейчас аварий и крушений втрое больше, чем их было в самом тяжелом месяце 1936 г.».

Ваньян продержался до осени 1937 г. Углубление кризиса на Томской дороге, в конечном счете, и его привело к трагическому финалу. На партийном собрании управления, продолжавшемся три дня с участием секретаря Эйхе, он подвергся ярост-

ной критике и был исключен из партии по обвинению во враждебной деятельности [22, л. 54–56; 23, 24]. 24 сентября его арестовали и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстреляли в тот же день [25].

Начальника политотдела дороги Степанова, как «утратившего бдительность» и соучастника «преступных дел» Ваньяна, также исключили из рядов ВКП(б). Не пережив карьерного краха, 28 сентября 1937 г. он застрелился. Вместе с ним исчез и его заместитель Туров, до момента своего ареста участвовавший в многочисленных разоблачениях подчиненных. Места руководителей заняли новые назначенцы — М. И. Петров (начальник дороги), И. П. Бирюков (начальник политотдела) и ряд других.

Аресты на Томской дороге продолжались всю вторую половину 1937 г. и в 1938 г., приняв форму массового погрома. В камеры НКВД были отправлены целые группы работников различных профессий и специальностей: начальник строительства Новосибирского вокзала И. Н. Ляпин; начальник и главный инженер треста «Сибстройпуть» А. И. Кузьмин и В. А. Пуцилло; ряд специалистов строительства моста через реку Обь во главе с руководителем стройки Н. А. Бельфортом; большая группа работников и преподавателей Новосибирского института военных инженеров транспорта (НИВИТ) во главе с начальником вуза В. М. Шишковским и многие другие. Аресты производились как по подозрению во вредительстве, так и по формальным признакам: «бывшие офицеры», «враждебная национальность», «бывшие чиновники» и т. д.

По всей железнодорожной линии, на станциях и депо в этот период проводились бурные партийные собрания, на которых с резкой критикой выступавшие обвиняли друг друга в различных нарушениях, разбирали ошибки и «антипартийные поступки». Огромные размеры приобрело взаимное доноительство, служившее питательным источником для арестов.

Кампания террора на железной дороге стала исключительно политической мерой с одним лишь практическим результатом — ликвидацией мифических врагов и подозреваемых в саботаже. Никаких практических улучшений она не достигла. Как сообщалось в отчете бригады Новосибирского обкома ВКП(б) по проверке отделений дороги в декабре 1937 г., «после разоблачения троцкистских бандитов Ваньяна, Степанова, Турова новое руководство не дало развернуть программы ликвидации последствий вредительства... [...] Работа Томской дороги продолжает оставаться неудовлетворительной. Несмотря на директивы ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР от 16/XI- с.г. об улучшении работы железных дорог, Томская дорога не перестроилась и продолжает работать по старинке, простой вагонов под грузовыми операциями вместо 16 часов нормы простаивают 21,4 часа» [26, л. 1, 5].

Более полную картину реального положения дел на транспорте характеризуют следующие данные (табл. 1).

Представители одного из отделов управления дороги жаловались наркому Кагановичу на новых начальников Томской и сообщали: «За первое полугодие 1938 г. дорога имеет убыток около 30 миллионов рублей. Можно ли дальше доверять руководство людям, которые не выполняют Ваших приказов?» [27, л. 221].

Таблица 1. Динамика крушений, аварий, брака и хищений на Томской железной дороге за 1936–1940 гг.
Table 1. Dynamics of crashes, accidents, defects and thefts on the Tomsk railway during 1936–1940s

	1936	1937	1938	1939	1940
Крушения	276	318	202	142	75
Аварии	80	106	94	43	23
Случаи брака или хищений	12752 случая брака	11550 случаев брака	11999 случаев брака	1144 случая хищений	829 случаев хищений

Источник: [27, л. 170; 29, л. 148 об.]
Source: [27, sh. 170; 29, sh. 148 ob.]

Провалы отмечались не только в финансовой сфере. Улучшений не было и в производственной дисциплине, о чем докладывал другой официальный отчет в середине 1939 г.: «Трудовая дисциплина на дороге находится на низком уровне... Нарушения трудовой дисциплины проникли во все поры производственной деятельности... Совершаются коллективные прогулы, как, например, на вагонном участке депо Инская, где группа людей сознательно не выходила на работу для того, чтобы уволиться» [28, л. 71–72].

Из-за многочисленных нарушений нередко были случаи с человеческими жертвами. Только за 1939 г. в результате крушений и аварий поездов на Томской дороге погибло 45 чел., а 109 чел. получили ранения [29, л. 148–148 об.].

Отсутствие реальных производственных достижений стало основанием для новой серии расправы с «вредителями». Сменивший Ваньяна на посту начальника дороги М. И. Петров в июне 1939 г. был снят с должности «за преступную бездеятельность и отсутствие борьбы с крушениями поездов», арестован и осенью 1940 г. включен в Сталинский список для осуждения по первой категории (упрощенной процедуре), что означало неизбежную казнь [30].

Такой же финал ожидал и очередного начальника политотдела дороги И. П. Бирюкова. Этого партработника, кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, арестовали в декабре 1937 г. по сходному обвинению во вредительстве и по решению тройки НКВД расстреляли в марте 1938 г. [31].

Заключение

К началу 1939 г. кампания репрессий на транспорте, как и в стране в целом, в основном была завершена. Ее беспрецедентный характер выразился прежде всего в значительном масштабе жертв. Начавшись по инициативе Кагановича как ограниченная акция по устранению подозреваемых во вредительстве (большей частью специалистов и управленцев ключевых отделов), эта операция совпала с проведением массовой кампании 1937–1938 гг. и, в конечном счете, приобрела характер универсальной чистки. По показаниям бывшего заместителя начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю А. И. Успенского, озвученным в период реабилитации 1950-х гг., дорожно-транспортный отдел УНКВД во главе с Г. М. Вяткиным сфальсифицировал крупное дело о контрреволюционной организации на железной дороге. «В результате Вяткиным по делу антисоветской группы на Томской железной дороге было арестовано около тысячи человек» [32; 7, с. 191–192].

Чистка на Томской дороге во второй половине 1930-х гг. оказалась в Сибири одной из самых крупных карательных акций сталинских спецслужб при участии местных организаций ВКП(б). В нее были

вовлечены многие действующие лица, в том числе из состава руководителей самой железной дороги. Однако по мере развития кампании часть активных разоблачителей в итоге также превратилась в жертву террора.

В результате процесса реабилитации и публикации Книг памяти жертв политических репрессий стало известно, что бесосновательным арестам и казням подверглись работники транспорта самых различных профессий и рода деятельности: инженеры и мастера; строители новых путей и мостов; машинисты и ремонтные рабочие; дежурные на станциях и путевые обходчики... Произошла кадровая смена на многих участках и в управлении железной дороги. При этом основные производственные проблемы решены не были и продолжали оказывать негативное влияние до начала Второй мировой войны.

Список источников / References

1. Кудрявцев С. В. Массовые репрессии в Ярославской области 1937–1938 гг. (дело о «вредительстве на транспорте») // Страницы минувшего: VI Тихомировские краеведческие чтения. Ярославль, 1997. С. 161–163.
Kudryavtsev S. V. Massovyye repressii v Yaroslavskoy oblasti 1937–1938 gg. (delo o "vreditel'stve na transporte") [Mass repressions in the Yaroslavl region in 1937–1938 (the case of "wrecking on transport")]. *Stranitsy Minuvshogo: VI Tikhomirovskiyе Krayevedcheskiye Chteniya*. Yaroslavl, 1997. P. 161–163. (In Russ.).
2. Филиппов К. И. Немного о прошлом: мемуары заместителя Народного комиссара путей сообщения СССР в 1938–1942 гг., начальника многих железных дорог в период 1937–1938, 1942–1959 гг., написанные им в 1975–1980 гг. Москва: Транспорт, 1997. 108 с.
Filippov K. I. Nemnogo o proshlom: memuary zamestitelya Narodnogo komissara putey soobshcheniya SSSR v 1938–1942 gg., nachal'nika mnogikh zheleznykh dorog v period 1937–1938, 1942–1959 gg., napisannyye im v 1975–1980 gg. [About the past: memoirs of the Deputy People's Commissar of Railways of the USSR in 1938–1942, chief of many railways in the period 1937–1938, 1942–1959, written by him in 1975–1980]. Moscow, 1997. 108 p. (In Russ.).
3. Акулинин Н. А., Баулин В. А., Городецкий Е. А. [и др.]. Вековой путь на службе Отечеству. Страницы истории Западно-Сибирской железной дороги / под ред. В. И. Старостенко. Новосибирск: Издат. дом «Сибирская горница», 2001. 456 с. ISBN 5-901613-08-2.
Akulinin N. A., Baulin V. A., Gorodetskiy E. A. [et al.]. Vekovoy put' na sluzhbe otechestvu. Stranitsy istorii Zapadno-Sibirskoy zheleznoy dorogi [Century-long journey in the service of the Fatherland: Pages of the history of the West Siberian Railway] / ed. by V. I. Starostenko. Novosibirsk, 2001. 456 p. ISBN 5-901613-08-2. (In Russ.).
4. Александров Н. А., Шишкин В. И., Косенков А. Ф. [и др.]. Магистраль: Начальники железных дорог Западной Сибири, 1896–2006: ист. очерки / гл. ред. В. И. Клименко.

Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2006. 639 с. ISBN 5-8402-0235-5. EDN: UAGOKT.

Aleksandrov N. A., Shishkin V. I., Kosenkov A. F. [et al.]. *Magistral': Nachal'niki zheleznykh dorog Zapadnoy Sibiri, 1896 – 2006: ist. ocherki [Mainline: Heads of the railways of Western Siberia, 1896 – 2006: Historical essays]* / Chief ed. V. I. Klimenko. Novosibirsk, 2006. 639 p. ISBN 5-8402-0235-5. EDN: UAGOKT. (In Russ.).

5. Кодинцев А. Я. Органы транспортной юстиции СССР в 30-е годы XX в. // Транспортное право. 2007. № 4. С. 34–39. EDN: ISGSCR.

Kodintsev A. Ya. *Organy transportnoy yustitsii SSSR v 30-e gody XX v. [Transport justice bodies of the USSR in the 1930s]. Transportnoye pravo. Transportation Law. 2007. No. 4. P. 34–39. EDN: ISGSCR. (In Russ.).*

6. Шкаревский Д. Н. Проблемы изучения советской транспортной юстиции // История государства и права. 2012. № 6. С. 18–20. EDN: PBF1QT.

Shkarevskiy D. N. *Problemy izucheniya sovetsoy transportnoy yustitsii [Problems of studying Soviet transport justice]. Istoriya gosudarstva i prava. History of State and Law. 2012. No. 6. P. 18–20. EDN: PBF1QT. (In Russ.).*

7. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. Москва: РОССПЭН, 2012. 440 с. ISBN 978-5-8243-1674-2.

Parikov S. A. *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri [Ordinary terror: Stalinist policy in Siberia]. Moscow, 2012. 440 p. ISBN 978-5-8243-1674-2. (In Russ.).*

8. Лебедев А. В. Массовые политические репрессии 1937–1938 гг. на железнодорожном транспорте СССР (по материалам Ярославской железной дороги) // История в подробностях. 2015. № 8 (62). С. 64–73. EDN: VMFXLH.

Lebedev A. V. *Massovyye politicheskiye repressii 1937–1938 gg. na zheleznodorozhnom transporte SSSR (po materialam Yaroslavskoy zheleznoy dorogi) [Mass political repressions of 1937–1938 on the railway transport of the USSR (based on materials of the Yaroslavl Railway)]. Istoriya v Podrobnostyakh. 2015. No. 8 (62). P. 64–73. EDN: VMFXLH. (In Russ.).*

9. Шкаревский Д. Н. Репрессивная политика на транспорте в первой половине 1930-х гг. // Lex Russica. 2018. № 5 (138). С. 64–71. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.138.5.064-071. EDN: XPPUTB.

Shkarevskiy D. N. *Repressivnaya politika na transporte v pervoy polovine 1930-kh gg. [Repressive policy on transport in the first half of the 1930s]. Lex Russica. 2018. No. 5 (138). P. 64–71. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.138.5.064-071. EDN: XPPUTB. (In Russ.).*

10. Добровольский А. В. О характере политических репрессий в Новосибирском институте военных инженеров транспорта (НИВИТе) в предвоенные годы // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 3 (20). С. 66–76. EDN: FETQCQ.

Dobrovolskiy A. V. *O kharaktere politicheskikh repressiy v Novosibirskom institute voyennykh inzhenerov transporta (NIVITe) v predvoyennyye gody [On the nature of political repression in the Novosibirsk institute of military engineers of railway transport (NIVIT) in the prewar years]. Gumanitarnyye Problemy Voyennogo Dela. 2019. No. 3 (20). P. 66–76. EDN: FETQCQ. (In Russ.).*

11. Лебедев А. В. Северная железная дорога в период массовых политических репрессий // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 22–29. EDN: DWXUNN.

Lebedev A. V. *Severnaya zheleznyaya doroga v period massovykh politicheskikh repressiy [The severnaya railway during the period of mass political repression]. Vestnik Yaroslavsogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki. Vestnik Yaroslavsogo Gosudarstvennogo Universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Humanitarnyye Nauki. 2020. No. 4. P. 22–29. EDN: DWXUNN. (In Russ.).*

12. 寺山恭輔. 1930年代ソ連極東・シベリアの鉄道政策—体系的輸送計画の構築 // 東北アジア研究』26号 26号 (2022年), 1-31頁. DOI: 10.50974/00134013.

Terayama Kyosuke. *Railway Policy in the Soviet Far East and Siberia in the 1930s: Building a Systematic Transportation Plan. Northeast Asian Studies. 2022. No. 26. P. 1–31. DOI: 10.50974/00134013. (In Japanese).*

13. Советская Сибирь. 1935. 31 декабря.

Sovetskaya Sibir'. 1935. December 31. (In Russ.).

14. Советская Сибирь. 1936. 5 февраля.

Sovetskaya Sibir'. 1936. February 5. (In Russ.).

15. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 14. Д. 161.

Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archives of the Novosibirsk Region (SANR)]. File: П-3/14/161. (In Russ.).

16. Советская Сибирь. 1936. 21 января.

Sovetskaya Sibir'. 1936. January 21. (In Russ.).

17. Советская Сибирь. 1936. 11 февраля.

Sovetskaya Sibir'. 1936. February 11. (In Russ.).

18. Советская Сибирь. 1936. 4 апреля.

Sovetskaya Sibir'. 1936. April 4. (In Russ.).

19. Советская Сибирь. 1936. 16 апреля.

Sovetskaya Sibir'. 1936. April 16. (In Russ.).

20. Советская Сибирь. 1936. 18 апреля.

Sovetskaya Sibir'. 1936. April 18. (In Russ.).

21. Доклад начальника Томской жел. дороги тов. Ваньяна // Советская Сибирь. 1937. 5 июля.

Doklad nachal'nika Tomskoy zhel. dorogi tov. Van'yana [Report by the Head of the Tomsk Railway, Comrade Vanyan]. *Sovetskaya Sibir'. 1937. July 5. (In Russ.).*

22. ГАНО. Ф. П-155. Оп. 3. Д. 153.

GANO [SANR]. File: П-155/3/153. (In Russ.).

23. Железнодорожник Кузбасса (Новосибирск). 1937. 29 сентября.

Zheleznodorozhnik Kuzbassa (Novosibirsk). 1937. September 29. (In Russ.).

24. Железнодорожник Кузбасса (Новосибирск). 1937. 30 сентября.

Zheleznodorozhnik Kuzbassa (Novosibirsk). 1937. September 30. (In Russ.).

25. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Новосибирской области (Архив УФСБ по НСО). Д. 3598.

Arkhiv Upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti po Novosibirskoy oblasti (Arkhiv UFSB po NSO) [Archive of the Federal Security Service Directorate for Novosibirsk Oblast (Archive FSSD for NO)]. File: 3598. (In Russ.).

26. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 99.

GANO [SANR]. File: П-4/1/99. (In Russ.).

27. ГАНО. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 13.

GANO [SANR]. File: П-9/1/13. (In Russ.).

28. ГАНО. Ф. П-155. Оп. 5. Д. 38.

GANO [SANR]. File: П-155/5/38. (In Russ.).

29. ГАНО. Ф. П-229. Оп. 5. Д. 18.

GANO [SANR]. File: П-229/5/18. (In Russ.).

30. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 171. Д. 421. Л. 1. URL: <https://stalin.memo.ru/lists/list413/> (дата обращения: 15.07.2025).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. File: 17/171/421/1. URL: <https://stalin.memo.ru/lists/list413/> (accessed: 15.07. 2025). (In Russ.).

31. Открытый список. URL: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 12.07.2025).

Otkrytyy spisok [Open list]. URL: <https://ru.openlist.wiki> (accessed: 12.07.2025). (In Russ.).

32. Архив УФСБ по НСО. Д. 8437. Т. 3.

Arkhiv UFSB po NSO [Archive FSSD for NO]. File: 8437/3. (In Russ.).

ПАПКОВ Сергей Андреевич, доктор исторических наук, профессор (Россия), старший научный сотрудник сектора общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск.
SPIN-код: 8000-8688
AuthorID (РИНЦ): 76586
ORCID: 0000-0002-2541-4520
ResearcherID: ABA-5865-2021
Адрес для переписки: sparkov@ya.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 12.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

PAPKOV Sergey Andreyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher of the Socio-Political Development Sector, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.
SPIN-code: 8000-8688
AuthorID (RSCI): 76586
ORCID: 0000-0002-2541-4520
ResearcherID: ABA-5865-2021
Correspondence address: sparkov@ya.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 19.09.2025; approved after reviewing 12.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

ПРИЁМ И РАЗМЕЩЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ С ЗАПАДНОГО ФРОНТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1915–1916 гг. (НА ПРИМЕРЕ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

А. Д. Попова, Н. В. Ларин

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Россия, 390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Статья посвящена комплексному анализу проблемы приёма и размещения беженцев из западных регионов Российской империи на территории Рязанской губернии в период с 1915 по 1916 гг. В исследовании использованы документы из Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива и Государственного архива Рязанской области. Актуальность темы обусловлена недостаточной степенью её научной разработанности в историографии. Несмотря на значительный интерес к истории Первой мировой войны и связанных с ней миграционных процессов, вопросы приёма и размещения беженцев в Рязанской губернии в указанный период остаются практически неисследованными. Таким образом, задачей статьи является комплексный анализ процесса расселения беженцев на территории Рязанской губернии в контексте административных, социальных и экономических аспектов. В фокусе исследования находятся механизмы и инструменты, применяемые местными органами власти, включая губернатора; земские учреждения и городские объединения. Статья представляет собой попытку комплексного изучения одной из малоизученных страниц истории Рязанской губернии в контексте Первой мировой войны. В работе использованы методологические подходы, позволяющие провести анализ проблемы и выявить её особенности, что способствует углублению знаний о миграционных процессах и их влиянии на социально-экономическое развитие региона в условиях военного времени.

Ключевые слова: Первая мировая война, Рязанская губерния, Н. Н. Кисель-Загорянский, беженцы, приём и размещение беженцев, работа управленческих структур региона.

Для цитирования: Попова А. Д., Ларин Н. В. Приём и размещение беженцев с Западного фронта Первой мировой войны в 1915–1916 гг. (на примере Рязанской губернии) // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность.* 2026. Т. 11, № 1. С. 13–19. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-13-19. EDN: TOWFOW.

© Попова А. Д., Ларин Н. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

RECEPTION AND ACCOMMODATION OF REFUGEES FROM THE WESTERN FRONT OF THE FIRST WORLD WAR IN 1915–1916 (ON THE EXAMPLE OF THE RYAZAN PROVINCE)

A. D. Popova, N. V. Larin

Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Russia, Ryazan, Svobody St., 46, 390000

The article is devoted to a comprehensive analysis of the problem of reception and accommodation of refugees from the Western regions of the Russian Empire in the territory of the Ryazan province in the period from 1915 to 1916. The study uses documents from the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Ryazan Region. The relevance of the topic is due to the insufficient degree of its scientific elaboration in historiography. Despite considerable interest in the history of the First World War and related migration processes, the issues of reception and accommodation of refugees in the Ryazan province during this period remain virtually unexplored. This circumstance highlights the need for a special study. The article aims at a comprehensive analysis of the refugee resettlement process in the Ryazan province in the context of administrative, social and economic aspects. The research focuses on the mechanisms and tools used by local authorities, including the governor, zemstvo institutions and city associations. Thus, the study is an attempt at a comprehensive

study of one of the little-studied pages of the history of the Ryazan province in the context of the First World War. The paper uses methodological approaches to analyze the problem and identify its features, which contributes to the deepening of knowledge about migration processes and their impact on the socio-economic development of the region in wartime conditions.

Keywords: World War I, Ryazan province, N. N. Kisel-Zagoryansky, refugees, reception and accommodation of refugees, work of regional management structures.

For citation: Popova A. D., Larin N. V. Reception and accommodation of refugees from the Western front of the First World War in 1915–1916 (on the example of the Ryazan Province). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026. Vol. 11, no. 1. P. 13–19. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-13-19. EDN: TOWFOW.

© Popova A. D., Larin N. V., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Современные историки, опираясь на обширный фактологический материал и междисциплинарный анализ, рассматривают Первую мировую войну как ключевое событие начала XX в., оказавшее комплексное и многоаспектное воздействие на глобальное сообщество. В этот период ведущие мировые державы стремились разрешить свои геополитические и экономические антагонизмы посредством крупномасштабного и кровопролитного конфликта, который стал катализатором кардинальных трансформаций в международной системе и оказал разрушительное воздействие на мирное население.

Жители прифронтовых зон, столкнувшись с экзистенциальной угрозой и нарушением привычного уклада жизни, были вынуждены массово мигрировать в более удаленные и относительно безопасные районы Российской империи. Этот процесс миграции привел к возникновению феномена беженства, который имел значительные социальные и гуманитарные последствия, требующие детального изучения и анализа в контексте миграционных процессов.

В ситуации «Великого отступления» Русской армии летом 1915 г. наблюдался обширный миграционный процесс, который характеризовался масштабным перемещением беженцев в глубь Российской империи. Это явление представляло собой комплексную социально-экономическую проблему, требующую не только тщательной координации, но и стратегически обоснованного распределения потоков населения по различным административно-территориальным единицам государства. К сожалению, данный процесс не был должным образом организован и реализован властями.

В рамках миграционной политики беженцы были направлены, в том числе, в Рязанскую губернию.

Цель исследования

В рамках исследования предполагается рассмотреть институциональные механизмы, через которые осуществлялось взаимодействие с беженцами, а также выявить социокультурные и экономические факторы.

В статье проводится комплексный анализ, основанный на архивных материалах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Рязанской области (ГАРО). В исследовании представлен детальный анализ механизмов размещения и оказания помощи бежен-

цам в Рязанской губернии в период Первой мировой войны. Основное внимание акцентируется на деятельности как губернаторской администрации, так и уездных земских учреждений, которые играли ключевую роль в организации социальной поддержки беженцев.

Данная проблема отчасти затрагивалась в научной литературе такими исследователями, как О. Б. Апушкиной и Л. Г. Кривчиковой в работе 2002 г. «Польские беженцы на территории Рязанской губернии в начале XX века» [1, с. 99] (исследование посвящено польским беженцам, проживающим в Рязани в период Первой мировой войны и первых лет Советской власти); Е. А. Одеговой в статье 2016 г. «Беженцы в Рязанской губернии в годы Первой мировой войны» [2, с. 57] (исследование рассматривает проблемы, связанные с оказанием помощи беженцам, где автор опирается на результаты анализа Рязанского вестника и Епархиальных ведомостей Рязанской губернии); Е. Г. Тарабриным в статье 2010 г. «Рязанское земство и Первая мировая война» [3, с. 47] (исследование поднимает вопросы, связанные с помощью населению Земскими управами губернии в период Первой мировой войны).

Методологической основой исследования послужили исторический, микроисторический, историко-типологический, историко-структурный и ретроспективный методы анализа научной исторической информации.

Результаты

25 августа 1915 г. волна беженцев дошла и до Рязанской губернии. Всего к этому времени в Рязань прибыло 2000 чел.; им была оказана первая материальная помощь в размере 20 коп. каждому. В таком же размере эта помощь производилась всё время до устройства питательных пунктов при станции «Рязань», а также при станции «Рязск-1».

С первых чисел сентября число прибывших в губернию беженцев стало быстро увеличиваться и достигло самых больших размеров. В ноябре приток их стал ослабевать и почти затих. В начале движения вынужденных мигрантов всё внимание и заботы должны были сосредоточиться на приёме их по прибытию в губернию, на распределении их по городам и сёлам и на снабжении необходимым ежедневным продовольствием.

Законом от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев» для руководства всем делом по поддержке вынужденных мигрантов было учреждено Особое совещание под председательством

министра внутренних дел. Заведование передвижением и устройством беженцев было возложено на губернаторов. Местное же попечение о вынужденных переселенцах и их дальнейшие судьбы возлагались на земские и городские общества учреждений. Подробной инструкции для такого попечения издано не было. Эти инструкции должны были быть выработаны на местах [4, л. 33].

В первую очередь в руках губернаторов оказалась судьба тысяч беженцев, прибывавших с прифронтовых территорий в тыловые губернии. Несмотря на наличие общественных инициатив, в правительстве было единодушное убеждение, что лучше губернаторов организовать размещение беженцев не сможет никто. Между тем главы губерний зачастую не имели в своём распоряжении достаточных ресурсов для принятия большого числа беженцев. Летом 1915 г. губернаторы докладывали в МВД о невозможности справиться с возрастающим потоком вынужденных мигрантов. Наличие в числе последних значительного числа немцев и евреев влекло осложнение социальной обстановки, так как местное население относилось к ним крайне враждебно. Губернаторы действовали бессистемно, руководствуясь зачастую лишь требованиями момента [5, с. 65, 72].

Так, в Рязанской губернии губернатор Н. Н. Кисель-Загорянский от 3 сентября 1915 г. за № 260 получает прошение от Богородского уездного предводителя дворянства С. Х. Роопа. В канцелярии губернатора оно было зарегистрировано 28 сентября 1915 за вх. № 4736. С. Х. Рооп просил в связи с военными событиями найти возможность предоставить в пользование беженцев имеющиеся в распоряжении губернатора свободные усадьбы, дачи, дома, чтобы в них было отопление, домашний инвентарь, корм для скота. Ответом губернатора была простая отписка следующего содержания: «...в моём распоряжении совершенно нет свободных усадеб, дач, домов и прочих помещений, которые можно было бы предоставить в пользование землевладельцев западных губерний в связи с военными событиями своей оседлости» [6, л. 124].

В личной переписке губернатора от 15 октября 1915 г. мы находим письмо от некоего М. Преклонского, скорее всего, человека, состоящего в привилегированном сословии и имеющего классный чин. «Милостивый государь, Николай Николаевич. Моя мать только что сообщила мне о любезном посещении её частным приставом, который совершенно успокоил её от окончательного помещения беженцев в её квартире, которого она так сильно опасалась. Не нахожу слов выразить, как глубоко тронула меня Ваша отзывчивость, и я спешу принести Вашему Превосходительству самую искреннюю сердечную и горячую мою благодарность. Вместе с тем прошу Вас принять уверения в глубококом моём почтении и преданности. М. Преклонский» [6, л. 147, 147 об.].

По мере ухудшения обстановки на фронте дисбаланс между военными и гражданскими властями усиливался растущими социально-экономическими проблемами, справиться с которыми губернаторской власти было не под силу.

На совещании под председательством Н. Н. Кисель-Загорянского, которое проходило 25 августа, ещё до утверждения государем приведённого выше закона, было решено: дело призрения беженцев сосредоточить в губернской управе. Губернская управа взяла на себя задачу по организации приёма вы-

нужденных мигрантов в Рязани и просила Ряжскую уездную земскую управу сделать то же, т. к. именно через эти пункты, главным образом, был направлен приток беженцев в Рязанскую губернию. Также были сделаны необходимые распоряжения об обеспечении прибывающих на первое время продовольствием и пристанищем.

18 сентября 1915 г. управлением было создано совещание, на котором выработывались правила для дальнейших действий по обеспечению беженцев необходимой помощью. Они были обсуждены и окончательно отредактированы в совещании 19 сентября 1915 г. под председательством губернатора и служили руководством в деле попечения беженцев. На означенном совещании было определено, сколько каждый уезд может принять, а именно: Пронский — 5000 чел., Егорьевский — 7000 чел., Данковский, Зарайский, Касимовский, Михайловский, Раненбургский, Ряжский, Скопинский и Спасский — по 8000 чел. Рязанский и Сапожковский — по 9000 чел., а всего — 94000 чел. [4, л. 33 об.]. Этими нормами губернское управление и руководствовалось при распределении беженцев по уездам.

Помимо забот о приёме и распределении беженцев, назначенных в Рязанскую губернию, пришлось приложить немало усилий и к оформлению беженцев, проезжавших через станции «Рязань» и «Ряжск-1», для следования в другие губернии. Для них необходимо было организовать продовольственную и медицинскую помощь. О количестве проехавших через Рязань и Ряжск можно судить по следующим данным:

- 1) при станции «Рязань» накормлены 53301 беженец;
- 2) при станции «Ряжск-1» — около 350000 беженцев и 6870 голов скота [4, л. 33 об.].

Все прибывшие беженцы на станции «Рязань» и «Ряжск-1» подвергались поголовному медицинскому осмотру. В Рязани нуждающиеся в медицинской помощи задерживались для помещения в больницы или амбулатории губернского земства для беженцев. Слабые, дряхлые, нуждающиеся в одежде не направлялись далее, а помещались в особо арендуемые губернским земством помещения «Неаполь» (бывшей гостиницы) [4, л. 33]; бывшие «стражнические» казармы в доме Панкина, где для продовольствия беженцев были приготовлены котлы, нары и все необходимое [7, с. 72].

В сентябре 1915—январе 1916 гг. Общественно-педагогический кружок по оказанию помощи беженцам взял на себя заведование тремя домашними ночлежками: бывшими домами Симонова, Фролова; бывшими меблированными комнатами «Неаполь», в которых находились сотни беженцев, ожидавших распределение их по губернии. Под личным наблюдением одного из членов комиссии дом «Неаполь» был приспособлен для жилья. Два дома в Ямской слободе также были переданы под его опеку, общее число беженцев не превышало 100 чел. Кроме обозначенных помещений, губернским земством было приобретено для размещения беженцев три дома в Голенческой колонии [9, л. 3 об.; 4, л. 33 об.].

Скученность населения в указанных городских домах заставляла особенно тщательно следить за посещением беженцами бани. Из-за высокого процента заболеваемости больных направляли к врачу П. Б. Добреянову, который при серьёзных случаях сразу приезжал в дома для беженцев [8, с. 83—85].

С декабря 1915 г. «Неаполь» стал превращаться в постоянное общежитие для тех, которые по болезненному своему состоянию и слабости не были никуда направлены. В 1916 г. в эту богадельню были помещены инвалиды и дети при них на полном довольствии. Общежитие это было в заведывании земским управлением и управлялось Е. М. Афанасьевым. Непосредственный же надзор за ним взяла на себя в качестве попечительницы жена рязанского лесного ревизора госпожа Черкасова. Этим убежищем пользовались также те немощные беженцы, которым приходится останавливаться в Рязани при передвижении из одного уезда в другой, а также приезжающие в Рязань на короткий срок по тем или иным надобностям [9, л. 2 об.].

В революционной Рязани убежище «Неаполь» функционировало с 17 июля 1917 г. до 19 июня 1918 г. О том, что происходило в этом месте каждый день, можно только догадываться, но из документов становится ясно, что помещение было в ужасном состоянии, а персонал вёл себя неподобающе. В богадельне содержались беженцы, готовые переселиться в соседние губернии. По сведениям документов от 28 марта 1918 г. в заведении содержался 21 чел., проезжающих в Тамбовскую губернию, и 93 чел. — в Воронежскую. На 26 апреля 1918 г. список беженцев, проживаемых в «Неаполе», состоял из 33 чел. 16 июня 1918 г. помещение, в котором располагалось убежище «Неаполь», закрыто. С этого числа в нём располагалась команда охраны железной дороги и уголовной железнодорожной милиции [10, л. 4–22].

В Журнале «Совещания Председателей Земских Управ Рязанской губернии по вопросу о беженцах» от 18 сентября 1915 г. содержатся сведения о хаотичной и неорганизованной системе размещения эвакуированных людей. В контексте данного исторического периода проблема вынужденных мигрантов приобрела особую актуальность и остроту, что подтверждается анализом архивных материалов. В условиях стремительного роста численности беженцев административные органы столкнулись с отсутствием эффективных решений для их интеграции и обеспечения условий проживания.

«Осторожный председатель» [3, с. 49] (как его назвал Е. Г. Тарабрин) Рязанской губернской земской управы Владимир Фердинандович Эман довольно эмоционально высказался в отношении неорганизованности государственных структур: «До сих пор нет никаких руководящих указаний: ни о числе беженцев, ни о времени их прибытия, ни о сумме выдаваемого им пособия, ни о порядке выдач — словом, буквально нет никаких указаний» [4, л. 6]. Глава Рязанской уездной земской управы А. Д. Большаков поднимал вопрос о том, что через Рязань «проходит масса беженцев до 30 тыс. в день. Среди них масса без документов. Если расселять этих беженцев по губернии, то они заполнят всю губернию» [4, л. 5 об.]. По этой причине Рязанская уездная земская управа самостоятельно отправляла их на восток. Глава Пронской уездной земской управы Н. И. Ведерников отмечал: «Положение явно ненормальное: часть беженцев застряла в Рязани вместо Казани, и их направляют на Хрущево, но ведь им нужно ехать не в Хрущево, а в Казань» [4, л. 6].

Для оптимизации процесса распределения беженцев, прибывших в губернию, были определены транспортные узлы. При станции «Рязань-1» имелся заразный барак, на устройство и оборудование ко-

торого губернским и Рязанским земством было отпущено 10 200 руб. [4, л. 33]. Распределительные пункты беженцев, назначенные в Рязанской губернии, направляли в уезды партиями беженцев в большем количестве, чем просил прислать тот или другой уезд.

Прибывали беженцы для расселения в губернию и со скотом. Приём и распределение в таком случае были сложнее: нужно было животных накормить, обеспечить кормом для дальнейшего следования и устроить по прибытии на новое место. Данная ситуация послужила своего рода индикатором для государственных структур, отвечающих за социально-бытовое обеспечение населения. К сожалению, следует констатировать, что эти структуры не всегда были подготовлены к решению задач, связанных с оперативной организацией размещения эвакуированных граждан и их домашнего скота в условиях, обусловленных военными действиями.

Беженцев по прибытии в уезды в большинстве случаев встречала местная администрация с заранее высланными за ними подводами для развозки в предназначенные волостные поселения. Всего вынужденных переселенцев к концу ноября 1915 г. в губернии было 79972 чел. По уездам они распределялись так: Данковский — 5889; Егорьевский — 6331; Зарайский — 6817; Касимовский — 2193; Михайловский — 4421; Пронский — 4232; Раненбургский — 5447; Рязанский — 8285; Рязанский — 8475; Сапожковский — 4937; Скопинский — 5152; Спаский — 8793 [4, л. 34].

Ввиду того, что некоторые беженцы по тем или другим обстоятельствам задерживались или оставались в Рязани, то, как и нужно было ожидать, с появлением их в Рязани появилась и общественная помощь. Так Общественно-педагогическим кружком открыто Бюро труда и справок, которое давало возможность оставшимся в городе Рязани беженцам получить работу или необходимые сведения. Кружком общества взаимопомощи женщинам в Рязани была открыта бесплатная столовая, впрочем, почти вполне содержащаяся на средства губернского земства. Центральный обывательский Польский комитет всю заботу о беженцах-поляках принял на себя, взяв также расходы и заботу о материальном их положении в дальнейшем. Точно так же существовало Еврейское общество, которое принимало участие в жизни беженцев-евреев, получающих на это пособие у губернского земства в половинной стоимости — 10 коп. в день. В уездах пошли навстречу в деле призрения вынужденных переселенцев также духовенство и волостные комитеты.

Из-за большого количества обращений от беженцев, которые искали своих близких, возникла острая необходимость в быстром учёте вынужденных переселенцев. Для решения этой задачи в уездах Губернское управление направило специальные карточки, предложенные Министерством внутренних дел, под названием «Билет Б». При получении заполненных билетов администрация имела возможность вести общую регистрацию всех беженцев, осевших в губернии.

Как только наплыв вынужденных переселенцев прекратился, было обращено внимание на устройство детских приютов для сирот-беженцев. Пребывание последних обнаруживается почти в каждом уезде Рязанской губернии [11, с. 53]. Быстрое их открытие задерживалось отсутствием необходимых на это сумм. Не менее настоятельным с наступле-

нием холодов явился вопрос о снабжении детей и взрослых беженцев обувью и тёплой одеждой. В первое время в этом принимало участие местное население — устраивались сборы. Оказалось, что эти способы далеко не удовлетворяли всей нужды. Всё это вызвало необходимость в сравнительном значении денежных сумм. На основании закона от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев» деньги должны были отпускаться казной. Между тем вплоть до марта 1916 г. испытывалась их крайняя задержка на самые необходимые и неотложные нужды.

Очевидно, и размер движения беженцев, и потребности на это средства не были предварительно учтены, а потому и не были предварительно выработаны рекомендации о снабжении местных учреждений необходимыми средствами. В августе 1915 г. на Губернское управление выдано было всего 25000 руб., затем суммы получались в большем размере, но недостаточные для удовлетворения всех нужд. По этой причине Губернскому управлению приходилось прибегать к земским капиталам.

Расчёты составлялись на основании действительных данных по потребности. Управа настоятельно несколько раз просила губернатора Н. Н. Кисель-Загорянского телеграфным путём испросить ассигнование потребных сумм, но даже к началу весны 1916 г. эти просьбы не давали благоприятного результата.

В связи с крайней острой нуждой в удовлетворении потребностей беженцев и настоятельных требований Уездных управ о высылке денег Губернская управа, как уже сказано выше, вынуждена была прибегать к губернским, земским деньгам, имеющим определённое назначение. Ограниченность же последних не давала Губернской управе возможности своевременно удовлетворять требования уездов, а равно организовывать меры, которые могли бы упорядочить делоустройство беженцев, как, например, учреждение приюта для детей и стариков, а также снабжение беженцев одеждой и обувью [4, л. 34, 34 об., 35, 35 об.].

Отношение местного населения к беженцам в Рязанской губернии в период их прибытия и расселения в 1915 г. было амбивалентным, что подтверждается анализом архивного материала, журнала «Совещания Председателей земских управ Рязанской губернии по вопросу о беженцах» от 18 сентября 1915 г. Исследование данного вопроса позволяет сделать вывод о наличии как доброжелательных, так и враждебных настроений среди местного населения в отношении прибывших беженцев. При обсуждении квартирного размещения вынужденных мигрантов глава Михайловской земской уездной управы А. А. Соколов сообщал, что в Михайлове не соглашались отдавать квартиру в наем за 20 руб., отдавали за 25 руб. в месяц. Соколовым предлагалось выработать нормы и принудительные меры, т. к. «аппетиты домовладельцев разгораются все более и более» [4, л. 11].

Причину такому положению дел в своей монографии называет И. Б. Белова «В 1916 г. борьба с дороговизной стала основной темой, обсуждаемой земскими собраниями, общественными городскими управлениями, на которые приглашались представители Главного комитета Всероссийского союза городов и Всероссийского земского союза. Последние разъясняли, что причинами дороговизны являлись:

- 1) расстройство транспорта;
- 2) спекуляция;

3) недостаток продовольственных запасов, сделанных правительством, и рабочих рук;

4) отсутствие государственного контроля за деятельностью синдикатов и банков» [12, с. 72].

Председатели земских уездных управ И. И. Кульберг, Н. Н. Усов, Н. И. Ведерников (Сапожковской, Скопинской, Пронской соответственно) по-разному комментировали переселение беженцев на территорию своих уездов: «Беженцы пришли к нам голые, раздетые; дети с корью, бить их нам — это ужасно; пускай они освоятся, поживут. Сами потом разойдутся»; «Беженцы — какие-то сахарные куклы. Чем хуже их рязанские крестьяне? Пусть беженцы ищут себе работы. Иначе мы только развратим их»; «Беженец ушёл с места. Если мы дадим ему другое, а он отказывается — тогда можно лишать его пайка. Но, ведь, мы знаем, каковы бывают условия труда — даже военнопленные — и те не знают иногда, как убежать с работы. Вольные люди — те бегут без оглядки. С этим надо также считаться» [4, л. 15].

В контексте миграционных процессов и социально-экономических реалий вопрос о балансе между гуманностью и экономической ответственностью приобретал особую актуальность. Проблема условий труда и правовой защищённости вынужденных переселенцев становилась ключевым аспектом, требующим детального анализа и комплексного подхода к решению.

Беженцы воспринимались как временное явление, требующее оперативного урегулирования. Однако такой подход не учитывал долгосрочные последствия миграционных процессов для принимающего общества. Эвакуированные представляли собой не только экономическую, но и социальную проблему, требующую разработку гуманитарных и экономических аспектов.

Вопрос о размере пайка вызывал множество споров. Не на пустом месте была озвучена мысль председателя Касимовской земской уездной управы Н. А. Мансурова, который опасался, что «у беженцев и солдаток получится неравенство: беженцы вместо предложенных 2 руб. на семью на проживание получали бы 3 руб. 60 коп., а солдатки — 3 руб. 55 коп.». Мансуров предположил, что по этой причине могли начаться бунты солдатских жен. Такие инсurreкции описывала в своей работе Энгл Барбара Алперн, она же сделала вывод: «Женщины низших классов демонстрировали способность проводить коллективные действия, исходя из распространённых и усвоенных ими представлений о справедливости» [13, с. 156].

Проследить неоднозначность отношения местного к беженцам можно из срочного, совершенного секретного донесения начальника Рязанского губернского Жандармского управления от 25 октября 1915 г. № 10301 генерал-майора В. А. Бабушкина. «...Установить в точности доминирующую в населении оценку мер, принимаемых Правительством в отношении беженцев, не представляется пока возможным, так как в среде населения не установилось ещё одинаковое определённое отношение к самим беженцам; в то время как одни обвиняют Правительство в том, что оно, отпуская беженцам 20-ти копеечный паёк, плодит дармоедов, другие винят то же Правительство в недостаточности забот о беженцах, в возложении всей тяготы по их устройству на население той местности, в которую водворены. Что касается мероприятий, принимаемых как центральными, так и местными властями

к обеспечению населения жизненными продуктами, то в оценке таковых слышится везде мало скрываемый поголовный ропот и недоверие к даваемым властям разъяснением причин этого крайне опасного явления. Если не считаться с мнением кадет и левее их стоящих, то в остальной массе населения несомненно существует недружелюбное отношение к евреям, подогреваемое слухами о громадном проценте евреев-шпионов в районе военных действий и критическое отношение к расширению черты оседлости. На жизнь местного населения пока ещё не обнаруживает никакого влияния прибытие евреев из эвакуированных местностей, и явление это объясняется тем, что самое внедрение сюда еврейского населения началось с очень недавнего времени и количество внедрённых весьма незначительно...» [14, л. 10, 10 об., 11].

Выводы

Подводя итоги данного исследования, необходимо констатировать, что Рязанская губерния в период Первой мировой войны приняла на себя один из потоков беженцев с территории Западного фронта; дала приют десяткам тысяч вынужденных мигрантов, оставившим свои дома и хозяйства и бежавшим от ужаса войны. В условиях отсутствия четкого плана действий руководители региона оказались способны оценить масштабы миграционного потока. Рязанщина по подсчётам руководства могла принять большее количество вынужденных мигрантов. После того, как беженцы начали прибывать в губернию и распределяться по уездам, остро встал вопрос их материального обеспечения.

Снабжение вынужденных мигрантов минимально необходимым было затруднено, и губерния была вынуждена обращаться к земским и городским союзам. В контексте экономической нестабильности и ограниченных ресурсов беженцам приходилось размещаться в крайне некомфортных условиях, что неизбежно приводило к росту социальной напряженности. В рамках эскалации военных действий на фронте и миграционных потоков, вызванных Первой мировой войной, органы местного самоуправления, включая председателей Уездных земских управ, выражали противоречивые позиции относительно интеграции беженцев в социоэкономическое пространство региона.

Анализ отношения местного населения к беженцам в Рязанской губернии демонстрирует сложное и многогранное взаимодействие в общественной сфере. С одной стороны, беженцы рассматривались как временные переселенцы, нуждающиеся в поддержке и помощи, с другой — их присутствие воспринималось как обуза, связанная с дополнительными издержками. Это было не беспочвенно, так как разное распределение финансовой помощи могло стать катализатором социальных напряжений и даже привести к открытым конфликтам, вплоть до бунтов. Рязанцы, испытывающие трудности с обеспечением собственных потребностей, не проявляли энтузиазма по поводу появления новых жителей, воспринимая их как дополнительную нагрузку на ограниченные ресурсы.

Несмотря на усилия официальных межэтнических организаций, а также структур губернского и уездного уровней, пайковое содержание беженцев оставалось крайне низким и не соответствовало потребностям их жизнеобеспечения. Это существенно затрудняло процесс социальной и экономической адаптации беженцев, что, в свою

очередь, снижало эффективность государственной политики в области миграционного регулирования.

Таким образом, институциональная структура государственной власти не обеспечила в полной мере потребности беженцев в рамках отдельно взятой губернии. Данная ситуация свидетельствует о наличии системных недостатков в функционировании государственных механизмов, ответственных за социальную поддержку и интеграцию в местные сообщества вынужденных мигрантов.

Список источников / References

1. Апушкина О. Б., Кривчикова Л. Г. «Польские беженцы на территории Рязанской губернии в начале XX века» // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению: сб. науч. работ. / отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань: Изд-во Рязанского обл. ин-та развития образования, 2002. Т. 3. С. 99–109.*
2. Apushkina O. B., Krivchikova L. G. «Pol'skiye bezhentsy na territorii Ryazanskoy gubernii v nachale XX veka» [Polish refugees in the Ryazan province at the beginning of the twentieth century] // *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu krajevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan local history] / ed. by B. V. Gorbunov. Ryazan, 2002. Vol. 3. P. 99–109. (In Russ.).
3. Одегова Е. А. Беженцы в Рязанской губернии в годы Первой мировой войны // *Кирилло-Медовские чтения в СамГТУ: сб. материалов XII Всерос. (с междунар. участием) научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Самара, 18 мая 2016 года. Самара: Изд-во СамГУ, 2016. Вып. 4. С. 57–59. EDN: YPMLMZ.*
4. Odegova E. A. Bezhentsy v Ryazanskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [Refugees in the Ryazan province during the First World War]. Kirillo-Mefodiyeyskiye chteniya v SamGTU: sb. materialov XII Vseros. (s mezhdunar. uchastiyem) nauchnoy konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov, Samara, 18 maya 2016 goda. Cyril and Methodius Readings at Samara State Technical University: Proceedings of the 12th All-Russian (with International Participation) Scientific Conference. Samara, 2016. Issue 4. P. 57–59. EDN: YPMLMZ. (In Russ.).
5. Тарабрин Е. Г. Рязанское земство и Первая мировая война // *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2010. № 26. С. 47–53. EDN: NXOOMX.*
6. Tarabrin E. G. Ryazanskoye zemstvo i Pervaya mirovaya voyna [Ryazan Zemstvo and the First World War]. Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. The Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2010. No. 26. P. 47–53. EDN: NXOOMX. (In Russ.).
7. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 29. Оп. 395. Д. 1.
8. Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoy oblasti (GARO) [State Archives of the Ryazan Region (SARR)]. File: 29/396/1. (In Russ.).
9. Минаков А. С. Губернаторская власть в годы Первой мировой войны // *Российская история. 2014. № 5. С. 62–73. EDN: SVKKGJ.*
10. Minakov A. S. Gubernatorskaya vlast' v gody Pervoy mirovoy voyny [Governors' authority during World War 1]. Rossiyskaya istoriya. Russian History. 2014. No. 5. P. 62–73. EDN: SVKKGJ. (In Russ.).
11. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5661.
12. GARO [SARR]. File: 5/4/5661. (In Russ.).
13. Вестник Рязанского губернского земства. 1916. № 1.
14. Vestnik Ryazanskogo Gubernskogo Zemstva. 1916. No. 1. (In Russ.).
15. Годовой отчёт совета Рязанского общественно-педагогического кружка за 1915 г. Рязань: Типография Тарасова, 1916. 123 с.

Godovoy otchet soveta Ryazanskogo obshchestvenno-pedagogicheskogo kruzhka za 1915 g [Annual report of the council of the Ryazan public and pedagogical circle for 1915]. Ryazan, 1916. 123 p. (In Russ.).

9. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1322. Оп. 1. Д. 36.

Rossiyskiy Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 1322/1/36. (In Russ.).

10. ГАРО. Ф. Р–199. Оп. 1. Д. 127.

GARO [SARR]. File: Р–199/1/127. (In Russ.).

11. Ларин Н. В. «Война, как ни посмотри на неё, — всегда безумие» — организация приютов для детей беженцев в период Первой мировой войны в Рязанской губернии (по архивным материалам) // История: факты и символы. 2024. № 4 (41). С. 43–53 DOI: 10.24888/2410-4205-2024-41-4-43-53. EDN: QCZTXO.

Larin N. V. «Voyna, kak ni posmotri na neye, — vseгда bezumiye» — organizatsiya priyutov dlya detey bezhentsev v period Pervoy mirovoy voyny v Ryazanskoj gubernii (po arkhivnym materialam) [“War, no matter how you look at it, is always madness” — organization of shelters for refugee children during the first world war in the Ryazan province (based on archival materials)]. *Istoriya: fakty i simvolyy. History: Facts and Symbols*. 2024. No. 4 (41). P. 43–53. DOI: 10.24888/2410-4205-2024-41-4-43-53. EDN: QCZTXO. (In Russ.).

12. Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914–февраль 1917 г.: моногр. / под ред. Г. А. Бордюгова. Москва: АИРО-XXI, 2011. 288 с. ISBN 978-5-91022-164-6.

Belova I. B. Pervaya mirovaya voyna i rossiyskaya provintsiya. 1914–fevral’ 1917 g. [The First World War and the Russian Provinces. 1914–February 1917] / ed. by G. A. Bordyugov. Moscow, 2011. 288 p. ISBN 978-5-91022-164-6. (In Russ.).

13. Энгл Б. А. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 4, № 1. С. 148–178. EDN: RLYBKL.

Engl B. A. Ne khlebom edinyim: zhenshchiny i prodovol’stvennyye besporyadki v Pervuyu mirovuyu voynu [Not by bread alone: women and food riots in the First World War]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Pushkin Leningrad State University Journal*. 2010. Vol. 4, no. 1. P. 148–178. EDN: RLYBKL. (In Russ.).

14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 124. Д. 58. Ч. 9.

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoj Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. File: 102/124/58/9. (In Russ.).

ПОПОВА Анна Дмитриевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История России и методика обучения истории и обществознанию» Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (РГУ имени С. А. Есенина), г. Рязань. SPIN-код: 3789-7496

AuthorID (РИНЦ): 654403

ORCID: 0000-0002-9524-3886

Адрес для переписки: a.d.popova@mail.ru

ЛАРИН Николай Васильевич, соискатель кафедры «История России и методика обучения истории и обществознанию» РГУ имени С. А. Есенина, г. Рязань.

ORCID: 0009-0004-9553-6146

Адрес для переписки: niklar1991@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 11.11.2025; принята к публикации 08.12.2025.

POPOVA Anna Dmitriyevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the History of Russia and Methodology of Teaching History and Social Science Department, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan.

SPIN-code: 3789-7496

AuthorID (RSCI): 654403

ORCID: 0000-0002-9524-3886

Correspondence address: a.d.popova@mail.ru

LARIN Nikolay Vasilyevich, External doctoral candidate at the History of Russia and Methodology of Teaching History and Social Science Department, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan.

ORCID: 0009-0004-9553-6146

Correspondence address: niklar1991@mail.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 21.07.2025; approved after reviewing 11.11.2025; accepted for publication 08.12.2025.

ВЛИЯНИЕ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК АЛЕКСАНДРА II НА ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В СИБИРСКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ (СИБИРСКОЙ ВОЕННОЙ ГИМНАЗИИ)

Ю. М. Гордеев¹, А. Ю. Карпинец²

¹Кемеровское президентское кадетское училище,
Россия, 650065, г. Кемерово, пр. Притомский, 26

²Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН,
Россия, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 18

Актуальность статьи определяется необходимостью изучения исторического опыта эволюции воспитательного процесса военно-учебных заведений страны. Цель работы — определить изменения в воспитательном процессе исследуемых учреждений, произошедшие в либерально-демократическую эпоху Александра II на примере Сибирского кадетского корпуса (Сибирской военной гимназии). Задача исследования — выявить трансформацию воспитательного процесса на конкретных примерах. Главный вывод исследования: в военных гимназиях была существенно смягчена система взысканий за проступки в сравнении с кадетскими корпусами, тем не менее оставаясь военными учреждениями, гимназии сохранили корпусные традиции военной дисциплины и распорядка дня.

Ключевые слова: военная история, история подготовительного военного образования, Сибирское казачье войско, военно-учебные заведения, кадетские корпуса, военные гимназии, воспитательный процесс, Омск.

Для цитирования: Гордеев Ю. М., Карпинец А. Ю. Влияние либерально-демократических установок Александра II на воспитательный процесс в Сибирском кадетском корпусе (Сибирской военной гимназии) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 20–28. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-20-28. EDN: CPQTVH.

© Гордеев Ю. М., Карпинец А. Ю., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

INFLUENCE OF THE LIBERAL DEMOCRATIC ATTITUDES OF ALEXANDER II ON THE EDUCATIONAL PROCESS IN MILITARY SCHOOLS ON THE EXAMPLE OF THE SIBERIAN CADET CORPS (SIBERIAN MILITARY GYMNASIUM)

Yu. M. Gordeev¹, A. Yu. Karpinets²

¹Kemerovo Presidential Cadet School, Russia, Kemerovo, Pritomskiy Ave., 26, 650065

²Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry
of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Kemerovo, Sovetskiy Ave., 18, 650000

The relevance of the paper is determined by the need to study the historical experience of the evolution of the educational process of the country's military educational institutions. The purpose of the work is to determine the changes in the educational policy of military schools that occurred in the "liberal democratic era" of Alexander II on the example of the Siberian military gymnasium and give them an assessment. The objectives of the study are to reveal the regional specifics of the process with specific examples. The main conclusion of the study: in military gymnasiums, the system of penalties for misconduct is significantly softened in comparison with the cadet corps, nevertheless, remaining military institutions, the gymnasiums retained the corps traditions of military discipline and daily routine.

Keywords: military history, history of preparatory military education, Siberian Cossack Army, military educational institutions, cadet corps, military gymnasiums, educational process, Omsk.

Введение

«Сечь или не сечь...? That is the question» — задавался вопросом революционный демократ А. И. Герцен в 1857 г. Заданный им вопрос был дискуссионен в период правления Александра II, реализовавшего комплекс прогрессивных реформ. Модернисту настроенный монарх, прислушавшись к гуманистической педагогической позиции Н. И. Пирогова, склонился к мнению: «не сечь, а если и сечь, то с особой осмотрительностью и только в том случае, когда все другие предварительные меры взыскания окажутся недействительными» [1, л. 2]. Рекомендация была вынесена руководителям военно-учебных заведений страны. Конкретным претворением их в жизнь занялся военный министр Д. А. Милютин [2, с. 121].

Спустя несколько лет после преобразования кадетских корпусов в военные гимназии и училища Дмитрий Александрович посетил Берлинский кадетский корпус. Позже он вспоминал свои впечатления: «В общих чертах заведение это вполне напомнило мне наши прежние кадетские корпуса. Меня даже удивил тот строгий, суровый и резкий тон, который существует в обращении начальства с кадетами. Вообще, прусскому типу в педагогической цели я не могу сочувствовать» [3, с. 84].

Начало трансформации методических подходов к воспитательному процессу в указанных учреждениях произошло ещё ранее милютинских реформ, в 1849 г., когда наследник престола Александр Николаевич Романов был назначен начальником военно-учебных заведений страны. Уже тогда, по определению А. Н. Гребенкина, формально-репрессивная модель воспитания кадет, господствовавшая в период правления Николая I, начала меняться на метод индивидуальной воспитательной работы с ними, когда педагоги, беседуя с воспитанниками, разъясняли им неправильность их поведения и тем самым стремились предотвратить совершение проступков в будущем [4, с. 259]. Телесные наказания кадетов, практиковавшиеся ранее, были если и не отменены вовсе, то существенно ограничены.

Основная часть

С целью искоренения практики применения «профилактических» телесных наказаний к воспитанникам военно-учебных заведений 4 января 1851 г. Александр Николаевич распорядился, чтобы «первое наказание назначается только лишь в том случае, когда все другие предварительные меры взыскания окажутся недействительными» [1, л. 2]. Также было установлено правило, по которому решение о первом телесном наказании должен был принимать исключительно Воспитательный комитет учреждения.

Оценка суровости мер наказания в военно-учебном заведении отныне стала прерогативой Штаба его императорского величества по военно-учебным заведениям [5, л. 3]. Руководство штаба анализи-

ровало штрафные журналы всех военно-учебных заведений ежемесячно и в каждом, на его взгляд, неадекватном случае оценки степени тяжести наказания «не ленилось» делать соответствующие замечания начальнику учебного заведения в письменном виде [6, л. 2].

Директор учебного заведения отныне о каждом выявленном штабом случае неадекватности степени наказания содеянному воспитаннику проступку рапортовал начальнику штаба лично. Например, 21 апреля 1851 г. директор Сибирского кадетского корпуса А. М. Павловский разъяснял начальнику штаба Я. И. Ростовцеву причины наказания: «восьмью ударами розог за непрощительную шалость в классе кадет Григорьева и Суворцева».

В рапорте директора корпуса пояснялась суть «непрощительной шалости», послужившей основанием для применения к воспитанникам физических мер воспитательного воздействия. «Шалость кадет Григорьева и Суворцева состояла в том, что они во время лекции немецкого языка, послав под стол шинели, легли на них, чтобы уклониться от ответа заданного урока» [7, л. 1–3 об.]. Штаб его императорского величества по военно-учебным заведениям посчитал телесное наказание в данном случае «избыточным».

Достойны физического наказания, по мнению директора Сибирского корпуса, были одиннадцать кадет, самовольно отлучившихся из учреждения ради катания на лодке по Иртышу [8, л. 2–2 об.], и в данном случае меры телесного воздействия были вполне уместны. В июне 1854 г. розгами были наказаны подравшиеся кадеты Александр Григорьев и Николай Прутовых. Штаб посчитал телесное наказание в данном случае неуместным [9, л. 1–2 об.].

К пойманному в октябре 1854 г. со шпалгалкой на уроке при ответе у доски кадету Николаю Первухину были применены розги в количестве 6 ударов. Это наказание штаб также счёл «довольно чрезмерным и неравноценным проступку» [10, л. 2–2 об.].

Ещё один «урочный» пример. На уроке чистописания воспитанник Алексей Никольский, будучи не в силах освоить правила держания пера, раздосадованный воскликнул: «Ну, я уже и не знаю, как держать!», за что был наказан восьмью ударами розог. Начальник военно-учебных заведений и эту строгость наказания счёл в данном случае неуместной [10, л. 3–3 об.].

Единственное, что должно было пресекаться на корню и немедленно, — это дерзость воспитанников в отношении корпусных чинов. Такие случаи подлежали самому строгому взысканию [11, л. 1–2 об.]. Субординация охранялась беспрекословно. Мера взыскания в случае её нарушения рекомендовалась максимальной из возможных.

К примеру, в апреле 1851 г. воспитанники Сапожников и Прошутинский были наказаны за грубость в отношении служителя корпуса 5-дневным арестом. Начальник военно-учебных заведений Александр Николаевич, лично рассмотрев дело, ре-

комендовал в данном случае более строгое взыскание [12, л. 1–2 об.].

Другой пример, когда воспитанник Гавриил Ткаченко был лишён унтер-офицерского звания за то, что при входе ротного командира в кадетский барак не встал и отвечал на заданный ему вопрос сидя и не обернувшись к полковнику. Начальник военно-учебных заведений рекомендовал в данном случае помимо разжалования применять розги [13, л. 2–3]. Ещё один пример, когда воспитанник Семёнов, находясь в лазарете, ударил лазаретного служителя, за что был арестован на день. Штаб посчитал наказание в данном случае «слишком мягким» [10, л. 4–4 об.].

Главная воспитательная установка исследуемых учреждений, таким образом, несмотря на тенденцию смягчения взысканий за незначительные проступки, оставалась неизблема и тверда: воспитанник военно-учебного заведения — это по сути своей «христианин, вернопогоданный, русский, добрый сын, надёжный товарищ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер».

Вот качества, с которыми воспитанник военно-учебных заведений должен переходить со школьной скамьи в ряды императорских армий с чистым желанием отплатить государю за его благодеяния честной службой, честной жизнью и честной смертью, — декларировало Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений под редакцией начальника Штаба военно-учебных заведений Я. И. Ростовцева» [14, с. 2–3].

Одно из самых строгих наказаний полагалось за воровство. Например, воспитанник Василий Алексеев, уличённый в этом деянии в ноябре 1852 г., был наказан 25 ударами розог [15, л. 2]. Это был максимум телесных наказаний. Суровость взыскания определялась тем, что это был уже третий зафиксированный и доказанный случай воровства с его стороны. Это означало, что прежние, более мягкие меры воздействия, положительного действия не возымели [16, л. 1–3].

В целом, позиция А. Н. Романова относительно критериев применения «телесных взысканий» была абсолютно справедливой и достаточно прогрессивной для своего времени. Наказаний розгами заслуживали только случаи сознательно грубого неповиновения служащим заведения и воровства; детские же шалости, а также случаи юношеского незлобного эмоционального неповиновения должны были наказываться максимум карцером.

Поведение воспитанников, как и прилежание, в старших классах военно-учебных заведений оценивалось по 12-балльной шкале. В табл. 1 продемонстрирована градация баллов за поведение воспитанников Сибирского кадетского корпуса в 1856 г.

Согласно табл. 1, треть кадетского корпуса в 1856 г. имела баллы за поведение ниже среднего уровня, из-за этого количество наказаний было значительным (рис. 1). 10 % от общего числа наказаний были с применением физического воздействия [18, л. 1–3].

Всего лишь двое воспитанников, отличившихся отличным поведением в 12 баллов в 1855–1856 учебном году, были награждены: Евгений Колосов 18 лет — производством в прапорщики с зачислением в полевую конную артиллерию, а также 18-летний Фёдор Усов — производством в сотники Сибирского линейного казачьего войска. В 1856–1857 учебном году награжденных было шестеро [17,

Таблица 1. Распределение воспитанников по поведению и количество применённых к воспитанникам наказаний за 1856 г. [17, л. 60].

Table 1. Distribution of pupils by behavior and the number of punishments during 1856 [17, sh. 60].

	Оценка поведения по количеству баллов					Всего воспитанников	Количество наказаний в течение года
	Лучше среднего показателя			Хуже среднего			
	Отличное (12)	Очень хорошее (11–10)	Хорошее (9–7)	Посредственное (6–4)	Дурное (3–1)		
Роты	1	4	110	59	0	174	392
Эскадрон	1	1	35	14	0	51	131
Всего	2	5	145	73	0	225	523

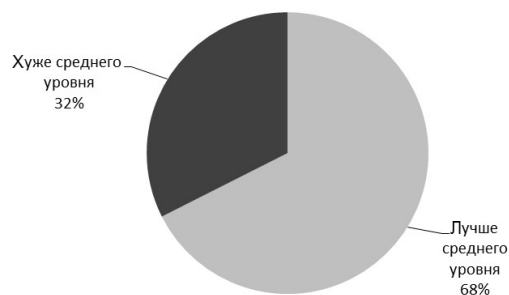

Рис. 1. Поведение кадет Сибирского корпуса по статистическим данным на 1856 г. [17, л. 60]
 Fig. 1. Behavior of the cadets of the Siberian corps according to statistics in 1856 [17, sh. 60]

л. 61 об.]. Имена отличников обучения размещались на специальных красных досках, имена двоечников — на чёрных [19, л. 56 об — 57 об.].

Несмотря на тенденцию смягчения воспитательных мер воздействия в кадетских корпусах в 1850-е гг. за незначительные нарушения дисциплины, последняя в них соблюдалась безукоризненно: при любых переходах воспитанников (из столовой залы в классы, из классов в дортюары и пр.) они соблюдали фронтный порядок, за чем унтер-офицеры и ефрейторы неукоснительно наблюдали [20, л. 48].

Тенденции гуманизации воспитательного процесса выразились в полной мере уже во второй половине 1860-х гг., со времени преобразования общеобразовательных классов кадетских корпусов в военные гимназии.

С 7 по 14 сентября 1869 г. Сибирскую военную гимназию инспектировал член Военного совета генерал-лейтенант Волков, который по свидетельству директора гимназии генерал-майора Константина Александровича Линдена «проведя инспекторский осмотр гимназии по всем частям ее управления удостоил заведение похвалами и отзывом, что нашел ведение его по всем частям правильным и добросовестным» [21, л. 56 об.]. Тем не менее протокол

инспекторского осмотра содержал ряд критических замечаний. Одно из них касалось вопроса нравственного воспитания.

«В деле нравственного образования, — констатировал факт инспектор, — начальству гимназии приходится весьма часто бороться со значительными затруднениями». Затруднения эти заключались, по его мнению, в недостаточности домашнего образования воспитанников, его словами «*дурном воспитании*». Поэтому бывали случаи воровства, проявления грубости по отношению к воспитателям, неряшливости, невнимательности на уроках.

Вместе с тем инспектор свидетельствовал, что физические взыскания применялись в самых крайних случаях, если не помогали средства убеждения. Меры наказания гимназистов были значительно смягчены сравнительно с кадетскими. К примеру, по решению педагогического комитета ученику Петрову за курение и оскорбление буфетчика был снижен балл за поведение с 6 до 5 [22, л. 77–77 об.]. Комитет решил не применять телесного наказания в силу того, что это был его первый проступок, после которого гимназист «*раскался чистосердечно*».

Другой пример: во время фронтового построения в присутствии воспитателя один из воспитанников, Сидельников, ударил другого кулаком по лицу. Учитывая, что это был не первый для гимназиста подобного рода случай, комитет «был максимально строг» и принял решение лишить виновника погон, изолировать его от воспитанников и понизить балл за поведение с 6 до 5 [23, л. 83 об. — 84]. К тому же через два дня после раскаяния Сидельникова и ходатайства за него отделения наказание с него было снято. Как тот, так и другой случаи в бытность военной гимназии кадетским корпусом заслужили бы карцера и максимального телесного наказания [24, л. 85 об.].

Таким образом, если в условиях кадетского корпуса строжайшими мерами наказания служили в основном карцер и розги, то в условиях военной гимназии — лишение погон, не карцерная изоляция от товарищей (карцер лишь в исключительных случаях) и снижение баллов за поведение. В этом плане эпоха Александра II отличалась стремлением к гуманизму общественных отношений, в том числе и в военно-учебных заведениях гимназического типа.

Нельзя не отметить, что воспитательное средство лишения погон было, на первый взгляд, гуманнее, чем розги, но несколько не менее значительное по силе воспитательного воздействия, а может быть, даже более. Процедура срезания погон — это была одна из самых болезненных и символически насыщенных дисциплинарных ритуальных мер, в какой-то мере гораздо хуже телесного наказания, предполагавшей публичное разжалование как временное исключение из воинской корпорации.

Дело в том, что погоны были не просто форменной деталью, а воплощением чести, и их лишение символически приравнивалось к «временной смерти» в военном статусе. Основанием к лишению погон служил приказ директора военной гимназии за серьезный проступок, каковым было грубое нарушение субординации, драка, воровство, систематическое неповиновение или побег. Обычно это была мера, следующая за выговорами и карцером, если таковые не приносили желаемого результата.

Процедура производилась во время общего построения с целью максимизации воспитательного эффекта для всех присутствующих. Воспитатель

или специально назначенный фельдфебель из числа старших гимназистов при всех срезал погоны с мундира провинившегося. Иногда погоны просто снимались, но акт отрыва был более символическим, подчеркивая насильственное лишение статуса. После этого кадет официально именовался «штрафованным» или «беспогонником».

На мундире, где были погоны, оставались следы — нитки, проплешины сукна или просто пустое место, что делало нравственное состояние морально здорового гимназиста почти невыносимым. К тому же лишение погон было многослойным наказанием, затрагивавшим все аспекты жизни гимназиста. Во-первых, погоны — это, прежде всего, знак принадлежности к военной касте, если можно так выразиться, к конкретному учебному заведению. Без них кадет фактически становился «никем» — ни гражданским, ни военным, а «изгоем» внутри корпоративной системы. В результате гимназист «терял лицо» перед товарищами, как старшими, так и младшими.

Во-вторых, лишению погон сопутствовал целый ряд ограничений. «Беспогонника» чаще всего отправляли принимать пищу за отдельный штрафной стол. Его товарищи по негласным правилам корпоративной этики максимально ограничивали с ним общение. Ему запрещалось покидать территорию учреждения даже в увольнительные или праздничные дни; он лишался любых почётных поручений, дежурств, права представлять гимназию на любых мероприятиях.

В-третьих, без погон воспитанник не имел права отдавать воинское приветствие. Таким образом, любое взаимодействие с офицерами и другими гимназистами становилось ритуально-унизительным: он обязан был стоять по стойке «смирно», но не мог участвовать в сакральном воинском ритуале отдания чести, поскольку был лишён её. Наконец, лишение погон являлось визуальным и мучительным напоминанием о позоре каждый раз при надевании мундира.

Морально здоровый гимназист без погон чувствовал неполноценность и клеймо, которое он носил на себе ежедневно. Карцер или телесное наказание являлись одномоментными актами и служили обстоятельством терпения для гимназиста, срезание погон — было перманентно-ежедневным моментом позора и бесчестия. Чтобы вернуть погоны, зачастую необходимо было не просто отбыть срок, который мог длиться от нескольких дней до нескольких недель, а то и месяцев, а искупить вину безупречным поведением и демонстрацией особого усердия в учебе и строевой подготовке.

Торжественным ритуалом возвращения погон являлся строевой акт, где исправившемуся гимназисту вновь пришивались погоны. Он символизировал прощение и возвращение в лоно корпорации. Таким образом, воспитательная процедура лишения погон являлась сложным психотехническим ритуалом, цель которого заключалась в том, чтобы не просто наказать, а сломить или, если можно так выразиться, «пересобрать» личность воспитанника через публичный позор и последующее очищение и восстановление. Это была своеобразная инсценировка «гражданской казни» в миниатюре, призванная «вытравить» своеволие и, в конечном счете, укрепить корпоративную дисциплину через страх, стыд и надежду на милость.

Как и прежде, суровому наказанию подвергались явления воровства. Например, 23 августа

1875 г. воспитанник первого отделения 2-го класса Александр Тихановский после обеда через решётку наружного забора купил у проходящего мимо булочника булку, расплатившись за неё казённым носовым платком. Воспитанник того же класса Иннокентий Попов увидел этот поступок, но не донёс о нём воспитателю.

Члены педагогического комитета квалифицировали поступок первого гимназиста как «воровство в самом безотрадном виде», второго — как содействие преступлению и предлагали отчислить обоих. Учитывая их младший возраст и «чистосердечное раскаяние», было решено применить к первому самую строгую меру наказания — временное лишение погон и отделение от общества, ко второму — строгий выговор с занесением сведений о пособничестве воровству в аттестационную тетрадь [25, л. 81 — 82].

Крайним видом наказания служило отчисление из учреждения, чаще всего, с возможностью перевода в аналогичное учебное заведение или отправки в специализированную четырёхгодичную гимназию в Вольске [26, л. 12 об. — 14 об.]. 14 апреля 1869 г., к примеру, педагогический комитет гимназии принял решение об отчислении воспитанника Скуратова за «нестерпимый в благоустроенном заведении проступок». Заключался он в том, что воспитанник отказался читать молитву, не откликнулся на призыв воспитателя, а, откликнувшись на второй призыв, «отвечал дерзко и к молитве так и не приступил». Учитывая, что случай неповиновения и дерзости воспитанника был не первым, комитет принял решение об исключении Скуратова из гимназии [27, л. 52 об. — 53 об.].

Гимназия, по учебной программе соотнесённая с гражданскими учебными заведениями, всё же являлась учреждением в составе военного министерства. В связи с этим дисциплина в ней соблюдалась неукоснительно и, как и прежде, не допускалось нарушение субординации. На вопрос дисциплины обращали нисколько не меньшее внимание, чем на вопрос обучения.

К примеру, двое суток карцера воспитанник 6-го класса «заработал» за то, что читал на уроке книгу, а замечание учителя, обращённое к нему, проигнорировал, ответив, не встав, что урок он и без него знает [28, л. 10 — 10 об.]. Гимназист старшего возраста схлопотал сутки карцера на воде и хлебе за то, что ударил в грудь служителя, отказавшегося поздним вечером идти в лавку и покупать ему орехи [29, л. 82 об. — 83].

Аналогичный уровень дисциплины поддерживался и вне стен учебного заведения. Даже в каникулярное время гимназисты должны были быть одеты в форменные отпускные полукафтаны и летние брюки с поясом и бляхой на нём, на голове — кеши; при непогоде необходимо было надевать плащ. Также воспитанники обязаны были неукоснительно соблюдать правила отдания чести и вне учреждения [30, л. 2 об. — 3].

Воспитанникам во время каникул запрещалась верховая езда по улицам города; разрешалась только за городом и в присутствии сопровождающих взрослых [31, л. 12 — 12 об.]. За неисполнение указанных требований ученики приводились в гимназию, где подлежали строгому взысканию.

Тем более строгими правилами регулировалась жизнедеятельность гимназистов в классах и вне классов. Согласно «Правилам внеклассного порядка для воспитанников Сибирской военной гимназии»

за 1875 г. утром по звонку колокольчика, которым дежурный дневальный, проходя по спальным комнатам, оповещал подъём, воспитанники вставали.

Надев нижнее бельё и сапоги, заправляли постель и, взяв мыло и полотенце, шли в умывальную, где чистили сапоги и умывались, вытирались, причёсывались. Почистив и надев форму, по команде строились, выровнявшись в шеренгах в рекреационном зале на молитву.

Дежурные воспитанники, став на правые фланги своих отделений, командовали им «смирно». В результате все движения и разговоры прекращались. В полной тишине дежурный воспитанник читал молитвы. После этого на предмет внешнего вида строй осматривал дежурный воспитатель и, если находил воспитанников в порядке, командовал передвижение в столовую в строю и в тишине. Таким же образом осуществлялись все переходы.

В прихожей столового флигеля воспитанники снимали шапки и вешали их на вешалку, снимали плащи и размещали их на скамейках. Став за столами перед приборами, воспитанники по команде «на молитву» поворачивались к иконе, и дежурный воспитанник читал молитву. По команде «садись» принимали пищу. Разговоры допускались вполголоса, развлекаться на столах и облакачиваться запрещалось.

На завтрак подавали булки с молоком или чаем. Обо всех недостатках стола полагалось докладывать дежурному воспитателю, не вступая в переговоры с прислугой. По указанию воспитателя о завершении завтрака воспитанники прекращали разговоры и вставали, дежурный читал молитву.

Далее воспитанники кланялись воспитателям, одевались, строились и по команде «марш» строем расходились по классам. Войдя в прихожую классов, снимали шапки, а войдя в классные комнаты — плащи. Шапки размещали в ящиках своих столов, а плащи — на вешалках. Затем вынимали из шкафа, имевшегося в каждом классном отделении, всё необходимое для уроков и рассаживались по местам для классных занятий.

С окончанием последнего урока перед большой переменной гимназисты убирали книги и тетради в шкафы, надев плащи и взяв шапки, строились в своих отделениях правым флангом по направлению к дверям и следовали по команде дежурных воспитателей в возрастные помещения и так далее, вплоть до сна [32, л. 49 об. — 55 об.]. Каждое действие вне личного времени воспитанников было отточено и доведено до автоматизма.

Весь день учащихся, каждое событие дня и мельчайшая его деталь, кроме досуга, были строго регламентированы. Каждое действие — по команде, любое передвижение — строем, всякое событие начиналось и заканчивалось неизменной молитвой. Нормированность и распорядок, стройность и чёткость, беспрекословное подчинение установленным регламентам и правилам даже в самых мельчайших явлениях — вот главные характеристики повседневного быта воспитанников военных гимназий в отличие от гражданских.

Несмотря на то, что специальная строевая подготовка и разделение воспитанников на роту и эскадрон в военных гимназиях были отменены, тем не менее дисциплине строя уделялось значительное внимание [33, с. 79]. Каждый переход воспитанников из классов в столовую и обратно — из классов в спальную — должен был быть по сути строевым, без разговоров и в полном порядке [34, л. 82].

В конечном итоге главной целью военных гимназий была подготовка воспитанников к их поступлению в военные училища, прежде являвшиеся специальными классами бывших кадетских корпусов [35, л. 82 об.]. Учебная программа военных гимназий была приведена в соответствие с гражданскими учебными заведениями. Специфика военно-учебных заведений, связанная с соблюдением субординации, дисциплины и распорядка дня была сохранена.

Не менее значимым признавалось воспитание в гимназистах хороших манер. При встрече со служащими их учили кланяться «*развязно и ловко*», при разговоре — не расставлять ноги и не закладывать руки за спину, быть внимательными к своей одежде, не выпускать наружу воротники рубаш; во время принятия пищи — не класть локти на стол, не пачкать скатерть, не разбрасывать хлеб; вполголоса разговаривать на переменах в классах, будучи вызванными к доске стоять «*прилично*», на уроках быть внимательными к объяснениям преподавателей и «*вообще быть благовоспитанными молодыми людьми*» [36, с. 46]. С целью культурного просвещения наиболее выдающихся и склонных к музицированию и пению воспитанников водили в театр и концертный клуб [37, л. 20 об. — 22; 38, л. 35 — 35 об.; 39, л. 39 об.].

Заключение

Гуманность взглядов императора Александра II проявилась во всех его реформах: крестьянской, судебной, военной и других. В позиции воспитательного процесса в военно-учебных заведениях он разделял мнение Н. И. Пирогова, ратовавшего за отмену физических наказаний в них, особенно в военно-учебных учреждениях подготовительного характера.

По инициативе военного министра Д. А. Милютина, военно-учебные заведения в виде кадетских корпусов были разделены на две части: общеобразовательные классы корпусов обращались в военные гимназии, специальные — в военные училища. Гимназисты-выпускники могли как поступать в военные училища, так и определяться на военную или гражданскую службу.

Система наказаний воспитанников гимназий значительно гуманизировалась, но дисциплина подерживалась военной.

С 1849 г., когда наследник престола занял должность начальника военно-учебных заведений, началась кропотливая работа по гуманизации системы воздействия на провинившихся воспитанников. Соответствующая работа была на личном контроле будущего императора, который сам просматривал делопроизводственные документы в виде штрафных журналов и выносил рекомендации о строгости применения наказаний в каждом из случаев, с которыми он был не согласен. Впоследствии он делегировал эту деятельность начальнику Штаба военно-учебных заведений Я. И. Ростовцеву.

В целом, новая, прогрессивная для своего времени позиция заключалась в следующем: классно-урочные нарушения дисциплины не должны были наказываться телесно, но нарушения субординации, также случаи неповиновения начальству и воровства обязаны были строго пресекаться, в том числе и физическими мерами воздействия, тем более если мягкая сила должного влияния не оказывала. Другими словами, за списывание на уроках отныне не порол, но за грубость, проявленную в отношении

служащего гимназии, допускались и меры телесного воздействия.

В этой связи детальной градации подлежали нефизические средства воздействия на воспитанников, такие как беседа и внушение, замечание и выговор. Также действенным методом воздействия служило сокращение балла за поведение, что отражалось в выпускном аттестате. В нём фиксировалось и постыдное мероприятие временного лишения гимназиста погон. Последнее было особенно действенным воспитательным средством. Если совокупность указанных методик не приносила успеха и не способствовала исправлению учащегося, он исключался из заведения с возможностью перевода в другое военно-учебное заведение или в специальную гимназию в Вольске.

Несмотря на смягчение мер наказания, строевая дисциплина в военных гимназиях соблюдалась неукоснительно.

Каждая деталь в повседневной жизни воспитанников, за исключением личного времени, строго регламентировалась и подчинялась установленному распорядку, что способствовало безболезненному процессу перехода учащихся из гимназий в военные училища, где требования военной дисциплины соблюдались безукоризненно.

Финансирование / Funding

Работа выполнена в рамках государственного задания Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН по теме «Основные тенденции хозяйственного освоения территории Кузбасса в XVII–XX вв.» (№ гос. регистрации 1023032300036-3-6.1.1).

The work is carried out within the framework of the state task of Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences on the theme "Main trends in economic development of the territory of Kuzbass in the 17–20th century" (State registration no. 1023032300036-3-6.1.1).

Список источников / References

1. Штаб его императорского высочества главного начальника военно-учебных заведений в Сибирский кадетский корпус. Секретно. 4 января 1851 г. // Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 38.
Shtab ego imperatorskogo vysochestva glavnogo nachal'nika voyenno-uchebnykh zavedeniy v Sibirskiy kadetskiy korpus. Sekretno. 4 yanvarya 1851 g. [Headquarters of his Imperial Highness the Chief of Military educational institutions to the Siberian Cadet Corps. Confidentially. January 4, 1851]. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO). Historical Archive of Omsk Oblast (HAOR). File: 19/1/38. (In Russ.).
2. Ромашина Е. Ю. Военные гимназии России: опыт интеграции классического и реального подходов к среднему образованию (1863–1882) // Интеграция образования. 2005. № 3 (40). С. 119–122. EDN: KGBUTX.
Romashina E. Yu. Voyennyye gimnazii Rossii: opyt integratsii klassicheskogo i real'nogo podkhodov k srednemu obrazovaniyu (1863–1882) [Russian military schools as an attempt of integrating classic and realistic approaches to secondary education (1863–1882)]. Integratsiya obrazovaniya. *Integration of Education*. 2005. No. 3 (40). P. 119–122. EDN: KGBUTX. (In Russ.).
3. Шевченко П. В. Средние военно-учебные заведения России первой половины XIX в. глазами их воспитанников // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2019. Вып. 89. С. 83–96. DOI: 10.15382/sturII201989.83-96. EDN: XTJOYO.

Shevchenko P. V. Sredniye voyenno-uchebnyye zavedeniya Rossii pervoy poloviny XIX v. glazami ikh vospitannikov [Secondary military schools of Russia in the first half of the 19th century through the eyes of their alumni]. Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya RPTs. St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History. 2019. Issue 89. P. 83–96. DOI: 10.15382/sturII201989.83-96. EDN: XTJOYO. (In Russ.).

4. Гребенкин А. Н. Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса (2-я половина XVII – начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Орел, 2017. EDN: UTJANH. 576 с.

Grebenkin A. N. Voyenno-kul'turnyye traditsii podgotovki russkogo ofitser'skogo korpusa (2-ya polovina XVII – nachalo XX v.) [Military-cultural traditions in the training of the Russian Officer Corps (second half of the 17th – early 20th century)]. Orel, 2017. EDN: UTJANH. 576 p. (In Russ.).

5. Циркуляр по военно-учебным заведениям 12 декабря 1851 г. Секретно // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 52.

Tsirkulyar po voyenno-uchebnym zavedeniyam 12 dekabrya 1851 g. Sekretno [Circular by military educational institutions, December 12, 1851. Confidentially] // ИАОО [HAOR]. File: 19/1/52. (In Russ.).

6. Делопроизводственное письмо помощника начальника генерального штаба его императорского величества по военно-учебным заведениям директору Сибирского кадетского корпуса 21 августа 1857 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 88.

Deloproizvodstvennoye pis'mo pomoshchnika nachal'nika general'nogo shtaba EIV po voyenno-uchebnym zavedeniyam direktoru Sibirskogo kadetskogo korpusa 21 avgusta 1857 g. [Official letter from the Assistant Chief of staff of his Imperial Majesty's Military Educational Institutions to the Director of the Siberian Cadet Corps, August 21, 1857]. ИАОО [HAOR]. File: 19/1/88. (In Russ.).

7. ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 30.

ИАОО [HAOR]. File: 19/1/30. (In Russ.).

8. Делопроизводственное письмо Штаба его императорского высочества главного начальника военно-учебных заведений директору Сибирского кадетского корпуса 14 августа 1854 г. Секретно // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 59.

Deloproizvodstvennoye pis'mo Shtaba ego imperatorskogo vysochestva glavnogo nachal'nika voyenno-uchebnykh zavedeniy direktoru Sibirskogo kadetskogo korpusa 14 avgusta 1854 g. Sekretno [Confidential correspondence from the office of his Imperial Highness, the Chief Inspector of Military Schools, to the Director of the Siberian Cadet Corps, August 14, 1854. Confidentially]. ИАОО [HAOR]. File: 19/1/59. (In Russ.).

9. Делопроизводственное письмо Штаба его императорского высочества главного начальника военно-учебных заведений директору Сибирского кадетского корпуса 12 декабря 1851 г. Секретно // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 46.

Deloproizvodstvennoye pis'mo Shtaba ego imperatorskogo vysochestva glavnogo nachal'nika voyenno-uchebnykh zavedeniy direktoru Sibirskogo kadetskogo korpusa 12 dekabrya 1851 g. Sekretno [Confidential correspondence from the office of his Imperial Highness, the Chief Inspector of Military Schools, to the Director of the Siberian Cadet Corps, December 12, 1851. Confidentially]. ИАОО [HAOR]. File: 19/1/46. (In Russ.).

10. Делопроизводственное письмо Штаба его императорского высочества главного начальника военно-учебных заведений директору Сибирского кадетского корпуса 31 декабря 1854 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 62.

Deloproizvodstvennoye pis'mo Shtaba ego imperatorskogo vysochestva glavnogo nachal'nika voyenno-uchebnykh zavedeniy direktoru Sibirskogo kadetskogo korpusa 31 dekabrya 1854 g. [Confidential correspondence from the office of his Imperial Highness, the Chief Inspector of Military Schools, to the Director of the Siberian Cadet Corps, December 31, 1854. Confidentially]. ИАОО [HAOR]. File: 19/1/62. (In Russ.).

11. Делопроизводственное письмо Штаба его императорского высочества главного начальника военно-учебных заве-

дений директору Сибирского кадетского корпуса 10 ноября 1851 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 44.

Deloproizvodstvennoye pis'mo Shtaba ego imperatorskogo vysochestva glavnogo nachal'nika voyenno-uchebnykh zavedeniy direktoru Sibirskogo kadetskogo korpusa 10 noyabrya 1851 g. [Confidential correspondence from the office of his Imperial Highness, the Chief Inspector of Military Schools, to the Director of the Siberian Cadet Corps, November 10, 1851. Confidentially]. ИАОО [HAOR]. File: 19/1/44. (In Russ.).

12. Делопроизводственное письмо Штаба его императорского высочества главного начальника военно-учебных заведений директору Сибирского кадетского корпуса 28 июня 1852 г. Секретно // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 49.

Deloproizvodstvennoye pis'mo Shtaba ego imperatorskogo vysochestva glavnogo nachal'nika voyenno-uchebnykh zavedeniy direktoru Sibirskogo kadetskogo korpusa 28 iyunya 1852 g. [Confidential correspondence from the office of his Imperial Highness, the Chief Inspector of Military Schools, to the Director of the Siberian Cadet Corps, June 28, 1852. Confidentially]. ИАОО [HAOR]. File: 19/1/49. (In Russ.).

13. Делопроизводственное письмо Штаба его императорского высочества главного начальника военно-учебных заведений директору Сибирского кадетского корпуса 8 октября 1853 г. Секретно // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 56.

Deloproizvodstvennoye pis'mo Shtaba ego imperatorskogo vysochestva glavnogo nachal'nika voyenno-uchebnykh zavedeniy direktoru Sibirskogo kadetskogo korpusa 8 oktyabrya 1853 g. [Confidential correspondence from the office of His Imperial Highness, the Chief Inspector of Military Schools, to the Director of the Siberian Cadet Corps, October 8, 1853. Confidentially]. ИАОО [HAOR]. File: 19/1/56. (In Russ.).

14. Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений под редакцией начальника Штаба военно-учебных заведений Я. И. Ростовцева. 24 декабря 1848 г. Санкт-Петербург: Тип. военно-учебных заведений, 1849. 185 с.

Nastavleniye dlya obrazovaniya vospitannikov voyenno-uchebnykh zavedeniy pod redaksiyey nachal'nika Shtaba voyenno-uchebnykh zavedeniy Ya. I. Rostovtseva. 24 dekabrya 1848 g. [Instruction for the education of Cadets of Military Educational Institutions, edited by the Chief of Staff of Military Educational Institutions, Ya. I. Rostovtsev. December 24, 1848]. Saint Petersburg, 1849. 185 p. (In Russ.).

15. Циркуляр по военно-учебным заведениям 4 января 1853 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 58.

Tsirkulyar po voyenno-uchebnym zavedeniyam 4 yanvarya 1853 g. [Circular by military educational institutions, January 4, 1853]. ИАОО [HAOR]. File: 19/1/58. (In Russ.).

16. ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 57.

ИАОО [HAOR]. File: 19/1/57. (In Russ.).

17. Ведомость о поведении воспитанников и количестве наказаний за 1855/56 уч. г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 75.

Vedomost' o povedenii vospitannikov i kolichestve nakazaniy za 1855/56 uch.g. [Record of student conduct and number of punishments for the 1855/56 academic year]. ИАОО [HAOR]. File: 19/1/75. (In Russ.).

18. Ведомость о числе телесных взысканий в военно-учебных заведениях за 1854 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 67.

Vedomost' o chisle telesnykh vzyksaniy v voyenno-uchebnykh zavedeniyakh za 1854 g. [Report on the number of corporal punishments in military educational institutions for 1854]. ИАОО [HAOR]. File: 19/1/67. (In Russ.).

19. Приказ директора Сибирского кадетского корпуса 5 апреля 1857 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 83.

Prikaz direktora Sibirskogo kadetskogo korpusa 5 aprelya 1857 g. [Order of the Director of the Siberian Cadet Corps, April 5, 1857]. ИАОО [HAOR]. File: 19/1/83. (In Russ.).

20. Приказ по войскам Омского гарнизона 17 марта 1857 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 83.

- Prikaz po voyskam Omskogo garnizona 17 marta 1857 g. [Order to the troops of the Omsk garrison, March 17, 1857]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/83. (In Russ.).
21. Приказ директора Сибирской военной гимназии К. А. Линдена 15 сентября 1869 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 152.
- Prikaz direktora Sibirskoy voyennoy gimnazii K. A. Lindena 15 sentyabrya 1869 g. [Order of the Director of the Siberian military gymnasium, K. A. Linden, September 15, 1869]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/152. (In Russ.).
22. Приказ директора Сибирской военной гимназии 11 октября 1872 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 165.
- Prikaz direktora Sibirskoy voyennoy gimnazii 11 oktyabrya 1872 g. [Order of the Director of the Siberian military gymnasium, October 11, 1872]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/165. (In Russ.).
23. Приказ директора Сибирской военной гимназии 27 октября 1872 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 165.
- Prikaz direktora Sibirskoy voyennoy gimnazii 27 oktyabrya 1872 g. [Order of the Director of the Siberian military gymnasium, October 27, 1872]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/165. (In Russ.).
24. Приказ директора Сибирской военной гимназии 29 октября 1872 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 165.
- Prikaz direktora Sibirskoy voyennoy gimnazii 29 oktyabrya 1872 g. [Order of the Director of the Siberian military gymnasium, October 29, 1872]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/165. (In Russ.).
25. Приказ директора Сибирской военной гимназии 26 августа 1875 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 174.
- Prikaz direktora Sibirskoy voyennoy gimnazii 26 avgusta 1875 g. [Order of the Director of the Siberian military gymnasium, August 26, 1875]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/174. (In Russ.).
26. Протокол инспекторского осмотра Сибирской военной гимназии членом Военного совета генерал-лейтенантом Волковым с 7 по 14 сентября 1869 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154.
- Protokol inspektorskogo osmotra Sibirskoy voyennoy gimnazii chlenom Voennogo sojeta general-leytenantom Volkovym s 7 po 14 sentyabrya 1869 g. [Protocol of the inspection visit to the Siberian military gymnasium by Lieutenant General Volkov, Member of the Military Council, September 7–14, 1869]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/154. (In Russ.).
27. Приказ директора Сибирской военной гимназии 15 апреля 1869 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 153.
- Prikaz direktora Sibirskoy voyennoy gimnazii 15 aprelya 1869 g. [Order of the Director of the Siberian military gymnasium, April 15, 1869]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/153. (In Russ.).
28. Приказ директора Сибирской военной гимназии 10 января 1872 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 166.
- Prikaz direktora Sibirskoy voyennoy gimnazii 10 yanvarya 1872 g. [Order of the Director of the Siberian military gymnasium, January 10, 1872]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/166. (In Russ.).
29. Приказ директора Сибирской военной гимназии 2 сентября 1875 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 174.
- Prikaz direktora Sibirskoy voyennoy gimnazii 2 sentyabrya 1875 g. [Order of the Director of the Siberian military gymnasium, September 10, 1875]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/174. (In Russ.).
30. Приказ директора Сибирской военной гимназии 2 июля 1874 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 173.
- Prikaz direktora Sibirskoy voyennoy gimnazii 2 iyulya 1874 g. [Order of the Director of the Siberian military gymnasium, July 2, 1874]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/173. (In Russ.).
31. Приказ директора Сибирской военной гимназии 19 июля 1874 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 173.
- Prikaz direktora Sibirskoy voyennoy gimnazii 19 iyulya 1874 g. [Order of the Director of the Siberian military gymnasium, July 19, 1874]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/173. (In Russ.).
32. Правила внеклассного порядка для воспитанников Сибирской военной гимназии // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 174.
- Pravila vneklassnogo poryadka dlya vospitannikov Sibirskoy voyennoy gimnazii [Siberian military gymnasium: Rules of extracurricular conduct for Cadets]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/174. (In Russ.).
33. Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. Москва: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева и К^о, 1915. 450 с.
- Kratkiy istoricheskiy ocherk Pervogo Sibirskogo imperatora Aleksandra I kadetskogo korpusa. 1813–1913 [Brief historical sketch of the first Siberian Cadet Corps of Emperor Alexander I]. Moscow, 1915. 450 p. (In Russ.).
34. Приказ инспектора классов заведующего Сибирской военной гимназией 9 января 1875 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 174.
- Prikaz inspektora klassov zaveduyushchego Sibirskoy voyennoy gimnaziyei 9 yanvarya 1875 g. [Order of the Inspector of classes, Head of the Siberian military gymnasium, January 9, 1875]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/174. (In Russ.).
35. Приказ директора Сибирской военной гимназии 29 августа 1875 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 174.
- Prikaz inspektora klassov zaveduyushchego Sibirskoy voyennoy gimnaziyei 29 avgusta 1875 g. [Order of the Inspector of classes, Head of the Siberian military gymnasium, August 29, 1875]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/174. (In Russ.).
36. Омский кадетский корпус: 200 лет на службе Отечеству / под ред. В. Р. Басаева. Омск: Русь, 2013. 284 с.
- Omskiy kadetskiy korpus: 200 let na sluzhbe Otechestvu [Omsk Cadet Corps: 200 years of service to the Fatherland] / ed. by V. R. Basayev. Omsk, 2013. 284 p. (In Russ.).
37. Приказ директора Сибирской военной гимназии 6 ноября 1874 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 174.
- Prikaz inspektora klassov zaveduyushchego Sibirskoy voyennoy gimnaziyei 6 noyabrya 1874 g. [Order of the Inspector of classes, Head of the Siberian military gymnasium, November 6, 1874]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/174. (In Russ.).
38. Приказ инспектора классов заведующего Сибирской военной гимназией 5 февраля 1875 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 174.
- Prikaz inspektora klassov zaveduyushchego Sibirskoy voyennoy gimnaziyei 5 fevralya 1875 g. [Order of the Inspector of Classes, Head of the Siberian Military Gymnasium, dated February 5, 1875] // IAOO [HAOR]. File: 19/1/174. (In Russ.).
39. Приказ инспектора классов заведующего Сибирской военной гимназией 1 апреля 1875 г. // ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 174.
- Prikaz inspektora klassov zaveduyushchego Sibirskoy voyennoy gimnaziyei 1 aprelya 1875 g. [Order of the Inspector of classes, Head of the Siberian military gymnasium, April 5, 1875]. IAOO [HAOR]. File: 19/1/174. (In Russ.).

ГОРДЕЕВ Юрий Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент (Россия), начальник Кемеровского президентского кадетского училища, г. Кемерово.

SPIN-код: 5305-5756

AuthorID (РИНЦ): 1237437

ORCID: 0009-0004-2838-0866

ResearcherID: AAY-5405-2021

Адрес для переписки: naukarpinets@mail.ru

КАРПИНЕЦ Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, г. Кемерово; доцент кафедры истории России Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.

SPIN-код: 8914-8710

AuthorID (РИНЦ): 165368

ORCID: 0000-0002-1711-9732
ResearcherID: AAY-5405-2021

Адрес для переписки: naukarpinets@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 30.12.2025.

GORDEEV Yuriy Mikhailovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Kemerovo Presidential Cadet School, Kemerovo.

SPIN-code: 5305-5756

AuthorID (RSCI): 1237437

ORCID: 0009-0004-2838-0866

ResearcherID: AAY-5405-2021

Correspondence address: naukarpinets@mail.ru

KARPINETS Alexey Yuryevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Researcher at the History of Southern Siberia Laboratory, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo; Associate Professor of the Russian History Department, Kemerovo State University, Kemerovo.

SPIN-code: 8914-8710

AuthorID (RSCI): 165368

ORCID: 0000-0002-1711-9732

ResearcherID: AAY-5405-2021

Correspondence address: naukarpinets@mail.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 11.06.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

«НА ВСЕ НАПАДКИ Я НЕ ВОЗРАЖАЮ, А ОБХОЖУ ИХ БРЕЗГЛИВО МОЛЧАНИЕМ»: БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВОЖДИЗМ В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В МАРТЕ—ИЮНЕ 1917 г.

М. Е. Разиньков

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова,
Россия, 394087, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8

Статья посвящена характеристике политического лидерства на начальных этапах революции 1917 г. в Центральном Черноземье. Данная проблема не получила должного освещения в историографии и рассматривается на основе комплекса сведений: опубликованных материалов; исследований об отдельных лидерах; неопубликованных документов из фондов Государственных архивов Воронежской, Орловской и Липецкой областей. Теоретической основой исследования стало сочетание институционального и историко-антропологического подходов с проблемно-хронологическим и биографическим методами. Сделан вывод о том, что, несмотря на претензии лидеров контролировать политику, говорить о наличии общепризнанных региональных вождей революции невозможно: состав лидеров быстро менялся, а между ними стали возникать серьезные противоречия.

Ключевые слова: политическая история, политическая культура, политическое лидерство, историческая имагология, Российская революция, вождизм, Центральное Черноземье.

Для цитирования: Разиньков М. Е. «На все нападки я не возражаю, а обхожу их брезгливо молчанием»: борьба за политический вождизм в губерниях Центрального Черноземья в марте—июне 1917 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 29—37. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-29-37. EDN: MNNWRS.

© Разиньков М. Е., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

“I DO NOT OBJECT TO ALL THE ATTACKS, BUT RATHER PASS THEM BY IN DISGUSTED SILENCE”: THE STRUGGLE FOR POLITICAL LEADERSHIP IN THE PROVINCES OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN MARCH JUNE 1917

M. E. Razinkov

Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov,
Russia, Voronezh, Timiryazeva St., 8, 394087

Political leadership in the provinces of the Central Black Earth Region at the beginning of the 1917 Revolution has not received due comprehensive coverage in historiography. As a result of the conducted research, it is concluded that, despite the leaders' claims to control policy, it is impossible to speak of the presence of generally recognized regional leaders of the revolution: the composition of the leaders changed quickly, and serious contradictions began to arise between them. Nevertheless, already in the first months of the revolution, the political system began to fill with energetic, public leaders who preferred socialism, but are not necessarily party members. Despite the obvious inclination towards authoritarian decisions, the leaders of this time preferred non-violent methods of political struggle. The overwhelming majority of leaders supported the Provisional Government, however, already in the spring of 1917, dissatisfaction with official policy began to appear, associated with the rise of the peasant movement, the filling of the revolutionary political elite with political prisoners, and the difficulties in the relationships of charismatic leaders with the parties to which they belonged. The problem is considered on the basis

of a set of data: published materials; studies on individual leaders; unpublished documents from the funds of the State Archives of the Voronezh, Oryol and Lipetsk Regions. The theoretical basis of the study is a combination of institutional and historical-anthropological approaches with problem-chronological and biographical methods.

Keywords: political history, political culture, political leadership, historical imagology, Russian revolution, chiefdom, Central Black Earth Region.

For citation: Razinkov M. E. "I do not object to all the attacks, but rather pass them by in disgusted silence": the struggle for political leadership in the provinces of the Central Black Earth Region in March–June 1917. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026. Vol. 11, no. 1. P. 29–37. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-29-37. EDN: MNNWRS.

© Razinkov M. E., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Революционная эпоха стала периодом, когда в общественно-политической жизни России проявились две тенденции: стремление к демократическому принятию решений и желание идти за сильными лидерами. Эмоциональным содержанием революции было чувство освобождения от многовекового рабства монархии и желание избежать в дальнейшем зависимости от недемократической власти. Одновременно революция дала дорогу лидерам, стремившимся решать проблемы волевым усилием и опираться на собственное мнение как ключевой критерий истины.

Весной – летом 1917 г. ведущую роль играли политики, демонстрирующие демократический стиль управления, ненасилие при решении возникающих общественно-политических проблем [1, с. 693–695]. Это не исключало жесткой конкуренции между течениями демократии. Кроме того, декларируемые «миролюбие» и «демократичность» лидеров не должны вводить в заблуждение. Они не желали применять насилие в рамках сообщества «победившей демократии», но были согласны с произошедшей насильственной сменой власти и упразднением монархии. Руководствуясь этим решением, деятели, работавшие во власти с предфевральского периода либо пришедшие туда сразу после этого, по умолчанию признавали легитимность политического волюнтаризма.

В условиях конкуренции идеологических течений, личных амбиций, революционного институционального строительства лидеры вождистского типа быстро стали играть заметную роль. Они справедливо указывали на недостатки коллегиальных форм принятия решений, претендовали на быстрое решение давно назревших общественных проблем. Распространение претензий на вождизм неслучайно, т. к. в политическом сознании они (претензии) опирались на уже имевшиеся образы «борцов за свободу» контркультуры антицаристского подполья и монархическую патриотическую традицию. «Поиск вождя» виден в массовых приветственных телеграммах, письмах во власть весны 1917 г. [2, 3]. Дискредитация институциональной составляющей политической системы февральской революцией давала широкий простор для интерпретации целей политической деятельности, основным содержанием которой выступало как строительство новой, революционной, государственности, так и отражение чаяний населения. И образы будущей государственности, и политические предпочтения разнообразных социальных групп при этом различались очень существенно.

Термин «вождь», являющийся аутентичным для событий начала XX в., употребляется и в исторических исследованиях 1990–2020 гг. [4–6]. Наиболее глубокому анализу этот термин, применительно к эпохе, подвергся в работах Б. И. Колоницкого и В. В. Журавлева [7, 8]. Его феномен стал частью трансформаций политической риторики, вызванных событиями 1917 г. [9].

Смысловое содержание слова «вождь» многообразно: военачальник, глава идейного течения, общепризнанный идейный и политический руководитель масс. Однако термин этот не включен в научные классификации лидерства, поэтому применение его для сравнения с лидерами другого типа затруднено. Наиболее близкие по содержанию типы лидерства — авторитарный и харизматический; «лидер-знаменосец» и «лидер-пожарный» (в типологии М. Дж. Херманн). Можно также говорить о различных типах автократического стиля управления (авторитетный, авторитарный, убеждающий), некоторых типах ситуационного лидерства (указывающий, наставнический). С другой стороны, уравнивать термин «авторитарный лидер» и «вождь» некорректно. Далеко не все вожди революции, в том числе на уровне регионов, были авторитарны: их власть базировалась не только на готовности применить насилие по отношению к оппонентам, но и на властолюбии и самоуверенности. Некоторые пользовались любовью как раз за мягкость и демократичность, действовали убеждением, а насилие применять не собирались.

Цель исследования — проанализировать развитие политического вождизма в губерниях Центрального Черноземья (Воронежской, Орловской, Курской и Тамбовской) в период с марта по июнь 1917 г. Для этого необходимо: выявить яркие примеры лидеров-вождей уровня губернии, уезда, волости; показать значение обозначенного рода лидерства в политической системе региона; установить факторы, влиявшие на становление и эволюцию лидерства.

Выбор территориальных рамок исследования обусловлен тем, что данный регион, с преимущественно крестьянским, русским населением, представляется наиболее восприимчивым для революционной повестки дня. Именно здесь социалистические программы преобразований получили максимальную поддержку, при этом в период третьиононьской монархии регион, напротив, был оплотом правых политических сил. Момент смены власти, появление целой плеяды лидеров, энергично включившихся в строительство новой, революционной, политической системы, представляет немалый интерес.

Основная часть

Краткость избранного временного отрезка (все-го несколько месяцев) обусловлена особенностями развития вождизма в этот момент. Во-первых, легальная политическая система стала быстро наполняться лидерами социалистической направленности. Во-вторых, уже в марте — апреле в губернии начали прибывать бывшие политические заключенные, которые не только занимали позиции в новых управленческих структурах, но и увеличивали градус социально-политической напряженности, что было особенно заметно в мае — июне. В то же время выявленные биографии показывают краткосрочность политических карьер практически всех революционных вождей. Как правило, они держались у власти несколько месяцев, но не более года. В силу этого следует говорить не о собственно вождях, а о борьбе за право считаться безусловными лидерами, т. е. вождями.

Политический вождизм не являлся изобретением революции 1917 г., которая должна отдать в этом отношении первенство событиям первой российской революции. Региональная общественно-политическая жизнь начала XX в. дала много ярких имен деятелей, претендовавших на то, чтобы быть политическими вождями не только в рамках своей губернии или населенного пункта, но и на общероссийском уровне. Энергичными, целеустремленными, авторитетными «вождями» правых были губернатор (тамбовский и курский) Н. П. Муравьев, гласный Государственных Дум от Курской губернии Н. Е. Марков (второй); от либералов — глава думского Прогрессивного блока, гласный от Воронежской губернии С. И. Шидловский, один из лидеров кадетов, гласный Государственной Думы нескольких созывов от Воронежа и Петербурга А. И. Шингарев, организатор Союза 17 октября и партии Мирного обновления гласный Государственных Дум I и II созывов от Орловской губернии М. А. Стахович. Яркими местными лидерами были создатель воронежского отделения Всероссийского национального союза В. А. Бернов, тамбовского отделения Союза русских людей Г. Н. Луженовский. В период революции 1905—1907 гг. не только революционеры, но и правые призывали применять насилие, в том числе противореча действующему законодательству.

Так, Г. Н. Луженовский, возглавляя отряд казаков, 8 января 1906 г. в с. Пески Новохоперского уезда Воронежской губернии «по пути следования в этом селе перепорол по улицам несколько человек нагайками», хотя телесные наказания для крестьян были отменены Николаем II в августе 1904 г. [10, с. 105; 11, л. 157].

В то же время лидеры правых не смогли принять участие в борьбе за власть после Февральской революции. Выдающиеся деятели либеральных партий, связанные с регионом, оказались востребованы в центральных государственных органах, а местные лидеры оказались не столь заметны в политической жизни, чтобы претендовать на роль вождей. Образовавшийся вакуум власти заполнялся деятелями земского и городского самоуправления, комитетов общественной безопасности, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Все они предпочитали действовать коллегиально, но, одновременно, мы видим появление лидеров-вождей, отличительными особенностями которых были «воля к власти» и готовность применить, в случае необходимости, насилие.

Яркой фигурой воронежской политики стал Виктор (по другим данным Василий) Петрович Кобытченко. В марте 1917 г. он занял пост председателя исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. Во второй половине мая Кобытченко его лишили, но через месяц стал председателем губернского исполнительного комитета, т. е. высшего органа управления губернии. Впрочем, и здесь он пробыл недолго (до 21 августа) [12]. В ноябре В. П. Кобытченко стал председателем III губернского крестьянского съезда, с января 1918 г. — губернской земской управы. Элементы риторики позволяют увидеть в Кобытченко личность энергичную, склонную к ярким высказываниям и принятию авторитарных решений. В перепалке с городским исполкомом Кобытченко, отвечая на обвинения, заявлял: «на все нападки [в адрес] Совета я не возражаю, [а] обхожу их брезгливо молчанием» [13, л. 86 об. — 87]. В том же месяце В. П. Кобытченко вступил в противостояние с солдатским митингом. Выступая перед солдатами, он грозил смутьянам: «прежде чем вы меня заставите молчать, я вас скорее заставлю замолчать», причем ему удалось провести в Совете резолюцию о запрете на неделю любых митингов [14, л. 57].

Политические предпочтения В. П. Кобытченко на момент начала революции были размытыми. Социал-демократ С. Д. Турчанинов вспоминал, как 21 марта 1917 г. «познакомился с ... Кобытченко, который на мой вопрос, к какой он принадлежит партии, ответил, что он демократ. Я его переспросил: "Значит, Вы социал-демократ". "Нет, — ответил Кобытченко, — я просто последовательный демократ", а через несколько дней он уже оказался эсером» [15, л. 6]. Впрочем, в дальнейшем В. П. Кобытченко прочно ассоциировал себя с партией социалистов-революционеров (ПСР). Современные исследователи единодушно относят его к «правым эсерам», считавшим, что ПСР обязана сотрудничать с правительством и буржуазией [16, с. 239]. На заседании Совета в апреле 1917 г. В. П. Кобытченко заявлял: «Мы — сила, мы можем свергнуть Временное правительство, но сознание этой силы налагает на нас сугубую ответственность за каждый шаг. Сознание своей силы должно заставить нас быть осторожными, а не применять ее только потому, что она у нас есть» [16, с. 216]. При этом его взгляды противопоставляются взглядам других руководителей местных эсеров — М. Л. Коган-Бернштейна и К. С. Бурезова, занимавших более левые позиции в критике правительства [16, с. 239]. С ними, как и, надо сказать, с другим правым эсером городским головой Н. Г. Андреевым, В. П. Кобытченко находился в конфликте.

Современный исследователь Е. А. Зверков политическое поведение В. П. Кобытченко описывает как серию неудачных шагов к установлению личной диктатуры [12]. Думается, это не вполне правильно. Выступая последовательным сторонником Временного правительства, В. П. Кобытченко весной 1917 г. видел в Совете прообраз государственного органа, способного сделать февральскую власть максимально демократической. Он боролся за расширение влияния Совета, в том числе и за счет ликвидации теряющего влияние городского Комитета общественной безопасности (КОБ), а также против левацких настроений в ПСР, лидером которых выступали М. Л. Коган-Бернштейн и К. С. Бурезов. Впрочем, и факт межличностной борьбы за власть был налицо. В этом отношении пример В. П. Ко-

бытченко показывает слабость «доморощенных» вождей перед политическими «тяжеловесами»: М. Л. Коган-Бернштейн до июня 1917 г. был членом Центрального комитета партии социалистов-революционеров (ЦК ПСР), затем — членом Всероссийского центрального исполнительного комитета (1917–1918 гг.), делегатом Всероссийского демократического совещания; К. С. Буревои — членом ЦК ПСР с декабря 1917 г., членом бюро эсеровской фракции Всероссийского Учредительного собрания.

Политическая жизнь весны — лета 1917 г. в Воронеже тяготела к компромиссам на почве социалистического единства. Стремление закрыть городской исполнительный комитет общественно-го спасения и конфликт с солдатским митингом закончились отставкой В. П. Кобытченко с поста председателя Совета. При этом его «программа действия», состоявшая из смеси государственничества с волонтаризмом и популизмом, позволяла получать поддержку партийных активистов и населения и в дальнейшем. И все же, к 1918 г. ставка на идею поддержки Временного правительства, да и на поддержку ПСР, оказалась неактуальной. К весне — лету 1918 г. в губернии господствовали большевики и левые эсеры, так что В. П. Кобытченко, равно как и его оппонента из числа руководителей ПСР и городского самоуправления, не осталось места в сложившейся новой политической системе.

Пример В. П. Кобытченко является на данный момент наиболее ярким для политики губернского уровня, но, судя по всему, не исключительным. В Орловской губернии в конце весны — начале лета 1917 гг. столь же неожиданно, как и в случае с Кобытченко, появляется фигура зауряд-врача эсера Рафаила Васильевича Цветаева. В конце апреля он был избран председателем I губернского съезда Советов, затем начинает фигурировать как товарищ председателя Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов (от солдатской секции), председательствует на некоторых его заседаниях [17, л. 1–2; 18, с. 6–7]. В конце весны — начале лета в губернии возникла ситуация смены власти. 17 октября действующий губернский комиссар, ранее — крупный деятель Союза 17 октября и Главного комитета по снабжению армии Всероссийских земского и городского союзов (Земгор) С. Н. Маслов вынужден был уйти, оставив дела своему заместителю Ровинскому, который уже с апреля фигурировал в различных документах, как «и. д. губкомиссара». Однако 6–7 июня совместное заседание комитета общественной безопасности и Совета рабочих и солдатских депутатов высказалось против назначения Ровинского новым губкомиссаром и избрало на эту должность Р. В. Цветаева. Последовала бурная переписка с Петроградом, содержащая, в том числе, и письмо Ровинского с протестами против такого решения. В частности, и. д. губкомиссара называл Р. В. Цветаева человеком, «случайно закинутым в Орел», но, несмотря на первоначальную поддержку из столицы, ему не удалось доказать свою правоту, и с 6 июля 1917 г. Р. В. Цветаев стал губернным комиссаром [19, л. 26–30; 20, л. 2].

Личность Р. В. Цветаева, как и В. П. Кобытченко, оставила о себе немного сведений. В частности, неизвестна его судьба после 1917 г. В конце 1917 г. Цветаев проходил по списку ПСР и Совета крестьянских депутатов в качестве кандидата в члены Учредительного собрания, но избран не был, хотя туда прошел его товарищ — участник революционного движения 1905–1907 гг. политэмигрант,

Малоархангельский уездный комиссар (с августа 1917 г.) И. Е. Вольнов [21, с. 274]. Можно лишь сказать, что это был человек, обладающий не только волей к власти и политическим характером, но и стоявший на идеологических позициях правого крыла ПСР. Документы за август — ноябрь 1917 г. проникнуты его стремлением поставить или оставить в Малоархангельском, Трубчевском, Дмитровском, Карачевском, Ливенском уездах своих людей, а также сопротивлением назначению тех деятелей, которых можно охарактеризовать как «крайне левых» [20, л. 67–299].

На данный момент не удастся обнаружить лидеров сходного типа в других губернских центрах Черноземья (Курске, Тамбове), действовавших в указанном хронологическом отрезке. Несмотря на то, что яркие лидеры стали появляться, они все же не тяготели к волонтаризму и открыто авторитарным действиям. Например, лидер курских социал-демократов Александр Алексеевич Аристархов — человек, с чьим мнением считались и которому «простили» даже выход из партии в конце 1917 г. и исключение из РКП(б) решением губернского комитета в 1919 г., выступал с весны 1917 г. с очень умеренных, примирительных позиций, а летом приветствовал разгон вооруженного мятежа в Петрограде. В марте 1917 г. он возглавил Курский Совет рабочих и солдатских депутатов, а с апреля стал инициатором создания «объединенного органа демократии» Губернского народного Совета и товарищем его председателя [22, с. 9–11]. Вероятно, на роль лидера в губернии мог претендовать председатель Губернского народного Совета — участник аграрного движения 1905–1907 гг., депутат II Государственной Думы, осужденный в 1907 г. за убийством жандармского провокатора и освобожденный в марте 1917 г. из Шлиссельбургской крепости Иван Емельянович Пьяных. Однако он уже в мае «выбыл» из жизни губернии, отправившись на I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, стал там членом исполкома и в дальнейшем находился в Петрограде, хотя и был избран от Щигровского уезда Курский губернский депутатом Учредительного собрания [21, с. 368]. Председатель Орловского Совета, лидер местных меньшевиков В. Ф. Переверзев также не претендовал на какие-то особые полномочия. Тамбовский губернский комиссар-либерал Ю. В. Давыдов находился у власти до начала сентября 1917 г. [23]. Сменивший его местный адвокат К. Н. Шатов проявлял склонность действовать волевым образом, но это определялось условиями начавшегося крестьянского восстания.

Любопытно, что и Курске, и в Воронеже структура организации власти пошла по пути очевидного поиска компромиссов. В Воронеже на должность губернского комиссара в июле был избран народный социалист, профессор Б. А. Келлер. В Курске же, где до июня губернным комиссаром был кадет Н. Н. Лоскутов, этот пост занял еще один народный социалист — А. П. Марков-Донской, а с середины октября его помощник — Н. Н. Рождественский. О характере Б. А. Келлера и А. П. Маркова-Донского говорит тот факт, что во время начавшейся Октябрьской революции они самоустранились от власти. Б. А. Келлер в дальнейшем стал советским академиком и прославлял «родную коммунистическую власть».

Несмотря на то, что на уровне губернского руководства заметна уже с начала революции тенденция к оформлению политического вождизма, очевидно

и другое — эта тенденция не стала доминирующей. Подавляющее большинство политических деятелей соглашались делиться властью, и политическое поле можно охарактеризовать как компромиссное.

На уровне уездов лидеры-вожди также проявили себя. Заметной фигурой политической жизни Павловского уезда Воронежской губернии был Александр Михайлович Дрожжин. Частный поверенный и корректор местной типографии [24, л. 1], революционер со стажем после февральского переворота возглавил местную милицию, а в апреле 1917 г. вступил в острый конфликт с уездным исполнительным комитетом (УИК). Опираясь на солдат гарнизона, А. М. Дрожжин арестовал УИК как «буржуазный», но почти сразу отпустил арестованных [25, л. 37–38]. Через неделю А. М. Дрожжин получил большинство голосов в волостях, объявил себя председателем УИК и продолжил действовать как власть, параллельная продолжавшему работать УИК прежнего состава, который, между прочим, возглавлял не «буржуй», а эсер. В источниках Дрожжин называется создателем первого Совета рабочих и солдатских депутатов Павловска [26, л. 41 об.]. В августе он был участником съезда УИКов в Воронеже, где обвинил Павловскую Гордому в том, что она «почти монархического состава» [27, л. 9–10].

В дальнейшем А. М. Дрожжин фигурирует в документах как уездный комиссар и председатель Совета, однако события после октябрьского переворота в Петрограде вновь поставили под сомнение его и без того не вполне ясные полномочия. Известно, что в январе 1918 г. А. М. Дрожжин уезжал на III Всероссийский съезд Советов и, возможно, присутствовал при событиях, связанных с роспуском Учредительного собрания и митингах в его поддержку [26, л. 44, 89–90]. Вернувшись из Петрограда, он обнаружил, что созданный в Павловске Военно-гражданский союз, который Дрожжин считал подчиненным себе, не только объявил себя властью в городе, но и не контролируется им. Дрожжин написал губернскому комиссару в конце февраля 1918 г. письмо, где назвал Военно-гражданский союз инициативой «политических недорослей», в который «вошли представители местной буржуазии, кулаки-торговцы и подонки общества» [28, л. 122]. Затем он объявил себя левым эсером, призвав воронежские власти прислать в Павловск красногвардейцев для наведения порядка. В июне 1918 г. А. М. Дрожжин был председателем коллегии юстиции воронежского Совета [16, с. 329].

Участник революционных событий в Павловске В. Л. Мандрыкин оставил такое описание политических симпатий Дрожжина: «В первое время ярый поборник эс-эровской партии, потом сам же сознался, что он анархист, а потом, как было слышно, поступил в партию коммунистов, — в настоящее время (1920-е гг. — М. Р.), как слышно, состоит членом коллегии защитников в ст. Сулин Донской области, и за хорошие деяния выброшен из партии». Одно время он отдает ему должное: «горячая голова, старый, нужно так сказать, подпольный политический деятель» [26, л. 41–41 об.]. Есть и более резкие суждения. «Лосевский волисполком аттестовал его как “демагога, политического недоноска... провокатора, свободно распоряжающегося общественными денежными суммами”» [16, с. 152]. Исследователь Н. А. Заяц характеризует А. М. Дрожжина как «ловкого авантюриста», сумевшего установить в Павловске «единоличный террор», однако при-

знает за ним политическое влияние и авторитет не только среди населения, но и в партийно-политических кругах [16, с. 152].

В большевистских воспоминаниях А. М. Дрожжин проходит как эсер [29, с. 117]. В октябре 1918 г. он участвовал в учредительном съезде в Воронеже левых эсеров-колегаевцев (партия народных-коммунистов), проголосовал в числе прочих за коллективное вступление в РКП(б), причем именно Дрожжин составил проект резолюции, получившей большинство голосов [30, л. 1–3]. Эволюция из эсеров и анархистов в коммунисты-большевики, произошедшая в течение полутора лет, говорит о желании сохранить власть или хотя бы причастность к политической жизни. В этом он оказался не похож на В. П. Кобытченко. Однако итоговая судьба их одинакова — оба оказались исключены из политической жизни к концу 1918 г. и погибли в ходе репрессий 1937–1938 гг.

«Одним из лучших ораторов того времени» очевидец называет прапорщика 212-го запасного пехотного полка Бориса Измайловича Моисеева, возглавившего с апреля по июнь–июль 1917 г. профсоюзное и социалистическое движение в Усмани Тамбовской губернии. Используя свои лидерские качества, Б. И. Моисеев прилагал значительные усилия для того, чтобы избежать столкновения различных общественных сил в уездном центре. В частности, он своим авторитетом воспрепятствовал объединению в этот период Советов солдатских и рабочих депутатов, опасаясь столкновения с офицерским полковым комитетом [31, л. 47]. Очевидец описывает его как «единственного офицера, который по-человечески относился к солдатам своей 11-й роты», но упрекал за отсутствие постановки вопросов «по-большевистски» [31, л. 39]. Известно, что Б. И. Моисеев неохотно говорил о своей партийной принадлежности, хотя в реальности был старым революционером (со второй половины 1890-х гг.) и играл заметную роль среди «внефракционных» социал-демократов («новожизненцы»). В дальнейшем он был членом Всероссийского центрального исполнительного комитета, делегатом Учредительного собрания от Тамбовской губернии, при этом, будучи близок большевикам и выступая с позиций Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) (и), критиковал в конце 1917–начале 1918 гг. не только аресты кадетов, но и В. И. Ленина. Впрочем, от прямого участия в усманской общественной жизни он отошел уже летом 1917 г., хотя неоднократно бывал здесь и в Тамбове вплоть до 1918 г. В 1920-е гг. некоторое время работал в Высшем совете народного хозяйства. Умер в 1950 г. в Москве. Б. И. Моисеев — это еще один тип политических вождей, пользовавшихся на первых этапах развития революции большим авторитетом, при этом избегавший говорить о необходимости насилия по отношению к своим оппонентам.

В Бобровском уезде Воронежской губернии в марте 1917 г. председателем уездного исполкома стал крестьянин, эсер Н. С. Разумный. В мае он был избран делегатом на Всероссийский крестьянский съезд [32, л. 19], в июне принял участие в заседаниях губернского исполкома, был кандидатом в члены правления этого органа. В декабре 1917 г. Разумный выступал на губернском крестьянском съезде, проходившем в Валуяхах, и делал доклад об Учредительном собрании [33, л. 11]. В январе 1918 г. Н. С. Разумный — зампредседателя губернского земского собрания. За две недели до этого он орга-

низвал оппозицию большевикам на крестьянском съезде в Боброве [33, л. 28]. Вскоре его арестовали за сопротивление советской власти [16, с. 160–161, 308, 321; 34, л. 22 об.]. Судьбу же мятежного председателя решили, видимо, красновские казаки, расстрелявшие Н. С. Разумного во второй половине 1918 г. [33, л. 33].

О методах, с помощью которых Н. С. Разумный предполагал решить общественные проблемы, говорят документы середины мая 1917 г. Он говорил: «Временное правительство есть не кто иной, как наши приказчики, а Учредительное собрание — это наши портные, которые должны шить ворот так, как нами будет указано. Верховная власть ... принадлежит теперь народу, который является и самодержавным, и Величеством, и только народ может делать те или другие постановления у себя на местах». На глазах у присутствующих Разумный порвал распоряжение губернского комиссара, а затем призвал разогнать УИК, поделив землю между крестьянами [34, л. 42].

У некоторых лидеров «воля к власти» не была связана с партийной принадлежностью, которую они произвольно меняли, иногда переходя от позиций правомонархистов к социалистам. Диякон И. В. Меркулов, будучи членом Союза русских людей, возглавлял делегацию от уездной Лебедяни Тамбовской губернии на Первом губернском съезде представителей Патриотических союзов. Это не помешало ему в марте 1917 г. объявить себя «главным комиссаром» с. Верхнеспасского Тамбовского уезда и начать аресты, агитацию против священников и местных учителей. Учитывая отношения среди различных групп духовенства, которые становились все более конкурентными, такое поведение не выглядит удивительным [35]. Однако с февраля 1918 г. ему удалось стать членом губернской коллегии земледелия, а потом, после решения I губернского съезда Советов, занять место члена губисполкома. Впрочем, в марте 1918 г. его арестовали за прежнее «черносотенство» [36, с. 86].

Что касается возвращающихся политзаключенных, то в отдельных уездах (например, в Острогском, Землянском, Валуйском уездах Воронежской губернии) они организовывали влиятельные политические группы. Так, в Землянском уезде уже конце апреля 1917 г. уездным комиссаром был избран ссыльнопереселенец Я. И. Алехин, а членом правления комитета — политкаторжанин Проскурников. Вместе с председателем уездной земской управы, эсером, помощником присяжного поверенного И. А. Крутиковым и агрономом, эсером, будущим делегатом Учредительного собрания Я. Н. Гладких они составили сплоченную группу, существовавшую по меньшей мере до начала 1918 г. Очевидными лидерами ее были Я. И. Алехин и Я. Н. Гладких, но проявление ими вождистских качеств видно только по косвенным признакам. На декабрь 1917 г. в этой же группе фиксируется бывший политкаторжанин А. С. Баев (член продовольственной управы). Любопытна судьба этих политических лидеров — все они умерли между 1922 и 1924 гг. Я. Н. Гладких — в советской тюрьме в ходе следствия, Я. И. Алехин покончил жизнь самоубийством, И. А. Крутиков скончался от туберкулеза, А. С. Баев, уже будучи коммунистом, ушел из жизни по неизвестной причине [33, л. 40, 42; 37, л. 66].

Известно, что в мае — начале июля 1917 г. уездные комиссары сменились в 9 из 12 уездах Воро-

нежской губернии [16, с. 154]. Не все бывшие политкаторжане и ссыльнопереселенцы выступали с радикальными предложениями. Напротив, часть из них ожидала от Временного правительства, и особенно от Всероссийского Учредительного собрания, социалистического реформирования, легального решения накопившихся проблем. Однако, как показали дальнейшие события, уже во второй половине лета — начале осени 1917 г. местные политические деятели стали склоняться решать возникавшие аграрные проблемы явочным порядком. Так, тамбовское «Распоряжение № 3» готовилось эсерами с июня 1917 г. При этом члены ПСР к середине лета 1917 г. заняли почти все верховные властные позиции в губернии (товарищ губернского комиссара, председатель губернской земской управы, окружной прокурор). Примечательно, что «План практических мероприятий», легший в августе 1917 г. в основу «Распоряжения № 3», разрабатывался ссыльнопереселенцем эсером В. А. Гроздовым.

Заключение

Март — июнь 1917 г. дал Центральному Черноземью значимое количество политиков, действия которых можно интерпретировать сквозь призму смыслов, связанных с вождизмом. Среди них были и губернский комиссар, и председатели Советов и губернского исполкома, и руководители уездных исполкомов, и некоторые волостные активисты. Политический вождь в эти месяцы — энергичная, публичная фигура, социалист (причем первоначально с весьма неустойчивой партийной принадлежностью), стремящийся либо контролировать политическое поле, либо создать вокруг себя ситуацию единства общественных сил для укрепления завоеваний революции.

В то же время говорить о «диктатуре вождей» невозможно. Власть этих политиков оказывалась недолговечной, хотя и выходила за рамки исследуемого этапа развития революции. Практически все они не выдерживали конкурентной борьбы, вынуждены были делиться властью, т. е. не были вождями в полном смысле этого слова. Более того, все перечисленные деятели оказались выброшены из региональной политики уже к середине 1918 г. в силу политических обстоятельств разгара Гражданской войны, а также революционных изменений политической культуры: быстрая смена лидеров оказалась характерна для региональной советской политической культуры и в дальнейшем.

Рассмотренных лидеров-вождей также нельзя однозначно охарактеризовать как авторитарных, хотя в данном исследовании акцент был сделан на выявление именно таких личностей. Стремление решать проблемы с помощью насилия по отношению к своим противникам проявлялось в их действиях очень редко и было обратимым (арестованных политических конкурентов вскоре отпускали, а status quo восстанавливался). Обычно агрессивная риторика вождей не выходила за рамки угроз.

Вместе с тем уже на исследуемом этапе нарастает неудовлетворенность действиями Временного правительства со стороны некоторых лидеров вождистского типа. Это было связано с подъемом крестьянского движения, изменением среды революционной политической элиты, которая со второй половины интенсивно наполнялась радикалами из числа бывших политических ссыльных, каторжан и эмигрантов, а также членами социалистических партий. Показательно, что политизация обществен-

ной жизни заставляла лидеров-вождей «искать» себе подходящую партию, что, как правило, ставило их перед лицом новых проблем, связанных с внутривнутрипартийной и межпартийной конкуренцией, несоответствием программных установок партии и директив ее руководящих органов мировоззрению лидера-вождя. Указанный фактор обычно являлся и причиной его дальнейшего краха.

Список источников / References

1. Разиньков М. Е., Морозова О. М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. Москва: Квадрига, 2021. 712 с. ISBN 978-5-91791-435-0.

Razinkov M. E., Morozova O. M. Sotsial'no-politicheskiy dialog v Rossii (1917–1918 gg.): tendentsii, mekhanizm, regional'nyye osobennosti [Social and political dialogue in Russia (1917–1918): trends, mechanism, regional features]. Moscow, 2021. 712 p. ISBN 978-5-91791-435-0. (In Russ.).

2. Разиньков М. Е. Приветственные телеграммы крестьян Центрального Черноземья Государственной Думе в марте–апреле 1917 г.: источник и его информационные возможности // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 378–389. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-2-378-389. EDN: UJWZLR.

Razinkov M. E. Privetstvennyye telegrammy krest'yant Tsentral'nogo Chernozem'ya Gosudarstvennoy Dume v marte–aprele 1917 g.: istochnik i ego informatsionnyye vozmozhnosti [Salutatory telegrams from peasants of the central black earth region to the state дума in March–April 1917: source and its information potential]. Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist. 2021. No. 2. P. 378–389. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-2-378-389. EDN: UJWZLR. (In Russ.).

3. Усманова Д. М. Приветственные телеграммы мусульманского населения России как барометр общественных настроений (март–апрель 1917 г.) // Российский либерализм и Государственная Дума России в начале XX века / под общ. ред. Д. В. Аронова. В 3 ч. Ч. 3. Орел: Орлик, 2019. С. 189–200.

Usmanova D. M. Privetstvennyye telegrammy musul'manskogo naseleniya Rossii kak barometr obshchestvennykh nastroyeniy (mart–aprel' 1917 g.) [Salutatory telegrams of the Muslim population of Russia as a barometer of public sentiment (March–April 1917)] // Rossiyskiy liberalizm i Gosudarstvennaya Duma Rossii v nachale XX veka [Russian liberalism and the State Duma of Russia at the early 20th century] / Ed. by D. V. Aronov. In 3 parts. Part 3. Orel, 2019. P. 189–200. (In Russ.).

4. Чернев А. Д. 229 кремлевских вождей: Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах: справочник. Москва: редакция журнала «Родина», научный центр «Руссика», 1996. 336 с. ISBN 5-7330-0066-X.

Chernev A. D. 229 kremlevskikh vozhd'ey: Politbyuro, Orgbyuro, Sekretariat TsK Kommunisticheskoy partii v litsakh i tsifrakh: spravochnik [229 Kremlin leaders: Politburo, Orgburo, Secretariat of the Central Committee of the Communist Party in faces and figures: handbook]. Moscow, 1996. 336 p. ISBN 5-7330-0066-X. (In Russ.).

5. Войтиков С. С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. Москва: АИРО-XXI, 2016. 432 с. ISBN 978-5-91022-348-0.

Voytikov S. S. Uzda dlya Trotskogo. Krasnyye vozhd'i v gody Grazhdanskoй voyny [A bridle for Trotsky. Red leaders during the Civil War]. Moscow, 2016. 432 p. ISBN 978-5-91022-348-0. (In Russ.).

6. История России: в 20 т. Т. 12. Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 2. Власть. Экономика. Общество. Культура / под ред. В. И. Година, В. В. Кондрашина. Москва: Наука, 2024. 919 с. ISBN 978-5-02-040487-8, 978-5-02-041024-4.

Istoriya Rossii: v 20 t. T. 12. Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1917–1922 gody. Kn. 2. Vlast'. Ekonomika. Obshchestvo. Kul'tura [History of Russia: in 20 vols. Vol. 12. The Civil War in Russia.

1917–1922. Book 2. Power. Economy. Society. Culture] / Ed. by V. I. Goldin, V. V. Kondrashina. Moscow, 2024. 919 p. ISBN 978-5-02-040487-8, 978-5-02-041024-4. (In Russ.).

7. Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 г.). 3-е изд. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с. ISBN 978-5-4448-1940-1.

Kolonitskiy B. I. Tovarishch Kerenskiy: antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovaniye kul'ta «vozhdya naroda» (mart–iyun' 1917 g.) [“Comrade Kerensky”: The anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the “leader of the people” (March–June 1917)]. 3rd ed. Moscow, 2023. 520 p. ISBN 978-5-4448-1940-1. (In Russ.).

8. Журавлев В. В. Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России: опыт анализа приветственных посланий А. В. Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и Гражданской войны: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2013. Вып. 2. С. 108–127. EDN: VMXXPZ.

Zhuravlev V. V. Vozhdizm v ideologicheskoy praktike kontrrevolyutsionnogo dvizheniya na vostoке Rossii: opyt analiza privetstvennykh poslanii A. V. Kolchaku [Leaderism in the ideological practice of the counterrevolutionary movement in Eastern Russia: attempt of analysis of complimentary addresses to A. V. Kolchak]. Politicheskiye sistemy i rezhimy na vostoке Rossii v period revolyutsii i Grazhdanskoй voyny. Political Systems and Regimes in Eastern Russia during the Revolution and Civil War. Novosibirsk, 2013. Issue 2. P. 108–127. EDN: VMXXPZ. (In Russ.).

9. Стельмак М. М., Петин Д. И. Российская революция: Слово и Дело [Рец. на кн.: Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России / под ред. Б. И. Колоницкого и др. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб, 2022. 328 с. (Эпоха войн и революций; вып. 16)] // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 1. С. 189–201. DOI: 10.21638/spbu24.2024.112. EDN: AAZMSD.

Stelmak M. M., Petin D. I. Rossiyskaya revolyutsiya: Slovo i Delo [Rets. na kn.: Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya grazhdanskoй voyny v Rossii] [Russian Revolution: Word and Deed [Review on: Words and conflicts: The language of confrontation and the escalation of the Civil War in Russia] / Ed. by B. I. Kolonitskiy et. al. Saint Petersburg, 2022 328 p. (The Age of Wars and Revolutions; num. 16)]. Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia. 2024. Vol. 14, no. 1. P. 189–201. DOI: 10.21638/spbu24.2024.112. EDN: AAZMSD. (In Russ.).

10. Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Воронежская губерния в Первой российской революции (1905–1907 гг.). Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. 312 с. ISBN 5-88242-539-0. EDN: QPHUQZ.

Razinkov M. E., Rylov V. Yu., Mikhalev O. Yu. Voronezhskaya guberniya v pervoy rossijskoй revolyucii (1905–1907 gg.) [Voronezh province in the first Russian revolution (1905–1907)]. Voronezh, 2006. 312 p. ISBN 5-88242-539-0. EDN: QPHUQZ. (In Russ.).

11. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 663.

Gosudarstvennyy arkhiv Voronezhskoy oblasti (GAVO) [State Archives of the Voronezh Region (SAVR)]. File: И-6/1/663. (In Russ.).

12. Зверков Е. А. К вопросу о личности В. П. Кобытченко, председателя Воронежского губернского исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 1917 года // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 51–53. EDN: YMZFUD.

Zverkov E. A. K voprosu o lichnosti V. P. Kobytchenko, predsedatelya Voronezhskogo gubernskogo ispolkoma Soveta rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov 1917 goda [About V. P. Kobytchenko, chairman of the Voronezh provincial executive committee council of workers and peasants Deputies

- in 1917]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology.* 2017. No. 1. P. 51–53. EDN: YMZFUJ. (In Russ.).
13. ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12.
GAVO [SAVR]. File: P-2393/1/12. (In Russ.).
14. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 459.
Gosudarstvennyy arkhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Voronezhskoy oblasti (GAOPI VO) [State Archive of Social and Political History of the Voronezh Region (SASPH VR)]. File: 5/1/459. (In Russ.).
15. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 497.
GAOPI VO [SASPH VR]. File: 5/1/497. (In Russ.).
16. Заяц Н. А. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. 404 с.
Zayats N. A. Krizis gosudarstvennogo upravleniya i organizatsiya novykh vlastnykh struktur Voronezhskoy gubernii v 1914–1918 gg. [Crisis of state administration and organization of new power structures in Voronezh Province in 1914–1918]. Voronezh, 2017. 404 p. (In Russ.).
17. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 26.
Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO) [State Archives of the Oryol Region (SAOR)]. File: P-81/1/26. (In Russ.).
18. Комаров А. А., Сокут К. А. Орловский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году (документы и материалы). Воронеж: Изд. и тип. кн-ва «Коммуна», 1932. 160 с.
Komarov A. A., Sokut K. A. Orlovskiy Sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v 1917 godu (Dokumenty i materialy) [The Council of Workers' and Soldiers' Deputies in 1917 (documents and materials)]. Voronezh, 1932. 160 p. (In Russ.).
19. ГАОО. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 3.
GAOO [SAOR]. File: P-594/1/3. (In Russ.).
20. ГАОО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 19.
GAOO [SAOR]. File: P-81/1/19. (In Russ.).
21. Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. Москва: РОССПЭН, 2008. 460 с. ISBN 978-5-8243-0972-0.
Protasov L. G. Lyudi Uchreditel'nogo sobraniya: portret v inter'yere epokhi [People of the Constituent Assembly: a portrait in the interior of the era]. Moscow, 2008. 460 p. ISBN 978-5-8243-0972-0. (In Russ.).
22. Емельянов С. Н., Зорин А. В., Шпилев А. Г. Курский край в Гражданской войне (1917–1922 гг.): очерк военно-политической истории. Курск: Полстар, 2013. 528 с. ISBN 978-5-906415-03-5.
Emelyanov S. N., Zorin A. V., Shpilev A. G. Kurskiy kray v Grazhdanskoj vojne (1917–1922 gg.): ocherk voyenno-politicheskoy istorii [The Kursk Region in the Civil War (1917–1922): An essay on military and political history]. Kursk, 2013. 528 p. ISBN 978-5-906415-03-5. (In Russ.).
23. Шуваев Д. А. Тамбовский губернский комиссар Временного правительства Ю. В. Давыдов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 3 (143). С. 27–32. EDN: TOPMXB.
Shuvayev D. A. Tambovskiy gubernskiy komissar Vremennogo pravitel'stva Yu. V. Davydov [tambov province commissioner of the provisional government Yu. V. Davydov]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. *Tambov University Review. Series: Humanities.* 2015. Issue 3 (143). P. 27–32. EDN: TOPMXB. (In Russ.).
24. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 433.
GAOPI VO [SASPH VR]. File: 5/1/433. (In Russ.).
25. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 323.
GAOPI VO [SASPH VR]. File: 5/1/323. (In Russ.).
26. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 591.
GAOPI VO [SASPH VR]. File: 5/1/591. (In Russ.).
27. ГАВО. Ф. И-104. Оп. 1. Д. 10.
GAVO [SAVR]. File: И-104/1/10. (In Russ.).
28. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12.
GAVO [SAVR]. File: P-10/1/12. (In Russ.).
29. За власть Советов. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917–1918 годах / под ред. И. Г. Воронкова, Т. М. Севастьяновой. Воронеж: Воронежское кн. изд-во, 1957. 142 с.
Za vlast' Sovetov. Sbornik vospominaniy uchastnikov revolyutsionnykh sobytij v Voronezhskoy gubernii v 1917–1918 godakh [For Soviet Power. A collection of memories from participants in the revolutionary events in Voronezh Province in 1917–1918] / ed. by I. G. Voronkov, T. M. Sevast'yanova. Voronezh, 1957. 142 p. (In Russ.).
30. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12.
GAOPI VO [SASPH VR]. File: 1/1/12. (In Russ.).
31. Государственный архив новейшей истории Липецкой области. Ф. 155. Оп. 2. Д. 115.
Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Lipetskoy oblasti [State Archive of Modern History of the Lipetsk Region]. File: 155/2/115. (In Russ.).
32. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 344.
GAOPI VO [SASPH VR]. File: 5/1/344. (In Russ.).
33. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 461.
GAOPI VO [SASPH VR]. File: 5/1/461. (In Russ.).
34. ГАВО. Ф. И-104. Оп. 1. Д. 14.
GAVO [SAVR]. File: И-104/1/14. (In Russ.).
35. Rogoznyy P. G. Pravoslavnaya tserkov' i Russkaya revolyutsiya. Ocherki istorii. 1917–1920. Moskva: Ves' Mir, 2018. 304 s. ISBN 978-5-7777-0720-8.
Rogoznyy P. G. Pravoslavnaya tserkov' i Russkaya revolyutsiya. Ocherki istorii. 1917–1920 [The Orthodox Church and the Russian Revolution. Essays on history. 1917–1920]. Moscow, 2018. 304 p. ISBN 978-5-7777-0720-8. (In Russ.).
36. Кривошеин Н. В. Город Лебедянь и его уезд в 1917–1921 гг. Москва: Пресс-Бук, 2016. 469 с. ISBN 978-5-7164-0663-6.
Krivoshein N. V. Gorod Lebedyan' i ego uyezd v 1917–1921 gg [The town of Lebedyan and its district in 1917–1921]. Moscow, 2016. 469 p. ISBN 978-5-7164-0663-6. (In Russ.).
37. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 458.
GAOPI VO [SASPH VR]. File: 5/1/458. (In Russ.).

РАЗИНЬКОВ Михаил Егорович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г. Ф. Морозова, г. Воронеж.
SPIN-код: 5565-7486
AuthorID (РИНЦ): 158161
ORCID: 0000-0002-2175-9759
AuthorID (SCOPUS): 57203539283
ResearcherID: I-5416-2018
Адрес для переписки: razinkov_mihail@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 14.11.2025.

RAZINKOV Mikhail Egorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Social Sciences and Humanities Department, Voronezh

State University of Forestry and Technologies named
after G. F. Morozov, Voronezh.
SPIN-code: 5565-7486
AuthorID (RSCI): 158161
ORCID: 0000-0002-2175-9759
AuthorID (SCOPUS): 57203539283
ResearcherID: I-5416-2018
Correspondence address: razinkov_mihail@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial
interest in the presented materials or methods. There is
no conflict of interest.

The article was submitted 02.07.2025; approved
after reviewing 28.07.2025; accepted for publication
14.11.2025.

УДК/UDC 94(571.13)
DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-38-45
EDN: NDKXYW
Научная статья / Original article

БОРЬБА С ТУБЕРКУЛЕЗОМ В 1920-е гг.: ОПЫТ ТРЕХДНЕВНИКОВ В ОМСКОМ РЕГИОНЕ

К. А. Тишкина

Алтайский государственный университет, Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Статья посвящена изучению основных мер профилактики и борьбы с туберкулезом в 1920-е гг. в г. Омске и прилегавшем к нему регионе (губернии, округе). Данный вопрос не получил отражения в наработках историографии. Основой для исследования послужил комплекс источников, сочетающий в себе делопроизводство советских органов власти, учреждений и организаций, публицистику и периодическую печать. Работа построена как на общеисторических методах (анализ и синтез, индукция и дедукция), так и на специально-исторических методах (историко-хронологический, историко-системный, историко-генетический). В заключительной части приведены ключевые достижения и проблемы в организации борьбы с туберкулезом в Омском регионе в обозначенный период.

Ключевые слова: Омский округ, Омск, туберкулез, трехдневник, тубдиспансер, белый цветок, социальная акция, история фтизиатрии.

Для цитирования: Тишкина К. А. Борьба с туберкулезом в 1920-е гг.: опыт трехдневников в Омском регионе // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 38–45. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-38-45. EDN: NDKXYW.

© Тишкина К. А., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

FIGHTING TUBERCULOSIS IN THE 1920s: EXPERIENCE OF THREE-DAY CAMPS IN THE OMSK REGION

K. A. Tishkina

Altai State University, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, 656049

The article is devoted to the study of the main measures of prevention and control of tuberculosis in the 1920s in Omsk and the adjacent region (province, district). This issue is not reflected in the developments of historiography. The basis for the study is a set of sources combining the records of Soviet authorities, institutions and organizations, journalism and periodicals. The work is based on both general historical methods (analysis and synthesis, induction and deduction) and special historical methods (historical-chronological, historical-systemic, historical-genetic). The final part presents the key achievements and problems in organizing the fight against tuberculosis in the Omsk region during the specified period.

Keywords: Omsk district, Omsk, tuberculosis, three-day clinic, tuberculosis clinic, white flower, social action, history of phthisiology.

For citation: Tishkina K. A. Fighting tuberculosis in the 1920s: Experience of three-day camps in the Omsk region. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026. Vol. 11, no. 1. P. 38–45. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-38-45. EDN: NDKXYW.

© Tishkina K. A., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Распространение заболеваемости туберкулезом являлось одной из основных проблем дореволюционной медицины. Для привлечения внимания к болезни и проведения профилактических работ среди населения в апреле 1911 г. в г. Москве состоялась

первая в Российской империи акция — «День белой ромашки». Собранные средства были направлены во Всероссийскую лигу борьбы с туберкулезом. Не менее остро стояла тогда ситуация и в Западной Сибири. Здесь показателен пример г. Омска, являвшегося крупным и достаточно плотно населен-

ным административным центром. Так, в Акмолинской губернии акция под названием «День белого цветка» стала осуществляться с 1913 г. при содействии «Общества борьбы с туберкулезом в г. Омске и Акмолинской области». По данным местного отделения Российского общества Красного Креста и городской больницы число зарегистрированных больных туберкулезом в г. Омске в 1913 г. составляло 591 чел., но, как отмечалось медицинскими службами, «...эта цифра далеко ниже действительной» [1, с. 2]. С августа 1913 г. по инициативе членов «Общества борьбы с туберкулезом в г. Омске и Акмолинской области» в г. Омске была открыта амбулатория (ул. Слободская, 17/19) и так называемое «убежище» для больных легочными заболеваниями (ул. Северная, 7). В 1914–1915 гг. общество издавало газету «Белый цветок», приуроченную к акции «День белого цветка».

Ситуацию с заболеваемостью повсеместно в стране усугубила Гражданская война, еще в разгар которой советская власть обратила внимание на проблему распространения туберкулеза среди населения. По официальным данным на 1919 г. в советском государстве (без учета территорий, на которых проходили боевые действия Гражданской войны) на 10 000 чел. приходилось 69,4 заболевших туберкулезом (51,6 из них страдали легочным туберкулезом) [2, с. 62]. Восстановление советской власти в Сибири в течение 1919–1920 гг. лишь увеличило общую печальную статистику РСФСР.

Проект государственного регулирования заболеваемости был разработан и принят на Всероссийском съезде по борьбе с социальными болезнями в ноябре 1919 г. В первую очередь планировалось проведение учета заболевших. Туберкулез объявлялся социальной и профессиональной болезнью, требовавшей повышенного внимания со стороны общественности. Врач и общественный деятель Е. Г. Мунблит отмечал: «С туберкулезом необходимо и возможно бороться только в недрах и гуще самой жизни, перестраивая ее социально-гигиенические устои, вовлекая в эту борьбу самих трудящихся, непосредственно и кровно в ней заинтересованных» [3, с. 6]. В 1920 г. народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко издал брошюру «Пролетарская болезнь (туберкулез)», которая выдержала несколько переизданий [4, с. 195].

В связи с тяжелым экономическим положением в стране, вызванным последствиями Гражданской войны и голода, а также нехваткой квалифицированного медицинского персонала, дело борьбы с туберкулезом, особенно на периферии, значительно тормозилось, что имело место и в Сибири. Наиболее продуктивными формами профилактических мер являлись беседы и распространение специализированной литературы среди населения. В 1922 г. была возрождена дореволюционная практика проведения акций, направленных на распространение информации о заболевании и мерах борьбы с ними. Такие мероприятия приняли форму так называемых «трехдневников». В статье И. Тополева «Белая ромашка Красной Москвы» для однодневной газеты «Туберкулезный "трехдневник"» отмечалось, что советская акция не имеет ничего общего с дореволюционным «Днем белой ромашки», т. к. туберкулез — это «...болезнь пролетарская, болезнь бедноты...». По версии автора, болезнь не имела распространения среди богатых людей, а если кто-то из них и заболел, то толь-

ко вследствие своего беспутного образа жизни [5, с. 5]. Следует отметить, что дореволюционный опыт работы по профилактике туберкулеза, а именно вклад Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом, высоко ценился советскими специалистами. Они отмечали, что в тех населенных пунктах, где действовали отделения организации, легко налаживалась работа с населением по предупреждению заболевания [3, с. 8].

Рассмотрение темы социальных болезней и мер борьбы с ними в 1920-е гг. в СССР обрели достаточное отражение в отечественных исследованиях последних лет [6–9]. Основное внимание в них уделялось проблеме профилактики туберкулеза и проведению трехдневников как части этого процесса. Учитывая значимый в 1920-е гг. в социальном отношении статус г. Омска и прилегавшего к нему региона (губернии, с 1925 г. — округа), сформулирована цель исследования — в хронологической последовательности представить процесс проведения трехдневников по борьбе с туберкулезом в Омской области в указанный период, выделив основные меры профилактики данного заболевания.

Основная часть

В 1923 г. Омская губерния находилась на последнем месте по Сибири по учету болевших туберкулезом. Однако эти показатели не свидетельствовали о низкой заболеваемости в регионе. Так, на 10 000 чел. больных туберкулезом приходилось 13,3 % [10, с. 31]. Среди распространения заболеваемости у городского населения г. Омск занимал одну из лидирующих позиций. В 1924 г. среди губернских городов г. Омск, уступая г. Томску и г. Красноярску, занял третье место по росту заболеваемости туберкулезом на душу населения: на 10 000 чел. приходилось 328,4 больных [10, с. 33].

Принципиальным было то, что в городе отсутствовало специализированное лечебное заведение, которое могло бы принять заболевших и оказать амбулаторный прием. Весной 1923 г. по инициативе Омской губернской партийной организации при городском отделе здравоохранения был создан Комитет по подготовке и проведению в городе трехдневника по борьбе с туберкулезом. Проведение акции имело государственное значение. Еще 12 марта 1923 г. вышло постановление Народного комиссариата здравоохранения, в котором была обозначена дата проведения трехдневника по борьбе с туберкулезом по городам РСФСР — с 11 по 13 мая 1923 г. [11, л. 15 об.]. Однако сроки реализации мероприятия могли корректироваться на местах. Целью трехдневника по борьбе с туберкулезом являлось привлечение внимания населения к проблеме распространения болезни, а также сбор средств на организацию противотуберкулезного диспансера, открытие детской колонии и санатория, изготовление брошюр и плакатов [12, с. 4].

В дни устройства акции планировалась продажа журнала «На борьбу с туберкулезом», который был издан на безвозмездной основе профсоюзом работников полиграфического производства в количестве 2000 экземпляров. В журнал вошли статьи врачей-экспертов о причинах распространения туберкулеза, методах профилактики и лечения болезни и т. д. Кроме этого, были размещены тематические стихотворения. Писатель и публицист Г. А. Вяткин подготовил эссе «Во имя культуры», в котором на примерах А. П. Чехова и М. Горького отметил проблему распространения легочных забо-

леваний среди работников «культурного фронта» [13, с. 5]. Помимо журнала к началу трехдневника по борьбе с туберкулезом были напечатаны агитационные плакаты и листовки [14, с. 1].

Лозунг акции, осуществляемой в Омске с 11 мая, провозглашал: «Все должны участвовать в борьбе с туберкулезом — пусть каждый внесет свою лепту!». По городу ходили сборщики пожертвований с «... жетонами в руках, с белым цветком, журналом и кружками...» [12, с. 4]. В последний день акции — 13 мая — Комиссия по проведению трехдневника по борьбе с туберкулезом решила провести демонстрацию по улицам города. С раннего утра студенты омских вузов собрались у здания медицинского института (ныне ул. Ленина, 12), где им были розданы плакаты с лозунгами и кружками для сбора пожертвований. После этого была сформирована колонна, которая проследовала до здания губернского отдела здравоохранения. Здесь состоялся митинг, где выступали представители от разных организаций города. Затем колонна проследовала до здания Управления Сибирского округа путей сообщения (ныне ул. К. Маркса, 35). Там студентов поприветствовали представители от железной дороги. Все мероприятие закончилось в обед [15, с. 2].

13 мая 1923 г. в помещении Омского медицинского института была открыта выставка, посвященная туберкулезу и мерам борьбы с ним. В качестве экскурсоводов выступали студенты-медики. Экспозиция привлекла большое количество посетителей, однако автор материала «Выставка, посвященная туберкулезу», отметил, что «...заметен неполный и случайный подбор экспонатов...», а плакаты со статистикой о заболевании по России и миру относились «... к старому периоду, не позже 1910 года...» [16, с. 2]. Итогом акции стал сбор около 39 550 руб. (продажа журнала, кружечный сбор, лотерея), дополнительно по подписным книжкам поступило от 16 000 до 20 000 руб. Отчет о проделанной в г. Омске работе планировалось представить на Втором Всероссийском съезде по борьбе с туберкулезом в г. Москве [14, с. 1].

Оценивая суммы финансовых поступлений, важно оговориться, что в тот период в СССР шла масштабная финансовая реформа Г. Я. Сокольникова — Н. Н. Кутлера, в ходе которой стабилизировалось и унифицировалось денежное обращение. В ходе ступенчатой деноминации 1 руб. денежными знаками образца 1922 г. приравнивался к 10 000 руб. в ранее выпущенных купюрах, а 1 руб. образца 1923 г. был равен 100 руб. денежными знаками образца 1922 г. или 1 млн руб. в дореформенных купюрах [17, с. 36].

Трехдневник по борьбе с туберкулезом был проведен и в населенных пунктах Омской губернии. Так, в г. Славгороде мероприятие прошло со 2 по 6 июня 1923 г. Перенос акции на июнь был связан с тем, что в мае в городе осуществлялись антихолерные мероприятия [18, л. 2]. В дни акции по борьбе с туберкулезом в г. Славгороде прошли кружечные сборы и продажа жетонов в учреждениях и на улицах города. В летнем саду представлялись благотворительные спектакли, перед началом которых читались лекции на тему распространения туберкулеза. Чистый сбор пожертвований составил 5940 руб. 86 коп. [18, л. 3 об.].

В августе 1923 г. при финансовой поддержке Омского губернского отдела здравоохранения и части суммы, вырученной от трехдневника по борьбе с туберкулезом (862 руб. 09 коп.), про-

тивотуберкулезный диспансер в г. Омске был открыт по адресу: ул. Почтовая, 34. Он располагался в бывшем частном доме, перед которым был пустырь. Возглавила учреждение Елизавета Семеновна Волкова. В диспансере работали пять человек (три врача и два человека обслуживающего персонала). При медицинском учреждении действовала бесплатная столовая, для детей летом была предусмотрена «солнечная площадка». Сотрудники диспансера оказывали не только медицинскую помощь, но и проводили профилактические осмотры рабочих типографий, школьников и воспитанников детских домов. Осенью 1923 г. противотуберкулезный диспансер также был открыт при отделе здравоохранения Омской железной дороги. Его возглавил доктор Богословский.

В феврале 1924 г. вышло постановление ВЦИК о проведении трехдневника по борьбе с туберкулезом по всей стране. В г. Омске датами проведения акции были определены 25, 26 и 27 мая 1924 г. [18, л. 30]. Устройство трехдневника по борьбе с туберкулезом совпадало с осуществляемыми в городе сборами в пользу беспризорных детей и жителей Славгородского уезда, пострадавших от голода. В связи с этим члены Комиссии по проведению трехдневника по борьбе с туберкулезом планировали обратиться в Омский губернский исполнительный комитет с просьбой взимать с 25 по 27 мая 1924 г. дополнительный налог в пользу акции с продажи билетов в театре, кинотеатрах и цирке, а также разрешить получение выплат (до 10 %) с каждого выигрыша в казино [18, л. 39].

Мероприятия в 1924 г. в Омской губернии были направлены на пропаганду профилактики детского туберкулеза. Одной из задач трехдневника являлся также сбор средств на открытие при диспансере приюта-убежища для больных туберкулезом 3-й стадии. Помещение для учреждения было уже выделено и оборудовано, но не хватало средств в размере 3367 руб. на закупку белья и годового содержания больных [18, л. 35].

В 1924 г. по примеру предшествовавшего года было выпущено тематического издание — однодневная газета «На борьбу с туберкулезом». Тираж 5000 экземпляров (по иным данным — 4000 экземпляров [19, с. 8]) был отпечатан бесплатно.

Часть газетной бумаги была пожертвована, а другая — закуплена Комиссией по проведению трехдневника по борьбе с туберкулезом на средства, вырученные от размещения объявлений [18, л. 60 об.]. Партия газетного тиража была разослана по уездам для распространения.

В Омском медицинском институте вновь была организована выставка, которую за неделю работы посетило 6580 чел. [18, л. 61 об.]. Студенты-медики проводили агитационные работы в школах и домах города. Они занимались с детьми изготовлением тематических стенгазет, устраивали лекции и беседы на темы, связанные с предотвращением распространения туберкулеза. Учащиеся школы им. Луначарского поделились с редакцией газеты «Рабочий путь» впечатлениями от мероприятий: «Мы исполнили все 10 заповедей гигиены, которые прислали нам студенты мединститута» [19, с. 8]. Правилами считались следующие «заповеди»:

1. Не плюйте на пол, на тротуар, на землю и запрещайте плевать другим.
2. Не поднимайте пыли, подметая сухой пол.
3. Дезинфицируйте вновь снимаемую комнату или квартиру.

4. Дезинфицируйте вещи, скупаемые по случаю — на базаре, в комиссионной лавке и проч.
5. Всегда кипятите молоко.
6. Ради здоровья будьте во всем воздержанны.
7. Соблюдайте вокруг себя чистоту.
8. Бойтесь тесных помещений, куда не заглядывает солнце.

9. Возможно чаще проветривайте легкие чистым воздухом.

10. Принимайте участие в противотуберкулезной работе. [20, с. 4].

В некоторых учреждениях были реализованы агитационные и профилактические мероприятия среди работников и членов их семей. Так, для детей служащих водного транспорта была организована прогулка на пароходе «Светлая Россия» до пристани Чернолучье. Во время путешествия медик парохода тов. Петров беседовал с детьми о мерах профилактики легочных заболеваний, а затем прочитал на данную тему лекцию жителям с. Чернолучье [18, л. 76 об.].

Апофеозом трехдневника по борьбе с туберкулезом в г. Омске стало устройство 27 мая 1924 г. на стадионе демонстрации с агитационными транспарантами, в которой приняли участие 4000 чел., среди них — учащиеся школ и воспитанники детдомов города [18, л. 61а]. Итогом трехдневной акции стал денежный сбор средств в размере 1939 руб. 32 коп. [18, л. 62]. Однако этих средств оказалось недостаточно на открытие приюта-убежища для больных туберкулезом 3-й стадии, и от этой идеи пришлось отказаться.

В конце сентября 1924 г. заведующая диспансером Е. С. Волкова на заседании Омского медицинского общества выступила с докладом о прошедшем 15–22 сентября 1924 г. в г. Харькове Третьего Всесоюзного туберкулезного съезда. Она отметила, что проведение всесоюзных трехдневников по борьбе с туберкулезом плодотворно влияет на работу по профилактике легочных заболеваний и способствует увеличению количества противотуберкулезных диспансеров. Так, выступающая указала, что в 1923 г. в стране было 56 специализированных учреждений, а в 1924 г. их количество увеличилось до 106 [21, с. 59].

В начале 1925 г. Е. С. Волкова подняла вопрос об открытии в городе туберкулезной больницы. Диспансер не справлялся с потоком заболевших, несмотря на привлечение к работе в нем помимо основного персонала студентов мединститута. К тому же учреждение обслуживало и предприятия. Так, к ним обращались работники типографии газеты «Рабочий путь», в которой из 230 служащих — 40 % имели проблемы с легкими [22, л. 30]. Благодаря усилиям врачей и местной администрации больница на 25 кроватей для больных туберкулезом 2-й и 3-й стадий была открыта в марте 1925 г. в здании по ул. Войсковая, 5.

По примеру прошлых лет 29, 30 и 31 мая 1925 г. в г. Омске прошел трехдневник по борьбе с туберкулезом под лозунгом — «Оздоровление труда и быта трудящихся и углубление диспансера». Основное внимание сосредоточилось вокруг проблемы распространения легочных заболеваний среди рабочих и служащих на предприятиях Омской губернии [23, с. 6].

К 29 мая 1925 г. была подготовлена однодневная газета «На борьбу с туберкулезом», которую бесплатно отпечатали сотрудники типографии «Рабочий путь». Издание содержало статьи врачей города,

«алтайскую сказку» Г. А. Вяткина и другие материалы. Цена за газету была определена в 5 коп. [24, с. 8.]. Все поступившие средства, а также собранные пожертвования по Ново-Омску (ныне Кировский административный округ г. Омска), поступили в пользу диспансера. Часть средств была потрачена на приобретение обуви для больных детей, закупку тематической литературы, изготовление диаграмм и т. д. [25, л. 153].

В октябре 1925 г. в Омске в здании по ул. Красный путь, 99 был открыт второй противотуберкулезный диспансер [22, л. 60]. Это значительно стабилизировало работу первого противотуберкулезного диспансера и позволило значительно расширить прием пациентов.

С 1926 г. трехдневники по борьбе с туберкулезом стали устраиваться осенью. На некоторых предприятиях еще с начала сентября стали проводиться сборы средств среди сотрудников. Так, среди работников дрожжевого завода подписные листы распространялись 11 сентября 1926 г. Пожертвованные суммы от каждого работника составляли от 10 до 40 коп. [26, с. 8].

13 сентября 1926 г. Омским окружным исполнительным комитетом было дано согласие на проведение трехдневника по борьбе с туберкулезом. Для получения больших средств от акции власти округа приняли решение 17, 18 и 19 сентября все платные постановки, концерты, киносеансы и т. д. освободить от уплаты местных налогов со зрелищ. В ресторанах и пивных г. Омска в эти дни с 8 вечера устанавливалась надбавка на спиртные напитки по 5 коп. с каждой проданной бутылки. Все вырученные таким образом средства владельцам заведений следовало по особым квитанциям передавать членам Комиссии по организации трехдневника. Кроме этого, Омским окружным исполнительным комитетом был разрешен выпуск традиционной однодневной газеты «Все на борьбу с туберкулезом» с продажей по цене 10 коп. за экземпляр.

Проведение акции началось вечером 16 сентября 1926 г. с торжественного заседания в одной из аудиторий Омского медицинского института. На мероприятии присутствовали сотрудники и студенты как медицинского института, так и других вузов города, рабочие местных предприятий. Заседание открыл заведующий Омским окружным отделом здравоохранения и председатель окружного Комитета по проведению туберкулезного трехдневника Ершов, который сообщил о целях и задачах акции и о достижениях советской медицины. С докладом о работе омского тубдиспансера выступила Е. С. Волкова. Далее были представлены несколько докладов, обращавших внимание слушателей на совместную работу как врачей, так и местного населения по борьбе с распространением туберкулеза в Омске и на необходимость развития санитарно-курортного дела в Сибири. В конце заседания прошел торжественный концерт [27, с. 6].

Одним из лозунгов трехдневника по борьбе с туберкулезом в 1926 г. стал лозунг — «Долой антисанитарию!». По примеру прошлых лет в аудитории медицинского института была открыта выставка, посвященная борьбе с туберкулезом, созданная силами студентов.

Одним из ключевых экспонатов стала подготовленная сотрудниками туберкулезного диспансера карта г. Омска с отметками очагов туберкулеза. Кроме этого, на выставке были представлены плакаты, диаграммы, фотографии, а также анатомиче-

ские препараты пораженных туберкулезом частей тела человека. Желающие могли посмотреть в микроскоп на мокроту больного туберкулезом. Отдельный раздел экспозиции был посвящен влиянию алкоголизма на развитие болезни. Действовала выставка в течение трехдневника по борьбе с туберкулезом с 10 утра до 10 вечера. Посещение выставки организовывалось по предварительной записи в медицинском институте [28, с. 8]. Уже в первый день работы выставки ее посетило 313 чел.

Основное внимание в рамках трехдневника по борьбе с туберкулезом было обращено на проведение профилактических бесед среди школьников. По статистическим данным за 1925 г. в Омске из 1039 чел., умерших от туберкулеза, — 504 чел. являлись детьми [29, с. 8]. Первоначальная попытка сотрудников туберкулезного диспансера собрать учащихся на профилактическую беседу не увенчалась успехом. Тогда они обратились к учителям с просьбой делегировать наиболее сознательных пионеров, с которыми была проведена разъяснительная беседа, а также выданы брошюры и плакаты для дальнейшего распространения информации в классах.

В дни реализации трехдневника по борьбе с туберкулезом вновь было обращено внимание на условия труда рабочих на омских предприятиях. В газете «Рабочий путь» за 17 сентября 1926 г. была размещена статья «Грязь и пыль любим — ею себя погубим», в которой сотрудник местной типографии указал на проблему высокого уровня страдающих туберкулезом среди своих коллег. Автор статьи отметил, что проведение разъяснительных бесед среди работников типографии не увенчалось успехом, рабочие продолжали плевать на пол в цехах, тем самым распространяя через мокроту заразу. Кроме этого, были отмечены плохие условия труда на предприятиях — рабочие были вынуждены питаться в цехах с высоким содержанием пыли. Для снижения процента заболевших туберкулезом на предприятии автор предлагал выделять отдельные помещения для приема пищи [30, с. 8].

Трехдневник по борьбе с туберкулезом — с 19 по 21 ноября 1926 г. — состоялся на Омском железнодорожном узле. Комиссию по проведению мероприятия возглавил санитарный врач станции г. Омска С. А. Пулькис. Ко дню начала акции была выпущена газета «На борьбу с туберкулезом», которая реализовывалась по 15 коп. Трехдневник был ориентирован на привлечение внимания к туберкулезу как профессиональной болезни служащих и рабочих железной дороги.

В мае 1927 г. Омский окружной исполнительный комитет поддержал ходатайство окружного отдела здравоохранения по проведению трехдневника по борьбе с туберкулезом в Омской области. Днями проведения акции были определены 14, 15 и 16 октября 1927 г. Для реализации мероприятия было поручено создать Окружной комитет под председательством заведующего окружного отдела здравоохранения Вахмянина. В состав комитета должны были войти представители от окружного отдела здравоохранения, окружного совета профессиональных союзов, окружного финансового отдела, окружных комитетов ВКП (б) и ВЛКСМ, медицинского института и отдела по работе среди женщин [31, л. 186]. При Окружном комитете действовало бюро в составе шести человек, которое отвечало за три направления деятельности: литературно-издательскую, агитационно-зрелищную и финансо-

вую. В подчинении ему действовали районные комиссии при социальных советах тубдиспансеров № 1 и 2. В их состав входили студенты медицинского института, которые занимались привлечением работников предприятий и учреждений районов к участию в трехдневниках по борьбе с туберкулезом, а также организацией работы со школами и детскими домами. Члены Окружного комитета планировали подготовить за несколько дней до акции ряд радиопередач, а 16 октября 1927 г. полностью занять эфирное время и посвятить его вопросам профилактики туберкулеза.

В 1927 г. одной из поднятых в дни проведения трехдневника тем стало распространение заболевания в сельской местности. В своей статье «Деревня неблагоприятна к туберкулезу» для газеты «Рабочий путь» профессор Н. Д. Либеров обратил внимание на то, что жители сел и деревень «...туберкулеза не знали, в детстве не переносили и восприимчивостью к нему не обладали» [32, с. 4]. Контакты с горожанами, а особенно с демобилизовавшимися и вернувшимися домой после Первой мировой и Гражданской войн воинами, приводили к тому, что сельское население заболело острыми формами болезни с летальными исходами.

В начале 1928 г. в тарской газете «Советская деревня» была опубликована заметка местного врача Лось-Гербера о необходимости создания при доме отдыха в с. Екатерининское небольшого санатория для туберкулезных больных. Согласно данным Тарской амбулатории за одиннадцать месяцев 1927 г. в нее обратилось 544 чел. с туберкулезом легких. Большинство из них было в возрасте от 15 до 35 лет с открытой формой туберкулеза [33, с. 4]. Заметка Лось-Гербера привлекла внимание местной общественности, и его предложение об открытии санатория получило поддержку. В г. Таре в начале июня 1927 г. под лозунгом «... за новый культурный быт, за использование целебных сил природы, солнца, воды, свежего чистого воздуха, сада...» прошел трехдневник по борьбе с туберкулезом [34, с. 4]. Главной задачей акции являлось: «... культурно окрепнуть и научиться пользоваться солнцем, воздухом и светом» [35, с. 4].

В конце лета 1928 г. тубдиспансер № 1 в Омске отмечал пятилетие своей деятельности. Сотрудники медицинского учреждения подвели итоги своей работы за этот период, отметив не только успехи самого диспансера, но и действовавших при нем столовой и «солнечной площадки». В финансовом плане учреждение зависело от выделяемых средств государством, а также от «небольшого фонда социальной помощи», в который поступали денежные суммы от трехдневников и частных пожертвований.

Осенью 1928 г. в г. Омске появилось новое медицинское учреждение — детский санаторий для больных костным туберкулезом на 80 кроватей. Ранее заболевших детей принимал тубдиспансер № 1. Разместили вновь открывшийся санаторий в центре Омска в знаменитом просторном и комфортабельном каменном особняке на берегу Иртыша, в котором изначально жила влиятельная и состоятельная семья Батюшкиных (ныне ул. Иртышская наб., 9). В 1918–1919 гг. дом стал Личной резиденцией Верховного правителя А. В. Колчака. Перед размещением санатория здание в течение трех лет занимал Омский окружной отдел ОГПУ. Примечательно, что детский костнотуберкулезный санаторий будет размещаться здесь целых четыре десятилетия [36, с. 85].

Врач П. Н. Владимирский в своей статье «Культура — могила туберкулеза», опубликованной в газете «Рабочий путь» 2 октября 1928 г., отмечал, что к концу 1920-х гг. в стране в деле предупреждения и лечения легочных заболеваний отмечались существенные сдвиги.

Немалую роль в этом сыграли ежегодные трехдневники по борьбе с туберкулезом. Однако, по мнению врача, этого было недостаточно. Требовалось более глубокое погружение в проблему на бытовом уровне, подъем общественной и санитарной культуры среди населения [37, с. 2].

В 1929 г. общеокружной трехдневник по борьбе с туберкулезом — 28, 29 и 30 сентября — затрагивал тему влияния алкоголизма на снижение иммунитета и ухудшения питания человека, а следовательно, подверженность организма заражению туберкулезом. По примеру прошлых лет в дни акции была издана газета, устроены тематические выставки в мединституте, в Доме крестьянина, в туберкулезных диспансерах. Собранные во время проведения трехдневника средства планировалось направить на открытие на территории округа школ-санаториев для детей, болеющих костным туберкулезом.

Выводы и дискуссия

Как видим, проведение трехдневников по борьбе с туберкулезом являлось одной из форм профилактических мероприятий. Главная цель акций заключалась в привлечении внимания к сложившейся проблеме в целом; информировании населения о медицинских учреждениях, куда они могли бы обратиться; разъяснении необходимости соблюдения санитарных норм на предприятиях, в быту и т. д. В организационную работу были включены студенты Омского медицинского института, которые проводили тематические беседы со школьниками, устраивали экскурсии на выставках, посвященных туберкулезу и мерах борьбы с ним, и т. д.

Как показала практика, сбор денежных средств во время акций на открытие и работу специализированных медицинских учреждений был недостаточным. Например, за 1923—1925 гг. общая сумма, поступившая с трехдневников по борьбе с туберкулезом в омский тубдиспансер № 1, составила всего 3023 руб. 54 коп. [38, л. 58 об.]. Для улучшения ситуации требовалось увеличение финансирования со стороны государства. Тем не менее, озвученные на акциях проблемы, повлияли на открытие в г. Омске новых специализированных медицинских учреждений, одно из которых было ориентировано только на детей.

Трехдневники по борьбе с туберкулезом имели существенное влияние на формирование в СССР движения против распространения заболевания, ставшего одним из ключевых социальных последствий Гражданской войны. Пример Омского региона свидетельствует о сложившейся ежегодной традиции, которая получила значительную поддержку как среди медицинских работников округа, так и местной общности. Проблема распространения заболевания не исчерпала себя, но было много сделано для ее купирования.

Завершая повествование, подчеркнем, что проведенное исследование, хотя и не позиционируется как исчерпывающее, однако может послужить составяющей частью сравнительных и макрорегиональных обобщений, что будет важно для изучения аспектов социальной истории советской Сибири 1920-х гг.

Благодарности / Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта № 22-78-00160 «Участие населения Сибири в социальных акциях и праздниках советской России (1920—1941 гг.)».

The study was supported by Russian Science Foundation, project no. 22-78-00160 «Participation of the population of Siberia in social actions and holidays of Soviet Russia (1920—1941)».

Список источников / References

1. Число туберкулезных в г. Омске // Белый цветок. 1914. 13 апреля. С. 2.
Chislo tuberkuleznykh v g. Omske [Number of tuberculosis patients in Omsk]. *Belyy Tsvetok*. 1914. April 13. P. 2. (In Russ.).
2. Биншок В. Регистрация и статистика туберкулеза // Борьба с туберкулезом. Сб. 3, вып. 1. Москва: Государственное издательство, 1922. С. 62—70.
Binshok V. Registratsiya i statistika tuberkuleza [Tuberculosis registration and statistics] // *Bor'ba s tuberkulezom* [The fight against tuberculosis]. Coll. of articles 3, Issue 1. Moscow, 1922. P. 62—70. (In Russ.).
3. Мунблит Е. Деятельность Секции борьбы с туберкулезом Наркомздрава // Борьба с туберкулезом. Сб. 3. Вып. 1. Москва: Государственное издательство, 1922. С. 3—13.
Munblit E. Deyatel'nost' Seksii bor'by s tuberkulezom Narkomzdrava [Activities of the section on tuberculosis of the People's Commissariat of Health] // *Bor'ba s tuberkulezom* [The fight against tuberculosis]. Coll. of articles 3, Issue 1. Moscow, 1922. P. 3—13. (In Russ.).
4. Яковенко В. А. Здоровье населения и социальная стратификация в публицистике Н. А. Семашко (1918—1928 гг.) // Россия и современный мир. 2020. № 3. С. 191—203. DOI: 10.31249/rsm/2020.03.12. EDN: KYTLNF.
Yakovenko V. A. Zdorov'ye naseleniya i sotsial'naya stratifikatsiya v publitsistike N. A. Semashko (1918—1928 gg.) [The health of population and social stratification in N. A. Semashko's publicistic writing (1918—1928)]. *Rossiya i sovremennyy mir. Russia and the Contemporary World*. 2020. No. 3. P. 191—203. DOI: 10.31249/rsm/2020.03.12. EDN: KYTLNF. (In Russ.).
5. Тополев И. Белая ромашка Красной Москвы // Туберкулезный трехдневник: илл. сб. 1922. 24, 25, 26 ноября. С. 5.
Topolev I. Belaya romashka Krasnoy Moskvyy [White Chamomile of Red Moscow] // *Tuberkuleznyy trekhndevnik: ill. sb.* [Tuberculosis three-day clinic: an illustrated collection]. 1922. November 24, 25, 26. P. 5. (In Russ.).
6. Мороз А. И., Мороз В. В. Деятельность Забайкальского губернского отдела здравоохранения по санитарному просвещению в 1923—1926 гг. // История медицины. 2019. Т. 6, № 3. С. 181—188. DOI: 10.17720/2409-5583.t6.3.2019.01a. EDN: CLISCA.
Moroz A. I., Moroz V. V. Deyatel'nost' Zabaykal'skogo gubernskogo otdela zdravookhraneniya po sanitarnomu prosveshcheniyu v 1923—1926 gg. [The work of the Transbaikalian provincial department of health on health education in 1923—1926]. *Istoriya Meditsiny*. 2019. Vol. 6, no. 3. P. 181—188. DOI: 10.17720/2409-5583.t6.3.2019.01a. EDN: CLISCA. (In Russ.).
7. Ананьин С. А. Исторические аспекты развития профилактического направления здравоохранения в стране в период 1917—1936 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 9—19. EDN: LFCHGX.
Anan'in S. A. Istoricheskiye aspekty razvitiya profilakticheskogo napravleniya zdravookhraneniya v strane v period 1917—1936 gg. [The development of prevention within the soviet health care system during the period of 1917—1936: historical aspects]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*.

Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2020. No. 1. P. 9–19. EDN: LFCHGX. (In Russ.).

8. Кежутин А. Н. Деятельность органов здравоохранения Нижегородского края по борьбе с социальными болезнями на рубеже 1920–1930-х гг. // *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 1. С. 94–97. DOI: 10.24158/fik.2019.1.15. EDN: YURNWP.

Kezhutin A. N. Deyatel'nost' organov zdravookhraneniya Nizhegorodskogo kraya po bor'be s sotsial'nymi boleznyami na rubezhe 1920–1930-kh gg. [The fight of health authorities in Nizhny Novgorod territory against social diseases at the turn of the 1920s-1930s]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. Society: Philosophy, History, Culture*. 2019. No. 1. P. 94–97. DOI: 10.24158/fik.2019.1.15. EDN: YURNWP. (In Russ.).

9. Кистенева О. А., Кистенев В. В. Противотуберкулезные трехдневники как один из видов борьбы с туберкулезом в Белгородском уезде Курской губернии в 1920-е годы // *Коллекция гуманитарных исследований*. 2022. № 2. С. 31–37. DOI: 10.21626/j-chr/2022-2(31)/4. EDN: ENIFYF.

Kisteneva O. A., Kistenev V. V. Protivotuberkuleznye trekh dnevniki kak odin iz vidov bor'by s tuberkulezom v Belgorodskom uyezde Kurskoj gubernii v 1920-e gody [Antituberculous three-days as one of the types of tuberculosis control in the Belgorod district of the Kursk province in the 1920s]. *Kolleksiya gumanitarnykh issledovaniy. The Collection of Humanitarian Studies*. 2022. No. 2. P. 31–37. DOI: 10.21626/j-chr/2022-2(31)/4. EDN: ENIFYF. (In Russ.).

10. Баладин А. И. Материалы по вопросу о распространении туберкулеза в Сибирском крае // *Сибирский медицинский журнал*. 1927. № 6-7. С. 30–39.

Balandin A. I. Materialy po voprosu o rasprostraneni tuberkuleza v Sibirskom krae [Materials on the spread of tuberculosis in the Siberian Region]. *Sibirskiy Meditsinskiy Zhurnal*. 1927. No. 6-7. P. 30–39. (In Russ.).

11. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 162А.

Istoricheskiy arkhiv Omskoj oblasti (IAOO) [Historical Archives of the Omsk Region (HAOR)]. File: P-308/1/162A. (In Russ.).

12. Сегодня последний день // *Рабочий путь*. 1923. 13 мая. С. 4.

Segodnya posledniy den' [Today is the last day]. *Rabochiy Put'*. 1923. May 13. P. 4. (In Russ.).

13. Вяткин Г. Во имя культуры // *На борьбу с туберкулезом: Омский туберкулезный трехдневник 11–13 мая 1923 г.* Омск: Тип. Центросоюза, 1923. С. 5.

Vyatkin G. Vo imya kul'tury [In the name of culture] // *Na bor'bu s tuberkulezom: Omskiy tuberkuleznyy trekh dnevniki 11–13 maya 1923 g.* [To fight against tuberculosis: Omsk tuberculosis three-day clinic, May 11–13, 1923]. Omsk, 1923. P. 5. (In Russ.).

14. А. Г. Что сделано в туберкулезный трехнедельник // *Рабочий путь*. 1923. 25 мая. С. 1.

A. G. Chto sdelayano v tuberkuleznyy trekhnedel'nik [What was done during the tuberculosis three-week period?]. *Rabochiy Put'*. 1923. May 25. P. 1. (In Russ.).

15. Пахов. В день туберкулезного больного // *Рабочий путь*. 1923. 16 мая. С. 2.

Pakhov. V den' tuberkuleznogo bol'nogo [On the Day of the Tuberculosis Patient]. *Rabochiy Put'*. 1923. May 16. P. 2. (In Russ.).

16. А. Л. Выставка, посвященная туберкулезу // *Рабочий путь*. 1923. 16 мая. С. 2.

A. L. Vystavka, posvyashchennaya tuberkulezu [Exhibition dedicated to tuberculosis]. *Rabochiy Put'*. 1923. May 16. P. 2. (In Russ.).

17. Буров М. Е. Денежные реформы 1922–1924 гг. и их роль в процессе формирования налоговой системы // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 4. С. 34–37. EDN: OMTUER.

Burov M. E. Denezhnyye reformy 1922–1924 gg. i ikh rol' v protsesse formirovaniya nalogovoy sistemy [Monetary reforms of 1922–1924 and their role in shaping the tax system]. *Vestnik Yaroslavl'skogo Gosudarstvennogo Universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Humanitarnye Nauki*. 2011. No. 4. P. 34–37. EDN: OMTUER. (In Russ.).

18. ИАОО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 94.

IAOO [HAOR]. File: P-308/1/94. (In Russ.).

19. Каковы итоги туберкулезника // *Рабочий путь*. 1924. 1 июня. С. 4.

Kakovy itogi tuberkuleznika [What are the results of tuberculosis]. *Rabochiy Put'*. 1923. June 1. P. 4. (In Russ.).

20. Клячкин В. Туберкулезные заповеди // *Рабочий путь*. 1925. 31 мая. С. 8.

Klyachkin V. Tuberkuleznye zapovedi [Tuberculosis commandments]. *Rabochiy Put'*. 1923. May 31. P. 8. (In Russ.).

21. Протоколы заседаний Омского медицинского общества за 1924–1925 гг. Омск: Тип. Омского губернского исправительно-трудового дома, 1925. 67 с.

Protokoly zasedaniy Omskogo meditsinskogo obshchestva za 1924–1925 gg. [Omsk Medical Society Minutes of the meetings of the 1923–1924 biennium]. Omsk, 1925. 67 p. (In Russ.).

22. ИАОО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 368.

IAOO [HAOR]. File: P-308/1/368. (In Russ.).

23. Клячкин В. Зависимость туберкулеза от деятельности диспансера и от условий труда и быта учащихся // *Рабочий путь*. 1925. 23 мая. С. 6.

Klyachkin V. Zavisimost' tuberkuleza ot deyatel'nosti dispansera i ot usloviy truda i byta uchashchikhsya [The dependence of tuberculosis on the activities of the dispensary and on the working and living conditions of students]. *Rabochiy Put'*. 1923. May 23. P. 6. (In Russ.).

24. Однодневная газета «На борьбу с туберкулезом» // *Рабочий путь*. 1924. 20 мая. С. 8.

Odnodnevnyaya gazeta «Na bor'bu s tuberkulezom» [One-day newspaper "To fight against tuberculosis"]. *Rabochiy Put'*. 1924. May 20. P. 8. (In Russ.).

25. ИАОО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 16.

IAOO [HAOR]. File: P-1228/1/16. (In Russ.).

26. Г. Ш. Мы помогаем. А как другие? // *Рабочий путь*. 1926. 17 сентября. С. 8.

G. Sh. My pomagayem. A kak drugiye? [We're helping. What about the others?]. *Rabochiy Put'*. 1924. September 17. P. 8. (In Russ.).

27. Как открылся трехдневник по борьбе с туберкулезом // *Рабочий путь*. 1926. 19 сентября. С. 6.

Kak otkrylsya trekh dnevniki po bor'be s tuberkulezom [How the tuberculosis control three-day event was opened]. *Rabochiy Put'*. 1926. September 19. P. 6. (In Russ.).

28. Сегодня открывается выставка по борьбе с туберкулезом // *Рабочий путь*. 1926. 17 сентября. С. 8.

Segodnya otkryvayetsya vystavka po bor'be s tuberkulezom [An exhibition on tuberculosis control opens today]. *Rabochiy Put'*. 1926. September 17. P. 8. (In Russ.).

29. А. Борьба с туберкулезом // *Рабочий путь*. 1926. 12 сентября. С. 8.

L. Bor'ba s tuberkulezom [Fight against tuberculosis]. *Rabochiy Put'*. 1926. September 12. P. 8. (In Russ.).

30. Тачка. Грязь и пыль любим — ею себя погубим // *Рабочий путь*. 1926. 17 сентября. С. 8.

Tachka. Gryaz' i pyl' lyubim — eyu sebya pogubim [We love dirt and dust, and we'll ruin ourselves with it]. *Rabochiy Put'*. 1926. September 17. P. 8. (In Russ.).

31. ИАОО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 117.

IAOO [HAOR]. File: P-28/1/117. (In Russ.).

32. Либеров Н. Деревня неблагоприятна для туберкулеза! // *Рабочий путь*. 1927. 18 октября. С. 4.

Liberov N. Derevnya neblagopoluchna dlya tuberkuleza! [The village is not good for tuberculosis!]. *Rabochiy Put'*. 1926. October 18. P. 4. (In Russ.).

33. Лось-Гербер. Дадим лечение туберкулезным // Советская деревня. 1928. 15 апреля. С. 4.

Los'-Gerber. Dadim lecheniye tuberkuleznym [We will give treatment to tuberculosis patients]. *Sovetskaya Derevnya*. 1928. April 15. P. 4. (In Russ.).

34. Трехдневник по борьбе с туберкулезом // Советская деревня. 1928. 13 июня. С. 4.

Trekhdnevnik po bor'be s tuberkulezom [Three days of tuberculosis control]. *Sovetskaya Derevnya*. 1928. June 13. P. 4. (In Russ.).

35. Тетерин. За чистоту в жилом доме // Советская деревня. 1928. 3 июня. С. 4.

Teterin. Za chistotu v zhilom dome [For cleanliness in an apartment building]. *Sovetskaya Derevnya*. 1928. June 3. P. 4. (In Russ.).

36. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных: моногр. Омск: Золотой тираж, 2021. 140 с. EDN: TJZQCR. ISBN 978-5-8042-0752-7.

Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinykh [History of the Omsk family Batyushkin]. Omsk, 2021. 140 p. EDN: TJZQCR. ISBN 978-5-8042-0752-7. (In Russ.).

37. Владимирский. Культура — могила туберкулеза // Рабочий путь. 1928. 2 октября. С. 2.

Vladimirskiy. Kul'tura — mogila tuberkuleza [Culture is the grave of tuberculosis]. *Rabochiy Put'*. 1926. October 2. P. 2. (In Russ.).

38. ИАОО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 44.

ИАОО [IAOR]. File: P-1228/1/44. (In Russ.).

ТИШКИНА Ксения Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Сибирского федерального университета, г. Красноярск; доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

г. Барнаул.

AuthorID (РИНЦ): 769369

ORCID: 0000-0002-2342-0548

ResearcherID: ABC-2328-2021

Адрес для переписки: ksetishina@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.

TISHKINA Kseniya Alekseyevna, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; Associate Professor of the Archaeology, Ethnography, and Museology Department, Altai State University, Barnaul.

AuthorID (RSCI): 769369

ORCID: 0000-0002-2342-0548

ResearcherID: ABC-2328-2021

Correspondence address: ksetishina@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПАНТЮРКИЗМЕ: ПРОБЛЕМАТИКА, НАРРАТИВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. М. Гумеров, Ю. Н. Гусева

Московский городской педагогический университет,
Россия, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4/1

В статье зафиксирована активизация исследовательского интереса российских ученых к тематике политического тюркизма, пантюркизма на протяжении 2000–2024 гг. При помощи методов количественного и качественного анализа характеризуются основные направления исследований и научных дискуссий, наиболее распространенные академические нарративы, связанные с идейными, политическими, географическими аспектами изучения данной темы, а также обозначаются перспективные направления исследований. В результате делается вывод о многообразии научных подходов в изучении политического тюркизма в последние десятилетия в российской гуманитарной науке, их сильных и слабых сторонах.

Ключевые слова: российская историография, тюркизм, пантюркизм, российско-турецкие отношения, внешняя и внутренняя политика Турции, неоосманнизм, неопантюркизм, коллективный тюркизм.

Для цитирования: Гумеров М. М., Гусева Ю. Н. Современная российская историография о пантюркизме: проблематика, нарративы и перспективы исследований // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 46–54. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-46-54. EDN: CVEQII.

© Гумеров М. М., Гусева Ю. Н., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON PAN-TURKISM: ISSUES, NARRATIVES AND RESEARCH PERSPECTIVES

M. M. Gumerov, Ju. N. Guseva

¹Moscow City University, Russia, Moscow, 2nd Sel'skokhozyaystvennyy Dr., 4/1, 129226

The article critically examines contemporary Russian historiography on Pan-Turkism from 2000 to 2024, identifying key thematic clusters, methodological trends, and unresolved debates. Through a combination of bibliometric analysis and qualitative content evaluation, the study reveals a marked increase in scholarly output after 2015, closely tied to fluctuations in Russo-Turkish relations. The analysis distinguishes three dominant interpretive frameworks: securitization narratives framing Pan-Turkism as a geopolitical threat, cultural-historical approaches emphasizing identity formation, and policy-oriented studies analyzing Turkey's regional influence. Methodologically, the field remains divided between traditional diplomatic history and emerging interdisciplinary perspectives, with only limited engagement with digital humanities or postcolonial theory. A persistent tension is observed between essentialist interpretations reproducing imperial security discourses and more nuanced studies deconstructing the "Turkic world" concept. The article highlights significant regional asymmetries—while Volga-Ural and Crimean case studies abound, Central Asian perspectives remain underrepresented. The conclusion outlines promising research directions, including comparative studies of Turkic identity politics, critical reassessment of archival narratives, and analysis of digital media's role in Pan-Turkic mobilization. This meta-analysis contributes to broader discussions about decolonizing Eurasian studies and the evolving relationship between academic production and foreign policy discourses in post-Soviet scholarship.

Keywords: Russian historiography, Turkism, pan-Turkism, Russian-Turkish relations, foreign and domestic policy of Turkey, neo-Ottomanism, neo-Turkism, collective Turkism.

Введение

Гуманитарная наука давно и прочно включает в себя целый спектр тюркологических исследований с тенденцией к их постоянному росту. Турецкие специалисты Бурак Сёзер и Жуддыз Сахи, проанализировав тематику статей в области тюркологии, отмечают, что с 2004 г. по настоящее время количество тюркологических исследований неуклонно увеличилось [1].

Целью исследования является оценка направлений изучения политического тюркизма в последние десятилетия в российской гуманитарной науке. Для этого, используя методы количественного (частотность ключевых слов в публикациях, размещенных на платформе eLIBRARY) и контент-анализа массива статей и монографий на русском языке историко-политологического характера в 2000–2024 гг., выделим популярные темы исследований. Затем обозначим наиболее дискуссионные вопросы, зафиксируем пробелы и потенциально важные, перспективные направления будущих исследований. Наконец, сделаем несколько ключевых замечаний относительно влияния общественно-политического фона на развитие этой научной отрасли.

Важное предварительное замечание касается терминологии. В современном турецком академическом и политическом дискурсах актуальная политика Турции в отношении тюркских народов описывается терминами «тюркский мир»¹, «тюркское единство»², «тюркская мягкая сила»³. В целом, наблюдается тенденция к замене термина «пантюркизм» (Pantürkizm) на «тюркизм» (Türkçülük). Почему это происходит? В первую очередь, потому что пантюркизм исторически ассоциируется с радикальными проектами начала XX в. (например, с кампанией Энвер-паши в Средней Азии) и иными ультранационалистическими движениями. Турция сегодня позиционирует себя как центр «умеренного» тюркского мира, а открытые пантюркистские лозунги могут вызвать опасения и негативные исторические ассоциации у России, Китая и центральноазиатских республик. Это смешение имеет и историческую подоплеку: оно произошло после принятия младотурками пантюркизма в качестве официальной идеологии накануне Первой мировой войны [2].

Для турецких социальных сетей и электронных СМИ, продвигающих дискурс тюркского единства, также характерна повсеместная замена термина «пантюркизм» (Türkçülük, тюркчюлюк) на «тюркизм/туркизм» (Türklük, тюркчлюк)», однако единого понимания в отношении понятия «тюркчлюк» не достигнуто: одни отделяют его от турецкого национализма, другие, напротив, отождествляют. «Такое смешение терминов объясняется и намеренным выведением слова «пантюркизм» из оборота еще со времен Ататюрка», — отмечает В. Иванова [3, с. 70].

Тем временем в англоязычной литературе термин «пантюркизм» (Pan-Turkism) встречается значительно реже, чем в российской или турецкой

историографии, и обычно привязан к позднеосманскому периоду и раннереспубликанской Турции. Данный термин ассоциируется с конкретными историческими деятелями начала XX в. Современные западные интерпретации этого понятия часто носят критический и узкоспециальный характер.

В терминологическом отношении русскоязычный научный дискурс следует турецкому курсу: в описании современных тенденций развития тюркского мира и турецкой политики используются оба термина — тюркизм и пантюркизм и их производные⁴.

Наше предположение состоит в том, что исследования тюркизма/пантюркизма носят весьма динамичный и разнообразный характер, они отражают изменения академических установок российских ученых, а также современные проблемы и тревоги российской политической элиты и общества в отношении внешней политики Турции на постсоветском пространстве. Изучение прошлого, настоящего и проекция на будущее тюркизма, пантюркизма нередко носит политический характер, который обусловлен текущей социально-политической обстановкой и личными убеждениями историков.

Турция, Российская Федерация и Казахстан вносят наибольший вклад в область тюркологии (по вопросам языковых контактов и изучению языков) в целом. Россия, уступающая пальму первенства по количеству подобных публикаций только Турции, «демонстрирует сильную традицию тюркологических исследований»: «...большинство высококачественных публикаций по тюркологии написано исследователями, работающими в таких учреждениях, как Российская академия наук, Казанский федеральный университет и турецкий Университет Хаджеттепе (Hacettepe Üniversitesi)», — заключают Б. Сёзер и Ж. Сахи [1, с. 204].

Подобная тенденция вполне характерна и для проблематики политического единства тюркских народов. По ключевому слову «тюркизм» за период 2000–2024 гг. в публикациях, размещенных на платформе eLIBRARY (журналы, книги, материалы конференций), обнаруживается 458 публикаций. Ключевым словом «пантюркизм» отмечено 399 публикаций, при этом их появление хронологически неравномерно. Если в период с 2000–2015 гг. увидело свет только 87 исследований, то начиная с 2016 г. их число заметно возрастает и достигает 312.

Основные аспекты изучения тюркизма/пантюркизма в русскоязычной историографии обобщены нами (табл. 1). Далее представлено краткое описание каждого из них с выделением особо дискуссионных и слабоизученных вопросов.

Основная часть

Изученная нами историография относительно одина в определении «тюркизма/пантюркизма». Подавляющее большинство историков и политологов трактуют современный извод пантюркизма как идеологию, которая стремится объединить тюрк-

Таблица 1. Ключевые аспекты исследований тюркизма/пантюркизма в российской историографии в 2000–2024 гг.
Table 1. Key aspects of Turkism/pan-Turkism research in Russian historiography in 2000–2024

Аспект	Описание	Дискуссионные моменты
Сущность явления	Идеология, которая стремится объединить тюркские народы под единым политическим и культурным зонтиком; политико-культурное движение в поддержку общетюркской идентичности и объединения тюркских народов поверх национальных границ	Спектр оценок: от умеренно-сдержанных до тревожно-негативных
Внешняя и внутренняя политика Турции на современном этапе	Характеристика эволюции развития Турции в первой трети XX в. и ее воздействие на отношения с тюркоязычными и иными государствами и народами	Множественность понятий, отражающих суть процесса эволюции: «неоосманизм», «неопантюркизм», «пантуркизм», «коллективный тюркизм»
Тюркизм/пантюркизм в истории России	Изучение исторических корней возникновения и развития идей тюркского единства в Российской империи и СССР	Между радикальными оценками (укорененность протурецких и протюркских настроений) до умеренно-критических, ставящих под сомнение наличие реальной, заметной базы поддержки таких идей; переопределение тюркизма как «татарского» феномена

ские народы под единым политическим и культурным зонтиком; как политическое и культурное движение, направленное на поощрение общетюркской идентичности; как объединение тюркских народов поверх национальных границ и продвижение их интересов в глобальном масштабе.

Российская академия разделяет историческую и современную составляющие этого понятия. Исторически пантюркизм, сформировавшийся в недрах Османской империи на рубеже XIX–XX вв., был, прежде всего, интеллектуальным и культурным движением, разновидностью национализма восточных народов [4–6]. О. Сенюткина утверждает: «трактовка такого явления, как тюркизм, требует характеристики состояния социума, его породившего, на различных стадиях существования. Тюркизм выступает в конкретной действительности как проявление общественной активности всех слоев общества: как элиты, так и рядовых жителей деревень и городов» [7, с. 7].

Политологические оценки современного явления более разнообразны и продиктованы личными убеждениями специалистов и их отношением к Турции как к основному протагонисту данного конструкта. А. А. Сваранц определяет пантюркизм как «расистскую национал-шовинистическую, фашистскую идеологию, политическое содержание которой имеет агрессивный, экспансионистский характер» [8]. Менее категоричны специалисты, ориентированные на оценки происходящего не только в информационном поле, а, что называется, на земле [9].

Отношение российских научных школ к современной внутренней и внешней политике Турции не унифицировано, однако, именно оно во многом задает тон оценочных суждений в отношении пантюркизма как явления современной политики.

Большинство исследований фиксирует тесную связь концепции неоосманизма как неофициальной внешнеполитической доктрины Турции и пантюркизма, направленной на использование культурных и исторических связей для расширения ее влияния, утверждения в роли регионального лидера [10, с. 2; 11]. Изучается новая форма турецкого национализма, значительное влияние на который оказывает внешняя политика «неоосманской» эпохи, способствующая тюркоцентрической интеграции в рамках так называемого тюркского мира [3, с. 65; 5, 12].

Доминирующим фреймом большинства политологических публикаций является идея о том, что с приходом к власти Р. Т. Эрдогана страна взяла курс на постепенное возвращение Турции в мировую политику, а лейтмотив пантюркизма, сопряженного с неоосманизмом, постепенно стал локомотивом внешнеполитического движения этой страны. В. Надеин-Раевский предлагает именовать современный этап в развитии пантюркизма «пантуркизмом», целеполаганием которого является культурное и политическое объединение всех тюркских народов под эгидой Турции [13].

Современный национализм Турции характеризуется политическим эгоизмом, который осложняет отношения страны с мировыми державами, в частности с Россией и Соединенными Штатами, и стремлением проводить экспансионистскую политику в отношении тюркских государств в Центральной Азии и на Кавказе [12, 14, 15].

Еще в 2013 г. был предложен термин «неопантюркизм» для характеристики актуальной внешней политики Турции [10, с. 67–68]. Однако принципиальное отличие его от пантюркистских идей прошлого — неочевидно. «Неопантюркизм» в более поздней трактовке В. Аваткова подразумевает, что Анкара «должна будет играть роль "старшего брата", контролирующего происходящее во внутривосточном поле [тюркских] государств, а также диктующего всеобщие правила игры» [16, с. 117].

Крайне негативными являются оценки пантюркизма как интеграционного инструмента, представленные в работах Н. Минасян, А. Сваранца и ряда других авторов. Их объединяет понимание конечной цели Турции как политической интеграции тюркоговорящих стран с включением военного компонента: «создание мощного моноэтнического турецкого государства в качестве грандиозной стратегии против евразийских держав (Россия, Иран и Китай)», а лингвистическая, культурная и экономическая интеграции являются лишь ее прологами [17, с. 78; 18, 19].

В границах этой секьюритизированной логики находится подавляющее большинство политологических публикаций, посвященных пантюркизму как «инструменту воплощения экспансионистских устремлений Турецкой Республики в странах Центральной Азии». На ход анализа современных событий, предпринимаемых исследователями, исклю-

чительное влияние оказывает аналитическая оптика региональных угроз и угрозообразующих факторов, связанных с внутри- и внешнеполитическими интересами России [5, 20–23].

Воспринимаемая как зона российского влияния Центральная Азия в этих рассуждениях, как правило, представляется эссенциалистской сущностью, без понимания нюансов внутренних повесток и особенностей развития различных государств и народов. Желания и стремления Турции, реконструированные исследователями на основании актов публичной политики, часто представляются в категориях политологической концепции неореализма, которая объясняет действия всех политических игроков исключительно прагматичными отношениями жестокой конкуренции, игры с нулевой суммой. Подобная объяснительная модель турецкой пантюркистской политики продолжает свое победное шествие, обрастая новыми актуальными деталями, но не меняя своей первоначальной логики [15, 21, 24, 16, 20].

Историческая подоплека зарождения и развития политического тюркизма в Российской империи и СССР также имеет несколько полюсов оценок.

Наиболее радикальный подход демонстрирует А. Сваранц, который солидаризируется с радикальным дискурсом имперских и советских спецслужб, традиционно считавших пантюркизм политическим инструментом поощрения тюркского национально-сепаратизма и подрыва влияния России в стратегически важных регионах [18].

В таком контексте задача историков может выглядеть однозначно и безыскусно: обнаружить глубокие корни пантюркизма в истории российских регионов, населенных тюрками-мусульманами, подкрепив тем самым позиции современного алармистского подхода. Некоторые авторы успешно справляются с данной задачей [25, 26]. Такова, например, статья В. Королева, который приходит к выводу, «**что в Крыму, как и в других регионах Российской империи, где компактно проживало мусульманское население**, (выделено нами. — М. Г., Ю. Г.) развивались панисламистское и пантюркистское движения», связанные с революционной деятельностью. Он отмечает, что они имели «глубокие корни в прошлом, в той или иной степени имеют место ныне» [27]. Показательна единственная имеющаяся в данной статье ссылка на историографию — книгу А. Аршаруни, Х. Габидулина. Очерки панисламизма и пантюркизма в России 1930 г. издания — это «классика» агрессивной советской пропаганды, оправдывавшей любые репрессивные меры в отношении национальных элит.

Подобные рассуждения и оценки появляются на свет, потому что за исходную точку рассуждений некритически берутся наблюдения и оценки сотрудников российской и советской политической полиции. Это задает и фокус, и подходы, и оценочные суждения. Однако, как показали Ю. Гусева и О. Сенюткина, необходимо усомниться в корректности исходной архивной информации и аналитики имперских и советских спецслужб об активности тюркских активистов и организаций. В позднимперский период, действительно, существовали отдельные акторы и сети политического тюркизма в «мусульманских» регионах Российской империи. Однако оценка их реального, а не воображаемого влияния на массу рядовых мусульман, на реалистичные цели и ресурсы деятельности тюркистов

была сильно искажена оптикой фобий в отношении ислама и мусульман. Из-за специфики информационного обеспечения работы (Объединённое государственное политическое управление — Народный комиссариат внутренних дел) политически ангажированные оценки природы и проявлений идеи тюркской общности, рожденные в недрах имперского МВД, нередко просто воспроизводились или «перепевались» на новый лад советскими органами госбезопасности [28, 29].

Ряд исследований стремится преодолеть аналитическую оптику секьюритизированного дискурса, рассматривающего идеи тюркского единства в парадигме вызовов и угроз. Г. Луговой обращает наше внимание, что пантюркизм возник в конце XIX — начале XX вв. в ответ на сепаратистские движения в Османской империи и, прежде всего, был направлен на создание единой национальной идентичности тюркских народов, на развитие чувства этнической солидарности на основе языка, культуры и религии [4–6].

А. Юзеев именуется тюркизм «важным компонентом общественно-политической мысли татарского общества рубежа XIX–XX вв.» и выделяет две его разновидности — татарский и турецкий. По его мнению, для татарского тюркизма были характерны идеи консолидации российских тюрков вокруг волжских татар, а интересы и устремления «северных тюрков» и местного тюркизма следует отличать от османских. Именно смешением обоих понятий историк объясняет появление жупела пантюркизма в практике управления имперской бюрократии [30, с. 174–176].

Наиболее обстоятельный анализ исторических корней тюркизма в поздней Российской империи предприняла О. Сенюткина. В своей монографии она выявила предпосылки российского политического тюркизма до XX столетия и те его формы, которые ярко проявились в период с 1905 по 1916 гг. [7]. Цикл публикаций О. Сенюткиной, Ю. Гусевой посвящен проблематике осмысления пантюркизма и переплетенного с ним панисламизма имперскими и советскими чиновниками, политическими и религиозными деятелями конца XIX — середины XX вв. В указанных публикациях нашла отражение не только теоретико-методологическая основа осмысления указанной проблематики [28, 31], но и анализ специфических черт региональных проявлений пантюркизма [32].

Проведенный анализ показывает использование количественных и качественных методов в изучении этого политико-идеологического феномена. Однако можно зафиксировать ограниченность методологических подходов. Большинство исследований ориентируется на позитивистские установки, стремясь описать явление «как оно есть», используя исторические документы или материалы современных СМИ.

Исключение составляют несколько типов работ. Прежде всего, это социологические исследования, направленные на изучение распространенности тюркистских идей, тюркской идентичности и прочего, о которых упоминалось выше.

Методологической новизной отличается работа К. Аксенова и М. Андреева, которые рассмотрели распространение идей «неоевразийства» и «пантюркизма» в городских пространствах. В исследовании подчеркивается значение теории распространения инноваций для понимания распространения этих геополитических идей [33].

О. Сенюткина впервые в отечественной историографии предлагает новую концептуальную рамку для анализа интеллектуальной генеалогии понятий «панисламизм», «пантюркизм» с помощью динамической модели концептосферы. Концептосфера «панисламизм-пантюркизм» представляет собой упорядоченную совокупность обобщающих единиц мысли, отражающих и интерпретирующих мировые явления в зависимости от знаний, индивидуального опыта, специальности и социального статуса носителя языка. Исследователь приходит к выводу, что элементы этой концептосферы находятся между собой в динамическом взаимодействии, когда под воздействием совокупности социально-политических обстоятельств один из них мог доминировать, но не вытеснять другой из властного дискурса [34].

Заключение

Динамика появления статей по тематике тюркизма весьма показательна и дает основания говорить о тесной связи исследований с нюансами российско-турецких межгосударственных и общественных взаимодействий. Зафиксированный с 2016 г. всплеск интереса, вероятно, продиктован осложнением двусторонних отношений после инцидента с российским самолетом в конце 2015 г.

Российский академический дискурс о пантюркизме не является монолитным: по многим обозначенным аспектам он находится на диаметрально противоположных позициях. Доминирующий фрейм — пантюркизм и его аспекты в прошлом и настоящем как «угрожающая России идеологическая основа современной политики Турции». Анкара оценивается как самостоятельный агрессивный игрок на азиатском поле, испытывающий геополитические амбиции, создающий свой «пояс влияния» как «центр тюркского мира».

Свою лепту в нагнетание антитурецких настроений вносят исторические исследования, демонстрирующие укорененность пантюркистского дискурса в «мусульманских» регионах страны. В исторических сюжетах, основанных на документах имперской охраны и жандармерии, имеет место постоянное повторение тропов имперского политического сыска. Они, в свою очередь, мало отличаются от сегодняшних секьюритизированных нарративов. В результате, часто опосредованно и неумышленно, такие исторические публикации также льют воду на мельницу эссенциалистского прочтения пантюркизма как неизменного явления, характеризующего политику Турции на протяжении веков.

Оценки тюркизма/пантюркизма носят весьма динамичный и разнообразный характер. Они отражают изменения академических установок российских ученых, а также современные проблемы и тревоги российской политической элиты и общества в отношении внешней политики Турции на постсоветском пространстве. Даже весьма поверхностный взгляд на заголовки российских медиа показывает, что подобные установки вполне характерны для официального дискурса российских СМИ и, в свою очередь, во многом подпитываются идеями, которые транслируются политологами радикально-антитурецкого спектра.

Таким образом, актуальный общественно-политический дискурс во многом способствует росту количества статей, сфокусированных на вызовах и угрозах, которые несет с собой полноценная реализация пантюркистской парадигмы. Сходные процессы наблюдались и в советский период.

Существует и иная научная позиция, которая, безусловно, признает последовательность Турции в реализации идеологии пантюркизма как фактора продолжающегося сближения тюркских государств и народов. Однако ее сторонники обращают внимание, что наши представления об этом феномене требуют постоянной ревизии и коррекции. Исторический феномен и его современное прочтение также требуют максимально полного учета особенностей развития турецкого общества на различных этапах его существования.

Наконец, заметна и следующая закономерность: чем более абстрактны и глобальны рассуждения того или иного автора, тем легче он уходит в область алармизма и квазиполитологических оценок, сходных с дискурсом спецслужб и не отличимых от них до степени смешения.

Полагаем, что антидотом подобных аналитических и оценочных перекосов является максимально критичное отношение к изучаемым источникам, стремление более основательно погружаться в глубь турецкой внутривластной повестки, обращение к микроуровню, а также дальнейшее расширение методологических изысканий в этой области.

Наиболее значимыми для дальнейшего развития академической дискуссии и повышения качества научной экспертизы являются вопросы методологического характера и исследования микроуровня. Они связаны с пониманием механизмов распространения, мобилизации вокруг подобных идей, влияния исторической политики и новых социальных медиа на политический активизм, что позволит вывести научную дискуссию о современном тюркизме на качественно иной уровень.

Очевидно, что исследование такого рода помогут скорректировать уже имеющиеся представления о характере, сущности и потенциальных последствиях текущей политики Турции, направленной на формирование общетюркской культурной идентичности. Они также позволят усилить экспертизу текущих усилий, различных инструментов дипломатии и «мягкой силы» тюркоговорящих стран постсоветского пространства по созданию собственной тюркской идентичности. Подобная экспертиза будет иметь существенное значение для оценки рисков национальной безопасности в отношении тюркских субъектов в самой России и межгосударственных взаимодействий России со странами евразийского пространства.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00188 «Панисламизм и пантюркизм: исторический, современный и прогнозистический дискурс в лицах и событиях», <https://rscf.ru/project/24-28-00188/>.

The study is supported by the Russian Science Foundation project no. 24-28-00188 "Pan-Islamism and pan-Turkism: Historical, modern and predictive discourse in persons and events", <https://rscf.ru/project/24-28-00188/>.

Примечания

¹ «Тюркский мир» (Türk Dünyası) — нейтральный и широкий термин, обозначающий культурно-историческую общность тюркских народов. Акцент делается на сотрудничестве, а не на политическом объединении.

² «Тюркское единство» (Türk Birliği) — термин, который подчёркивает экономическую и культурную интеграцию, но без явного указания на объединение этнически родственных народов. Используется в официальных документах, например, в «Организации тюркских государств».

³ «Тюркская мягкая сила» (Türk Yumuşak Gücü) — дефиниция с акцентом на культурном, образовательном и экономическом влиянии Турции через проекты вроде ТКА (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации) или Yunus Emre Enstitüsü (культурные центры) и пр.

⁴ Далее мы будем оперировать обоими терминами без специальных оговорок.

Список источников / References

1. Sözer B., Sakhi Z. An overview of research methods and topics used in Turkological studies. *Turkic Studies Journal*. 2024. Vol. 6, no. 3. P. 196–218. DOI: 10.32523/2664-5157-2024-3-196-218.
2. Васильева С. А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 75–78. EDN: ONSIID.
3. Vasil'yeva S. A. Pantyrkizm na sovremennom etape: teoreticheskaya baza i prakticheskaya deyatel'nost' [Modern state of pan-Turkism: theoretical foundation and practical activity]. *Sotsium i vlast'*. *Society and Power*. 2011. No. 3 (31). P. 75–78. EDN: ONSIID. (In Russ.).
3. Иванова В. В. Спелое яблоко. Идеалы пантюркизма и идентификационный синкретизм // Азия и Африка сегодня. 2012. № 1. С. 65–71. EDN: OTRMXJ.
4. Ivanova V. V. Speloje yabloko. Idealy pantyrkizma i identifikatsionnyy sinkretizm [Ripe apple. The ideals of Pan-Turkism and identification syncretism]. *Aziya i Afrika segodnya. Asia and Africa Today*. 2012. No. 1. P. 65–71. EDN: OTRMXJ. (In Russ.).
4. Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П. Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и мировой историографии: исходные смыслы и цели, парадоксы интерпретаций, тенденции развития // Ас-Алан. 2003. № 1 (10). С. 3–478.
5. Chervonnaya S. M., Gilyazov I. A., Goroshkov N. P. Tyurkizm i pantyrkizm v original'nykh istochnikakh i mirovoy istoriografii: iskhodnyye smysly i tseli, paradoksy interpretatsiy, tendentsii razvitiya [Turkism and pan-Turkism in original sources and world historiography: initial meanings and goals, paradoxes of interpretations, development trends]. *As-Alan*. 2003. No. 1 (10). P. 3–478. (In Russ.).
5. Луговой Г. А. Интеграционный потенциал пантюркизма на примере внешней и внутренней политики Турции // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2012. № 1. С. 144–151. EDN: OUJVAZ.
6. Lugovoy G. A. Integratsionnyy potentsial pantyrkizma na primere vneshney i vnutrenney politiki Turtsii [The integration potential of pan-Turkism ideology]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye Otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye. RGGU Bulletin. Series Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies*. 2012. No. 1. P. 144–151. EDN: OUJVAZ. (In Russ.).
6. Горошков Н. П. Пантюркизм: генезис и эволюция (историко-политологический анализ) // Acta Orientalia Voronensia. Воронежское востоковедение: сб. науч. ст. / ред. М. В. Кирчанов. Воронеж, 2017. Т. 2. С. 114–135. EDN: ZBDYSD.
7. Goroshkov N. P. Pantyrkizm: genezis i evolyutsiya (istoriko-politologicheskiy analiz) [Pan-Turkism: genesis and evolution (historical and political analysis)]. *Acta Orientalia Voronensia. Voronezhskoye vostokovedeniye. Acta Orientalia Voronensia. Voronezh Oriental Studies* / ed. by M. V. Kirchanov. Voronezh, 2017. Vol. 2. P. 114–135. EDN: ZBDYSD. (In Russ.).
7. Сенюткина О. Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.): моногр. Нижний Новгород: Медина, 2007. 518 с. ISBN 978-5-9756-0022-6.
8. Senyutkina O. N. Tyurkizm kak istoricheskoye yavleniye (na materialakh istorii Rossiyskoy imperii 1905–1916 gg.) [Turkism as a historical phenomenon (based on the materials of the History of the Russian Empire, 1905–1916)]. *Nizhniy Novgorod*, 2007. 518 p. ISBN 978-5-9756-0022-6. (In Russ.).
8. Сваранц А. А. Основные положения пантюркизма // Российский правовой портал: библиотека Пашкова. 2017. URL: <https://constitutions.ru/?p=12196> (дата обращения: 16.06.2025).
9. Svarants A. A. Osnovnyye polozheniya pantyrkizma [Basic points of pan-Turkist] // *Rossiyskiy pravovoy portal: biblioteka Pashkova. Russian Legal Portal: Pashkov Library*. 2017. URL: <https://constitutions.ru/?p=12196> (accessed: 16.06.2025). (In Russ.).
9. Шумилов М. М. Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке. Часть 1 // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 36–53. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-6-36-53. EDN: NWUFXP.
10. Shumilov M. M. Vliyaniye pantyrkizma na formirovaniye politicheskoy identichnosti tyurkoyazychnykh gosudarstv Tsentral'noy Azii v XXI veke. Chast' 1 [The influence of pan-Turkism on the political identity formation of the Turkic states of Central Asia in the XXI century (Part 1)]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. Administrative Consulting*. 2022. No. 6. P. 36–53. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-6-36-53. EDN: NWUFXP. (In Russ.).
10. Бурашникова А. Б. Неопантюркизм и неосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. № 2. С. 65–69. EDN: ROCXNF.
11. Burashnikova A. B. Neopantyrkizm i neosmanizm vo vneshney politike Turtsii [Neopan-Turkism and Neo-Ottomanism in the foreign policy of Turkey]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2013. No. 2. P. 65–69. EDN: ROCXNF. (In Russ.).
11. Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 32–39. EDN: VVVFMN.
12. Mekhdiyev E. T. «Neoosmanizm» v regional'noy politike Turtsii ["Neo-Ottomanism" in the regional policy of Turkey]. *Vestnik MGIMO-Universiteta. MGIMO Review of International Relations*. 2016. No. 2 (47). P. 32–39. EDN: VVVFMN. (In Russ.).
12. Аватков В. А., Сбитнева А. И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2022. Т. 24, № 2. С. 291–302. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302. EDN: GPTYSE.
13. Avatkov V. A., Sbitneva A. I. Novyy natsionalizm Turetskoy Respubliki [New nationalism of Turkish republic]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Politologiya. RUDN Journal of Political Science*. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 291–302. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302. EDN: GPTYSE. (In Russ.).
13. Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и постсоветский Восток. 2024. № 1 (5). С. 17–24. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02. EDN: BKMKHC.
14. Nadein-Rayevskiy V. A. Pantyrkizm v ramkakh ideologicheskoy ekspansii Turetskoy Respubliki [Pan-Turkism within framework of ideological expansion of Turkish republic]. *Blizhniy i postsovetskiy Vostok. Middle & Post-Soviet East*. 2024. No. 1 (5). P. 17–24. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02. EDN: BKMKHC. (In Russ.).

14. Аватков В. А., Гузайеров Р. И. Евразийство в Турции: взгляд на Россию и формирование собственной парадигмы // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2024. Т. 17, № 4. С. 20–34. DOI: 10.31249/kgf/2024.04.02. EDN: LHLLTS.
- Avatkov V. A., Guzayerov R. I. Evraziystvo v Turtsii: vzglyad na Rossiyu i formirovaniye sobstvennoy paradigmy [Eurasianism in Turkey: A look at Russia and the formation of its own paradigm]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2024. Vol. 17, no. 4. P. 20–34. DOI: 10.31249/kgf/2024.04.02. EDN: LHLLTS. (In Russ.).
15. Аватков В. А., Бадранов А. Ш. «Пантюркистский» аспект в дискурсе современного татарского национального движения // *Национальная безопасность*. 2014. № 2 (31). С. 283–291. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.2.10884. EDN: RZWDEN.
- Avatkov V. A., Badranov A. Sh. «Pantyrkistskiy» aspekt v diskurse sovremennoy tatarskogo natsional'nogo dvizheniya [The pan-Turkist aspect within the discourse of the modern Tatar national movement]. *Natsional'naya bezopasnost'. Nota Bene*. 2014. No. 2 (31). P. 283–291. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.2.10884. EDN: RZWDEN. (In Russ.).
16. Аватков В. А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 12 (4). С. 113–129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129. EDN: RAGRDD.
- Avatkov V. A. Ideyno-tsennostnyy faktor vo vneshney politike Turtsii [Ideology and values in Turkey's foreign policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta. MGIMO Review of International Relations*. 2019. No. 12 (4). P. 113–129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129. EDN: RAGRDD. (In Russ.).
17. Минасян Н. А. Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегиональными акторами // *Россия и мир: научный диалог*. 2025. № 1 (15). С. 57–81. DOI: 10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81. EDN: WFSTXK.
- Minasyan N. A. Instrumenty realizatsii pantyrkizma v sovremennoy turetskoy vneshney politike i ikh vospriyatiye osnovnymi regional'nymi i vneregional'nymi aktorami [Implementation instruments of pan-Turkism in modern Turkish foreign policy and their perception by key regional and extra-regional actors]. *Rossiya i mir: nauchnyy dialog. Russia and the World: Scientific Dialogue*. 2025. No. 1 (15). P. 57–81. DOI: 10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81. EDN: WFSTXK. (In Russ.).
18. Сваранц А. А. Основные угрозы интересам Российской Федерации от идеологии и политики пантюркизма (внешние и внутренние аспекты) // *Регион и мир*. 2010. № 1. С. 3–11. EDN: WOFBMX.
- Svarants A. A. Osnovnyye ugrozy interesam Rossiyskoy Federatsii ot ideologii i politiki pantyrkizma (vneshniye i vnutrenniye aspekty) [The major threats posed to the interests of the Russian Federation emanating from the pan-Turkic ideology and policy]. *Region i mir. Region and the World*. 2010. No. 1. P. 3–11. EDN: WOFBMX. (In Russ.).
19. Шакарянц С. Э. Россия, Иран и Китай останавливали пантюркизм в Сирии, но, по сути, бросили Армению?! // *Регион и мир*. 2023. № 3. С. 9–15. EDN: PUZZOV.
- Shakaryants S. E. Rossiya, Iran i Kitay ostanavlivali pantyrkizm v Sirii, no po suti brosilii Armeniyu?! [Russia, Iran and China stopped pan-Turkism in Syria, but in fact abandoned Armenia?!]. *Region i mir. Region and the World*. 2023. No. 3. P. 9–15. EDN: PUZZOV. (In Russ.).
20. Аватков В. А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. № 14 (5). С. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8. EDN: QXRUHE.
- Avatkov V. A. Postsovetskoye prostranstvo i Turtsiya: itogi 30 let [The Post-Soviet space and Turkey: the results of 30 years]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021. No. 14 (5). P. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8. EDN: QXRUHE. (In Russ.).
21. Андрухин Т. В. Политика Турции в Центральной Азии: итоги и перспективы // *Проблемы постсоветского пространства*. 2024. Т. 11, № 2. С. 126–137. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-2-126-137. EDN: EITABU.
- Andrukhin T. V. Politika Turtsii v Tsentral'noy Azii: itogi i perspektivy [Turkey's policy in central Asia: results and prospects]. *Problemy postsovetskogo prostranstva. Post-Soviet Issues*. 2024. Vol. 11, no. 2. P. 126–137. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-2-126-137. EDN: EITABU. (In Russ.).
22. Сунь Ч. Организация Тюркских Государств и пантюркизм: вчера, сегодня, завтра // *Образование и право*. 2023. № 2. С. 357–361. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-2-357-361. EDN: AYOGKT.
- Sun' Ch. Organizatsiya Tyurkskikh Gosudarstv i pantyrkizm: vchera, segodnya, zavtra [Organization of Turkic states and pan-Turkism: yesterday, today, tomorrow]. *Obrazovaniye i pravo. Education and Law*. 2023. No. 2. P. 357–361. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-2-357-361. EDN: AYOGKT. (In Russ.).
23. Евстратов А. Г. Альтернативная Евразия в тени ятаганов: пантюркизм как фактор дестабилизации геополитического БРИКС // *Страны БРИКС: Стратегии развития и механизмы сотрудничества в меняющемся мире: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов*. Москва: Издат. дом «УМЦ», 2024. Ч. 1. С. 95–98. ISBN 978-5-6051774-8-7. EDN: OIJYAH.
- Evstratov A. G. Al'ternativnaya Evraziya v teni yataganov: pantyrkizm kak faktor destabilizatsii geopoliticheskogo BRIKS [Alternative Eurasia in the shadow of the scimitars: Pan-Turkism as a factor of destabilization of the geopolitical BRICS] // *Strany BRIKS: Strategii razvitiya i mekhanizmy sotrudnichestva v menyayushchemsya mire [BRICS Countries: Development Strategies and Cooperation Mechanisms in a Changing World]*. In 2 Parts / responsible ed. M. A. Bulavina, V. I. Gerasimov. Moscow, 2024. Part 1. P. 95–98. ISBN 978-5-6051774-8-7. EDN: OIJYAH. (In Russ.).
24. Милюкова А. Г., Ковалева А. В., Валулина Е. В. Пантюркизм и геополитическая идентичность на современном Евразийском пространстве: анализ репрезентаций в СМИ // *Мировая политика*. 2021. № 1. С. 25–38. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.1.34970. EDN: TSKQNU.
- Milyukova A. G., Kovaleva A. V., Valulina E. V. Pantyrkizm i geopoliticheskaya identichnost' na sovremennoy Evraziyskom prostranstve: analiz reprezentatsiy v SMI [Pan-Turkism and geopolitical identity in Modern Eurasia: the analysis of representations in the media]. *Mirovaya politika. World Politics*. 2021. No. 1. P. 25–38. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.1.34970. EDN: TSKQNU. (In Russ.).
25. Бойко С. И., Соколова В. И. Противостояние политической полиции Казанской губернии идеям панисламизма и пантюркизма в 1908–1914 годах // *Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки*. 2017. № 4. С. 33–37. EDN: ZXJCCN.
- Boyko S. I., Sokolova V. I. Protivostoyaniye politicheskoy polititsii Kazanskoy gubernii ideyam panislamizma i pantyrkizma v 1908–1914 godakh [Confrontation of the Kazan province political police to the ideas of pan-Islamism and pan-Turkism in 1908–1914]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. Bulletin of the Chuvash University*. 2017. No. 4. P. 33–37. EDN: ZXJCCN. (In Russ.).
26. Старостин А. Н. Проявления идеологии пантюркизма и панисламизма в регионах Урала и Сибири на рубежах XIX–XX веков // *Этнопанорама. Этноконфессиональные отношения в региональном измерении: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург, 2024. С. 128–143. ISBN 978-5-94162-258-0. EDN: CNJZFF.*
- Starostin A. N. Proyavleniya ideologii pantyrkizma i panislamizma v regionakh Urala i Sibiri na rubezhakh XIX–XX vekov [Manifestations of pan-Turkism and pan-Islamism in the regions of the Ural and Siberia on the borders of the XIX–XX centuries]. *Etnopanorama. Etnokonfessionalnye otnosheniya v regional'nom izmerenii: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf. Orenburg, 2024. S. 128–143. ISBN 978-5-94162-258-0. EDN: CNJZFF.*

XX vekov [Manifestations of the ideology of pan-Turkism and pan-Islamism in the regions of the Urals and Siberia at the turn of the 19th–20th centuries]. *Etnopanorama. Etnokonfessional'nnyye Otnosheniya v Regional'nom Izmerenii*. Orenburg, 2024. P. 128–143. ISBN 978-5-94162-258-0. EDN: CNJFZF. (In Russ.).

27. Королев В. И. Панисламистское и пантюркистское движение крымских татар в начале XX столетия // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6 (3). С. 308–316. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-3-308-316. EDN: UUHMCZ.

Korolev V. I. Panislamistskoye i pantyurkistskoye dvizheniye krymskikh tatar v nachale XX stoletiya [Panislamist and Pantyurkist motion of Crimean tatars at the beginning of XX century]. *Problemy postsovetskogo prostranstva. Post-Soviet Issues*. 2019. No. 6 (3). P. 308–316. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-3-308-316. EDN: UUHMCZ. (In Russ.).

28. Гусева Ю. Н., Сениюткина О. Н. «Пантюркизм» в архивных источниках эпохи сталинизма (1944–1953) // Российская история. 2023. № 6. С. 122–130. DOI: 10.31857/S2949124X23060135. EDN: PTFBXA.

Guseva Yu. N., Senyutkina O. N. «Pantyurkizm» v arkhivnykh istochnikakh epokhi stalinizma (1944–1953) [“Pan-Turkism” in archival sources of Stalinism (1944–1953)]. *Rossiyskaya istoriya. Russian History*. 2023. No. 6. P. 122–130. DOI: 10.31857/S2949124X23060135. EDN: PTFBXA. (In Russ.).

29. Котюкова Т. В. «Политическая дела» в Туркестане в начале XX в.: «Шпиономания» или «Охота на ведьм» // Ислам в современном мире. 2016. № 12 (3). С. 155–176. DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-155-176. EDN: XFWCSJ.

Kotyukova T. V. «Politicheskaya dela» v Turkestane v nachale XX v.: «Shpionomaniya» ili «Okhota na ved'm» [“Political Cases” in Turkestan in early 20th century: “Spy-mania” or “Witch-hunt”]. *Islam v sovremennom mire. Islam in the Modern World*. 2016. No. 12 (3). P. 155–176. DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-155-176. EDN: XFWCSJ. (In Russ.).

30. Юзеев А. Н. Исламизм, тюркизм и татаризм как компоненты общественно-политического сознания татар начала XX века // Ислам в современном мире. 2018. № 14 (1). С. 173–182. DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-1-173-182. EDN: YVPUVS.

Yuzeyev A. N. Islamizm, tyurkizm i tatarizm kak komponenty obshchestvenno-politicheskogo soznaniya tatar nachala XX veka [Islamism, Turkism and Tatarism as components of social-politic consciousness tatars at the beginning of the XX century]. *Islam v sovremennom mire. Islam in the Modern World*. 2018. No. 14 (1). P. 173–182. DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-1-173-182. EDN: YVPUVS. (In Russ.).

31. Сениюткина О. Н., Гусева Ю. Н. Панисламизм и пантюркизм в осмыслении российских чиновников // Новый исторический вестник. 2019. № 2. С. 21–36. DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00010. EDN: DXKYEA.

Senyutkina O. N., Guseva Yu. N. Panislamizm i pantyurkizm v osmyslenii rossiyskikh chinovnikov [Pan-Islamism and pan-Turkism as understood by Russian officials (early 20th century)]. *Novyy istoricheskiy vestnik. The New Historical Bulletin*. 2019. No. 2. P. 21–36. DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00010. EDN: DXKYEA. (In Russ.).

32. Сениюткина О. Н. «Панисламизм с самого возникновения на Кавказе носил окраску пантюркизма»: идеи тюркского и исламского единства в оценках российской власти в начале XX века // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 33–49. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-1-33-49. EDN: SIRZRC.

Senyutkina O. N. «Panislamizm s samogo vzniknoveniya na Kavkaze nosil okrasuku pantyurkizma»: idei tyurkskogo i islamskogo edinstva v otsenkakh rossiyskoy vlasti v nachale XX veka [“Pan-Islamism from the very emergence in the Caucasus carried the coloring of pan-Turkism”: the ideas of Turkic and Islamic unity in the assessments of the Russian authorities in the early XX century]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*.

2025. No. 1. P. 33–49. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-1-33-49. EDN: SIRZRC. (In Russ.).

33. Аксенов К. Э., Андреев М. В. Городская символическая политика и пространственная диффузия геополитических инноваций в Российской Федерации // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. № 85 (6). С. 870–887. DOI: 10.31857/S2587556621060030. EDN: HZJZRM.

Aksenov K. E., Andreyev M. V. Gorodskaya simvolicheskaya politika i prostranstvennaya diffuziya geopoliticheskikh innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii [Urban forms of spatial diffusion of geopolitical innovations in the Russian Federation]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya. Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 2021. No. 85 (6). P. 870–887. DOI: 10.31857/S2587556621060030. EDN: HZJZRM. (In Russ.).

34. Сениюткина О. Н., Гусева Ю. Н. «Панисламизм» и «пантюркизм» в российском общественно-политическом дискурсе конца XIX–первой трети XX веков: методологические размышления // Новый исторический вестник. 2024. № 3 (81). С. 183–214. DOI: 10.54770/20729286_2024_3_183. EDN: TUJZFK.

Senyutkina O. N., Guseva Yu. N. «Panislamizm» i «pantyurkizm» v rossiyskom obshchestvenno-politicheskom diskurse kontsa XIX–pervoy treti XX vekov: metodologicheskiye razmyshleniya [“Pan-Islamism” and “Pan-Turkism” in Russian socio-political discourse from the late 19th through the first third of the 20th centuries: methodological reflections]. *Novyy istoricheskiy vestnik. The New Historical Bulletin*. 2024. No. 3 (81). P. 183–214. DOI: 10.54770/20729286_2024_3_183. EDN: TUJZFK. (In Russ.).

ГУМЕРОВ Марсель Марсович, соискатель Департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (МГПУ), г. Москва; исполнитель проекта РФФ № 24-28-00188 Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород.

SPIN-код: 8424-1358

AuthorID (РИНЦ): 79218714

ORCID: 0000-0002-3424-7920

ResearcherID: GRS-7984-2022

Адрес для переписки: marsel-gumerov0@mail.ru

ГУСЕВА Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, г. Москва.

SPIN-код: 6359-7461

AuthorID (РИНЦ): 306741

ORCID: 0000-0002-5731-7274

AuthorID (SCOPUS): 57191410414

Адрес для переписки: j.guseva@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 17.07.2025; принята к публикации 17.11.2025.

GUMEROV Marsel Marsovich, Applicant at the History Department, Institute of Humanities, Moscow City University, Moscow; Project Researcher of the RSF № 24-28-00188 of the Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod. SPIN-code: 8424-1358

AuthorID (RSCI): 79218714
ORCID: 0000-0002-3424-7920
ResearcherID: GRS-7984-2022

Correspondence address: marsel-gumerov0@mail.ru

GUSEVA Yulia Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the History Department, Institute of Humanities, Moscow City University, Moscow;

SPIN-code: 6359-7461

AuthorID (RSCI): 306741

ORCID: 0000-0002-5731-7274

AuthorID (SCOPUS): 57191410414

Correspondence address: j.guseva@mail.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 17.07.2025; accepted for publication 17.11.2025.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ МОНАСТЫРСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ)

А. Д. Аверкиев

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

В статье рассматриваются вопросы встраивания монастырей Нижегородской епархии в новую церковно-государственную структуру. В ходе второго этапа церковной реформы в России окончательно была сформирована и закреплена совершенно новая система функционирования Русской церкви. Институт монашества стал полностью жестко контролироваться государством. Не избежали этого и обители Нижегородской епархии. На основе новых разноплановых источников, выявленных в фондах Центрального архива Нижегородской области, установлено, что в 1764 г. изменился формат управления монастырями, утратившими свои земельные владения и прочие привилегии в административной, экономической и судебной сферах, а некоторые из них вообще прекратили существование. Однако некоторые обители стали исключением из правил и частично сохранили свой особый статус. В целом, в исследуемый период в вопросах управления нижегородскими монастырями был наведен бюрократический порядок, произошла унификация монастырского управления.

Ключевые слова: XVIII век, Русская церковь, Екатерина II, монастыри, Нижегородская епархия, реформа.

Для цитирования: Аверкиев А. Д. Секуляризация монастырских земель в правление Екатерины II (на примере Нижегородской епархии) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 55–59. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-55-59. EDN: MWIFZD.

© Аверкиев А. Д., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

SECULARIZATION OF MONASTIC LANDS DURING THE REIGN OF CATHERINE II (ON THE EXAMPLE OF THE NIZHNY NOVGOROD DIOCESE)

A. D. Averkiev

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Russia, Nizhniy Novgorod, Gagarina Ave., 23, 129226

The article discusses the issues of embedding the monasteries of the Nizhny Novgorod diocese into a new church-state structure. During the second stage of the church reform, a completely new system of functioning of the Russian Church was finally formed and consolidated in Russia. The institution of monasticism became completely tightly controlled by the state. The monasteries of the Nizhny Novgorod diocese did not escape this either. Based on new diverse sources identified in the funds of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region, it is found that in 1764 the format of the management of monasteries changed, which lost their land holdings and other privileges in the administrative, economic and judicial spheres, and some of them ceased to exist altogether. However, some monasteries became exceptions to the rules and partially retained their special status. In general, during the period under study, bureaucratic order was introduced in the management of Nizhny Novgorod monasteries, and the monastic administration was unified.

Keywords: XVIII century, Russian Church, Catherine II, monasteries, Nizhny Novgorod Diocese, reform.

XVIII столетие стало для нашей страны одним из наиболее важных и ключевых периодов, временем коренных преобразований, затронувших все сферы жизни государства и общества. В начале века, благодаря масштабным реформам Петра Великого, Россия вступила в новую эпоху своей истории, превратилась из Московского царства в Российскую империю — одно из ведущих государств Европы. На вторую половину столетия, и в частности на время правления Екатерины II, приходится окончательное оформление и укрепление новой системы власти и ее новых институтов. По сути, можно справедливо говорить о прямой преемственности в деятельности двух монархов: Петра I и Екатерины II в строительстве абсолютистского государства в России, несмотря на то, что двух этих правителей разделяют непростые, ознаменовавшиеся частой сменой монархов, 37 лет. И наиболее ярким примером такой преемственности является церковная реформа 1700–1764 гг., а именно ее аспект, связанный с преобразованиями института российского монашества как на общегосударственном, так и на региональном уровне. Начинания первого российского императора в реформировании внутренней жизни обитателей, их экономической деятельности, управления, в секуляризации церковных вотчин и имущества и в создании новой для страны церковно-государственной системы были продолжены Екатериной Великой [1, с. 39].

В настоящее время история Русской церкви с учетом региональной специфики получает все большую популярность, что, главным образом, связано с открытием большого количества новых комплексов исторических источников в местных архивах. Актуальность таких исследований состоит в том, чтобы, изучив опыт государственной и церковной властей по выстраиванию взаимоотношений с церковными структурами, в данном случае с монастырями, на местах в прошлом, попытаться выработать и внедрить новые модели церковно-государственных отношений между центром и регионами на современном этапе развития Российского государства. Целью настоящего исследования является изучение реализации секуляризационной реформы 1764 г. в Нижегородской епархии в административном и хозяйственном аспектах.

Интересно заметить: история Русской церкви, и монастырей в частности, в XVIII веке в Нижегородском регионе изучена крайне неравномерно. Большинство работ, посвященных церкви и местным монастырям, охватывают лишь первую половину XVIII века. В общей сложности их не так много, а о конкретных монастырях крайне мало. История монашества второй половины XVIII века в Нижегородской епархии остается в настоящее время неизученной; мы имеем статью А. В. Бодрина «Духовная политика Екатерины II в контексте секуляризационной реформы 1764 г.», освещающую монастырскую политику Екатерины II на общеимперском уровне. В работе содержится лишь одно упоминание Нижегородской епархии в контексте выстраивания

новой церковной иерархии [2, с. 51–56], и труд церковного историка XIX века Макария (Миролюбова) «История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года», дающий общие сведения по истории епархии, в том числе по изучаемому нами периоду [3, с. 517–549]. Что же касается отдельных обитателей, то в нашем распоряжении имеются две публикации конца XIX века, обзорно освещающие историю Нижегородского Благовещенского монастыря, в том числе и в исследуемый период: «Описание Благовещенского монастыря, издание казначея того монастыря иеромонаха Аркадия» [4, с. 344–369] и «Нижегородский Благовещенский мужской монастырь в его прошедшем и настоящем состоянии» [1, с. 150–160; 5, с. 201–211]; в то же время настоящие публикации содержат в себе уникальную информацию по истории монастыря, о различных сторонах его жизни из источников, утраченных на сегодняшний день. Также существует единственная статья О. В. Буковой, прослеживающая недолгую историю Нижегородского Иоанно-Предтеченского монастыря — «История нижегородского Иоанно-Предтеченского домового мужского монастыря, что на Ковалихе» [6, с. 175–183]. Этим столь небольшим списком историография по церковной истории, и истории монастырей в частности, Нижегородского региона второй половины XVIII века исчерпывается. И, таким образом, весьма малая изученность темы придает данному исследованию еще большую актуальность.

Начиная рассмотрение системы управления Нижегородскими монастырями и их хозяйственной жизни во второй половине XVIII столетия, отметим: 1764 г. стал решающим в многовековом противостоянии Русской церкви и государства. Манифест Екатерины Великой окончательно покончил с самостоятельностью церкви, ее экономическим могуществом и влиянием, полностью подчинив и включив в состав бюрократического аппарата России. Теперь было необходимо выстроить новую систему управления церковными структурами, такими как монастыри.

Новая система церковного управления выглядела следующим образом: высшим органом административного церковного управления оставался Святейший Правительствующий Синод в том же составе должностных лиц, что и при Петре I [7, с. 108]. Вопросами управления изъятых у церкви земель, проживающими там крестьянами и сбором с них податей, управления штатами монастырских служителей заведовала восстановленная в очередной раз в 1764 г. Коллегия Экономии, в ней было 60 казначеев [8, с. 26].

Коллегия подчинялась высшему светскому органу — Правительствующему Сенату [9, с. 40]; так светская власть установила полный экономический контроль над Русской церковью. В этом виде Коллегия просуществовала до 1786 г., когда ее функции были переданы казенным палатам в каждой епархии [10, с. 337].

В 1764 году было произведено разделение всех епархий на три класса «по благопристойности и достоинству санов», в зависимости от чего стали исчисляться штаты епархиальных администраций и штатные оклады [2, с. 51]. К первому классу были отнесены Новгородская, Московская и Петербургская епархии, ко второму классу — восемь епархий: Казанская, Астраханская, Тобольская, Ростовская, Псковская, Крутицкая, Рязанская и Тверская, а остальные 15 епархий, в том числе и Нижегородская, — к третьему классу [2, с. 52]. Власть на местах находилась в руках епархиальных архиереев, при которых в качестве совещательного и исполнительного органа действовала Духовная Консистория [9, с. 43].

Ко времени начала второго этапа церковной реформы, к моменту издания императрицей Екатериной II — 26 февраля 1764 г. — манифеста «О церковных владениях», территория Нижегородской епархии имела следующие границы: на востоке граничила с епархиями Казанской и Симбирской, на Западе — с Владимирской, на севере — с Костромской и Вятской, на юге — Пензенской и Тамбовской епархиями (в 1799 г. был отчислен к Казанской епархии город Алатырь) [3, с. 523]. В епархии к началу секуляризации насчитывалось 78 различных по своим архитектурным масштабам и экономическим потенциалам монастырей, среди них такие обители, как Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь, Нижегородский Благовещенский монастырь, Свято-Троице-Макарьево-Желтоводский монастырь, Амвросиев Николаевский Дудин монастырь, Городецкий Феодоровский монастырь, Свято-Троицкий Островоезерский монастырь, Нижегородский Иоанно-Предтеченский монастырь и др.

В соответствии все с тем же указом Екатерины II 1764 г., как и в начале века, была проведена подробная опись имущества всех монастырей страны и перепись проживавших в них монахов и служителей. В итоге начинание Петра I, наконец, было реализовано: все обители Нижегородской епархии, как и все монастыри Российской империи, согласно своей значимости в церковной иерархии, богатству и почитаемости, делились на две категории: штатные и заштатные, каждая из которых, в свою очередь, подразделялась на три класса. Им были назначены штаты монашествующих и служителей и штатным монастырям еще и годовое содержание; заштатные должны были существовать за счет собственного труда на земле и пожертвований [11, с. 164]. С этой поры многие монастыри стали бюджетными учреждениями в составе церковно-государственной структуры России, потерявшие свои вотчины и последние остатки своей самостоятельности, а другие и вовсе вынуждены выживать с большим трудом без всякой поддержки со стороны государства.

Таким образом, Благовещенский монастырь был причислен к третьему классу штатных обителей, и ему были установлены штат монашествующих от 12 до 14 человек и служителей 9 человек (гораздо меньше, чем в первой половине XVIII века: 53, позднее 45 монахов) и годовое денежное содержание 501 рубль 60 копеек 1/2 копейки. Изменился и статус монастыря, являвшегося Синодальным Домовым монастырем. Теперь обитель перешла в ведение Нижегородского епископа, т. е. положение монастыря в церковной иерархии было понижено [12, л. 2]. На фоне других обителей Нижегородской епархии понижение статусу Благовещенского

монастыря явилось для него отрицательной тенденцией, поскольку положение некоторых крупных монастырей повысилось: им был возвращен прежний статус, который был еще до преобразований Петра I — там, где, по императорскому указу, было игуменство, настоятелям вернули сан архимандритов — как это произошло в Нижегородском Вознесенском Печерском монастыре.

Печерский монастырь, в отличие от Благовещенского, по итогам второго этапа реформы, 1764 года, так же как и ранее, остался в ведении епархиального архиерея, т. е. его статус остался прежним, но изменился сан настоятеля, но в тот момент это уже не влияло на статус обители (если влияло, то только формально). При составлении духовных штатов обитель была включена в первый класс, степенью седьмой штатных монастырей (по штату она получила 33 монаха и 41 служителя — вдвое меньше прежнего — и годовым содержанием 2017 рублей 50 копеек) [13, л. 30], что еще раз подтверждает статус Вознесенского Печерского монастыря как одной из самых крупных, некогда одной из самых богатых и одной из самых почитаемых обителей Нижегородской земли и всей России.

В том же 1764 г. Макарьевский Желтоводский монастырь был отнесен ко второму классу со штатом из 17 насельников и 30 служителей и годовое содержание 1647 рублей [14, л. 1–7; 15, л. 6]. Он так же, как Печерский монастырь, остался в статусе епархиальной обители; оба монастыря лишились оставшихся у них судебных привилегий (еще с XVII столетия суд над монахами и служителями в этих обителях осуществляли настоятели, теперь судебные функции стал осуществлять духовный суд) [3, с. 527]. А в 1779 г., при образовании Нижегородского наместничества, Подмонастырскую слободу при монастыре преобразовали в город Макарьев (Макарьев-на-Волге), центр Макарьевского уезда [3, с. 528].

Следующий аспект, на который следует обратить внимание, состоит в том, что, помимо включения Нижегородской епархии и ее монастырей в новую церковную иерархию, наконец был устранен бюрократический хаос в управлении некоторыми монастырями епархии, возникший еще в начале века. Речь, в частности, идет о Благовещенском монастыре. До 1672 г. обитель имела статус патриаршей и подчинялась во всех делах только патриарху, но после учреждения Нижегородской епархии в 1672 г., была понижена в своем статусе: передана из управления патриарха в управление местных архиереев; но с начала XVIII века и до 1764 г. она стала Синодальным Домовым монастырем [4, с. 224–225]. 25 февраля 1712 г. монастырь снова был передан в епархиальное ведение по указу местоблюстителя патриаршего престола митрополита Стефана. Согласно указу от 15 декабря 1713 г. он также обязан подчиняться епархиальным архиереям, это же следует из указа уже от 1721 года, изданного после того, как Синоду стало известно, что архимандрит Нижегородского Благовещенского мужского монастыря Сергей (1718–1724) с братею не подчиняется архиерею, хотя должен был это делать с 1713 г. Теперь же обитель обязана была начать подчиняться архиерею по вопросам церковной службы и духовных дел. Во всех остальных случаях управление обителью принадлежало Святейшему Синоду [1, с. 153–155]. Монастырь, имея статус Синодального Домового монастыря, подчиняется частично местной церковной администрации и ча-

стично (большей частью) Синоду; при этом споры по вопросу управления обителью между архиереями и настоятелями продолжались, пока Екатерина II не передала монастырь, как и все обители империи, в епархиальное ведение с ликвидацией статуса Синодального Домового монастыря [5, с. 209; 4, с. 254]. Отныне монастыри не имели права напрямую обращаться в высшие церковные инстанции только через глав епархий [3, с. 537].

Но, несмотря на все установленные новые правила, некоторые обители России имели определенные привилегии. Среди нижегородских монастырей таковыми являются Вознесенский Печерский и Благовещенский монастыри. Во-первых, дополнительно к основному жалованью, «по особому благоволению императрицы», Печерский монастырь получал по 300 рублей в год [16, л. 15]; во-вторых, обеим обителям было позволено сохранить часть своих вотчин — к примеру, среди владений Печерского монастыря были: слободы Печерская и Кошелевка, с. Высоково, д. Зелецыно, части Артемьевских лугов, озеро Святое [17, л. 37], а Благовещенский монастырь сохранил свои древнейшие вотчины: Разнежские, Гнилицынские и Курмышские. Он также получил привилегию, разрешавшую сдавать свои владения в аренду и, кроме того, ему была дана преференция сдавать свои подвалы купцам для хранения товаров [4, с. 353–357]. Все это подчеркивает особое положение данных обителей, несмотря на все введенные ограничения.

Скажем несколько слов и об упраздненных монастырях. Чаще всего монастыри упраздняли с формулировкой «как мало доходные», как это произошло с Иоанно-Предтеченским монастырем [6, с. 180]; а вот Амвросиев Дудин монастырь в 1785 г. упразднили с формулировкой «за неимением средств к содержанию», а его церковь была передана приходу, монахи переведены в другие монастыри, а монастырские постройки никак не использовались — их вообще не приписали к какому-либо церковному ведомству [3, с. 543]; однако из выявленных источников не ясно, по какой причине все это произошло, ведь у обители были все шансы стать заштатной, как это было сделано с Городецким Феодоровским монастырем, который так же изначально планировалось упразднить [3, с. 545; 18, л. 10]. Возможно, дальнейшее изучение архивных документов поможет прояснить эти вопросы.

В итоге можно сказать: монастыри Нижегородской епархии в результате преобразований Екатерины Великой окончательно утратили свои привилегии и вотчины, которыми владели веками, за исключением единичных случаев частичного сохранения преференций и владений и в относительно небольших объемах. Нижегородские обители были встроены в новую, жестко выстроенную церковно-государственную иерархию, административная и экономическая самостоятельность монастырей была ликвидирована, и количество монастырей сократилось как по причине упразднения некоторых из них, так и, позднее, в связи с изменением восточной границы Нижегородской епархии. В большинстве монастырей епархии наблюдается спад в экономической жизни. В рамках такой структуры, пусть и с некоторыми изменениями, нижегородские обители просуществовали до конца Синодального периода.

Но, помимо общеимперских тенденций, в контексте которых проводились преобразования в Нижегородской епархии, существовала и локальная

особенность, заключавшаяся в наличии в регионе противостояния между местной церковной властью и центральной светской властью, начавшегося в начале века. Однако усиление секуляризационной политики во второй половине столетия уже не сопровождалось в регионе сопротивлением нижегородского духовенства, как это было при Петре I, когда митрополит Исайя прекратил выплату денег в казну, угрожал закрыть все храмы в епархии и отречься от сана, если у церкви заберут доходы [19, с. 93]. Теперь же отсутствие сопротивления было связано с отсутствием лидеров в среде духовенства (подобных митрополиту Исайе), способных противостоять правительству, и с усилением контроля со стороны последнего: с отстранением духовенства от управления церковным имуществом, с введением жесткой бюрократической и экономической классификации епархий и обителей. Упразднение мало доходных и малобратных монастырей в епархии уменьшало финансовые конфликты; так как была снижена нагрузка на казну. С упорядочением церковного управления снизился произвол чиновников в отношении духовенства [2, с. 55].

Постепенно синодальная система укреплялась. Так, второй этап реформы прошел в регионе мирно. Нижегородская епархия и ее монастыри постепенно адаптировались к новым реалиям жизни и функционирования Русской церкви.

Список источников / References

1. Нижегородский Благовещенский мужской монастырь в его прошедшем и настоящем состоянии // Нижегородские епархиальные ведомости. 1896. № 7. С. 150–160.
Nizhegorodskiy Blagoveshchenskiy muzhskoy monastyr' v ego proshedshem i nastoyashchem sostoyanii [The Nizhny Novgorod Annunciation Monastery in its past and present state]. *Nizhegorodskiyeparkhial'nyye Vedomosti*. 1896. No. 7. P. 150–160. (In Russ.).
2. Бодрин А. В. Духовная политика Екатерины II в контексте секуляризационной реформы 1764 г. // Глобализация и русский мир: сб. ст. участников всерос. конф. (Арзамас, 26–28 октября 2016 г.). Арзамас: Изд-во Интерконтакт, 2016. С. 51–56. EDN: YKAFYV.
Bodrin A. V. Dukhovnaya politika Ekateriny II v kontekste sekulyarizatsionnoy reformy 1764 g. [The spiritual policy of Catherine II in the context of the secularizing reforms of 1764]. *Globalizatsiya i Russkiy Mir*. Arzamas, 2016. P. 51–56. EDN: YKAFYV. (In Russ.).
3. Миролюбов М. История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года. Санкт-Петербург: Тип. Н. Г. Овсянникова, 1857. 820 с.
Mirolyubov M. Istoriya Nizhegorodskoy iyerarkhii, soderzhashchaya v sebe skazaniye o nizhegorodskikh iyerarkhakh s 1672 do 1850 goda [History of the Nizhny Novgorod Hierarchy, containing the story of the Nizhny Novgorod hierarchs from 1672 to 1850]. Saint Petersburg, 1857. 820 p. (In Russ.).
4. Кузнецов А. Описание Благовещенского монастыря, издание казначея того монастыря иеромонаха Аркадия. Нижний Новгород: тип. Д. Н. Шубинского, 1884. 480 с.
Kuznetsov A. Opisaniye Blagoveshchenskogo monastyrya, izdaniye kaznacheya togo monastyrya iyeromonakha Arkadiya [Description of the Annunciation Monastery, published by the treasurer of that monastery, Hieromonk Arkady]. Nizhny Novgorod, 1884. 480 p. (In Russ.).
5. Нижегородский Благовещенский мужской монастырь в его прошедшем и настоящем состоянии // Нижегородские епархиальные ведомости. 1896. № 8. С. 201–211.

- Nizhegorodskiy Blagoveshchenskiy muzhskoy monastyr' v ego proshedshem i nastoyashchem sostoyanii [Nizhny Novgorod Annunciation Monastery in its past and present state]. *Nizhegorodskiyeparkhial'nyye Vedomosti*. 1896. No. 8. P. 201–211. (In Russ.).
6. Букова О. В., Шаповалова Н. В. История нижегородского Иоанно-Предтеченского домового мужского монастыря, что на Ковалихе. 1706–1764 гг. // Записки краеведов. Нижегородская область. Нижний Новгород: Книги, 2010. Вып. 13. С. 175–183.
- Bukova O. V., Shapovalova N. V. Istoriya nizhegorodskogo Ioanno-Predtechenskogo domovogo muzhskogo monastyrya, chtona Kovalikhe. 1706–1764 gg. [History of the Nizhny Novgorod John the Baptist Monastery on Kovalikha. 1706–1764.] // *Zapiski kraevedov. Nizhegorodskaya oblast' [Local History Notes. Nizhny Novgorod Region]*. Nizhny Novgorod, 2010. Issue 13. P. 175–183. (In Russ.).
7. Обрембальский С. Б., Клименко Л. П. Секуляризация церковных земель при Екатерине II // Актуальные вопросы церковного научного дискурса: история, современность, перспективы: сб. ст. по материалам ежегодной всерос. науч. студ. конф. Нижний Новгород, 2022. С. 107–112. EDN: QPPHNW.
- Obrembal'skiy S. B., Klimenko L. P. Sekulyarizatsiya tserkovnykh zemel' pri Ekaterine II [Secularization of church lands under Catherine the II]. *Aktual'nyye Voprosy Tserkovnogo Nauchnogo Diskursa: Istoriya, Sovremennost', Perspektivy*. Nizhny Novgorod, 2022. P. 107–112. EDN: QPPHNW. (In Russ.).
8. Дерезлазов А. А. Правовые аспекты формирования системы землепользования в России в XVIII веке // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19, № 6. С. 24–28. EDN: CXVZMC.
- Derezlavov A. A. Pravovyye aspekty formirovaniya sistemy zemlepol'zovaniya v Rossii v XVIII veke [Legal aspects of the formation of the land use system in Russia in the XVIII century]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. Economic Problems and Legal Practice*. 2023. Vol. 19, no. 6. P. 24–28. EDN: CXVZMC. (In Russ.).
9. Полянцева А. В. Секуляризация церковных вотчин в условиях развивающегося абсолютизма. Манифест 1764 года // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 60. С. 39–48. EDN: VVBWPT.
- Polyantseva A. V. Sekulyarizatsiya tserkovnykh votchin v usloviyakh razvivayushchegosya absolyutizma. Manifest 1764 goda [The secularization of church estates in emerging absolutism. Manifesto 1764]. *Voprosy Sovremennoy Yurisprudentsii*. 2016. No. 60. P. 39–48. EDN: VVBWPT. (In Russ.).
10. Труш Е. С. Внутренняя политика Екатерины второй // Гуманитарные чтения в Политехническом университете: сб. тр. всерос. науч.-практ. конф. В 2 ч. Санкт-Петербург, 2021. Ч. 2. С. 336–340. EDN: YSECNI.
- Trush E. S. Vnutrennyaya politika Ekateriny vtoroy [Domestic policy of Catherine the second]. *Gumanitarnyye Chteniya v Politekhnicheskoy Universitete*. In 2 parts. Saint Petersburg, 2021. Part 2. P. 336–340. EDN: YSECNI. (In Russ.).
11. Чашников М. А. Реформы Екатерины II в сфере государственного управления // Вестник науки. 2021. Т. 4, № 1 (34). С. 162–166. EDN: LPGWBD.
- Chashnikov M. A. Reformy Ekateriny II v sfere gosudarstvennogo upravleniya [Reforms of Catherine II in the area of public administration]. *Vestnik Nauki*. 2021. Vol. 4, no. 1 (34). P. 162–166. EDN: LPGWBD. (In Russ.).
12. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 554. Д. 39. 1768. Л. 20. TsANO [CANNR]. File: 570/554/39.1768/20. (In Russ.).
13. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 570. Оп. 554. Д. 50. 1764. Л. 32. Tsentral'nyy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti (TsANO) [Central Archives of the Nizhny Novgorod Region (CANNR)]. File: 570/554/50/1764/32. (In Russ.).
14. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 20. 1770. Л. 10. TsANO [CANNR]. File: 570/555/20.1770/10. (In Russ.).
15. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 83. 1774. Л. 12. TsANO [CANNR]. File: 570/555/83.1774/12. (In Russ.).
16. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 25. 1779. Л. 17. TsANO [CANNR]. File: 570/555/25.1779/17. (In Russ.).
17. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. Д. 70. 1786. Л. 50. TsANO [CANNR]. File: 579/604/70.1786/50. (In Russ.).
18. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 54. 1788. Л. 19. TsANO [CANNR]. File: 570/555/54.1788/19. (In Russ.).
19. Бодрин А. В. Проблемы взаимоотношений государства и церкви в Российской империи в первой половине XVIII века (на примере Нижегородской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2006. 259 с.
- Bodrin A. V. Problemy vzaimootnosheniy gosudarstva i tserkvi v Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XVIII veka (na primere Nizhegorodskoy eparkhii) [Problems of relations between the state and the church in the Russian Empire in the first half of the 18th century (using the example of the Nizhny Novgorod diocese)]. Moscow, 2006. 259 p. (In Russ.).
- АВЕРКИЕВ Антон Дмитриевич**, аспирант Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.
Адрес для переписки: antona_98@mail.ru
- Прозрачность финансовой деятельности:** автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.
- Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 18.12.2025; принята к публикации 23.12.2025.
- АVERKIEV Anton Dmitrievich**, Postgraduate at the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod.
Correspondence address: antona_98@mail.ru
- Financial transparency:** the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.
- The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 18.12.2025; accepted for publication 23.12.2025.

УДК/UDC 94(47).083

DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-60-69

EDN: QLTGTP

Научная статья / Original article

ДОКТОР ДУБРОВИН И ГРАФ ВИТТЕ: ИСТОРИЯ НЕПРИМИРИМОЙ ВРАЖДЫ

А. А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, 7–9

В статье рассмотрен конфликт между лидером крупнейшей черносотенной организации Российской империи Союза русского народа А. И. Дубровиным и председателем Совета министров графом С. Ю. Витте. Впервые в историографии обращено внимание на возникновение неприязненных отношений между Дубровиным и Витте, сложившихся еще в конце XIX в. Теоретическая основа исследования — антропологический и институциональный подходы, проблемный и биографический методы. С использованием данного методологического блока на основе анализа материалов дореволюционной периодической печати подробно реконструировано отношение вождя правых сил к премьеру, выдвигавшиеся в его адрес обвинения и методы противодействия политике главы правительства. Доказывается, что Дубровин и руководимый им Союз русского народа внесли немалый вклад в дискредитацию Витте, утрату им доверия со стороны Николая II и последовавшую отставку премьера.

Ключевые слова: политическая история, историческая антропология, А. И. Дубровин, С. Ю. Витте, Союз русского народа, Российская империя, Революция 1905 г.

Для цитирования: Иванов А. А. Доктор Дубровин и граф Витте: история непримиримой вражды // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 60–69. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-60-69. EDN: QLTGTP.

© Иванов А. А., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

DOCTOR DUBROVIN AND COUNT WITTE: A HISTORY OF IRRECONCILABLE ENMITY

A. A. Ivanov

Saint Petersburg State University,
Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Naberezhnaya St., 7–9, 199034

The article examines the conflict between the leader of the largest Black Hundred organization of the Russian Empire, the Union of the Russian People, Alexander Dubrovin and the Chairman of the Council of Ministers, Count Sergei Witte. For the first time in historiography, attention is drawn to the emergence of hostile relations between Dubrovin and Witte, which developed back in the late 19th century. The theoretical basis of the study is the anthropological and institutional approaches, the problematic and biographical methods. Using this methodological block, based on the analysis of materials from the pre-revolutionary periodical press, the attitude of the leader of the right-wing forces to the prime minister, the accusations brought against him, and the methods of counteracting the policy of the head of government are reconstructed in detail. It is proven that Dubrovin and the Union of the Russian People led by him made a significant contribution to the discrediting of Witte, the loss of his trust on the part of Nicholas II, and the subsequent resignation of the prime minister.

Keywords: political history, historical anthropology, Alexander Dubrovin, Sergei Witte, Union of the Russian People, Russian Empire, Russian Revolution of 1905.

Введение

Проблема отношения черносотенных союзов и партий к известному государственному деятелю поздней имперской России, реформатору, председателю Совета министров графу С. Ю. Витте неоднократно привлекала внимание исследователей. Она затрагивалась в монографиях, посвященных правым партиям [1–3]; в работах о премьерере [4]; в статьях, специально посвященных отношению черносотенцев к главам правительства [5]. Однако вопрос об отношении к Витте основателя и вождя крупнейшей черносотенной организации царской России Союза русского народа (СРН) А. И. Дубровина освещался в исследовательской литературе недостаточно полно. Конфликт лидера СРН с Витте был обзорно освещен лишь в публикациях А. Д. Степанова и С. В. Куликова [6; 7, с. 547–551]. Однако некоторые источники, касающиеся этой темы (в первую очередь материалы дореволюционной периодической печати), оказались вне поля зрения исследователей. Между тем именно они позволяют существенно уточнить, расширить и наиболее полно реконструировать взаимоотношения Дубровина и Витте, а также историю существовавшего между ними конфликта. Следовательно, **цель** исследования — введение в научный оборот новых источников и фактов, касающихся антагонизма вождя черной сотни с главой правительства и расширение сведений о политических взглядах и деятельности Дубровина.

Основная часть

Хорошо известно, что отношения черносотенных организаций с правительством были непростыми. Считая себя безоговорочными защитниками царского самодержавия, монархисты не переносили это отношение на правительственную власть, которую часто критиковали справа. Как отмечал в 1906 г. один из лидеров черносотенства, руководитель Русской монархической партии В. А. Грингмут, монархисты «всегда открыто восставали против всех злоупотреблений петербургского бюрократизма» и никогда не смешивали его «с самодержавною властью русского царя, которая одна только и может властною рукой очистить всю русскую администрацию от накопившихся в ней язв и пороков». Подчеркивая, что, если основное начало самодержавной власти русских царей остается всегда неизменным, Грингмут указывал, что «политическое значение того или другого правительства в России может быть весьма различно», следовательно, «весьма различно должно быть и отношение монархистов к тому или другому правительству» [8, с. 214].

В разгар революции 1905 г. правительственная власть, за исключением отдельных ее представителей, воспринималась черносотенцами как дряблая, ненадежная, «либеральная», доведшая страну до взрыва и не способная справиться с ситуацией, угрожавшей самодержавию гибелью. «Наши садовые и титулованные либералы... не встречают

сочувствия ни у революционеров, ни у монархистов, — писало в 1906 г. издаваемое Дубровиным "Русское знамя". — Их высокопревосходительства, сиятельства и прочие громовержцы, привыкшие в обиходе к постоянному пред ними раболепству и низкопоклонству всех окружающих подчиненных, встречают только ненависть и презрение от народа» [9]. Желая твердой, решительной и консервативно настроенной государственной власти, рупор СРН отчаянно звал: «Где вы, вожди русского народа, куда вы попрятались?! Неужели среди русской знати и правящих в эту тяжкую минуту русским государством лиц не найдется истинных потомков великих русских вождей. <...> Поднимайтесь же, удалите из своей среды измену, иначе никакие чины и ордена не спасут вас от народного презрения!» [9].

Особую неприязнь черносотенцев вызывал занимавший в 1905–1906 гг. должность председателя Совета министров С. Ю. Витте. Крайне правые ставили ему в вину винную монополию, закабаление России иностранными займами, Портсмутский мир с Японией (за который язвительно прозвали его «граф Полусахалинский»), лоббирование еврейских интересов, Манифест 17 октября, склонение императора к либеральным реформам и потворство революции. Деятельность главы правительства ядовито высмеивалась черносотенцами в петербургской сатирической газете «Виттова пляска», издателя которой остроумно связали революционную ситуацию в России с тяжелым нервным недугом и фамилией премьера. И Дубровин в этом единодушном натиске крайних правых на Витте играл первую скрипку. Грингмут в октябре 1906 г. с трибуны III Всероссийского съезда русских людей в Киеве, говоря о заслугах Дубровина, подчеркнул, что он «первый сорганизовал ту стихию, которая известна под именем "черной сотни", и первый поднял голос "Долой Витте", этого величайшего врага и лжеца России — и это в то время, когда никто не смел сделать это...» [10, с. 210]. «...В то время как правительство графа Витте пресмыкалось перед революцией и заискивало у ее вожаков, на всю Россию прогремел голос лучшего из русских людей А. И. Дубровина», — вторил Грингмуту в начале 1907 г. киевский правый публицист А. И. Савенко [11].

Дубровин и Витте: история знакомства

Прежде чем перейти к выступлениям и деятельности Дубровина, направленных против Витте, необходимо затронуть историю их знакомства, которая сразу же обернулась конфликтом. Поскольку ранее этот сюжет не был известен историкам, имеет смысл остановиться на нем достаточно подробно. Тем более, что по мнению современников он мог сыграть важную роль в формировании личной неприязни Дубровина к Витте.

Еще во время службы полковым врачом, которую Дубровин отбывал за полученное бесплатное образование в Медико-хирургической академии, он

стал действительным членом Дома призрения и ремесленного образования бедных детей (с 1884 г.), продолжив исполнять в нем обязанности врача после его преобразования в Ремесленное училище цесаревича Николая (с августа 1889 г.) [12, с. 887–888]. Именно в это время у него произошло первое столкновение с будущим премьером. В 1908 г. в прессе появилась небольшая заметка, из которой следовало, что в бытность министром финансов в 1897 г. С. Ю. Витте приказал уволить Дубровина с должности врача Ремесленного училища цесаревича Николая, «ввиду доведенных до его сведения неблагоприятных поступков последнего» [13]. «Таким образом, — писала "Русь", — врач Дубровин был внезапно лишен содержания, казенной квартиры, а главное — наложено известное пятно на его служебную деятельность» [13]. Ерничая, издание называло решение Витте поспешным, ведь «только что граф отошел от власти, звезда А. И. Дубровина ... ярко воссияла, ведя истинно русских людей по пути спасения России. Очевидно, граф Витте ошибался, когда опорочил г. Дубровина по службе» [13].

Через год либеральные газеты снова вернулись к этому сюжету, предоставив публике подробности. Как уверяло «Русское слово», по личному распоряжению императора Александра III, которому донесли, что врачебное дело в училище находится в запущении, Витте приехал ревизовать его госпитальную часть. Найдя ее в «крайне грязном и запущенном виде», он распек начальника департамента технических и профессиональных училищ Министерства финансов, председателя учебного комитета (а в прошлом — директора училища) И. А. Анопова за непорядок и повелел немедленно принять меры. Повторив свой визит через несколько дней, Витте обнаружил, что недостатки устранены лишь поверхностно. Это вызывало гнев министра. В ходе объяснения с Аноповым, последний, якобы, заявил, что «виной всех беспорядков является врач училища Дубровин», который «помимо небрежного ведения своего дела» и на учеников «оказывает вредное влияние». Последнее заключалось в том, что Дубровин поддерживал с учениками старших классов «слишком товарищеские отношения» и, по слухам, участвовал вместе с ними в «веселом времяпрепровождении». «Витте предложил немедленно уволить Дубровина. Одновременно отчислен был и Майков, которого перевели в другое ведомство. Через несколько дней на приеме у Витте появился господин в синих очках, назвавшийся доктором Дубровиным, и просил оставить его на службе. Витте был неумолим. Таким образом, прогнанный за кутежи с мальчиками и за нерадение, доктор Дубровин стал "славен и велик" в Союзе русского народа» [14].

Версия самого Дубровина кардинально отличалась от изложенного враждебной ему прессой. В открытом письме, напечатанном «Русью» после сделанного ею выпада, доктор сообщал следующие подробности своего увольнения. Начав с того, что он более семи лет проработал в училище совершенно безвозмездно, пока не были утверждены новые штаты, давшие ему жалованье в размере 500 руб. в год, Дубровин указывал на то, что казенной квартирой он никогда не пользовался, «ибо ее никогда не полагалось». Причиной конфликта с начальством он называл «непрерывные хищения» в училище, которые приобрели особенно широкий размах в последние два года его службы. «Хищения распространялись на лазарет и барак для заразных

больных, — свидетельствовал Дубровин. — Молчать я не мог. И словесно, и рапортами заявлял о хищениях. Меня поддерживали директор и два преподавателя, которые и были удалены из училища» [15].

Однако никаких мер, по словам Дубровина, не принималось. Дошло до того, что смотритель училища, выведенный из себя этим безобразием, «побил по физиономии главного начальника и главного хищника», но тот, «несмотря на побои, преспокойно остался на службе». Не имея сил все это дальше терпеть, Дубровин подал прошение об отставке со следующей формулировкой: «Считая дальнейшую службу в ремесленном училище цесаревича Николая несовместимой с понятиями о чести и долге, прошу уволить меня от занимаемой должности врача» [15].

Именно это и стало причиной его вызова к Витте, пожелавшего получить от врача объяснения. Как вспоминал Дубровин, встречен он был очень любезно, министр внимательно выслушал его рассказ, прерывая его время от времени удивленными возгласами: «неужели это возможно, это невероятно!». Обрисовав ситуацию, сложившуюся в училище, Дубровин, предлагая взять всю ответственность за правдивость изложенного на себя, попросил Витте назначить следствие, провести дознание и «предать суду хищников». Заверив министра, что он не останется служить под начальством «битого по физиономии», Дубровин рассчитывал, что Витте наконец-то наведет порядок, но его ждало горькое разочарование. Через две недели прошение Дубровина об увольнении было удовлетворено, а «главный хищник» не без протекции со стороны Витте, «вероятно для поощрения», был представлен императору. «Тогда-то я впервые убедился, — заключал Дубровин, — что такое нынешний граф Витте. Дальнейшая деятельность графа Витте подтвердила мои о нем выводы. Еще тогда, будучи восходящей звездой, он многими был уже разгадан» [15].

Откровения доктора Дубровина не остались без комментариев со стороны оппозиционной прессы. Отмечая, что во главе ремесленного училища в то время стоял видный деятель профессионального образования И. А. Анопов, газета «Речь» писала: «На него, как оказывается, и намекал доктор Дубровин, говоря о главном начальнике, с которым он вел свою героическую борьбу за правду» [16]. Учитывая, что Анопов скончался в 1907 г., продолжала газета, опровергнуть дубровинские обвинения он не может, но живы еще свидетели, которые подтвердят, что на деле все было именно так, как излагала либеральная печать. «Должен сказать, — заявлял анонимный свидетель, — что Дубровин пользовался тогда в училище крайне нелестной репутацией» [16]. В свою очередь, умеренный «Голос Москвы», отметив, что дубровинское письмо «не прибавляет ни одной новой черточки» к «печальной характеристике хамелеонствующего графа», приходил к выводу, что эта история послужила началом непримиримой вражды вождя черной сотни к Витте, причиной которой оказались не столько различия в политических взглядах, сколько «мелкие счеты личного благополучия доктора Дубровина» [17].

Годы спустя, на допросе во Всероссийской чрезвычайной комиссии, Дубровин снова вспомнил эту историю. «...Он со мной нечестно поступил, когда был председателем общества ремесленного училища, — говорил Дубровин про Витте. — Когда я

выявил затруднения, которые там были, он сказал, что ему нужны не честные люди, а исполнители его воли. Так у меня порвались с ним всякие отношения, и я подал прошение об отставке. Я сказал, что несовместимо с моим понятием о чести и долге и имею честь просить меня уволить. <...> Через две недели получил бумаги, что согласно поданного прошения увольняюсь от должности. Они признали, что порядочному человеку там не место. Это повлияло такому составлению взгляда у меня на Витте как на человека бесчестного» [18, с. 127].

Установить истину в истории с увольнением доктора Дубровина из ремесленного училища весьма трудно. На данный момент документов, проливающих на нее свет, не выявлено. Не вызывает сомнений лишь одно: уход Дубровина был вызван конфликтом. В его личном деле отложилась вырезка из газеты «Южный край» за 1909 г., в которой излагалась та же версия увольнения, что и в «Русском слове». Прикреплена к делу она была тогда, когда Дубровин уже как 12 лет не служил врачом в училище. Очевидно, что попала она туда в результате резонанса и, возможно, поступившего в училище запроса. Но ответом на газетную «сенсацию» стала обычная канцелярская справка, сообщавшая, что врач Дубровин был уволен по собственному прошению [19, л. 99–100].

Борьба Дубровина с Витте в период Первой российской революции

Во время революции 1905 г., когда Дубровин из преуспевающего петербургского врача превратился в черносотенного политика, его негативное отношение к Витте перешло в политическую плоскость. Во взглядах на развитие России Витте и Дубровин оказались антиподами. «Я на Витте смотрел как на человека бесчестного, либерального», — вспоминал Дубровин [18, с. 127].

16 декабря 1905 г. во время встречи с генерал-квартирмейстером Г. О. Раухом Дубровин, добываясь встречи с великим князем Николаем Николаевичем, собирался «изложить ему опасное положение России под управлением Витте, который, побуждаемый жидами, ведет к революции и распадению России» [20, с. 88]. «Дубровин уверен, — писал Раух, — что в России есть восемь масонских лож; из них про две он знает досконально, знает, где они находятся, и знает, что в состав одной из них входит Витте; он говорит, что все движение исключительно еврейское, что перед 17 октября, как только появились первые признаки еврейских погромов, из Парижа появилось уже уведомление, что денег больше давать не будут, ибо убоялись, что зашли слишком далеко и что пострадают евреи же. Поэтому его твердое убеждение — если бы 17 окт[ября] ничего не было дано и выдержали еще несколько дней, то забастовки сами прекратились бы за недостатком средств» [20, с. 88–89]. Комментируя информацию, полученную от Дубровина, Раух записал: «Все это весьма правдоподобно и возможно» [20, с. 89].

Дубровин громил Витте и его курс не только кулуарно, но и в открытую. На первых же митингах СРН зазвучали грозные обличения премьера, переходящие в угрозы. На митинге, устроенном в Конногвардейском манеже 12 февраля 1906 г., как отмечала либеральная пресса, возглас «Долой Витте!», подхватываемый многочисленной толпой, «буквально висел в воздухе». Дубровин, заводя толпу, называл премьера «удавом», «ставленником жидов», «одним из главных государственных пре-

ступников», утверждал, что всей своей карьерой Витте обязан евреям, которые «писали за него сочинения» и помогали продвигаться по службе, а когда ему удалось добраться до властных высот, он осознанно «стал всячески содействовать крамоле». По словам Дубровина, Витте специально спаивал простой народ своей «монопошкой», желая разорить его и вызвать в стране недовольство. Именно премьер, говорил вождь СРН, виновник иностранной задолженности России, поскольку действует не в интересах страны, а в интересах еврейских банкиров; именно он спровоцировал войну с Японией, построив в Маньчжурии город-порт Дальний (Далянь); это он заключил «позорный мир», когда «мы уже могли победить»; на его совести и революция, так как «это он делал все, чтобы поселить крамолу в рабочей среде, выдвинуть Гапона, Ушакова¹ и пр., а потом приказал стрелять!» [21]. В конце своей речи Дубровин тайно заявил, что фактически став диктатором России, Витте может решиться на «последний шаг» (т. е. на узурпацию верховной власти), ибо «недаром у него висит на стене портрет бабушки кн. Долгорукой — рюриковички²...» [21].

Закончив поток обвинений по адресу Витте, вождь СРН бросил в толпу: «Нельзя терпеть, что боду удав продолжал душить Россию!». Назлектризованные слушатели, бурно аплодируя оратору, кричали: «Не допустим!», «На скамью подсудимых Витте!», «В шлиссельбургскую тюрьму преступника!», «В крепость и конфисковать его имущество!», «Удушить удава!». Как отмечал корреспондент «Нашей жизни», тут же бойко распространялся очередной номер «Виттовой пляски», на первой странице которого жирным шрифтом было напечатано объявление: «Виселица или президентство? Новая интересная игра, очень опасная. Дает уроки приезжий из Америки акробат» [21, 22]. Это яркое и радикальное выступление привлекло внимание властей, однако покровительствовавший вождю СРН петербургский градоначальник В. Ф. фон дер Лауниц заверил министра внутренних дел, что оскорблений главы правительства Дубровин не допускал («газеты врут»), хотя и «позволил себе порицать политику Витте» [23, л. 68].

2 октября 1906 г., выступая на монархическом съезде в Киеве, Дубровин, не называя Витте по имени, обрисовал его роль в политической жизни России в самых мрачных красках. «Семена, брошенные колдуном Земли Русской, дали кровавые плоды. Этот ненавистный колдун теперь сидит за границей (в апреле 1906 г. Витте был отправлен в отставку и уехал в Париж. — А. И.). Один из этих плодов — Государственная дума...» [24, с. 36]. Поскольку карьера Витте начиналась в Киеве, Дубровин во время посещения этого города не преминул отметить, что имел предубеждение в отношении «матери городов русских», ибо отсюда вышел «злой гений», от которого «вся смута и невзгоды на Руси» [25]. Будучи в Харькове в начале ноября того же года, Дубровин говорил своим слушателям про Витте: «Убрался он было, слава Богу, на Запад, но вернулся, поселился в Сочах, в разбойном гнезде, и выставил свою кандидатуру в Государственную думу. В Думе он будет стремиться провести еврейское равноправие, это, несомненно, так как он враг русского народа» [26]. Публично называя Витте грабителем бедного люда, нажившим на его страданиях миллионы для себя и своей жены — «жидовки Матильды», Дубровин призывал слать государю просьбы навсегда изгнать

бывшего премьера «из пределов проданной и поруганной им нашей родины» [26]. 12 ноября, во время выступления на одном из собраний монархистов в Москве, Дубровин произнес пространную речь, в которой центральное место также занимал вопрос о политическом значении графа Витте. Вождь СРН утверждал, что Витте задумал пробраться в Государственную думу и стать ее председателем [27].

По сообщениям газет, речь оратора все время прерывалась резкими восклицаниями по адресу премьера. Когда Дубровин заговорил «о позорной предательской роли графа Витте в "освободительном движении"», со всех сторон раздались крики: «Вон из России! Вон из России!» [27] «Невозможно описать, какой стон поднялся в зале по окончании речи, — писало "Новое время". — Одни требовали гимна, другие требовали изгнать гр. Витте. В этом смысле собрание поручило совету послать телеграмму государю императору» [28].

Неустанно нападали на Витте «Русское знамя» и другие дубровинские издания. В одном из них рядовых черносотенцев «просвещали», что Витте — «тайный союзник инородцев и благотворитель "Совета рабочих депутатов"», отдававший приказы «не мешать народной свободе»; что именно он — создатель революции, «маэстро нашей государственной гибели» [29, с. 4, 40, 208]. Черносотенцы распространяли в народе прокламации, изданные с дозволения цензуры «Русским знаменем» и отпечатанные в типографии Петербургского градоначальства, в которых сообщалось, что «русские люди, любящие Россию, хлопочут у государя, чтобы он скорей согнал с президентского места главного врага русского народа и главного помощника жидовского с его жидовской женой» [30, с. 290]. «Ненависть лидеров СРН к С. Ю. Витте доходила до того, что победу революции они считали меньшим злом, чем упрочение виттевского кабинета», — отмечает современный историк [7, с. 548]. По словам Рауха, во время разговора с ним Дубровин сообщил, что принято решение «не принимать участия в подавлении революции, вернее — вооруженного восстания, даже если оно вспыхнет в Петербурге, чтобы этим не поддерживать правительство, пока Витте во главе» [20, с. 89]. По словам Дубровина, Витте осознал, что зашел слишком далеко, а потому намерен потушить вооруженный бунт, чтобы потом продолжить свое дело [20, с. 89].

В памфлете «Тайна судьбы. (Фантазия-действительность)», Дубровин, фантазируя на тему возможного для России будущего, рисовал следующие картины, якобы, явленные ему во сне. В Зимнем дворце поселился «роковой человек», который «гордо и самоуверенно заявил, что он один знает, как спасти Россию» [31, с. 4]. Когда-то он был мелким железнодорожным служащим с «мелкой душой», «холодным безжалостным сердцем», энергией хищника, безграничной жадностью и властолюбием. Но фортуна вознесла его на самый верх, и вот он «уже бесконтрольный распорядитель миллиардов, составленных из жалких грошей страны, доведенной им до полного обнищания» [31, с. 5]. «Вот он плывет от далеких берегов Нового Света с ветвью миротворца, полный надежды сделать новый шаг в высь... Вот, наконец, — он всемогущий премьер, на которого обращены взоры всей России, всего мира... Но и тут он не в состоянии остановиться. "Дальше"... точно гонит его демон честолюбия» [31, с. 5–6]. В итоге, этот «грузный жрец», «человек-демон», «не знающий пределов в своем дерзнове-

нии», воодушевленный примером Бориса Годунова, задумывает навсегда обосноваться в Зимнем дворце и, предвкушая успех, учится эффектно выводить на бумаге подпись «Сергий». Читатель без труда мог узнать в фельетоне Витте, которого Дубровин выводил не просто в карикатурном, а в демоническом виде. Итоги деятельности премьера он изображал как крайне безотрадные: «Злые семена, посеянные черным колдуном земли русской, взошли красным цветом» [31, с. 8]. Живописуя ужасы революции, Дубровин вкладывал в уста героя своего фельетона следующие слова: «Все идет как по писаному... Еще шаг, и... у ног моих Россия, утопившая в собственной крови все заветы истории: и церковь, и исконную власть, и сознание своей народности. Но как неожиданно легко восприняла она заветы Великого всемирного братства... масонов!» [31, с. 15]. В конце «видения» перед Дубровиным предстает Российская демократическая республика. В «Белом доме» Витте проводит совещание со своими друзьями и сообщниками: еврейским кагалом и королями биржи, предлагающими ему стать первым президентом Российской республики. Но, не желая быть их марионеткой, «злой гений», предлагает на этот пост недалекого П. Н. Милюкова, а сам ждет удобного момента, наблюдая, как Милюкова быстро смещают другие кадеты, а тех — социалисты. Дождавшись полного паралича власти и разорения страны, он, призываемый как спаситель, триумфально возвращается, чтобы взойти на трон... На этом сон-видение обрывается, и Дубровин, отгоняя «бесовское наваждение», клянется положить жизнь, но не допустить «этого гнусного кощунства» [31, с. 18–26].

Памфлет этот читался Дубровиным во время его поездок по России в виде доклада, вызывая у слушателей большой интерес. «Высокохудожественная по форме, захватывающая содержанием, проникновенная картина приковывает к себе, поработывает, неизгладимо запечатлевается в мозгу. Всякая компиляция была бы жалкой попыткой и в интересах всей мыслящей и спящей России, чтобы пророческое сновидение д-ра Дубровина сделалось всеобщим достоянием», — отмечала одна из правых газет [26].

«В том, что кабинет Витте просуществовал недолго, несомненно, была заслуга Дубровина. Фактически он стал одним из могильщиков правительства "графа Полусахаинского", получившего отставку в апреле 1906 года», — отмечает современный исследователь [6, с. 61]. Вряд ли, конечно, влияние Дубровина было столь велико, чтобы сыграть решающую роль в разрушении карьеры Витте. Сами дубровинцы благодарили за его отставку фон дер Лауница и других верных престолу государственных деятелей, которые «своими личными донесениями государю дали такой отпор графу Витте, что он быстро слетел с своего места» [29, с. 40]. Но то, что именно Дубровин и СРН внесли существенный вклад в дискредитацию главы правительства, несомненно. Отставку графа Дубровин, естественно, радостно приветствовал, сравнивая конец «виттевщины» с концом «бионовщины» [32].

Неудивительно, что Витте тоже не питал никаких симпатий к Дубровину. В какой-то момент, как утверждал вождь СРН, премьер пытался наладить с ним контакт, «подослав» к нему Г. Е. Распутина. Явившись как-то к Дубровину домой, «старец» заявил, что хочет с ним познакомиться, так как Витте, у которого он побывал до этого, настоятельно

рекомендовал ему это сделать. Спустя несколько дней, застав Дубровина к себе, Распутина, якобы, стал уговаривать Дубровина сейчас же поехать вместе с ним к Витте, так как тот его «жаждет увидеть и беседовать», что он тех же «взглядов, убеждений и расходиться нет резону» [18, с. 123, 127]. «И Гришка, оказывается, был подослан ко мне от Витте, он с ним находился в дружеских отношениях и именно, чтобы меня завербовать. Я отстранил от себя все это и после завтрака с Гришкой больше с ним не встречался нигде...» — утверждал Дубровин [18, с. 127]. На одном из собраний монархистов Дубровин уверял, что, как только он начал выступать с разоблачениями Витте, к нему явился посланец премьера помещик Пронин, предлагая за молчание «500 000, миллион, даже два миллиона», на что, якобы, получил твердый ответ: «Не хватит у Витте всех его награбленных богатств, чтобы купить мое молчание» [26]. Соратники Дубровина утверждали, что об этой попытке подкупа их вождя известно многим членам Русского собрания [33, с. 126].

В конце 1915 г., вернувшись к этой истории в беседе с журналистом, Дубровин добавлял, что помимо упомянутого случая была и вторичная попытка со стороны Витте подкупить его. Якобы, через доверенное лицо премьер предложил вождю черной сотни встать во главе «одного крупного предприятия», обещая, что в случае согласия в его распоряжение будет ассигновано 7 млн руб. Однако и на этот раз правый политик оказался непреклонен. «Я не хотел своим именем, — говорил Дубровин, — прикрывать такую организацию, которая бы спутала всю Россию и завлекла бы ее в жидомасонскую сеть» [34, с. 111]. Так ли все было на самом деле или нет, сказать трудно. Но то, что Дубровин оставался непримиримым врагом Витте до конца его жизни и не желал иметь с ним никаких дел, факт очевидный.

Дубровин и покушения на Витте

Витте, испытывая ненависть к руководителю СРН, в своих воспоминаниях не пожалел красок для характеристики Дубровина. Для Витте вождь черной сотни был «негодяем», «проходимцем», «мошенником», «подонком», «сволочью», «лейб-кабатчиком», «каторжником», «мазуриком», «геро-ем вонючего рынка», «негодяем реакционных трущоб», «политическим хулиганом», «разбойником» [35, с. 33, 223, 235, 284, 401, 417; 36, с. 33, 74, 110, 178, 267, 385; 37, с. 230–231]. Витте был уверен, что за Дубровиным стояли враждебно настроенные к нему влиятельные лица из «дворцовых сфер», давшие отмашку черной сотне «ежедневно уверять, что я изменник, масон, подкуплен жидами и проч.» [36, с. 5]. Среди таковых премьер называл великого князя Николая Николаевича, отмечая, что тот практически стал покровителем Дубровина. «Благодаря влиянию великого князя Николая Николаевича, — писал Витте, — и государь возлюбил после 17 октября больше всех черносотенцев, открыто провозглашая их, как первых людей Российской империи, как образцы патриотизма, как национальную гордость» [36, с. 33].

Покровительствовал Дубровину и призванный в состав правительства для подавления революции министром внутренних дел П. Н. Дурново. «...После того, как я оставил пост председателя, — вспоминал Витте, — как-то раз в разговоре с Дурново я обозвал Дубровина негодяем. Дурново мне сказал: "На-

прасно вы его так называете, право, он честнейший и прекраснейший человек"» [36, с. 74]. Вспоминая регулярные выпады в его адрес на черносотенных митингах, Витте утверждал: «Конечно, только рассчитывая на поддержку великого князя и министра внутренних дел Дурново, Дубровин в одном из манежей собрал толпу хулиганов, говорил зажигательные речи и затем, с криками "долгой подлую конституцию и смерть графу Витте", [они] вышли из манежа...» [36, с. 75–76].

Обвинял Витте в безнаказанных напаках на него со стороны Дубровина и царскую чету. «...Императрица Александра Феодоровна конспирирует с союзом "истинно-русских людей", со всеми Дубровиными, отцами Илиодорами и прочими политическими негодьями и кликушами», — раздраженно писал отставной премьер [36, с. 227]. Досталось от Витте и императору, принимавшему вождя черной сотни и оказывавшему ему моральную поддержку. «Воображаю, — писал он, — какие отзывы его величеству благоугодно было высказывать обо мне господам Дубровину и прочим членам этой черносотенной шайки, когда он неоднократно наедине принимал их. Зная государя, я себе представляю приблизительно такую сцену: "Ваше величество, самодержавнейший государь, все несчастье России произошло от этой подлой конституции, от этого ужасного манифеста 17 октября, это жидовское наваждение и как это ты, обожаемый батюшка-царь, мог подписать такую бумагу?" — говорит Дубровин или ему подобный. Ответ: "Это граф Витте меня подвел". — "Самодержавнейший, благочестивейший государь, мы — русские люди это чуяли, мы с ним расправимся". Затем господа Дубровин и К^о и пошли действовать..." [36, с. 94–95].

Под словом «действовать» Витте подразумевал не только нападки на него на митингах и в печати, но и нечто куда более серьезное. Премьер был убежден, что Дубровин стоял за организованными на него покушениями. Вечером 29 января 1907 г. служивший у Витте истопник обнаружил бомбу в печи гостиной, находившейся в нежилой части особняка уже отставного к тому времени премьера. На следующий день было обнаружено еще одно взрывное устройство, подвешенное в запасной трубе столовой на первом этаже в той же части здания. Бомбы были спущены в печи через трубу с крыши дома. Однако часовой механизм адских машин не сработал из-за того, что они были помещены в слишком узкие ящики, мешавшие размаху молоточка будильника [7, с. 439]. По данным Витте за этим покушением стояли видный черносотенец В. В. Казаринов, занимавшийся в то время снабжением боевых дружин СРН оружием, и его соратник, одновременно являвшийся агентом Охранного отделения, А. Е. Казанцев. Последний подговорил двух революционно настроенных рабочих А. Степанова и В. Д. Федорова убить Витте, убедив их в том, что этот приговор вынесен отставному премьеру за подавление революции. Считая, что они выполнят волю революционных вождей, Степанов и Федоров заложили бомбы.

Спустя четыре месяца, 26 мая 1907 г. стало известно о подготовке нового покушения. Заседание Государственного совета, членом которого являлся Витте, было спешно перенесено из-за полученной информации, что в графа собираются бросить бомбу. Исполнителями террористической акции оказались те же люди — Степанов и Федоров, руководимые Казанцевым. Однако покушения не про-

изошло, так как, разоблачив провокатора Казанцева, Федоров зарезал его, а затем, сбежав за границу, предал всю эту историю гласности [38]. В начале 1910 г. дело о покушении на Витте было прекращено «за нерозыском лиц, покушавшихся на убийство графа и за смертью их руководителя» [7, с. 439].

Витте вспоминал, что его предупреждали о вынесенном смертном приговоре и что именно Дубровин на одном из собраний СРН, ссылаясь на слова своего покровителя — петербургского градоначальника фон дер Лауница, говорил о том, что, как только граф вернется в Петербург из-за границы, куда он отбыл после отставки, он будет убит [36, с. 309]. Тем, как велось расследование, граф был страшно недоволен, ему казалось, что дело хотят замять, свети к симуляции, намекая, что как такового покушения и не было. Когда же это стало невозможно, то следствие, по словам Витте, стали затягивать, чтобы не раскрыть преступления. Граф был убежден, что причиной этому было то, что покушения на него были спланированы «Союзом русского народа при участии и попустительстве агентов полиции и правительства вообще» [36, с. 311]. Витте также утверждал, что прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты П. К. Камышанский приватно сказал ему: «С первых же шагов для нас сделалось ясным, что для того, чтобы раскрыть и обнаружить все дело, необходимо тронуть и сделать обыски у таких столпов вновь явившихся спасителей России, как доктор Дубровин, между тем мы сделать этого не можем» [36, с. 345]. На вопрос Витте о причинах этого, прокурор якобы заметил: «...Потому что если мы только этих лиц арестуем и сделаем у них обыски, то мы не знаем, что мы там найдем, наверно, нам придется идти дальше и выше». А потому, закончил Камышанский, он решится на арест Дубровина только в том случае, если министр юстиции сделает такое указание [36, с. 345].

Ссылаясь на показания бывшего секретаря «Русского знамени» А. И. Пруссакова, Витте писал: «Дубровин говорил своим сотрудникам о необходимости меня убить и, главное, овладеть документами, которыми я обладаю, и которые находятся у меня в доме, что будто бы (чему я не верю) на необходимость уничтожить все находящиеся у меня документы имеется высочайшее повеление, ему переданное. Таким образом, Дубровин очень интересовался и науськивал некоторых лиц на то, чтобы меня убить и овладеть моим домом или его разорить» [36, с. 347; 39, с. 79]. А чтобы не быть раскрытыми, Дубровин и его петербургские соратники якобы решили повернуть это дело руками московских монархистов.

Пруссаков, рассорившийся с Дубровиным и обвинявший его во всех грехах [40], действительно дал следствию подробные показания против своего бывшего руководителя. Только произошло это в 1909 г., спустя два года после описанных событий, когда предпринимались активные попытки устранить Дубровина от власти в СРН и против вождя черной сотни была развернута масштабная кампания в прессе. Пруссаков, утверждал, что Дубровин просил его раздобыть план дома Витте и то, что он видел в редакции «Русского знамени» черновой набросок статьи о состоявшемся покушении на Витте, в котором указывалось, что это преступление — дело рук революционеров. Когда же покушение сорвалось, утверждал Пруссаков, был составлен новый текст, напечатанный в газете. В нем отмечалось, что находящийся не у дел Витте уже не может быть

опасен и выражалось осуждение попыткам устранить его. «Чего же хотят кровавые безумцы, вкладывающие адские машины в печь, неужели убийства ради убийства, крови ради крови?..» — писало «Русское знамя» [39, с. 79–80]. Пруссаков также показывал, что через день после покушения он лично видел, как двое неизвестных ему лиц упрекали Дубровина в алчности, требуя от него денег и угрожая «все рассказать графу Витте». Дубровин деньги передал и заверил Пруссакова, что это «шантажисты от левых и графа Витте», угрожавшие обвинить СРН в причастности к покушению [39, с. 80].

Дубровин охарактеризовал слова Пруссакова как клевету и «наглое бесстыдство», отметив, что «подлые и преступные измышления» обязательно будут изобличены Петербургским окружным судом [41]. Во время допроса Дубровин все возводимые на него обвинения категорически отрицал [39, с. 80]. При этом вождь СРН как минимум знал о том, что разговоры о «нейтрализации» Витте в бытность того премьером в черносотенных кругах были. В 1906 г. Раух отмечал в дневнике, что на его вопрос, правда ли, что в Петербурге существует тайная черносотенная организация, собирающаяся «произвести вторую Варфоломеевскую ночь, т. е. в одну ночь заарестовать и вырезать всех главнейших революционеров и в числе их Витте», Дубровин ответил: «Были разговоры, но совершенно оставлены; если же из числа этих лиц кто-либо желает вас видеть, гоните их вон, это просто проходимцы» [20, с. 89].

Витте в письме к П. А. Столыпину, от которого требовал довести дело о покушении до конца, в связи с данными против Дубровина показаниями, писал: «Мне приятно верить, что Пруссаков, как это объяснил впоследствии доктор Дубровин, все нагал» [42, с. 113]. Но, продолжал он далее, обязанность властей выяснить, являются ли показания против Дубровина «сплошным вымыслом» или же «в этих рассказах имеется частица правды, достаточная для того, чтобы заняться особым и тщательным расследованием деятельности председателя Союза русского народа» [42, с. 113]. «Полагаю, — писал Витте, — что надлежало попытаться установить или полную невиновность доктора Дубровина или же виновность Пруссакова в лжесвидетельстве, а затем с тем из них, кто окажется виновным, поступить по закону» [42, с. 113]. Отвечая Витте, Столыпин писал: «...Показание о соучастии в деле председателя Главного совета Союза [русского] народа доктора Дубровина, данное Пруссаковым, выгнанным Дубровиным из редакции "Русского знамени", при проверке оказалось ... голословным. Сам Казанцев никакого отношения к Дубровину не имел и никогда у него не бывал» [43, с. 143]. На заседании Совета министров, состоявшемся 4 января 1911 г., на жалобы Витте было указано, что его претензии на то, что дело намеренно затягивалось и велось необъективно — несостоятельны, а утверждения бывшего премьера в причастности к покушению на него правительственных агентов — голословны [44, с. 17–18]. Резолюция Николая II от 22 февраля 1911 г. была столь же однозначна: «Никаких неправильностей в действиях властей административных, судебных и полицейских я не усматриваю. Дело это считаю законченным» [44, с. 18].

Таким образом, никаких официальных обвинений Дубровину предъявлено не было. Столыпин, не испытывая к Дубровину симпатий [45], тем не менее копать под него не стал и в виновность

его, похоже, не верил. Очевидно, что в этой скандальной и темной истории были замешаны силы, разоблачать которые власть не стремилась, предпочитая спустить дело на тормозах. С одной стороны, причастность к этому покушению отдельных лиц, состоящих в СРН, очевидна. С другой — невозможно пройти мимо того факта, что причастные к покушению тесно сотрудничали с Охранным отделением. Весьма вероятно, что хитроумный план по устранению Витте руками как бы левых террористов созрел в недрах именно этой структуры и что именно охранка привлекла ненавидевших отставного премьера черносотенцев для его реализации.

Заключение

Негативное отношение Дубровина к Витте сформировалось еще в конце XIX в. на фоне служебного и личного конфликтов. К началу своей политической карьеры Дубровин уже имел предубеждение в отношении премьера, которое быстро переросло в чувство сильной неприязни, вызванное как личными качествами Витте, так и проводимой им политикой. На протяжении всей своей политической деятельности вождь СРН безжалостно критиковал графа, выставя его главным виновником революционной смуты 1905 г. и последовавшего в ходе нее умаления прав самодержца, также подозревая премьера в намерении хитростью занять место главы государства. В этом отношении позиция Дубровина мало чем отличалась от взглядов других черносотенцев, однако по степени накала антивиттевских выступлений и их частоте он заметно обходил других вождей крайне правой. Очевидно, что Дубровин и руководимый им СРН внесли немалый вклад в дискредитацию Витте, утрату им доверия со стороны Николая II и последовавшую затем отставку премьера. Что же касается неудавшихся покушений на Витте, в организации которых граф подозревал вождя СРН, то фактов, бесспорно доказывающих личную причастность Дубровина к этим преступлениям, нет. Но также нет и ответа на вопрос, был ли вождь СРН в курсе готовящейся «акции», или ее попытались провернуть за его спиной.

Примечания

¹ Ушаков М. А. — петербургский литейщик, социалист, организатор рабочего движения в революцию 1905 г. Начиная свою деятельность в 1902 г. при поддержке министра финансов Витте, желавшим поставить рабочее движение под свой контроль.

² Имеется в виду княжна Е. П. Долгорукая (1789–1860), в замужестве Фадеева, дочь которой — Екатерина являлась матерью С. Ю. Витте.

Список источников / References

1. Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? Москва: Язуза-Пресс, 2013. 672 с. ISBN 978-5-9955-0546-4. EDN: XSBCCX.

Stepanov S. A. Chernaya sotnya. Chto oni sdelali dlya velichiya Rossii? [Black Hundreds. What did they do for the greatness of Russia?] Moscow, 2013. 672 p. ISBN 978-5-9955-0546-4. EDN: XSBCCX. (In Russ.).

2. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914): моногр. Киев: МАУП, 2006. 744 с. ISBN 966-608-467-8. EDN: MDUSVR.

Omel'yanchuk I. V. Chernosotennoye dvizheniye v Rossiyskoy imperii (1901–1914) [The Black Hundred movement in

the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev, 2006. 744 p. ISBN 966-608-467-8. EDN: MDUSVR. (In Russ.).

3. Иванов А. А. Правые партии Российской империи. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2024. 735 с. ISBN 978-5-93615-362-4. EDN: BECHGH.

Ivanov A. A. Pravyye partii Rossiyskoy imperii [Right-wing parties of the Russian Empire]. Saint Petersburg, 2024. 735 p. ISBN 978-5-93615-362-4. EDN: BECHGH. (In Russ.).

4. Сагинадзе Э. О. Реформатор после реформ: С. Ю. Витте и российское общество, 1906–1915. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 279 с. ISBN 978-5-4448-0815-3. EDN: ZTVNLP.

Saginatze E. O. Reformator posle reform: S. Yu. Vitte i russiyskoye obshchestvo, 1906–1915 [Reformer after reforms: S. Yu. Witte and Russian Society, 1906–1915]. Moscow, 2017. 279 p. ISBN 978-5-4448-0815-3. EDN: ZTVNLP. (In Russ.).

5. Омелянчук И. В. Премьер-министры Российской империи в оценках правых (1905–первая половина 1914 года) // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 273–311. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-273-311. EDN: LKYVAG.

Omel'yanchuk I. V. Prem'yer-ministry Rossiyskoy imperii v otsenkakh pravyykh (1905–pervaya polovina 1914 goda) [Prime ministers of the Russian Empire as appraised by the rights (1905–the first half of 1914)]. *Tetrady po Konservatizmu*. 2020. No. 1. P. 273–311. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-273-311. EDN: LKYVAG. (In Russ.).

6. Степанов А. Д. Русский Гарибальди. Александр Иванович Дубровин (1855–1921) // Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. Санкт-Петербург: Царское Дело, 2015. С. 56–92. ISBN 978-5-91102-042-2.

Stepanov A. D. Russkiy Garibal'di. Aleksandr Ivanovich Dubrovin (1855–1921) [Russian Garibaldi. Alexander Ivanovich Dubrovin (1855–1921)] // *Pravaya Rossiya. Zhizneopisaniya russkikh monarkhistov nachala XX veka* [Right Russia. Biographies of Russian Monarchists of the Early 20th Century]. Saint Petersburg, 2015. P. 56–92. ISBN 978-5-91102-042-2. (In Russ.).

7. Куликов С. В. Сергей Юльевич Витте: статьи для биографической энциклопедии. Санкт-Петербург: Росток, 2022. 668 с. ISBN 978-5-94668-330-2.

Kulikov S. V. Sergey Yul'yevich Vitte: Stat'i dlya biograficheskoy entsiklopedii [Sergey Yulievich Witte: Articles for the biographical encyclopedia]. Saint Petersburg, 2022. 668 p. ISBN 978-5-94668-330-2. (In Russ.).

8. Грингмут В. А. Монархисты и правительство // Собрание статей В. А. Грингмута. Москва: Русская печатня, 1910. Вып. 4. С. 214–219.

Gringmut V. A. Monarkhisty i pravitel'stvo [Monarchists and the government] // *Sobraniye statey V. A. Gringmuta* [Collection of articles by V. A. Gringmut]. Moscow, 1910. Vol. 4. P. 214–219. (In Russ.).

9. А. В-в. Чина и ордена не спасут от народного презрения // Русское знамя. 1906. 16 марта.

A. V-v. China i ordena ne spasut ot narodnogo prezreniya [The rank and orders will not save from folk contempt]. *Russkoye Znamya*. 1906. March 16. (In Russ.).

10. Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. / сост., авт. предисл., введ. и коммент. Ю. И. Кирьянов. Москва: РОССПЭН, 1998. 720 с. ISBN 5-86-004-122-5.

Pravyye partii. 1905–1917. Dokumenty i materialy [Right parties. 1905–1917. Documents and materials. In 2 vols. Vol. 1. 1905–1910] / compiled, author of foreword, introduction and commentary by Yu. I. Kiryanov. Moscow, 1998. 720 p. ISBN 5-86-004-122-5. (In Russ.).

11. Освящение стягов подотделов Киевского союза русского народа // Киевлянин. 1907. 15 января.

Osveshcheniye styagov podotdelov Kiyevskogo soyuza russkogo naroda [Consecration of the hooks of subdivisions of the Kyiv Union of the Russian people]. *Kiyevlyanin*. 1907. January 15. (In Russ.).

12. Иванов А. А. Доктор Дубровин: новые факты биографии и оценки современников // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 4. С. 884–904. DOI: 10.21638/spbu24.2024.406. EDN: ISBGVN.
- Ivanov A. A. Doktor Dubrovin: novyye fakty biografii i otsenki sovremennikov [Doctor Dubrovin: New Facts of Biography and Assessment of Contemporaries]. *Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia*. 2024. Vol. 14, no. 4. P. 884–904. DOI: 10.21638/spbu24.2024.406. EDN: ISBGVN. (In Russ.).
13. В. И. К. Еще одна из крупных ошибок гр. С. Ю. Витте // Русь. 1908. 31 января.
- V. I. K. Eshche odna iz krupnykh oshibok gr. S. Yu. Vitte [Another major mistakes of Count S. Yu. Witte]. *Rus'*. 1908. January 31. (In Russ.).
14. Карьера Дубровина // Русское слово. 1909. 10 мая.
- Kar'yera Dubrovina [Dubrovin's career]. *Russkoye Slovo*. 1909. May 10. (In Russ.).
15. Письма в редакцию // Русь. 1908. 7 февраля.
- Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the editor]. *Rus'*. 1908. February 7. (In Russ.).
16. К прошлому д-ра Дубровина // Речь. 1908. 12 февраля.
- K proshlomu d-ra Dubrovina [To the past Dr. Dubrovin]. *Rech'*. 1908. February 12. (In Russ.).
17. Дубровин и гр. Витте // Голос Москвы. 1908. 8 февраля.
- Dubrovin i gr. Vitte [Dubrovin and Count Witte]. *Golos Moskvy*. 1908. February 8. (In Russ.).
18. Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин) / публ. В. Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. ст. / под ред. Д. Б. Павлова. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 84–143. ISBN 978-5-8243-1382-6.
- Prigovorennyy k rasstrelu dvazhdy ("kommunist-monarkhist" Aleksandr Ivanovich Dubrovin) [Sentenced to execution twice ("Communist-monarchist" Alexander Ivanovich Dubrovin)] / publ. by V. G. Makarov // *Repressirovannaya intelligentsiya. 1917–1934 gg. [Repressed intelligentsia. 1917–1934]* / ed. by D. B. Pavlov. Moscow, 2010. P. 84–143. ISBN 978-5-8243-1382-6. (In Russ.).
19. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 365. Оп. 2. Д. 52.
- Tsentr'al'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. File: 365/2/52. (In Russ.).
20. Дневник Г. О. Рауха // Красный архив. 1926. Т. 6. С. 84–109.
- Dnevnik G. O. Raukha [Diary of G. O. Raukh]. *Krasnyy Arkhiv*. 1926. Vol. 6. P. 84–109. (In Russ.).
21. На митинге «черной сотни» // Наша жизнь. 1905. 15 февраля.
- Na mitinge "chernoy sotni" [At the rally "Black Hundred"]. *Nasha Zhizn'*. 1905. February 15. (In Russ.).
22. Русская Виттова пляска. 1906. № 4. Февраль.
- Russkaya Vittova Plyaska. 1906. No. 4. February. (In Russ.).
23. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. 1.
- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. File: 102/ОО/316/1905/999/39/1. (In Russ.).
24. Подробный отчет о Третьем Всероссийском съезде людей Земли русской в Киеве. Москва: Газета «Голос Русского», 1906. 227 с.
- Podrobnyy otchet o Tret'yem Vserossiyskom s'yezde lyudey Zemli russkoy v Kiyeye [A detailed report on the third All-Russian Congress of Russian people in Kiev]. Moscow, 1906. 227 p. (In Russ.).
25. Всероссийский Третий съезд русских людей. Письма из Киева // Голос русского. 1906. 10 октября.
- Vserossiyskiy Tretiy s'yezd russkikh lyudey. Pis'ma iz Kiyeva [All-Russian third congress of Russian people. Letters from Kiev]. *Golos Russkogo*. 1906. October 10. (In Russ.).
26. А. И. Дубровин в Харькове // Харьковские ведомости. 1906. 7 ноября.
- A. I. Dubrovin v Khar'kove [A. I. Dubrovin in Kharkov]. *Khar'kovskiy Vedomosti*. 1906. November 7. (In Russ.).
27. В Союзе русского народа // Московские ведомости. 1906. 16 ноября.
- V Soyuze russkogo naroda [In the Union of the Russian people]. *Moskovskiy Vedomosti*. 1906. November 16. (In Russ.).
28. В союзах и обществах // Новое время. 1906. 13 ноября.
- V soyuzakh i obshchestvakh [In unions and societies]. *Novoye Vremya*. 1906. November 13. (In Russ.).
29. Спутник союзника. (II том сборника «Куда временщики ведут Союз русского народа»). Санкт-Петербург: Отечественная типография, 1911. 362 с.
- Sputnik soyuznika. (II tom sbornika "Kuda vremenshchiki vedut Soyuz russkogo naroda") [Satellite of a member of the Union of the Russian people. (2nd volume of the collection "Forters of the Temporary leaders lead the Union of the Russian people")]. Saint Petersburg, 1911. 362 p. (In Russ.).
30. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. 430 с. ISBN 5-86007-180-9. EDN: YSWSYG.
- Anan'ich B. V., Ganelin R. Sh. Sergey Yul'yevich Vitte i ego vremena [Sergey Yulievich Witte and his time]. Saint Petersburg, 2000. 430 p. ISBN 5-86007-180-9. EDN: YSWSYG. (In Russ.).
31. Дубровин А. И. Тайна судьбы. (Фантазия – действительность.) Санкт-Петербург: Отечественная типография, 1907. 27 с.
- Dubrovin A. I. Tayna sud'by. (Fantaziya – deystvitel'nost') [The secret of fate. (Fantasy of reality)]. Saint Petersburg, 1907. 27 p. (In Russ.).
32. Дубровин А. И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 8 июня.
- Dubrovin A. I. Peredovaya stat'ya [Advanced article]. *Russkoye Znamya*. 1907. June 8. (In Russ.).
33. Куда временщики ведут Союз русского народа. Санкт-Петербург: Отечественная типография, 1910. 616 с.
- Kuda vremenshchiki vedut Soyuz russkogo naroda [Where the temporary workers are leading the Union of the Russian People]. Saint Petersburg, 1910. 616 p. (In Russ.).
34. Ивакин Г. А. «Служить престолу...». Документы и материалы по истории черносотенных союзов и организаций. Москва: Междунар. издат. центр «Город XXI век», 2020. Т. 2. 238 с. ISBN 978-5-907021-38-9.
- Ivakin G. A. "Sluzhit' prestolu...". Dokumenty i materialy po istorii chernosotennykh soyuzov i organizatsiy ["To serve the throne..."]. Documents and materials on the history of Black-Hundred Unions and Organizations. Moscow, 2020. Vol. 2. 238 p. ISBN 978-5-907021-38-9. (In Russ.).
35. Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Ленинград: Гос. изд-во, 1924. Т. 1. 471 с.
- Vitte S. Yu. Vospominaniya [Memories]. In 3 vols. Leningrad, 1924. Vol. 1. 471 p. (In Russ.).
36. Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Ленинград: Гос. изд-во, 1924. Т. 2. 518 с.
- Vitte S. Yu. Vospominaniya [Memories]. In 3 vols. Leningrad, 1924. Vol. 2. 518 p. (In Russ.).
37. Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Ленинград: Гос. изд-во, 1924. Т. 3. 395 с.
- Vitte S. Yu. Vospominaniya [Memories]. In 3 vols. Leningrad, 1924. Vol. 3. 395 p. (In Russ.).
38. Исповедь Федорова // Речь. 1909. 1 мая.
- Isповед' Fedorova [The confession of Fedorov]. *Rech'*. 1909. May 1. (In Russ.).
39. Львов Л. [Клячко Л. М.] Семь лет назад (Покушения на жизнь гр. Витте) // Русская мысль. 1914. № 2. С. 48–84.
- L'vov L. (Klyachko L. M.) Sem' let nazad (Pokusheniya na zhizn' gr. Vitte) // *Russkaya mysl'*. 1914. No. 2. S. 48–84.

zhizn' gr. Witte) [Seven years ago (Attempts on Count Witte's Life)]. *Russkaya Mysl'*. 1914. No. 2. P. 48–84. (In Russ.).

40. Дело об убийстве Герценштейна // Русское знамя. 1909. 19 апреля.

Delo ob ubiystve Gertsenshteyna [The case of the murder of Herzenstein]. *Russkoye Znamya*. 1909. April 19. (In Russ.).

41. Дубровин А. И. [Без названия] // Русское знамя. 1909. 2 мая.

Dubrovina A. I. (Bez nazvaniya) [Without name]. *Russkoye Znamya*. 1909. May 2. (In Russ.).

42. Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. / Сост. А. Черновский; ред. и вступ. ст. В. П. Викторова. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1929. 444 с.

Soyuz russkogo naroda. Po materialam Chrezvychaynoy sledstvennoy komissii Vremennogo pravitel'stva 1917 g. [Union of the Russian people. Based on the materials of the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government of 1917] / Comp. A. Chernovskiy; Editing and introduction by Viktorov. Moscow; Leningrad, 1929. 444 p. (In Russ.).

43. Переписка графа С. Ю. Витте и П. А. Столыпина // Русская мысль. 1915. Кн. III. С. 134–152.

Perepiska grafa S. Yu. Witte i P. A. Stolypina [Correspondence between Count S. Yu. Witte and P. A. Stolypin]. *Russkaya Mysl'*. 1915. V. III. P. 134–152. (In Russ.).

44. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1911 год / Отв. сост., авт. введ. и примеч. Б. Д. Гальперина. Москва: РОССПЭН, 2002. 592 с. ISBN 5-8243-0008-9.

Osobyeye zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1909–1917 gg. 1911 god [Special magazines of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917. 1911] / Resp. comp. B. D. Galperin. Moscow, 2002. 592 p. ISBN 5-8243-0008-9. (In Russ.).

45. Иванов А. А. А. И. Дубровин и П. А. Столыпин: причины антагонизма // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 108–130. DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-108-130. EDN: WUVJAA.

Ivanov A. A. A. I. Dubrovina i P. A. Stolypina: prichiny antagonizma [A. I. Dubrovina and P. A. Stolypin: reasons for antagonism]. *Vestnik MGPU. Seriya "Istoricheskiye nauki"*. *MCU Journal of Historical Studies*. 2025. No. 2 (58). P. 108–130.

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-108-130. EDN: WUVJAA. (In Russ.).

ИВАНОВ Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

SPIN-код: 1560-9171

AuthorID (РИНЦ): 208733

ORCID: 0000-0001-6438-5200

AuthorID (SCOPUS): 56995528600

ResearcherID: O-2946-2016

Адрес для переписки: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 08.07.2025; одобрена после рецензирования 09.08.2025; принята к публикации 04.12.2025.

IVANOV Andrey Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Institute of History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

SPIN-code: 1560-9171

AuthorID (RSCI): 208733

ORCID: 0000-0001-6438-5200

AuthorID (SCOPUS): 56995528600

ResearcherID: O-2946-2016

Correspondence address: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 08.07.2025; approved after reviewing 09.08.2025; accepted for publication 04.12.2025.

УДК/UDC 101.1:316

DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-70-77

EDN: TMMBTF

Научная статья / Original article

НАРРАТИВНЫЙ СМЫСЛ: СЕМИОЗИС И ИДЕНТИЧНОСТЬ

В. В. Бабич

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Предметом исследования выступает нарративный смысл, который, как утверждается, является необходимым условием понимания мира, 'Я' и человеческих действий. Анализируются онтологические, гносеологические и герменевтические предпосылки смыслообразования. Демонстрируется, что нарративный смысл связывает личный опыт с совокупностью контекстов: культурным, этическим и темпоральным. В рамках данных контекстов личностное существование обретает интерпретацию и значимость благодаря организации событий в целостный сюжет, в котором обнаруживается внутренняя направленность и телеологичность предстает одной из возможных модальностей смысла. Доказывается, что нарративный смысл раскрывается как синтетическая категория, репрезентирующая онтологическую укорененность человека в мире, гносеологическую активность сознания и герменевтический опыт нашего существования. Признается ключевая роль нарратива как средства семиозиса. Утверждается, что в контексте формирования личной идентичности нарративный смысл выступает ключевым основанием для удержания чувства собственной аутентичности (идентичности 'Я') перед модальностью 'несобственного' существования.

Ключевые слова: нарративный смысл, нарративизм, смыслообразование, семиозис, личная идентичность, телеология, субъектность, герменевтика.

Для цитирования: Бабич В. В. Нарративный смысл: семиозис и идентичность // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 70–77. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-70-77. EDN: TMMBTF.

© Бабич В. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

NARRATIVE MEANING: SEMIOSIS AND IDENTITY

V. V. Babich

Tomsk State University, Russia, Tomsk, Lenina Ave., 36, 634050

The article examines the narrative meaning that allows constructing an understanding of the surrounding world, oneself, and human actions through stories that give events, motives, and goals meaning, forming a single narrative plot. Ontological, epistemological, and hermeneutic prerequisites for meaning-making are analyzed. The narrative meaning is demonstrated, linking personal experience with cultural, ethical, and temporal contexts in which one's own existence acquires a narrative form through the linking of events into a plot, in which not randomness or absurdity is revealed, but a direction in the context of which teleology manifests itself as one of the possible modalities of meaning. It is proved that the narrative meaning is revealed as a synthetic category representing the ontological rootedness of man in the world, the epistemological activity of consciousness, and hermeneutic experience. The key role of narrative as a means of semiosis is recognized. It is argued that in the context of the formation of personal identity, the narrative meaning of autobiographical narration acts as a key basis for maintaining a sense of one's own authenticity in the face of the modality of 'unnatural' existence.

Keywords: narrative meaning, narrativism, meaning-making, semiosis, personal identity, teleology, subjectivity, hermeneutics.

Введение

Сто лет назад, стремясь сделать философию инструментом ясного мышления, Мориц Шлик задался вопросом 'Что есть смысл?'. В своих рассуждениях он приходит к выводу, что смысл — это не абстрактная 'истина', а связь утверждения с эмпирической реальностью через процедуру проверки. По его мнению, вопрос о смысле должен был выйти за пределы абстрактной метафизической игры и стать основополагающим для прояснения содержания научных суждений [1, с. 188; также см.: 2 с. 448–450]. Такой подход стал программной основой для критики спекулятивной метафизики в аналитической философии XX века.

Позднее, к концу XX века, постструктуралистами была реализована деконструкция 'больших нарративов', оставившая после себя поле 'смысловых руин', что способствовало релятивизации любого высказывания о смысле. К этому добавилось разделение философии на аналитическую и континентальную, где 'смысл' в аналитической философии (как референция) и в экзистенциализме (как проект бытия) — это принципиально разные концепты.

Развитие технологий конца XX — начала XXI века породило парадокс: человечество обладает беспрецедентным объемом информации, но все чаще сталкивается с смысловым вакуумом. Это диагностично выразил Ноам Хомский, рассуждая о феномене интернета: «Доступ к интернету — великое благо. Однако информация эта мимолетна и призрачна... Никакого смысла нет иметь доступ к необъятным данным, если вы не способны разобраться в них» [3, с. 154–155].

Отдельной проблемой является определение связи смысла и этики в современном мире. В мире, где технологии опережают моральное осмысление и решения искусственного интеллекта влияют на человеческие судьбы, этика без смысла рискует превратиться в набор алгоритмов. К сонму всех этих проблем необходимо добавить процессы, разворачивающиеся в рамках глобализации: смешивание культурных кодов, ускорение процессов, подмена идентичности цифровыми симулякрами и т. д. В таких условиях, вопрошая о смысле как о том, что позволяет преодолеть сегментацию и обнаружить 'подлинность', человек оказывается между двух полюсов: релятивизма и фундаментализма.

Проблема 'смысла' в современной науке утратила исключительно философскую монополию, будучи инкорпорированной в исследовательское поле когнитивных наук, кибернетики, социологии, психологии и лингвистики [4]. При этом дисциплины, ориентированные на исследование человека и общества, ранее претендовавшие на методологическую автономию, в настоящее время становятся все более 'философичными' в своих поисках общих оснований [5, с. 142]. Тем самым мы фиксируем трудности междисциплинарного взаимодействия в условиях глобализации и отсутствия единых философских оснований. Разработка интегративной

концепции смысла способствовала бы преодолению имеющейся 'вавилонской' разрозненности.

Предпосылки смыслообразования

Проблема поиска смысла заключается не в обнаружении некой 'сущности', она скорее определяется условиями, при которых нечто обретает статус 'осмысленного'. Иными словами, данный поиск представляет собой процесс интеграции действий, явлений или идей в систему контекстов, которые обеспечивают их значимость, связность и направленность [6, с. 45]. Данный процесс предполагает не просто накопление информации, а выявление связей между объектом, субъектом и миром посредством нарративов, практик, интерпретаций и рефлексии. Таким образом, возникновение смысла — это результат взаимодействия субъекта, объекта и контекста.

Процесс смыслообразования зависит от трех взаимосвязанных предпосылок: онтологической, гносеологической и герменевтической.

Онтологическая предпосылка содержит в себе предположение о том, что смысл не является абстрактной сущностью, существующей независимо от человека (если мы выходим за рамки концепции объективного идеализма), он укоренен в самом способе человеческого существования. Мартин Хайдеггер в своем небольшом эссе *Время и бытие*, анализируя экзистенциалы человеческого существования, переосмысляет классическую онтологию, отказываясь от противопоставления субъекта и объекта [7]. По его мнению, исходным пунктом мышления о мире должно стать предельно общее осознание того, как мир раскрывается человеку — а именно, что человек изначально обнаруживает себя уже погруженным в мир. Хайдеггеровский концепт 'бытия-в-мире' утверждает онтологический приоритет над любым познавательным актом: сама возможность 'иметь дело' с сущим, 'относиться' к нему предшествует всем конкретным модусам этого отношения — будь то теоретическое исследование, эстетическое восприятие или утилитарное использование. Иными словами, онтологическая укорененность в мире является условием возможности любого последующего гносеологического или практического взаимодействия. В этом контексте смысл обнаруживает себя не в качестве свойства вещи, а в качестве способа, каким вещь открывается нам, будучи вовлеченной в человеческие проекты. Смысл, таким образом, онтологичен: он есть способ, каким мир является человеку, через его особый способ существования — 'заботу' (Sorge).

Гносеологическая предпосылка смыслообразования связана с условиями, при которых субъект способен познавать и конструировать значимость. Это подразумевает ответ на вопрос, как контекст, интенциональность сознания и практическая проверка формируют процесс осмысления. Гносеологическая предпосылка, вслед за онтологической, содержит в себе предположение о том, что смысл не существует априори — он возникает в акте по-

знания. Этот акт, в свою очередь, обусловлен контекстом, направленностью сознания и социальными практиками, которые формируют условия для его возникновения.

Если верно утверждение, что смысл невозможно отделить от контекста (исторического, культурного, языкового) его возникновения, то для обнаружения смысла требуется реконструкция последнего. Например, пытаясь интерпретировать текст *Божественной комедии* Данте, мы столкнемся с тем, что нам необходимо знать не только язык, но и социальные нормы, религиозные догмы, политические реалии эпохи и т. д. Таким образом, смысл — это не нечто статичное, а динамичное отношение между высказыванием, контекстом и интерпретатором. Людвиг Витгенштейн утверждал, что 'значение слова — это его употребление в языке', а смысл любого высказывания определяется не словарным значением, а языковой игрой — правилами, которые разделяются в конкретном языковом сообществе [8, с. 43]. Даже базовые понятия, например, такие как справедливость, достоинство и благо обретают смысл через традиции, в которые встроен субъект и со временем меняются. Чарльз Тейлор считал, что мы интерпретируем мир через 'сильные оценки' (serious assessments), которые укоренены в пространстве культуры и находят свое выражение в нарративах. [9, р. 99]. В свою очередь, размышляя о формировании наших представлений о благе, Аласдер Макинтайер замечал: «Как таковой, я унаследовал прошлое моей семьи, моего города, моего племени, моей нации и унаследовал различные долги, оправданные ожидания и обязательства. Они составляют данность моей жизни, мою моральную точку зрения» [10, с. 298]. Таким образом, для экспликации ценностей и смыслов необходима процедура реконструкции контекста, в котором они обнаруживаются, что всегда предполагает приобщение к пространству той или иной культуры.

Гносеологическая предпосылка содержит в себе предположение о том, что интенциональность определяет направление сознания, которое активно конструирует смысловые значения, опираясь на личный опыт существования познающего. Согласно Эдмунду Гуссерлю, сознание всегда интенционально — оно направлено на объект, смысл же возникает, когда сознание 'схватывает' объект в его феноменологической данности [11, с. 145]. Дополнительным элементом гносеологической предпосылки является прагматическая проверка, посредством которой смысл обнаруживает себя через практические последствия. Согласно прагматической максиме Чарльза Пирса «...следствия, у которых может быть практическое значение, имеет, как мы считаем, объект нашего представления [conception]. Тогда наше понятие обо всех этих следствиях и есть полное понятие о соответствующем объекте» [12, с. 293]. Это значит, что в практическом понимании смысл — это то, что способно породить действия с наблюдаемыми и ожидаемыми результатами. Иначе говоря, смысл есть основание для прагматического действия и не является сущностью или чем-то, отображающим реальность 'как она есть' [13, с. 372–373].

Таким образом, гносеологическая предпосылка содержит в себе три необходимых условия для экспликации смысла: реконструкцию контекста, определение вектора направленности сознания на предмет и обнаружение практических послед-

ствий осмысления. Смысл возникает там, где контекст, интенция, объект и действие пересекаются, формируя познаваемую реальность.

Герменевтическая предпосылка содержит представление о смысле как диалоге с традицией, осуществляемом через интерпретацию, которая всегда контекстуальна. При этом традиция не ограничивает понимание, а делает его возможным. Подобная интерпретация требует циклического движения между деталями, общей структурой познаваемого и контекстом, в который вписано познаваемое. Хайдеггер, в частности, утверждал, что герменевтический круг (предварительное схватывание целого → анализ частей → переосмысление целого) отражает онтологическую укорененность человека в мире, находясь в мире мы всегда обладаем предпониманием, которое уточняется в процессе осмысления [14, с. 111–112]. С точки зрения Ханса-Георга Гадамера, смысл проявляется в диалогическом взаимодействии, где происходит 'слияние горизонтов' интерпретатора и текста. Это взаимодействие не проходит бесследно, смысловой горизонт интерпретатора трансформируется, обогащаясь новыми перспективами, которые текст привносит в его опыт [15, с. 15–25]. Михаил Бахтин и Юрий Лотман рассматривали смысл как нечто диалогическое и динамическое: «Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом... Не может быть смысла в себе, он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним» [16, с. 280]. Оба мыслителя подчеркивали, что смысл не 'заложен' в осмысляемом объекте, формируя некую статичную сущность, а рождается в пространстве взаимодействия — между голосами, культурами и знаковыми системами. Такой подход расширяет классическую герменевтику, добавляя к ней измерения полифонии (Бахтин) и семиосферы (Лотман) [17, с. 36]. Только в таких условиях взаимодействия и диалога возможен семиозис, то есть возникновение смысла.

Таким образом, обозначенные предпосылки убеждают, что для возникновения смысла необходимо существование субъекта, встроенного в сеть практик отношений к миру и включение субъекта в семиосферу, в рамках которой возможен диалог и его интерпретация.

Онтология нарративного смысла

Категория 'нарративного смысла' раскрывается как необходимое условие существования человеческой субъектности. Нарративный смысл — это понимание окружающего мира, себя и человеческих действий через истории, которые придают событиям, мотивам и целям целостность, образуя единый сюжет повествования. Данный тип смысла возникает благодаря организации событий, мотивов и целей в целостное повествование, формирующее понимание окружающего мира, собственного 'Я' и человеческих действий. Таким образом, любое индивидуальное действие, как утверждал Макинтайер, обретает значение, лишь будучи «эпизодом в возможной истории» [10, с. 291]. Универсальность этого процесса коренится в самой культуре и обществе. Он является неотъемлемым элементом трансляции культурной традиции и норм, мы обнаруживаем его в рассказывании сказки, связывающем мать и ребенка, и в глобальных процессах, где нарративы становятся способом, в котором сохраняются и передаются моральные нормы и цен-

ности [10, с. 300]. Макинтайр подчеркивает, что мы всегда 'соавторы' своих историй, которые переплетаются с повествованиями других, формируя моральные традиции и социальные практики: «Мы не больше (а иногда и меньше), чем соавторы наших собственных нарративов... Каждый из нас, будучи главным актером своей собственной драмы, играет подчиненную роль в драме других, и каждая драма ограничивает этих других» [10, 287].

Проанализируем нарративный смысл с точки зрения трех обозначенных выше предпосылок смыслообразования.

Онтологический статус нарратива определяется его способностью репрезентировать 'бытие-в-мире' через описание соответствующих практик. С позиции Хайдеггера, нарратив является формой, в которой Dasein (как личностное существование) раскрывает свою экзистенциальную направленность посредством структурирования временности и актов самоинтерпретации. Ключевая функция нарратива заключается, таким образом, не в фиксации прошедших событий, а в конституировании самого 'бытия-в-мире'. Осуществляя синтез дискретных моментов опыта в целостную историю, нарратив устанавливает смысловую связь, где прошлое интерпретируется через проекты будущего, а настоящее выполняет функцию среды их диалектического взаимодействия.

'Временность существования' человека, с онтологической точки зрения, — это не просто темпоральность или последовательность разворачивания материи в пространстве, она экзистенциальна и находится в феноменологическом единстве прошлого, настоящего и будущего, образуя онтологическую структуру 'здесь-бытия': 'уже-бытие-в-мире' (модус прошедшего), 'бытия-при' (модус настоящего) и 'бытие-вперед-себя' (модус будущего). По Хайдеггеру эти три измерения образуют целостность 'здесь-бытие', в которой 'забота' выступает фундаментальным способом существования. В рамках данной онтологической перспективы конструирование автобиографического нарратива представляет собой акт самоопределения, ключевым элементом которого выступает нарративный смысл. Процесс формирования 'нарративного смысла' направлен на достижение и удержание аутентичности вопреки давлению 'несобственного' способа существования (das Man). Посредством нарративной деятельности Dasein осуществляет синтез своей фактической данности и проекта будущего, полагая собственное существование в качестве источника смыслопорождения. Таким образом, экзистенция, выступающая в качестве открытого проекта, подвергается нарративному оформлению, объединяя события в сюжетное единство, выявляя внутреннюю направленность 'Я'. В рамках этой направленности телеологический принцип фиксируется в качестве одной из возможных модальностей смысла.

Связь нарративного смысла с онтологическим дискурсом можно дополнительно обозначить, опираясь на тезис о возникновении смысла в момент ментального структурирования опыта, что исключает его трактовку как репрезентации объективных сущностей. Данная позиция сближает анализируемую категорию с установками концептуализма. Подобно тому, как универсалии в версии Абеяра обретали существование исключительно в пространстве языка и мысли, нарративный смысл предстает результатом активности интерпретирующего сознания, которое сообщает дискретным событиям

и фактам связность через их включенность в артикулированный сюжет [18, с. 8–9].

Человеческое существование обладает изначально интерпретативным характером и артикулируется через личные истории. Тем самым нарративный смысл не репрезентирует никакую априорную сущность, но формирует смысловую основу существования, в рамках которой смысл возникает в процессе наррации как реакция на экзистенциальный вызов временности и абсурда. Однако нарративный смысл возникает только тогда, когда события помещены в контекст, который субъект способен интерпретировать. Различие между хроникальной фиксацией событий в виде простой временной последовательности и нарративом обнаруживается в способности последнего порождать смысловое измерение. Этот специфический смысл конституируется через трансформацию событийного ряда в сюжетную организацию, где устанавливаются каузальные связи и осуществляется интерпретационная работа, придающая значимость и понятность повествованию.

Подчеркивая фундаментальную важность осмысления человеческих действий, Макинтайр утверждает, «что концепция разумного действия является более фундаментальной концепцией, чем концепция действия как такового» [10, с. 281–282]. Действие обретает статус разумного тогда, когда оно допускает свою интеграцию в повествовательную структуру в качестве сюжетного элемента. «Важность концепции разумности тесно связана с тем фактом, что самое базисное различие из всего того, что включено в наш дискурс и нашу практику в этой области, — это различие между человеческими существами и другими существами. Человеческие существа могут быть ответственны за совершенное ими; другие существа не могут... Следовательно, это означает понимание действия [человека] как нечто такого, что объяснимо, относительно которого всегда уместно разумное объяснение» [10, с. 282]. Макинтайр обосновывает тезис о том, что категория 'разумности' применима к действиям только при их анализе в контексте интерпретативных моделей, делающих эти действия доступными для понимания. Исходя из этого, предложенная им концепция нарратива определяется как дискурс, объектом которого являются рефлексивные и интенциональные агенты, а содержанием — каузально-смысловая ткань их поступков.

Нарративное понимание предполагает не только реконструкцию причинно-следственных связей, но и герменевтическую процедуру. Интеллигентность действия определяется его интенциональным и культурно-историческим контекстом, в котором раскрываются мотивы и цели агента. Таким образом, телеологичность является конституирующим свойством нарратива, поскольку его смысловая структура организуется вокруг каузальных и целевых причин действия.

Способность к конструированию нарративного смысла является исключительным онтологическим признаком человеческого существования. Конституируя и реализуя жизненный проект в качестве некой целостности, субъект достигает (хотя фрагментарного, неполного и всегда непостоянного) рефлексивного осознания собственных мотивов, целей и стратегий действий. Данная рефлексивная осознанность оказывает влияние на формирование жизненных стратегий. Формирование автобиографического нарратива, обращенного как к самому

себе, так и к Другому, выступает в качестве конституирующего свойства нашей личности. Именно эта способность к генерации нарративного смысла утверждает 'Я' в статусе рефлексивного и интенционального субъекта.

Если мы принимаем положение об изначальной герменевтической устроенности человеческого существования, то мы вынуждены согласиться с тем, что нарративный смысл, формируется в пространстве культурных практик, задающих рамки интерпретации. Из этого следует: во-первых, положение о социально-обусловленном характере нарративного смысла; во-вторых, отрицание возможности аутентичного самоконструирования вне культурных контекстов. Процесс идентификации, таким образом, предстает не как автономный спонтанный акт в 'настоящем', но является герменевтическим актом, растянутым во времени. Самоидентификация происходит посредством динамичной нарративизации собственного жизненного проекта, которая осуществляется с использованием предзаданных культурных схем и способов описания.

Герменевтический подход ставит под сомнение саму постановку проблемы, противопоставляющую 'жизнь как она есть' и 'рассказ о жизни'. Ошибочно как приписывать потоку жизненного опыта внутреннюю сюжетность, так и полагать, что нарратив есть всего лишь вторичное оформление уже состоявшегося. В действительности мы имеем дело с неразрывным единством. Нарративная интерпретация — это не фальсификация некоего дорефлексивного 'реального' настоящего, а фундаментальный, конституирующий элемент человеческого способа существования. Изучая нарративное конструирование реальности, Джером Брунер утверждал, что «жизнь, прожитая, неотделима от жизни, рассказанной — или, говоря более прямо, жизнь — это не «как она была», а то, как она интерпретируется и переинтерпретируется, рассказывается и пересказывается» [19, р. 708].

В рамках герменевтической традиции, человеческое бытие по своей сути является непрерывным процессом интерпретации; поэтому противопоставление реальности человеческого существования и нарративного смысла, основанное на допущении, что интерпретация присуща лишь последнему, на деле оказывается мнимым. Данная оппозиция некорректна, так как отрицает конституирующую роль интерпретации в структурировании любого человеческого опыта.

Нарративный смысл как особый тип смысла

Нарративный смысл в интерпретации таких философов, как Аласдер Макинтайр, Чарльз Тейлор и Поль Рикёр, принципиально отличается от иных типов смысла — укоризненностью в исторических повествованиях, посредством которых конструируется связь между существованием 'Я', индивидуальными аксиологическими установками и культурной традицией. В рамках этого подхода смысл понимается как производное от унаследованного комплекса традиций, языковых игр и опыта межличностных отношений. В отличие от инструментального метода (где смысл ценен как средство достижения цели), абстрактно-рациональных форм знания (где смысл — это выражение логических законов и универсальных принципов) или экзистенциально-подхода (понимающего смысл как активное проявление индивидуальной воли) нарративный смысл связывает индивидуальный и коллективный опыт,

проводя герменевтическую процедуру, обращаясь к унифицированному пространству культуры. В этом пространстве осуществляется смысловая актуализация опыта посредством его сюжетно-интриговой организации. Анализируя процесс конституирования нарративного смысла, Валерий Тюпа отмечает: «Основной механизм порождения нарративного смысла — интрига: не в качестве сюжетной схемы, а в качестве конкретной цепи эпизодов в их конструктивных разграничениях и сцеплениях, реализуемых фокализацией и вербализацией текста» [20, с. 29].

Обозначим ключевые отличия нарративного смысла от других типов смысла. В отличие от инструментального подхода, обнаруживающего смысл через его утилитарные последствия, нарративный смысл подразумевает, что любое событие оказывается постижимым, только если оно занимает определенное место в какой-то нарративной последовательности, цепи эпизодов, объединенных сюжетом. Отсюда смысл и значимость происходящего становятся нам понятны только тогда, когда происходящее является элементом какой-то рассказываемой истории.

Абстрактно-рациональная форма знания выражает универсальные принципы и значения, обнаруживая их от этики до математики. Нарративный подход всегда подразумевает анализ конкретных повествований с точки зрения их связи с тем или иным культурным контекстом. Если обязанность говорить правду для Канта является универсальной этической максимой в независимости от контекста (прячете ли вы друга от преследующего его убийцы или платите налоги), то для Макинтайра не существует универсального значения поступка и его смысла; смысл поступка всегда зависит от конкретной истории и культурного контекста: «То, что я представляю собой, в решающей степени есть то, что я унаследовал, то специфическое прошлое, которое представлено до некоторой степени в моем настоящем. Я обнаруживаю, что являюсь частью истории, и это вообще означает, нравится мне это или нет, осознаю я это или нет, что я один из носителей традиции. Когда я характеризую концепцию практики, важно отметить, что практики всегда имеют историю и что в любой данный момент то, чем является практика, зависит от ее понимания, которое часто проносится через многие поколения» [10, с. 299].

Нарративный смысл подразумевает, что значения и ценности обнаруживаются только в историях. Развивая данный тезис, Тейлор утверждал, что 'сильные оценки' могут обрести смысл только будучи встроенными в автобиографические нарративы, через которые мы объясняем, кто мы и почему поступаем тем или иным образом. Таким образом, построение личного нарратива получает статус конституирующей практики, создающей смысловое поле взаимодействия между ценностями и процессами самоопределения. Данный тезис Тейлор выражает с помощью риторического вопроса: «Когда речь идет о делах человеческих, известны ли нам более адекватные критерии реальности, чем те понятия, которые в результате критических размышлений и исправления выявленных ошибок наилучшим образом объясняют нашу жизнь?» [9, р. 57]. В философии Тейлора процесс осмысления динамики жизненного пути неизбежно сопряжен с осмыслением ценностных ориентиров, выступающих фундаментом интенциональных установок, миро-

воззренческих позиций и поведенческих детерминант. Трансформация этих смысловых оснований может быть вызвана как критическим переосмыслением сложившегося автобиографического сюжета, так и новым опытом существования. Трансформация в понимании себя выражается в изменении или замене прежней автобиографической истории измененной версией, обладающей большей объяснительной силой и субъективной приемлемостью. Эта циклическая динамика смыслопорождения получает у Тейлора обозначение как принцип 'наилучшей из возможных артикуляций опыта' (Best Account). Канадский философ утверждает, что распад нарративной структуры и сюжетной организации опыта существования 'Я' приводит к семантическому коллапсу, следствием которого становится экзистенциальная дезориентация.

Подход, в котором нарратив понимается как фундаментальное условие осмысленного существования, переключается с максимой Сократа, утверждавшего, что неисследованная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой. В рамках этого подхода нарратив предстает в роли когнитивного инструмента — механизма, который, интерпретируя жизненный опыт и конституирует значимый миропорядок. Нарративизация опыта, являясь способом интерпретации существования субъекта, позволяет выстроить из различных эпизодов жизни каузальный, поддающийся расшифровке порядок преодоления абсурда как экзистенциальной установки отношение человека к миру. Тем самым нарративный смысл является важным элементом конструирования идентичности.

Социологический подход часто описывает идентичность через фиксированные категории. Нарративный подход, напротив, трактует идентичность как всегда незавершенный процесс, где 'Я' конструируется через автобиографический нарратив.

Сторонники нарративных теорий тождества (Поль Рикёр, Мария Шехтман, Дэниел Деннет, Чарльз Тейлор, Дмитрий Волков и др.) рассматривают личный нарратив в качестве конституирующего условия личности. Ключевым сходством предлагаемой авторской позиции с данными теориями является признание тезиса о том, что идентичность не существует независимо от опыта личности и его выражения от первого лица. Это, в свою очередь, формирует представление о 'Я' как о чем-то, существующем *a posteriori*, а не *a priori*, — в виде опыта, который нуждается в толковании, то есть в формировании нарративного смысла. Однако, в отличие от теорий нарративного тождества (например, Деннета, акцентирующего когнитивный и инструментальный аспект нарратива как средства организации опыта, или Шехтман, связывающей автобиографический нарратив в первую очередь с психологической связностью и моральной ответственностью), в рамках предлагаемого подхода нарративный смысл раскрывается в своей синтетической природе, укорененной в онтологии 'Я' и герменевтическом диалоге с культурной традицией.

Таким образом, автобиографический нарратив предлагается понимать в качестве фундаментального способа человеческого существования, в котором онтологическое, гносеологическое и герменевтическое измерения смысла образуют холистическое единство. Это позволяет отказаться от редукции человеческой идентичности до чисто психологической, лингвистической или физикалистских конструкций и рассматривать ее как сложный

экзистенциально-смысловой проект, реализуемый в пространстве культуры.

С точки зрения нарративного подхода описание генезиса идентичности должно учитывать две взаимосвязанные позиции: (1) идентичность не является естественной или априорной данностью сознания; (2) она возникает в результате опосредующего воздействия нарративных структур, понимаемых как совокупность сюжетных моделей повествовательной организации опыта. Как писал Рикер: «... не бывает понимания себя, не опосредованного знаками, символами, текстами; понимание себя совпадает в конечном итоге с интерпретацией, примененной к этим последующим текстам» [21, р. 29]. Выход к личности (к тому, кто я есть?) и к истолкованию собственных жизненных ситуаций «осуществляется возможностью придать своему существованию особый смысл, почерпнутые из повествовательных ресурсов культуры, имеющихся в распоряжении Я» [22, с. 15]. Это подразумевает, что становление идентичности осуществляется через постоянную рефлексивную работу с семантическими элементами автобиографического повествования, структурирующего опыт в динамическую систему сюжетных связей и смысловых перспектив.

Заключение

Нарративный смысл, как особый тип смысла, организует личный опыт в каузальную структуру, связывающую индивидуальные события с культурными и социальными контекстами через их интерпретацию в едином сюжете. Он раскрывается как синтетическая категория, репрезентирующая онтологическую укорененность человека в мире, гносеологическую активность сознания и герменевтический опыт. С онтологической позиции нарративный смысл выступает формой репрезентации 'бытия-в-мире', где временность структурирует существование, связывая прошлое, настоящее и будущее в целостный сюжет. В своем гносеологическом аспекте он обеспечивает связность и понятность действий через погружение их в контекст культурных практик, превращая разрозненные события в осмысленные эпизоды истории. Герменевтическое измерение нарратива раскрывается как диалог с культурной традицией, где спектр полученных интерпретаций обогащает субъекта новыми смыслами.

Через автобиографический нарратив субъект преодолевает экзистенциальную изоляцию, конструируя личную идентичность как динамичный процесс интерпретации своего опыта существования, обращаясь к той или иной традиции, тем самым совершая акт самоопределения. С точки зрения выстраивания личной идентичности, нарративный смысл автобиографического повествования выступает основанием для удержания чувства собственной аутентичности перед модальностью 'несобственного' существования. Экзистенциальный опыт преобразуется в автобиографический нарратив, в ходе конструирования которого человек проясняет для себя смысл событий, ценностей и целей.

Таким образом, нарративный смысл выступает не просто инструментом описания происшедших событий, объединенных в едином сюжете, но и является способом конституирования субъективной и интерсубъективной реальности. Через истории человек не только объясняет мир, но и активно создает его, преодолевая экзистенциальную изоляцию, утверждая свою идентичность в динамике взаимо-

действия с культурным, этическим и темпоральным горизонтами существования.

Список источников / References

1. Шлик М. Вопросы этики // Логос. 2008. № 1 (64). С. 188–206. EDN: TJUJJ.
2. Schlick M. Voprosy etiki [Ethical Questions]. *Logos*. 2008. No. 1 (64). P. 188–206. EDN: TJUJJ. (In Russ.).
3. Давлетшина А. М. Экзистенциализм М. Шлика? Моритц Шлик и его этика молодости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24, № 3. С. 445–456. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-3-445-456. EDN: FZZSRQ.
4. Davletshina A. M. Ekzistsentsializm M. Shlika? Morits Shlik i yego etika molodosti [M. Schlick's Existentialism? Moritz Schlick and His Ethics of Youth]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya. RUDN Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 24, no. 3. P. 445–456. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-3-445-456. EDN: FZZSRQ. (In Russ.).
5. Хомский Н. Системы власти: Беседы о глобальных демократических восстаниях и новых вызовах американской империи. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 200 с.
6. Chomsky N. Sistemy vlasti: Besedy o global'nykh demokraticeskikh vosstaniyakh i novykh vyzovakh amerikanskoj imperii [Power Systems: Conversations on Global Democratic Uprisings and the New Challenges to U.S. Empire]. Moscow, 2014. 200 p. (In Russ.).
7. Кузьмина М. А. Смысл как междисциплинарный объект // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 130–141. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141. EDN: RERRTD.
8. Kuzmina M. A. Smysl kak mezhdistsiplinarnyy ob'ekt [The Meaning as a Subject of Interdisciplinary Studies]. *Voprosy Filosofii*. 2021. No. 8. P. 130–141. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141. EDN: RERRTD. (In Russ.).
9. Лекторский В. А. Зачем нужна сегодня философия // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 140–143. EDN: YZAYKL.
10. Lektorskiy V. A. Zachem nuzhna segodnya filosofiya [Why Do We Need Philosophy Today?]. *Voprosy Filosofii*. 2017. No. 7. P. 140–143. EDN: YZAYKL. (In Russ.).
11. Давыдов А. П. Механизм смыслообразования как предмет философского анализа // Мир психологии. 2001. № 2. С. 35–45. EDN: VHBNCE.
12. Davydov A. P. Mekhanizm smysloobrazovaniya kak predmet filosofskogo analiza [Mechanism of Semantic Formation as a Subject of Philosophical Analysis]. *Mir psikhologii. World of Psychology*. 2001. No. 2. P. 35–45. EDN: VHBNCE. (In Russ.).
13. Хайдеггер М. Время и бытие // Метафизика. 2011. № 1 (1). С. 205–224. EDN: TDXUGD.
14. Heidegger M. Vremya i bytiye [Being and Time]. *Metafizika. Metaphysics*. 2011. No. 1 (1). P. 205–224. EDN: TDXUGD. (In Russ.).
15. Витгенштейн Л. Философские исследования. Москва: АСТ, 2018. 352 с.
16. Wittgenstein L. Filosofskiye issledovaniya [Philosophical Investigations]. Moscow, 2018. 352 p. (In Russ.).
17. Taylor C. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2006. 602 p.
18. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с. ISBN 978-5-88373-700-7.
19. MacIntyre A. Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali [After Virtue: A Study in Moral Theory]. Moscow, 2000. 384 p. ISBN 978-5-88373-700-7. (In Russ.).
20. Гуссерль Э. Картезианские размышления. Санкт-Петербург: Наука, 2000. 316 с.
21. Husserl E. Kartezianskiye razmyshleniya [Cartesian Meditations]. Saint Petersburg, 2000. 316 p. (In Russ.).
22. Peirce C. S. How to Make Our Ideas Clear. *Popular Science Monthly*. 1878. No. 12. P. 286–302.
23. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека. Москва: Республика, 2003. 494 с. ISBN 5-250-01849-1.
24. Dewey J. Rekonstruktsiya v filosofii. Problemy cheloveka [Reconstruction in Philosophy. Problems of Men]. Moscow, 2003. 494 p. ISBN 5-250-01849-1. (In Russ.).
25. Гребенев А. Н. Через интерпретацию к пониманию в рамках герменевтического круга // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 5 (19). С. 111–120. EDN: JWMKRT.
26. Grebenev A. N. Cherez interpretatsiyu k ponimaniyu v ramkakh germenevticheskogo kruga [From Interpretation to Understanding within the Bound of Hermeneutic Circle]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Pushkin Leningrad State University Journal*. 2008. No. 5 (19). P. 111–120. EDN: JWMKRT. (In Russ.).
27. Гадамер Г. Г. Философские основания 20 века // Актуальность прекрасного. Москва: Искусство, 1991. 368 с.
28. Gadamer H.-G. Filosofskiye osnovaniya 20 veka [The Philosophical Foundations of the Twentieth Century]. *Aktual'nost' Prekrasnogo*. Moscow, 1991. 368 p. (In Russ.).
29. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 289 с.
30. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, 1979. 289 p. (In Russ.).
31. Смирнова Н. М. Понятие смысла в зеркале герменевтических практик // Вопросы социальной теории. 2018. Т. 10. С. 25–37. DOI: 10.30936/2227-7951-2018-10-25-37. EDN: UYFBIG.
32. Smirnova N. M. Ponyatiye smysla v zerkale germenevticheskikh praktik [The Concept of Meaning in the Mirror of Hermeneutic Practices]. *Voprosy Sotsialnoy Teorii*. 2018. Vol. 10. P. 25–37. DOI: 10.30936/2227-7951-2018-10-25-37. EDN: UYFBIG. (In Russ.).
33. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. Москва: Гнозис, 1994. 216 с.
34. Neretina S. S. Slovo i tekst v srednevekovoy kul'ture. Kontseptualizm Abelyara [Word and Text in Medieval Culture. Abelard's Conceptualism]. Moscow, 1994. 216 p. (In Russ.).
35. Bruner J. Life as Narrative. *Social Research: An International Quarterly*. 2004. Vol. 71, no. 3. P. 691–710. DOI: 10.1353/sor.2004.0045.
36. Тюпа В. И. Нарратология и этика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 1. С. 29–44. DOI: 10.21638/spbu09.2022.102. EDN: UNLZXB.
37. Tiupa V. I. Narratologiya i etika [Narratology and Ethics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022. Vol. 19, no. 1. P. 29–44. DOI: 10.21638/spbu09.2022.102. EDN: UNLZXB. (In Russ.).
38. Ricoeur P. Du texte à l'action. Essais d'hermeneutique, II. Paris: Seuil, 1986. 409 p.
39. Михайлова Г. П. Читая «Гамлета», или Обретение самости // Вопросы русской литературы. 2016. № 4. С. 14–31. EDN: YWQVAT.
40. Mikhaylova G. P. Chitaya «Gamleta», ili Obreteniye samosti [Reading "Hamlet", or the Finding Self]. *Voprosy Russkoy Literatury*. 2016. No. 4. P. 14–31. EDN: YWQVAT. (In Russ.).

БАБИЧ Владимир Владимирович, кандидат философских наук, магистр кафедры «История философии и логики» Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. SPIN-код: 1277-7431
AuthorID (РИНЦ): 752690
ORCID: 0000-0001-8537-9782
Адрес для переписки: v.v.babich@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в пред-

ставленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 12.01.2026.

BABICH Vladimir Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Master's Degree of the History of Philosophy and Logic Department, National Research Tomsk State University, Tomsk.

SPIN-code: 1277-7431

AuthorID (RSCI): 752690

ORCID: 0000-0001-8537-9782

Correspondence address: v.v.babich@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 12.01.2026.

ВСЁ ЛИ УЧЁЛ ДЖ. СЁРЛ ПРИ ВХОДЕ В 'КИТАЙСКУЮ КОМНАТУ'?

С. Б. Куликов

Тюменский государственный университет, Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

В статье обсуждается вопрос, насколько оправданна критика Джоном Сёрлом самой возможности сильного искусственного интеллекта в свете развития компьютерных вычислений, реализующих принципы организации и функционирования биологических нейронных сетей. Аргументы Сёрла соотносятся с реальной ситуацией, сложившейся в рамках эволюции технических систем. Предметом исследования выступает степень соответствия предложенной аргументации отдельным видам искусственного интеллекта (экспертные системы, генеративные нейросети и др.). Проверяется гипотеза, согласно которой утверждения Сёрла показывают недооценку потенциала нейросетей к преодолению ограничений работы слабой (неавтономной) версии искусственного интеллекта. В итоге получен новый результат, в рамках которого раскрываются моменты 'трансцендентальности' позиции Сёрла, отсылающей в целом к биологическому натурализму.

Ключевые слова: сильный искусственный интеллект, натурализм, 'Китайская комната', мысленные эксперименты, эволюция технических систем, реализм.

Для цитирования: Куликов С. Б. Всё ли учёл Дж. Сёрл при входе в 'Китайскую комнату'? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 78–83. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-78-83. EDN: AFHRKU.

© Куликов С. Б., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

DID J. SEARLE TAKE EVERYTHING INTO ACCOUNT WHEN ENTERING THE CHINESE ROOM?

S. B. Kulikov

University of Tyumen, Russia, Tyumen, Volodarskogo St., 6, 625003

This article discusses the justification for John Searle's criticism of the very possibility of strong artificial intelligence in light of the development of computations that implement the principles of organization and functioning of biological neural networks. Searle's arguments are compared to the real-world situation that has developed within the evolution of technical systems. The subject of the study is the extent, to which his argumentation is relevant to specific types of artificial intelligence (expert systems, generative neural networks, etc.). The hypothesis is tested that Searle's assertions underestimate the potential of neural networks to overcome the limitations of weak (non-autonomous) artificial intelligence. The author obtains a new result that reveals aspects of the 'transcendental' nature of Searle's position, which broadly refers to biological naturalism.

Keywords: strong artificial intelligence, naturalism, Chinese room, thought experiments, evolution of technical systems, realism.

For citation: Kulikov S. B. Did J. Searle take everything into account when entering the Chinese Room? *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026. Vol. 11, no. 1. P. 78–83. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-78-83. EDN: AFHRKU.

© Kulikov S. B., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Наследие Джона Сёрла не перестает удивлять. В русскоязычной философской среде в последние годы наблюдается устойчивый интерес к кругу поставленных им вопросов: природа языка и значения, соотношение сознания и реальности, ментальная каузальность, понятие личности, а также проблемы искусственного интеллекта [1–6], — особенно в свете его знаменитого мысленного эксперимента 'Китайская комната' [7]. Казалось бы, основные аспекты дискуссий уже исчерпаны, а споры вокруг 'Китайской комнаты' — канули в прошлое. И тем не менее раскрываются нюансы, заставляющие вновь и вновь обращаться к идеям недавно ушедшего из жизни философа.

В ходе одной из дискуссий, при обсуждении высказанной Сёрлом критики концепции автономного искусственного интеллекта, так называемого 'сильного' искусственного интеллекта (ИИ), возник вопрос: насколько актуальна эта критика? Ключевая работа [7], в которой формулируется позиция, опубликована почти полвека назад — в эпоху, когда компьютерные технологии находились на ином уровне развития. Вполне вероятно, что в конце XX века просто невозможно было учесть то, что произойдет в начале XXI столетия. Нет ли в наши дни если не полноценной реализации сильного ИИ, то хотя бы перспектив его появления?

Даже самый краткий обзор русскоязычной литературы показал, что в рамках философских исследований, где аргументация Сёрла находит наиболее живой отклик (достаточно вспомнить известную работу Вадима Васильева [8]), ответа на поставленный вопрос в каком-то однозначном виде не прослеживается. Так, Васильев расширяет мысленный эксперимент за счет допущения постороннего предмета (в частности, банки с кока-колой), внесенного в 'Китайскую комнату', который необходимо описать по-китайски. В результате обращение к программе, требующее по условиям эксперимента, одновременно выявляет неготовность отвечать на нестандартные вопросы (о банке с кока-колой) и показывает, что перед нами не носитель языка, а его имитация.

Между тем в предлагаемом здесь исследовании делается иное допущение. Предположим, что аргументация Сёрла логически безупречна. Но и тогда вполне возможно, что она анализирует сильный ИИ в рамках ограниченной онтологической модели. Иными словами, Сёрл доказывает невозможность лишь того варианта ИИ, который соответствует его собственным допущениям. Если же пересмотреть онтологические основания и учесть альтернативные архитектуры, в особенности нейроморфные, то могут открыться пути к созданию сильного ИИ, выходящие за границы его критики¹.

На основе сказанного можно выдвинуть гипотезу о том, что критика сильного ИИ со стороны Сёрла обусловлена не фундаментальными онтологическими ограничениями, а недостаточной развитостью архитектур искусственных систем на момент формулировки его положений. Вполне возможно, что система аргументации, базирующаяся на мысленном эксперименте 'Китайская комната', грешит пробелами. Именно это обстоятельство позволяет нам поставить вопрос, вынесенный в заглавие статьи: все ли учел Сёрл при входе в 'Китайскую комнату'?

Исследование опирается на метод сравнительного анализа. Этот метод должен позволить соотнести

высказывания Сёрла с реальной ситуацией в рамках эволюции технических систем, равно как сопоставить отдельные виды ИИ. В отличие от форм критики, сосредоточенных на эпистемологических аспектах, в данном исследовании впервые систематически анализируется онтологическая предпосылка мысленного эксперимента 'Китайская комната' в свете развития современных нейросетевых систем. Ценность такого исследования сохраняется независимо от результата проверки заявленной гипотезы. Положительный исход раскрывает потенциал нейросетей к преодолению ключевых ограничений, обозначенных Сёрлом, и определяет направления для построения онтологий, учитывающих эмерджентные свойства искусственных систем. Отрицательный результат подтверждает онтологическую обоснованность аргументации Сёрла, помогая очертить границы применимости нейросетевых подходов и усиливая позиции биологического натурализма в философии сознания.

При этом, чтобы избежать подмены онтологии технологией, в работе строго разделяются философские допущения и инженерные реализации. Критика Сёрла остается последовательной в рамках классической вычислительной парадигмы. Однако возможность эмерджентных свойств технических систем в ходе их эволюции побуждает к ревизии онтологических оснований аргументации. Таким образом, вопрос не в ошибочной логике рассуждений Сёрла, а в ее ограниченной применимости к архитектуре ИИ.

Проблема сильного ИИ

Сёрл замечает, что «...согласно 'сильному' ИИ, компьютер — это не просто инструмент для изучения разума. Скорее, правильно запрограммированный компьютер — это и есть разум в том смысле, что можно буквально сказать, что компьютеры с правильными программами понимают и обладают другими когнитивными состояниями» [7, р. 417].

Именно в приведенном смысле сильный ИИ проблематичен по следующим основаниям: «...Каузальная способность мозга создавать интенциональность не может заключаться в создании экземпляра компьютерной программы, поскольку для любой программы, которая вам нравится, видимо, можно создать экземпляр этой программы и при этом не иметь никаких ментальных состояний. Что бы ни делал мозг для создания интенциональности, это не может заключаться в создании программы, поскольку ни одна программа сама по себе не является достаточной для создания интенциональности» [7, р. 417].

Итак, из приведенных цитат мы видим, что интенциональность представляет собой онтологическую характеристику человеческого сознания, обуславливая наличие в его рамках мышления в полном смысле слова.

Компьютерные системы, лишённые интенциональности, не способны демонстрировать интеллектуальную активность, соответствующую сильной версии ИИ.

С выдвинутым утверждением можно соглашаться или спорить. Однако, прежде чем спорить, логично задаться вопросом, какой конкретно вид ИИ имелся в виду, который столь слаб, что никогда не сможет сравниться с настоящим интеллектом. Без выделения основных технических подходов к воспроизведению человеческого интеллекта силами компьютерных систем здесь не обойтись.

В сфере ИИ лидируют два подхода: экспертные системы и нейросети [12–14]. Первые применяются для выработки решений в медицине, менеджменте и других важных сферах путем обращения специальных алгоритмов к обширным базам данных. Вторые же представляют собой математические модели, имитирующие работу нейронов головного мозга человека. Они реализуют один из главных принципов, отмеченный еще разработчиками 1940-х годов, — ‘все или ничего’ [15]. Данный принцип предвосхищает модель бинарной активации в перцептронах [16], которая впоследствии легла в основу самообучающихся систем, имитирующих когнитивные процессы. Но, несмотря на корректное моделирование работы естественных нейронных систем, само по себе такое моделирование еще не решает проблемы интенциональности, о которой говорил Сёрл. Однако более перспективным выглядит иной подход — так называемый ‘генеративный ИИ’, который возникает при использовании нейросетей для создания новых текстов, музыки или изображений. При этом способность генеративного ИИ создавать оригинальный контент поднимает вопрос: может ли такая система проявить интенциональность? Ведь даже если учесть сугубо прикладной характер генеративного ИИ, как будто нет веских причин выделять в его отношении характеристики, роднящие с человеческим интеллектом (вроде творчества, оригинальности), одновременно с этим лишая главной особенности — интенциональности. Но речь, разумеется, о различии целей разработчиков (инструментальные задачи) и философских критериев (подлинный интеллект). Инженеры ничего такого не закладывали, что вроде бы только подтверждает скепсис Сёрла.

Между тем реальные обстоятельства не мешают современным философам рассуждать в терминах принципиально иного, нежели ‘естественный’, то есть именно сильного способа реализации интеллектуальной деятельности. И весь вопрос в том, насколько такой сильный ИИ в действительности отличен от версий слабого; сугубо с технической стороны, скажем, в нейросетях, вполне можно ожидать ‘пробуждение’ самосознания. Во всяком случае, мошенничать и обманывать, как показывает Кори Барон [17], отдельные виды ИИ уже умеют.

Таким образом, нам следует уточнить ключевой вопрос исследования: могут ли современные ИИ-системы (в том числе нейросети и генеративный ИИ) когда-либо достичь интенциональности в смысле, который Сёрл считал необходимым для сильного ИИ и который будто бы недостижим?

Позиция Сёрла и реальное развитие ИИ

Сложно однозначно соотносить критику Сёрла с конкретным вариантом ИИ из приведенного выше перечня. Его трактовка сильного ИИ выглядит во многом метафорично, а аргументация, вспоминая аналогичные пассажи Канта о сути аргументов по вопросам познавательных способностей человеческого интеллекта, трансцендентальна. Впрочем, речь здесь не идет о том, что Сёрл — трансценденталист (в смысле сторонник конкретного направления философии). Как справедливо отмечает Дмитрий Волков, философские воззрения Сёрла более всего соответствуют биологическому натурализму [2]. Однако, несмотря на натуралистические корни позиции, Сёрл в полной мере философ, а значит, строит аргументацию исходя не из чисто научных убеждений, а в формате ‘как если бы’.

Искусственный интеллект в период бурных дискуссий 1970–1980-х годов, активизации которых во многом поспособствовала ‘Китайская комната’, развитых форм не имел. Во всяком случае они значительно уступали тем, что наблюдаются в первой четверти XXI века. Тем не менее Сёрл вполне уверенно рассуждает так, как будто сильный ИИ — это не просто ментальная конструкция, а возможный (или невозможный, но хотя бы допустимый для воплощения в реальном мире) объект. В таком ключе аргументация за и против ИИ строится в пределе возможностей технического развития, из которых необходимо выбрать реализуемые в целом, отсекая так же в целом нереализуемые. Другими словами, утверждения Сёрла нацелены на основания ИИ. Они затрагивают его природу в принципе, а не только касаются сугубо технических решений. И в этом смысле Сёрл в не меньшей степени ‘трансценденталист’, нежели многие его противники из стана антинатурализма.

Тем не менее важно понять, насколько условный ‘трансцендентализм’ Сёрла вяжется с действительными направлениями развития разработок в сфере ИИ. На самом ли деле все они в принципе не ведут даже к возможности появления сильного ИИ? Ведь вариантов, как уже указано, здесь несколько: экспертные системы, нейросети, в том числе генеративного характера. Неужели все они бесперспективны в упомянутом отношении?

Итак, у нас имеется критика независимой или сильной версии ИИ, которая выполнена, в общем и целом, в опоре на нормы биологического натурализма. И есть реальность эволюции технических систем в области ИИ. Во всех ли пунктах они сходятся на том, что сильный ИИ — плод художественного воображения, не более чем метафора, или же имеются и иные возможности? В этом нам следует разобраться. Не делая поспешных выводов, важно понять, способна ли хоть одна из версий воспроизведения интеллектуальных действий на базе компьютерных технологий по праву претендовать на звание если не сильного, то хотя бы прото-сильного ИИ. Причем речь именно о тех версиях ИИ, что получили воплощение: экспертные системы и нейросети. ИИ на базе квантовых вычислений — дело отдаленного будущего и пока находится в стадии разработки.

Что же касается двух видов реализованных систем, то с первыми все в достаточной степени понятно: они не направлены на самостоятельное принятие решений, а используются для обработки баз данных по заданию человека. Тем самым экспертные системы не только не могут, но и не должны претендовать на роль сильного ИИ. Их задача скромнее: ‘переварить’ массивы данных и выдать рекомендации по работе с ними. Примером служит диагностика заболеваний по набору типичных симптомов, которые при загрузке в систему соотносятся с уже имеющимися в ней проявлениями болезней. Экспертные системы выполняют многие другие функции, но их главная задача — помогать человеку в деле принятия решений, а не подменять его.

Иначе дело обстоит с нейросетями. Среди них выделяют модели вычислений, направленные на решение задач по имитации работы нейронов в человеческом мозгу для построения более сложных систем. Не менее важную роль играют сверточные и рекуррентные сети, которые применяются для распознавания образов и работы с последовательности

данными (текстами и временными рядами). Подвид нейросетей, ориентированных на генерацию текстового, музыкального или видеоконтента, выступает одним из наиболее продвинутых в техническом плане претендентов на звание сильного ИИ. Действительно, генеративные нейросети творят нечто независимо от непосредственных действий человека. В некотором смысле в их действиях реализуется одна из главных способностей человеческого интеллекта — быть творческим началом.

Действия генеративных нейросетей пусть и строятся на переборе существующих прообразов, а не создании абсолютно новых продуктов, элемент новизны тут все же налицо, пусть новизна и относительна.

Важным моментом прояснения возможных 'пробелов' в позиции Сёрла оказывается соотношение его утверждений именно с генеративным ИИ. В частности, необходимо понять, учитывался ли данный вид искусственного интеллекта в ходе обоснования невозможности сильного ИИ. Сёрл активно оппонировал Тьюрингу [18], предложившему знаменитый тест для оценки способностей ИИ. Упомянутой работы 1943 года [15], в которой предлагалось исторически первая версия нейросети, у Сёрла не прослеживается. Зато есть ссылка на более позднюю работу Джозефа Вейценбаума [19], посвященную описанию программного комплекса для имитации диалога человека и компьютера и тем самым способного генерировать новый контент.

Однако существенно ли это в принципе при ведении дискуссии в упомянутом 'трансценденталистском' (со всеми сделанными оговорками) ключе? Заставляет ли усомниться в аргументах Сёрла и в результатах мысленных экспериментов по типу 'Китайской комнаты' как таковых?

Сёрл предлагает обратить внимание на следующие моменты:

1. Имеется ситуация неосведомленности о сути выполняемых действий — в данном случае перевода китайских слов на английский — со стороны ответственного за их выполнение исполнителя.

2. У заказчика перевода возникает иллюзия, что исполнитель понимает суть выполняемых им действий.

3. Реальное положение дел неизвестно внешнему наблюдателю и не имеет значения для исполнителя.

4. В итоге даже человек, помещенный в 'Китайскую комнату', выполняет перевод исключительно механически; тем более так работает компьютер, не обладающий набором психических способностей, которые есть у человека.

Основное возражение Сёрла против сильного ИИ, как мы видим, реализуется не на эпистемологическом, а на онтологическом основании. Проблема не в ограниченности познавательных способностей ИИ. Такие ограничения могут иметься и у человека. Человеческий интеллект возникает на базе биологического субстрата, сформированного эволюцией: мозг как материальный носитель интеллектуальных функций обладает внутренней причинностью и способностью к самоорганизации. Компьютерные устройства, напротив, представляют собой артефакты технической деятельности. Программа задается извне и не порождается системой самостоятельно. Следовательно, в компьютерных системах отсутствует онтологическая основа для возникновения независимого интеллекта: их способ существова-

ния принципиально иной — он инструментальный, а не саморазвивающийся.

Что же касается возможных параллелей между работой нейронов человеческого мозга и компьютерных систем, Сёрл непосредственно замечает: «...я думал, что вся идея сильного ИИ заключается в том, что нам не нужно знать, как работает мозг. Основная гипотеза или я так предполагал, заключается в том, что существует уровень психических операций, состоящий из вычислительных процессов над формальными элементами, которые составляют суть психического и могут быть реализованы во всевозможных различных мозговых процессах так, что любая компьютерная программа может быть реализована в компьютерных вариантах: при допущении сильного ИИ, когда программа реализуется аппаратно, и, таким образом, мы можем понять разум, не прибегая к нейрофизиологии. Если бы нам пришлось узнавать, какова работа мозга при создании ИИ, нам не пришлось бы беспокоиться об ИИ. Однако даже такой близости к работе мозга до сих пор не хватает для достижения понимания. Чтобы увидеть это, представьте, что вместо говорящего на одном языке человека в комнате, перетасовывающего символы, у нас есть человек, работающий со сложным набором водопроводных труб, соединенных клапанами. Когда человек получает китайские символы, он смотрит в программу, написанную на английском языке; ему приходится включать и выключать эту программу. Каждое соединение труб соответствует синапсу в китайском мозге, и вся система выглядит так, что после выполнения всех правильных первых действий, то есть после включения всех верных кранов, китайские ответы высказывают на выходном конце труб» [7, р. 421].

Из приведенной цитаты ясно, что для Сёрла не имеет решающего значения наличие вариантов построения работы ИИ, прямо копирующих деятельность нейронов. Компьютер с тем же успехом может копировать любой другой организованный механизм. Важно совсем не это, а возможность придать действиям алгоритм, позволяющий решать задачи. В конечном итоге еще Чарльз Пирс проводил аналогию между включением и выключением лампочек в электрической сети и действиями вычислительных систем. Именно эту идею неявным образом воспроизводит Сёрл, говоря о водосточных трубах и кранах.

Тем самым претензии современных нейросетей на получение права хотя бы гипотетически считаться претендентами на роль сильного ИИ (в связи со сходством их работы с активностью настоящего мозга) отменяются даже не по причине их функциональной 'слабости', а в принципе. Сёрл не видит в имитации части интеллектуальной деятельности возможности ее целостного воплощения. Схожим образом Аристотель подмечал сходство в действиях строителей и работе пчёл. Однако считать пчёл людьми отказывался.

Заключение

В результате проведенного исследования неизбежен вывод, что, несмотря на отсутствие развитых форм искусственного интеллекта во времена 'входа' Сёрла в его 'Китайскую комнату', весьма затруднительным было бы говорить о том, что он при построении мысленного эксперимента недоучел какие-либо скрытые факторы. Очевидный прогресс компьютерных технологий скорее подтверждает

критику возможности сильного ИИ, нежели дает нам основания верить в правоту оптимистических воззрений Тьюринга на этот счет [18, p. 460].

Приближается столетие воплощения в жизнь первых, еще не совершенных вариантов компьютерных вычислений. А мечты об автономном ИИ или даже страх перед ним остаются беспочвенными. Слабые варианты ИИ буквально заполонили планету, вторглись в различные сферы жизни и готовы изменить ее до неузнаваемости. Однако ни один из них, ни все они вместе взятые признаки пробуждающегося сознания и самосознания не проявляют. Так и остается лишь плодом фантазии писателей-фантастов всемогущий искусственный интеллект, умелый помощник, а часто и грозный соперник человека.

Впрочем, нельзя с уверенностью утверждать, что нынешние ограничения ИИ останутся неизменными. Сохраняется вероятность, что будущие открытия и разработки опровергнут представленные выше выводы. Дальнейшее развитие архитектуры ИИ может выявить ограниченность исходных предположений Сёрла. Так, в частности, в данном исследовании за рамками анализа осталась гипотетическая квантовая архитектура ИИ. Однако восполнение этого пробела — задача будущих исследований, как только плоды эволюции технических систем в области ИИ предоставят для того материал.

Примечания

¹ Основные возражения, сделанные в контексте актуальных на тот момент времени разработок в области компьютерных наук (на период начала 1980-х гг.), собрал и разобрал в своей публикации сам Сёрл [7, p. 419–424]. В современной русскоязычной исследовательской литературе по компьютерным и когнитивным наукам упомянутый мной вопрос либо обсуждается в негативном ключе, либо не обсуждается вовсе [например, см.: 9]. В зарубежных работах, опубликованных в последние годы [например, см.: 10; 11], затрагиваются преимущественно эпистемологические, психологические и социально-психологические аспекты. Онтологическая проблематика остается недостаточно проработанной.

Список источников / References

1. Аюпов Р. И. Джон Сёрл о семантике имен собственных // История философии. 2025. Т. 30, № 1. С. 101–114. DOI: 10.21146/2074-5869-2025-30-1-101-114. EDN: KQLMJJ.
2. Аюпов Р. И. Dzhon Serl o semantike imen sobstvennykh [John Searle on the Semantics of Proper Names]. *Istoriya Filosofii*. 2025. Vol. 30, no. 1. P. 101–114. DOI: 10.21146/2074-5869-2025-30-1-101-114. EDN: KQLMJJ. (In Russ.).
3. Волков Д. Б. Решение проблемы ментальной каузальности в биологическом натурализме Дж. Сёрла // Философская мысль. 2017. № 2. С. 1–12. EDN: XXRCVX.
4. Volkov D. B. Resheniye problemy mental'noy kauzal'nosti v biologicheskom naturalizme Dzh. Serla [Solving the Problem of Mental Causation in J. Searle's Biological Naturalism]. *Filosofskaya mysl'*. *Philosophical Thought*. 2017. No. 2. P. 1–12. EDN: XXRCVX. (In Russ.).
5. Кленина Е. А., Песков А. Е., Ефремов В. С. Сознание в контексте разработки искусственного интеллекта: подход Дж. Сёрла // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11, № 2-3. С. 54–60. EDN: MXNTJL.
6. Klenina E. A., Peskov A. E., Efremov V. S. Soznaniye v kontekste razrabotki iskusstvennogo intellekta: podkhod Dzh. Serla [Consciousness in the Context of Artificial Intelligence Development: J. Searle's Approach]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem. Russian Social and Humanitarian Studies*. 2019. Vol. 11, no. 2-3. P. 54–60. EDN: MXNTJL. (In Russ.).
7. Мименбаева А. Б. Аргумент Джона Сёрла 'Китайская комната' против функционализма и сильного искусственного интеллекте // Научная дискуссия: инновации в современном мире. 2016. № 4-1(47). С. 39–42. EDN: VTZLXZ.
8. Mimenbaeva A. B. Argument Dzhona Serla 'Kitayskaya komnata' protiv funktsionalizma i sil'nom iskusstvennom intellekte [John Searle's 'Chinese Room' Argument Against Functionalism and Strong Artificial Intelligence]. *Nauchnaya diskussiya: innovatsii v sovremennom mire. Scientific Discussion: Innovation in the Contemporary World*. 2016. No. 4-1(47). P. 39–42. EDN: VTZLXZ. (In Russ.).
9. Москвитин В. А. Язык, значение и реальность: от деконструкции Жака Деррида до теории речевых актов Джона Сёрла // Манускрипт. 2025. Т. 18, № 1. С. 49–57. DOI: 10.30853/mns20250008. EDN: OZKUXV.
10. Moskvitin V. A. Yazyk, znacheniyе i real'nost': ot dekonstruktsii Zhaka Derrida do teorii rechevykh aktov Dzhona Serla [Language, Meaning, and Reality: From Jacques Derrida's Deconstruction to John Searle's Speech Act Theory]. *Manuskript. Manuscript*. 2025. Vol. 18, no. 1. P. 49–57. DOI: 10.30853/mns20250008. EDN: OZKUX. (In Russ.).
11. Савченко И. С. Заложник 'Китайской комнаты' или в поисках сознания у машин // Заметки ученого. 2020. № 2. С. 138–143. EDN: RXVTVG.
12. Savchenko I. S. Zalozhnik 'Kitayskoy komnaty' ili v poiskakh soznaniya u mashin [Hostage of the 'Chinese Room' or in Search of Machine Consciousness]. *Zametki Uchenogo*. 2020. No. 2. P. 138–143. EDN: RXVTVG. (In Russ.).
13. Searle J. R. Minds, Brains, and Programs. *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3, no. 3. P. 417–424. DOI: 10.1017/S0140525X00005756.
14. Васильев В. В. Кока-кола и секрет 'Китайской комнаты' // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения: сборник, Москва, 17–18 ноября 2006 года / под ред. В. В. Миронов, В. В. Васильев, В. И. Маркин, Ф. И. Гиренок, Н. С. Юлина, Е. В. Косилова, Д. К. Маслов. Москва: Издатель Савин С. А., 2007. С. 86–94. EDN: VTHRZF.
15. Vasilyev V. V. Koka-kola i sekret 'Kitayskoy komnaty' [Coca-Cola and the Secret of the Chinese Room]. *Filosofiya Soznaniya: Klassika i Sovremennost'*. *Vtoryye Gryaznovskiye Chteniya* / Eds. V. V. Mironov, V. V. Vasilyev, V. I. Markin, F. I. Girenok, N. S. Iulina, E. V. Kosilova, D. K. Maslov. Moscow, 2007. P. 86–94. EDN: VTHRZF. (In Russ.).
16. Витяев Е. Е., Гончаров С. С., Свириденко Д. И. О задачном подходе в искусственном интеллекте и когнитивных науках // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 5–29. DOI: 10.25205/2541-7517-2020-18-2-5-29. EDN: CXQHKE.
17. Vityaev E. E., Goncharov S. S., Sviridenko D. I. O zadachnom podkhode v iskusstvennom intellekte i kognitivnykh nauках [On the Task-Based Approach in Artificial Intelligence and Cognitive Sciences]. *Sibirskiy Filosofskiy Zhurnal*. 2020. Vol. 18, no. 2. P. 5–29. DOI: 10.25205/2541-7517-2020-18-2-5-29. EDN: CXQHKE. (In Russ.).
18. Frankish K. What Are Large Language Models Doing? University of California, Riverside, Department of Philosophy, 7 June 2023. URL: <https://www.keithfrankish.com/presentations/what-are-large-language-models-doing/> (accessed: 10.10.2025).
19. Altehenger H., Menges L. The Point of Blaming AI Systems. *Journal of Ethics and Social Philosophy*. 2024. Vol. 27, no. 2. DOI: 10.26556/jesp.v27i2.3060.
20. Гаврюшин С. С., Мещихин И. А. Построение моделей и систем управления сложных динамических систем на основе экспертных оценок и экспериментальных данных // Динамические и технологические проблемы механики конструкций и сплошных сред: материалы XXXI Междунар. симпозиума им. А. Г. Горшкова, Кременки, 19–23 мая 2025 года. Москва: ООО «ТРП», 2025. С. 61–63. EDN: JBMXHE.
21. Gavryushin S. S., Meshchikhin I. A. Postroyeniye modeley i sistem upravleniya slozhnykh dinamicheskikh sistem na osnove

ekspertnykh otsenok i eksperimental'nykh dannyykh [Building Models and Control Systems for Complex Dynamic Systems Based on Expert Assessments and Experimental Data]. *Dinamicheskiye i Tekhnologicheskiye Problemy Mekhaniki Konstruktsiy i Sploshnykh Sred. Moscow*, 2025. P. 61–63. EDN: JBQMXE. (In Russ.).

13. Аманова А., Юзбашев С., Курамбаев Д. Генеративный искусственный интеллект: эволюция, текущие возможности и этические вызовы // Вестник науки. 2025. Т. 2, № 5 (86). С. 752–757. EDN: COPMPQ.

Amanova A., Yuzbashev S., Kurambaev D. Generativnyy iskusstvennyy intellekt: evolyutsiya, tekushchiye vozmozhnosti i eticheskiye vyzovy [Generative Artificial Intelligence: Evolution, Current Capabilities, and Ethical Challenges]. *Vestnik Nauki*. 2025. Vol. 2, no. 5 (86). P. 752–757. EDN: COPMPQ. (In Russ.).

14. Дубровский Д. И., Сергеев С. Ф. Методологические проблемы оценки генеративного искусственного интеллекта // Искусственный интеллект. Теория и практика. 2023. № 3. С. 2–10. EDN: TFUDCQ.

Dubrovskiy D. I., Sergeev S. F. Metodologicheskiye problemy otsenki generativnogo iskusstvennogo intellekta [Methodological Issues in Evaluating Generative Artificial Intelligence]. *Iskusstvennyy Intellekt. Teoriya i Praktika*. 2023. No. 3. P. 2–10. EDN: TFUDCQ. (In Russ.).

15. McCulloch W. S., Pitts W. A. Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity. *Bulletin of Mathematical Biophysics*. 1943. Vol. 5, no. 4. P. 115–133. DOI: 10.1007/BF02478259.

16. Rosenblatt F. Perceptual Generalization over Transformation Groups. *Self-Organizing Systems* / Ed. M. Yovits, S. Cameron. New York: Pergamon Press, 1960. P. 63–100.

17. Baron C. In Defense of Strong AI: Semantics as Second-Order Rules. *Stance: An International Undergraduate Philosophy Journal*. 2017. Vol. 10, no. 1. P. 38–49. DOI: 10.33043/S.10.1.38-49.

18. Turing A. M. Computing Machinery and intelligence. *Mind*. 1950. Vol. 59, no. 236. P. 433–460. DOI: 10.1093/mind/LIX.236.433.

19. Weizenbaum J. ELIZA — A Computer Program for the Study of Natural Language Communication Between Man and Machine. *Communications of the Association for Computing Machinery*. 1966. Vol. 9, no. 1. P. 36–45. DOI: 10.1145/365153.365168.

КУЛИКОВ Сергей Борисович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор департамента «Философия, медиа и журналистика» Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

SPIN-код: 6659-0250

AuthorID (РИНЦ): 360577

ORCID: 0000-0002-0913-9290

AuthorID (SCOPUS): 56014624100

ResearcherID: I-2683-2014

Адрес для переписки: s.b.kulikov@utmn.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 28.01.2026.

KULIKOV Sergey Borisovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Philosophy, Media and Journalism Department, Tyumen State University, Tyumen.

SPIN-code: 6659-0250

AuthorID (RSCI): 360577

ORCID: 0000-0002-0913-9290

AuthorID (SCOPUS): 56014624100

ResearcherID: I-2683-2014

Correspondence address: s.b.kulikov@utmn.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 28.01.2026.

УДК/UDC 130.31+141.12+179.3

DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-84-100

EDN: OLUKCI

Научная статья / Original article

МЕТАЭТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ИЛЛЮЗИОНИЗМА

К. Е. Морозов

Институт философии РАН, Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Согласно иллюзионизму, не существует феноменального сознания, но есть лишь его иллюзия. Поскольку феноменальный характер опыта играет важную роль в объяснении и обосновании его нормативного статуса, иллюзионизм сталкивается с нормативной проблемой. Она состоит в том, что иллюзионизм, отрицая феноменальный опыт, потенциально подрывает наши моральные убеждения. В этой статье я защищаю нормативную проблему и рассматриваю ее решения, предложенные Франсуа Каммерером, Китом Франкишем, Артёмом Бесединым, Максимом Горбачевым, Артёмом Юнусовым и Тарасом Тарасенко. Как я показываю, ни одно из этих решений нельзя назвать удовлетворительным. В заключение я предлагаю два альтернативных решения, которые либо ослабляют иллюзионизм, либо принимают антиреалистические следствия для метаэтики.

Ключевые слова: иллюзионизм, физикализм, материализм, феноменальное сознание, квалиа, сентиентность, внутренняя ценность.

Для цитирования: Морозов К. Е. Метаэтические следствия иллюзионизма // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 84–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-84-100. EDN: OLUKCI.

© Морозов К. Е., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

METAETHICAL IMPLICATIONS OF ILLUSIONISM

K. E. Morozov

RAS Institute of Philosophy, Russia, Moscow, Goncharnaya St., bld. 12/1, 109240

According to illusionism, there is no phenomenal consciousness, only an illusion of it. Since the phenomenal character of experience plays an important role in explaining and justifying its normative status, illusionism faces a normative problem. The problem is that illusionism, by denying phenomenal experience, potentially undermines our moral commitments. In this article, I defend the normative problem and consider solutions to it proposed by Francois Kammerer, Keith Frankish, Artem Besedin, Maxim Gorbachev, Artem lunusov, and Taras Tarasenko. As I show, none of these solutions is satisfactory. I conclude by offering two alternative solutions that either weaken illusionism or accept antirealist implications for metaethics.

Keywords: illusionism, physicalism, materialism, phenomenal consciousness, qualia, sentience, intrinsic value.

For citation: Morozov K. E. Metaethical implications of illusionism. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026. Vol. 11, no. 1. P. 84–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-84-100. EDN: OLUKCI.

© Morozov K. E., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

1. Введение

Одной из самых обсуждаемых тем в российской философии сознания на протяжении последних

нескольких лет является *иллюзионизм* [1–9]. Это физикалистская (или материалистическая¹) теория сознания, согласно которой не существует феноме-

нального сознания, но есть лишь интроспективная иллюзия подобного сознания. Под *феноменальным сознанием* (далее — ФС) подразумевается сознание, которое дано нам субъективно, от первого лица. Это сознание выражает *то, как переживаются* те или иные ментальные состояния от первого лица — их феноменальный характер. Этот феноменальный характер конституируется особыми интроспективно доступными свойствами — *квалиа*. Яркого-синий цвет лягушки-древолаза, острая боль в боку при аппендиците, горький вкус свеже сваренного кофе, виртуозно сыгранная на скрипке нота — все эти отчетливо качественные аспекты переживаний являются квалиа.

Многие философы предполагают, что квалиа и ФС не могут быть объяснены через какие-либо нейрофизиологические, функциональные или поведенческие свойства, а потому представляют серьезную угрозу для физикализма [10]. Ведь, согласно последнему, все существующее либо является физическим, либо необходимым образом зависит от физического. Невозможность дать квалиа и ФС редуктивное объяснение заставляет нас всерьез отнестись к перспективе того, что они являются чем-то нефизическим, что опровергает физикализм. Иллюзионисты пытаются ответить на этот вызов, доказав, что квалиа и ФС в принципе не существуют, но являются иллюзией, вызванной несовершенством нашей интроспекции [подробнее см.: 11–13].

Основная мишень иллюзионистской критики, таким образом, это *квалиа-реализм* — убеждение о том, что ФС и квалиа реально существуют. Иллюзионисты выделяют *радикальный* и *консервативный* квалиа-реализм, которые также можно назвать *сильным* и *слабым*. Радикальные квалиа-реалисты включают дуалистов, панпсихистов, нейтральных монистов и нередуктивных физикалистов, а консервативные — только редуктивных физикалистов. Согласно радикальному квалиа-реализму, ФС и квалиа не могут быть объяснены в рамках современных естественных наук, а потому требуют от нас значительного пересмотра нашей онтологии. Согласно консервативному квалиа-реализму, ФС и квалиа можно дать редуктивное объяснение без расширения или пересмотра онтологии. Иллюзионисты согласны с радикальными квалиа-реалистами, что ФС невозможно объяснить в парадигме современных наук, но отрицают, что такая вещь, как ФС, вообще существует².

Некоторые критики иллюзионизма, такие как Гален Стросон [14] и Каталин Бэлог [15], указывают на тот факт, что эта позиция влечет морально неприемлемые следствия и противоречит нашим лучшим этическим теориям. Иллюзионист Франсуа Каммерер также признает, что иллюзионизм сталкивается с *нормативным вызовом*: эта теория, как кажется, противоречит нашим устойчивым моральным убеждениям, так что иллюзионистам либо необходимо разрешить это противоречие, либо обосновать значительный пересмотр наших моральных убеждений [16–17]. Другой известный иллюзионист, Кит Франкиш, также обращался к этому вызову, хотя он, в отличие от Каммерера, значительно преуменьшает его значимость [18].

Цель этой статьи — внести вклад в обсуждение нормативных, а точнее, метаэтических следствий иллюзионизма. Сначала я обрисую основную нормативную проблему иллюзионизма, но также укажу на недооцененный аспект этой проблемы, упущенный Стросоном, Бэлог, Каммерером и Фран-

кишем. Затем я рассмотрю решения Каммерера и Франкиша прежде, чем перейду к тем вариантам решения, которые обсуждались на теоретическом семинаре *Современная аналитическая философия* в Институте философии РАН [19]. Затем я обрисую несколько путей, по которым можно развить более продуктивные подходы к решению нормативной проблемы³.

2. Нормативная проблема иллюзионизма

Стросон и Бэлог формулируют свои этические претензии к иллюзионизму несколько по-разному. Стросон утверждает, что в случае истинности иллюзионизма никто никогда не испытывал настоящей боли или радости, поскольку эти чувства — всего лишь интроспективное искажение наших нейрофизиологических процессов [14, р. 36]. Поэтому не может иметь моральное значение то, счастливы мы или несчастны. Ни один нейронный процесс в отрыве от ассоциированных с ним субъективных переживаний не может быть лучше или хуже другого. Бэлог, в свою очередь, указывает на тот факт, что иллюзионизм отрицает наше представление о себе как существах с богатой внутренней жизнью и, как следствие, наделенных особым моральным значением [15, р. 17]. С точки зрения иллюзионизма, считает Бэлог, люди — это просто довольно сложные, но все-таки бесчувственные биороботы.

Франкиш довольно легко парирует эти претензии, уточняя иллюзионистскую позицию. На возражение Стросона Франкиш отвечает, что никто из иллюзионистов не отрицает существование самих ментальных состояний, таких как боль или радость. Все, что отрицают иллюзионисты, — это наличие у ментальных состояний особого феноменального характера, переживаемого от первого лица [18, р. 5–6]. Иллюзионисты признают, что люди и другие чувствующие существа испытывают боль и радость, просто характеризуют эти ментальные состояния по их функциональным и поведенческим свойствам. На возражение Бэлог Франкиш отвечает, что иллюзионизм вовсе не предлагает заменить наше самоописание как существ со сложной внутренней жизнью на бесчувственных биороботов. У нас действительно есть внутренняя жизнь, утверждает Франкиш, и иллюзия ФС — это часть этой внутренней жизни [18, р. 10]. Опять же, мы способны на боль и радость, просто эти переживания являются сложными функционально-поведенческими состояниями, а не реализацией примитивных нередуцируемо субъективных свойств.

Каммерер предлагает более сложную формулировку нормативной проблемы для иллюзионизма, отвергнуть которую не так просто⁴. Каммерер указывает на широко распространенное убеждение, которое он называет *тезисом феноменальной ценности* [16, р. 896] и для которого Эндрю Ли подобрал более удачное название *метаэтический экспериенциализм* [21, р. 2]. Согласно этой позиции, существует существенная связь между определенными феноменальными свойствами и внутренней ценностью. *Внутренней ценностью* обладают вещи или положения дел, которые мы ценим сами по себе, а не ради чего-то еще.

Бен Брэдли подмечает, что в современной философии есть две независимые, но не взаимоисключающие концепции внутренней ценности: кантовская и муровская [22, р. 111]. Кантовской ценностью обладают вещи: люди, другие живые существа, произведения искусства, природные объекты и так далее.

Надежащим отношением к кантовской ценности является *уважение*: вещи, обладающие кантовской ценностью, нельзя повреждать, уничтожать или относиться к ним как простым средствам достижения собственных целей. О них нужно заботиться и беречь их. Муровской ценностью же обладают положения дел: наслаждение едой или объектами искусства, получение нового знания, помощь ближнему, справедливое социальное устройство и так далее. Надежащим отношением к муровской ценности является *продвижение*: мы должны стремиться произвести как можно больше положений дел, содержащих в себе муровскую ценность⁵.

Метаэтический экспериенциализм объясняет связь обоих видов внутренней ценности с ФС. С одной стороны, позитивная или негативная муровская ценность конкретных переживаний, таких как боль и удовольствие, связана с тем, как они переживаются, то есть с их феноменальным характером. С другой стороны, существа с ФС являются бесспорными кандидатами на обладателей кантовской ценностью. Эту позицию называют *сентиентизм*. Согласно ему, все сентиентные существа обладают внутренней ценностью⁶, а потому их неправильно мучить, калечить и убивать, по крайней мере без веских на то оснований. Слово *сентиентность*⁷ же в современной философии используется просто как синоним ФС [27–29]. Иногда его используют более узко — для обозначения способности испытывать валентный (приятный или неприятный) феноменальный опыт, такой как боль и удовольствие [16, р. 900–901; 30, р. 1].

Каммерер предлагает воображаемый пример, чтобы продемонстрировать интуитивную привлекательность метаэтического экспериенциализма [16, р. 899]. Представьте мужчину по имени Пётр, который страдает от необычного неврологического заболевания. Каждую ночь он просыпается и на протяжении нескольких часов испытывает жуткую невыносимую боль, пребывая в состоянии паралича. Затем Пётр засыпает и забывает все, что с ним происходило этой ночью, а потому не мучается ни от болезненных воспоминаний, ни от страха перед засыпанием. Никаких других эффектов на здоровье и функционирование Петра это заболевание не оказывает. В результате ночные боли Петра никак не выражаются в его повседневном физическом состоянии, мыслях и поведении, а потому, с точки зрения его полного функционального описания, Пётр вовсе не страдает. Очевидно, однако, что происходящее с Петром ужасно, и если бы это заболевание было результатом действия какого-нибудь безумного ученого, то эти действия были бы чем-то серьезно морально неправильными.

Пример Каммерера показывает, что феноменальный характер боли — ее субъективная неприятность — является самым правдоподобным ответом на вопрос о том, почему боль является чем-то плохим. Мы можем, по крайней мере концептуально, отделить переживание боли от любых ее функциональных, поведенческих и нейрофизиологических выражений, но боль останется чем-то плохим в силу своего субъективного характера.

Аналогично мы можем представить себе существо, переживания которого были бы лишены любых функциональных и поведенческих выражений, но при этом причинение ему боли все еще было бы морально неправильно из-за его способности к субъективному опыту. В другом тексте я предложил воображаемый пример такого существа —

слайм [20, с. 150]. Это небольшое студенистое существо с довольно примитивной нервной системой. Оно неспособно мыслить или действовать, но может чувствовать боль от сильных физических или термических воздействий. Зная о его способности чувствовать боль, было бы морально неправильно сжимать его в руке, причиняя ему огромную боль, просто ради собственного развлечения. Это показывает, что морально-реципиентный статус других существ связан с их способностью к субъективным переживаниям, но не с их функциональными выражениями.

Метаэтический экспериенциализм кажется довольно бесспорным. Действительно, разве мы не судим о негативности боли на основании только ее феноменального характера, даже если мы вообще ничего не знаем о ее функциональных, поведенческих и нейрофизиологических выражениях? И разве для определения морального статуса других существ нам не будет достаточно узнать, что у них есть способность к субъективному опыту, вне зависимости от функциональных, поведенческих и нейрофизиологических выражений этого опыта? Но иллюзионисты утверждают, что у боли и других переживаний нет никакого феноменального характера, есть лишь набор функциональных, поведенческих и нейрофизиологических свойств.

Именно здесь иллюзионисты сталкиваются с нормативной проблемой. На основе нашей интроспекции мы судим, что у боли и других переживаний есть особый феноменальный характер, но, если иллюзионизм верен, этот характер является всего лишь когнитивной иллюзией. Однако мы также на основе интроспекции судим о боли, что у нее есть особый нормативный статус — испытывать боль плохо⁸. И этот статус боли связан с ее феноменальным характером. Но раз феноменальный характер боли является интроспективной иллюзией, то такой же иллюзией должен быть и ее нормативный статус. Если интроспекция не подходит для формирования убеждений о феноменальном характере боли, то она также не подходит и для формирования убеждений о ее нормативном статусе [16, р. 907–909].

Мы также можем усилить эту нормативную проблему тем способом, который Каммерер явно не обсуждает. Дело в том, что аргументативные ходы, которые совершают иллюзионисты в своей критике квалиа, очень схожи с теми ходами, которые делают моральные антиреалисты в своей критике моральных фактов и свойств.

Иллюзионисты используют *аргумент от аномальности*: феноменальные свойства не похожи ни на одно другое естественное явление, потому что к ним субъект соответствующих переживаний имеет привилегированный интроспективный доступ, тогда как ко всем другим естественным явлениям ни один субъект не имеет подобный доступ. Здравый научный подход требует от нас с подозрением относиться к любым таким аномальным свойствам, которые с трудом вписываются в наши лучшие научные теории [12]. Джон Лэсли Мэкки, автор метаэтической теории ошибок, использовал похожий *аргумент от странности* (*argument from queerness*): моральные свойства являются чем-то 'странным', потому что они обязывают нас к определенным действиям, но никакие другие свойства в мире не имеют такой особой власти над нашими действиями [32, р. 38].

Иллюзионисты также используют против квалиа *аргумент разоблачения*, который изначально

сформулировал Дэвид Чалмерс [33, р. 44–49]. Общая идея всех аргументов разоблачения состоит в том, что если мы можем объяснить наши убеждения о существовании какой-либо экстраординарной сущности, не предполагая ее существование, то мы не должны верить в нее. Например, мы можем объяснить наши отчеты о встречах с НЛО двумя способами: либо через хорошо известные нам атмосферные явления, создающие видимость НЛО в небе, либо через утверждения о посещениях нашей планеты врезными цивилизациями. Трезвый научный консерватизм требует от нас выбрать первое объяснение, потому что оно лучше согласуется с нашей научной картиной мира и не требует спорных и недоказуемых допущений о природе НЛО. Иллюзионисты считают, что похожим образом мы можем аргументировать и против квалиа. Наши убеждения о ФС можно объяснить либо постулируя его существование и наш особый интроспективный доступ к нему, либо утверждая наличие у нас особой когнитивной иллюзии, будто наш опыт имеет особые феноменальные свойства. Поскольку второе из этих объяснений лучше вписывается в естественно-научные попытки объяснить сознание, мы должны предпочесть его⁹.

Шэрон Стрит также использовала эволюционный аргумент разоблачения против морального реализма [36]. Согласно ему, мы можем объяснить наши моральные убеждения двумя способами: либо у нас есть особая эпистемическая способность познавать содержание моральных фактов, либо наши моральные убеждения были сформированы у нас в результате эволюции, потому что они были эволюционно полезны. Второе объяснение не требует от нас допускать существование независимых от наших мнений и установок моральных фактов, и оно также лучше вписывается в естественно-научную картину мира. Поэтому трезвый научный консерватизм также требует от нас придерживаться антиреалистической позиции в отношении моральных фактов.

Как кажется, если иллюзионист последовательно придерживается тех методологических принципов, которые изначально привели его к принятию иллюзионизма, то он также должен принять и моральный антиреализм. На самом деле, в самой своей формулировке иллюзионизм имеет значительное сходство с *метаэтической теорией ошибок* [32, 37]. Согласно ей, у моральных суждений есть истинностное значение¹⁰, но все такие суждения являются ложными, потому что они описывают мир так, будто в нем существуют моральные факты и свойств, но в действительности таких фактов и свойств нет. Если иллюзионизм и метаэтический экспириенциализм одновременно верны, то это ведет к истинности теории ошибок: моральные факты зависят от феноменальных, но поскольку последние не существуют, то и моральные факты также не инстанцируются в нашем мире.

При этом иллюзионизм в сочетании с метаэтическим экспириенциализмом может даже усилить теорию ошибок, потому что даст объяснение того, откуда у нас есть убеждения о моральных фактах, если таких фактов не существует. До своего отказа от иллюзионизма¹¹ Николас Хамфри утверждал, что интроспективная иллюзия феноменальности является не просто когнитивным багом, а эволюционно полезной фичей. Хотя эта иллюзия заставляет нас верить в существование феноменальных свойств, которых на самом деле нет, она также обо-

гащает нашу внутреннюю жизнь и играет важную роль в нашей мотивации [39]. Иллюзионист мог бы сказать, что, хотя у боли нет никакого особого морального статуса, у нас есть интроспективная иллюзия такого статуса, потому что это делает нас более приспособленными к кооперации, что дает нам как виду эволюционное преимущество.

Нормативная проблема для иллюзионизма, соответственно, состоит в избегании подобных антиреалистических выводов о морали. Но почему, можно спросить, иллюзионист вообще должен избегать этих выводов? В конце концов, у теории ошибок и других форм морального антиреализма есть свои сторонники, которые предлагают аргументы в защиту этой позиции, независимые от каких-либо взглядов на философию сознания. Антиреалистические выводы иллюзионизма в отношении морали могут считаться *проблемой*, требующей решения, только если у нас есть независимые основания отвергать моральный антиреализм¹².

Это правда, что нормативная проблема является именно проблемой только в том случае, если мы хотим избежать морального антиреализма, но тогда нам нужны хорошие основания считать эту позицию ложной. Я считаю, что у нас есть такие основания, но не буду подробно рассматривать их здесь¹³. Загвоздка в том, что и сами иллюзионисты, как правило, принимают какую-то форму морального реализма, а Хамфри и Франкиш даже утверждали, что иллюзионизм имеет позитивные следствия для морали [18, 39]. По крайней мере, для этих морально-реалистичных иллюзионистов нормативная проблема остается именно проблемой. Им нужно объяснить, почему иллюзионизм не предполагает отказа от наших повсеместно принятых моральных убеждений о связи между феноменальным опытом и внутренней ценностью.

Для этого иллюзионисты должны решить, по крайней мере, три задачи. Во-первых, нужно предложить альтернативу метаэтическому экспириенциализму, которая, по крайней мере, столь же правдоподобно объясняла бы наши моральные убеждения, но не вела к контринтуитивным следствиям. Во-вторых, необходимо предложить правдоподобную моральную эпистемологию, которая бы не опиралась на нашу интроспекцию либо правдоподобно объясняла бы тот факт, что наша интроспекция ненадежна в том, что касается квалиа, но достаточно надежна в том, что касается нормативных свойств переживаний. В-третьих, следует объяснить, почему методологические принципы, лежащие в основе аргументации против квалиа, не действуют также против моральных фактов и свойств. Далее мы рассмотрим несколько предложенных решений нормативной проблемы.

3. Ответ Франсуа Каммерера

Поскольку Каммерер был первым, кто всерьез рассмотрел нормативную проблему для иллюзионизма, имеет смысл первым обратиться внимание на предложенное им решение. Каммерер предполагает, что о внутренней ценности переживаний можно судить на основе наших желаний или оценочных установок по отношению к этим переживаниям, которые в принципе поддаются функциональному анализу [16, р. 909–910]. Это решение вдохновлено субъективистскими взглядами на природу благополучия, также известными как *теория исполнения желаний* [см.: 41]. Согласно этой теории, внутренней (муровской) ценностью обладает исполнение

наших желаний. Например, если я хочу съесть шоколадку, то положение дел, при котором я ее съем, имеет для меня внутреннюю ценность. Но если я не хочу есть шоколадку, то это положение дел будет для меня ценностно-нейтрально (и негативно, если я хочу *не есть* шоколад).

Этот подход позволяет объяснить, почему в переживании боли есть что-то морально и пруденциально плохое, даже если оно лишено каких-либо феноменальных свойств. Как правило, люди хотят не испытывать боль, а когда испытывают ее — хотят, чтобы она скорее прекратилась. В силу этого мы можем сказать, что, как правило, свобода от боли обладает позитивной внутренней ценностью и при прочих равных нам следует стремиться к подобному положению дел. Мы также можем утверждать, что морально-реципиентным статусом обладают существа, способные к обладанию желаниями, пусть даже они лишены сентиментности¹⁴.

Хотя решение Каммерера нельзя назвать непосредственным или противоречивым, оно неудовлетворительно, поскольку лежащая в его основе теория исполнения желаний ложна. Существует множество возражений против этой концепции, и здесь у нас не получится рассмотреть все из них. Но мы можем уделить внимание некоторым наиболее значимым. Одно из них — это возражение Эдена Лина, который указывает на тот факт, что, согласно теории исполнения желаний, для обладания благополучием (и связанной с этим внутренней ценностью) необходимо быть достаточно когнитивно развитым, чтобы осмысленно формулировать собственные желания. Но мы не считаем, что когнитивно неразвитые существа, такие как маленькие дети или нечеловеческие животные, лишены благополучия. Годовалый ребенок определенно страдает, когда его бьют током, даже если он не может сформулировать отчетливое желание: «Я не хочу, чтобы меня били током» [42].

У субъективиста есть возможность сопротивляться этому возражению. Он мог бы сказать, что мы можем судить о наличии у других существ определенных желаний, даже если они не могут облечь свои желания в пропозициональную форму. Маленькие дети и животные обычно демонстрируют поведение избегания по отношению к болезненным стимулам, что можно интерпретировать таким образом, что они *желают* избежать этих стимулов, даже если не могут сообщить нам содержание своих желаний (или даже помыслить их в пропозициональной форме). Остается открытым вопрос о том, можно ли подобным образом объяснить моральную неправомерность причинения боли простейшим сентиментным существам вроде слайма, но допустим, что у субъективиста нет проблем с приспособлением таких сложных случаев.

Можно возразить, что такой ответ делает нормативный статус боли зависимым от реакции избегания на болезненные стимулы. Но пример Петра показывает, что боль может быть чем-то плохим даже в том случае, если никак не выражается в поведении страдающего человека. Субъективист мог бы ответить и на это возражение. Нормативный статус боли, с его точки зрения, основан не на поведенческих реакциях, а на желаниях. Просто в случае маленьких детей и животных их избегающее поведение — это единственный доступный нам способ надежно узнать о содержании их желаний. В случае Петра, как кажется, предполагается, что во время своих ночных пробуждений он желает прекратить

мучения, просто мы не можем никак узнать об этом желании.

Но у субъективизма есть более фундаментальные проблемы. Наиболее явная из них — это возможность деструктивных желаний [40]. Иногда люди хотят злоупотреблять алкоголем и фастфудом, встречаться с токсичными партнерами, работать на униженной низкооплачиваемой работе, смотреть ужасные безвкусные фильмы и так далее. Некоторые из этих желаний просто не вносят никакого вклада в наше благополучие, а другие и вовсе вредят ему. Соответственно, исполнение любых наших желаний не может быть благом само по себе, даже если оно, как правило, имеет отношение к нашему благополучию.

Многие субъективисты пытаются решить эту проблему, принимая нечто вроде *теории идеализированных желаний* [см.: 43]. С этой точки зрения, наше благополучие состоит в реализации не наших фактических желаний, а тех желаний, которые мы бы имели, если бы были более рациональны и информированы. Но с этим ответом есть несколько проблем. Во-первых, изначальный пафос субъективистских теорий благополучия состоит в том, что каждый субъект властен определять, что для него является благом, и никто не может вмешиваться в его решения об этом. Но теория идеализированных желаний делает именно это — она определяет благо субъекта через ссылку на мнение другого субъекта, пусть даже этот второй субъект — рациональный и информированный двойник первого.

Во-вторых, если благо вообще понимается через исполнение желаний, то неясно, почему меня должно удовлетворить исполнение желаний моего рационального и информированного двойника, если я сам не являюсь таким же рациональным и информированным. Возможно, исполнение таких желаний принесет мне определенный приятный опыт, но если это является благом для меня, то зачем вообще апеллировать к идеализированным желаниям, когда можно отсылать сразу к этому приятному опыту как конечному благу?

В-третьих, можно усомниться, что желания моего идеализированного двойника не будут деструктивными. Почему они должны не быть такими? Вероятно, потому что есть какие-то рациональные основания желать полезных для меня вещей, а не вредных. Но это значит, что у нас есть независимый от наших желаний критерий того, что является вредным и полезным для моего благополучия. В таком случае нам вообще не нужны желания для определения блага, а теория идеализированных желаний — просто скрытая версия объективизма в отношении благополучия¹⁵ [44, р. 254].

Это возражение можно дополнить еще одним соображением, вдохновленным Томасом Скэнлоном [45, р. 17–77; 46, с. 244]. Одна из характерных особенностей муровской ценности в том, что она дает нам основания продвигать определенные положения дел. Но наши желания не дают нам основания для действия. Скорее, у нас могут быть основания как в пользу определенных действий, так и в пользу определенных желаний. Допустим, я хочу съесть кусок шоколада. С точки зрения субъективиста, мое желание съесть шоколад дает мне основание сделать это, но у меня нет никаких оснований желать этого. Я просто хочу, и точка. Но, с точки зрения объективиста, у меня есть основание желать съесть шоколад, которое состоит в том, что шоколад доставит мне удовольствие. И этот же факт являет-

ся основанием в пользу того, чтобы съесть шоколад, тогда как желание само по себе не выполняет никакой самостоятельной обосновывающей роли¹⁶.

Объективистское описание лучше выражает наш обыденный опыт практического рассуждения. Как правило, мы не считаем бессмысленным вопрос: «Почему ты хочешь этого?», и у нас также обычно нет проблемы с тем, чтобы ответить на него. Иногда нам все-таки бывает сложно выразить основания для наших желаний в ясной пропозициональной форме, но даже в таком случае речь не идет о том, что мы хотим чего-то просто потому, что хотим.

С этой объективистской точки зрения, боль плоха не потому, что мы хотим ее избегать, а в силу своих сущностных свойств — того, как она переживается. Наше желание ее избегать является вторичным по отношению к ее феноменальному характеру и само по себе не имеет отношения к тому, является ли боль чем-то плохим. Представим молодую девушку по имени Мэри, родители которой воспитывали ее в изолированной комнате, где Мэри была надежно защищена от любых болезненных ощущений. В результате за все 20 лет своей жизни Мэри ни разу не испытывала боли. Вы — врач, который периодически приходит к Мэри, чтобы проверить ее состояние здоровья. Она говорит вам, что недавно прочла в книге об особом интенсивном чувстве, которое она никогда не раньше чувствовала — о боли. Теперь она очень хочет испытать сильную боль, чтобы понять, каково ее испытывать [ср.: 49, р. 76, 81]. Станете ли вы помогать ей испытать это новое чувство?

Очевидно, причинять Мэри сильную боль неправильно, вне зависимости от собственных желаний Мэри. Но субъективист не может согласиться с этим, если только его подлинные взгляды на благополучие не являются замаскированной формой объективизма. Ведь, с точки зрения последовательного субъективиста, боль плоха для Мэри лишь в том случае, если она желает избегать боли. Но раз она сама хочет испытать сильную боль, с чего бы субъективисту считать причинение Мэри боли чем-то плохим?

Таким образом, решение нормативной проблемы Каммерером нельзя назвать удовлетворительным, потому что оно опирается на субъективистскую теорию благополучия, которая сама по себе довольно проблематична [см. также: 31]. В свете этого неудивительно, что другие иллюзионисты не приняли решение Каммерера и попытались предложить иные альтернативы для согласования иллюзионизма с моральным реализмом.

4. Ответ Кита Франкиша

В одной из своих статей Франкиш предложил альтернативный ответ на нормативную проблему. Он излагает свое решение в несколько этапов. Сначала Франкиш рассматривает пример Петра, страдающего от ночных болей, чтобы показать, что не столь уж очевидно, что в этой ситуации нормативный статус боли определяется именно ее феноменальным характером [18, р. 6–9]. Когда нас просят представить Петра, страдающего от невыносимой боли, мы воображаем человека с таким ментальным состоянием, которое больше всего похоже на сильную боль, которую мы испытывали в своей жизни. Но иллюзионисты, как подмечалось выше, не отрицают существование самих ментальных состояний, только наличие у этих состояний

особых феноменальных свойств. В таком случае боль Петра сохраняет все те же свойства, которые имеет наша обычная боль. И если иллюзионизм верен, то у боли Петра нет никакого феноменального характера, поскольку его нет и у нашей боли. Стало быть, за вычетом феноменального характера боль сохраняет те свойства, которые определяют ее моральный статус, раз уж мы продолжаем судить о своей реальной боли и воображаемой боли Петра, что они плохи.

Франкиш полагает, что интуиции в пользу метаэтического экспериенциализма проистекают из того факта, что их обладатели изначально не рассматривают иллюзионизм в качестве возможного объяснения сознания. Но как только иллюзионистская опция оказывается в игре, ничто не гарантирует, что нормативный статус боли связан с ее феноменальным характером [18, р. 9]. Мы должны допустить, что есть какое-то иное свойство, ответственное за наделение боли ее нормативным статусом.

Некоторые квалиа-реалисты могут ответить на это, что они действительно не рассматривают иллюзионизм в качестве серьезной опции, но делают это по довольно веским основаниям [50–51]. Впрочем, допустим, что у нас таких оснований нет. Нам недостаточно допустить возможность иллюзионизма, чтобы подорвать интуиции в пользу метаэтического экспериенциализма. Мы знаем о тесной связи феноменального характера переживаний с их нормативным статусом от нашей интроспекции, даже если мы ничего не знаем о функциональных и нейрофизиологических свойствах этих переживаний.

Поэтому иллюзионисту недостаточно сказать, что нормативный статус переживаний можно объяснить чем-то, кроме ее феноменальных свойств. Ему также нужно объяснить, почему нормативные свойства опыта не являются такой же интроспективной иллюзией, как квалиа. Затем ему также нужно объяснить, почему при этом у нас все же есть интроспективная иллюзия тесной связи существующих нормативных и несуществующих феноменальных аспектов опыта. Наконец, ему нужно предложить конкретного кандидата на роль свойства, фундирующего нормативный статус переживаний. Из всех этих задач Франкиш пытается решить только последнюю.

Как полагает Франкиш, нормативный статус переживаний определяется тем, как эти переживания влияют на нас, а еще точнее — тем, как мы реагируем на них [18, р. 9–10]. Например, боль вызывает у нас чувство повреждения, захватывает наше внимание, нарушает наш привычный образ мысли и действий, вызывает непреодолимое желание облегчения, делает нас пассивными, беспомощными, беспокойными, тревожными и напуганными. Это описание боли, как считает Франкиш, является чисто функциональным, а потому иллюзионист может принять его. При этом довольно правдоподобно, что такие стереотипные реакции на боль имеют отношение к тому факту, что боль является чем-то плохим.

У этого ответа есть несколько проблем. Наиболее явная из них состоит в том, что Франкиш, как кажется, включает в число наших реакций на боль другие ментальные состояния, которые характеризуются особым феноменальным характером. Таковы, например, испуг, тревога и беспокойство. Квалиа-реалист сказал бы, что эти состояния плохи и морально неправильно вызывать их

у другого человека без веских на то оснований из-за того, как эти состояния переживаются. Если Франкиш будет объяснять негативный статус боли тем, что она ведет к другим состояниям с негативным статусом, то он все еще останется с необходимостью объяснить, что наделяет негативным статусом эти другие состояния. Возможно, он найдет для них третьи ментальные состояния, которые вызываются ими и также интроспективно характеризуются как что-то неприятное. Как бы долго этот ряд не продолжался, где-то он должен закончиться — должно быть какое-то финальное нефеноменальное свойство, отвечающее за негативный статус всей этой каузальной цепочки ментальных состояний.

Франкиш мог бы убрать из своего ответа такие спорные пункты, оставив только те реакции, по поводу которых квалиа-реалист не смог бы утверждать, что их нормативный статус определяется их феноменальным характером. В таком случае останется вторая, более серьезная проблема этого ответа — он связывает нормативный статус боли с ее контингентными характеристиками. Иногда боль захватывает наше внимание, а иногда — нет. Иногда боль серьезно нарушает наш привычный образ мысли и действий, но не всегда. В некоторых случаях боль может сделать нас пассивными, но часто бывает и наоборот. Тем не менее у всех случаев боли есть что-то общее, и именно это общее свойство делает все случаи боли как неприятными, так и негативно ценностно-окрашенными. Я не вижу никаких хороших кандидатов на роль этого свойства, кроме субъективного характера боли.

Иллюзионист может сопротивляться этому возращению, указывая, что среди перечисленных Франкишем реакций все же есть одна, которая является не контингентной, а сущностной характеристикой боли — чувство повреждения. Можно сказать, что именно это реакция определяет нормативный статус боли. Но это не какая-то реакция на боль, а просто ее стандартное определение [52, р. 1977]. Нельзя ответить на вопрос о том, что делает боль чем-то плохим, просто приведя ее стандартное определение. Но иллюзионист может сказать, что это определение все-таки содержит нужный ответ на наш вопрос. Боль — это чувство с определенным репрезентативным содержанием, оно репрезентирует повреждение организма. Как правило, повреждение организма — это что-то плохое для самого этого организма, потому что нарушает его функционирование, так что мы можем объяснить нормативный статус боли в функциональных терминах.

Этот уточненный ответ, однако, также неудовлетворителен. Как кажется, феноменальный характер боли превосходит ее репрезентативное содержание [ср.: 53, р. 543]. Это даже можно доказать эмпирически. Дэниэл Деннет, наиболее влиятельный философ из числа иллюзионистов, писал об эффекте *реактивной диссоциации* [54]. Этот эффект состоит в том, что при приеме некоторых болеутоляющих препаратов люди говорят, что они продолжают чувствовать боль, но эта боль не является неприятной¹⁷.

Наиболее естественная интерпретация этого эффекта состоит в том, что после приема болеутоляющих у этих людей остается репрезентативное содержание боли (чувство повреждения), но феноменальный характер боли меняется. Более того, из феноменального характера боли устраняется именно тот аспект, который связан

с ее нормативной оценкой, хотя репрезентативное содержание боли остается¹⁸.

Мы также могли бы сказать, что боль является чем-то плохим даже в тех случаях, когда она неверно репрезентирует состояние нашего организма или даже вообще ничего не репрезентирует. Подумайте о вступительной сцене из романа Дюна Фрэнка Герберта (1963–1965 гг.). Преподобная мать Гайя-Елена Мохиам устраивает главному герою Полу Атрейдесу испытание кубом агонии. Это небольшое кубическое устройство с отверстием в одной из стенок. Человек, просунувший руку в это отверстие, будет испытывать невыносимую боль, как будто плоть на его руке медленно сгорает и отслаивается. Но в действительности куб не наносит никаких реальных повреждений, он просто воздействует на ноцицепторы таким образом, чтобы человек чувствовал боль. Вынося за скобки сюжетные обстоятельства романа, справедливо было бы сказать, что мучить людей кубом агонии морально неправильно, даже если куб не наносит реальных повреждений организму человека.

Полагаю, многим такой куб не кажется чем-то действительно невообразимым. Но в таком случае справедливо будет сказать, что нормативный аспект боли действительно не зависит от ее репрезентативного содержания. Боль в руке внутри куба агонии неверно репрезентирует состояние вашей руки, но причинение вам такой боли будет столь же морально неправильно, как и реальное повреждение вашей руки¹⁹. То же самое верно и для ночных болей Петра. Эти пробуждения, как было сказано, не наносят никакого вреда здоровью и функционированию Петра, но они, тем не менее, субъективно ужасны и морально плохи.

Последней возможностью иллюзиониста защитить этот ответ является указание на функциональную сложность боли, которая потенциально делает невозможной ситуацию неверно репрезентирующей боли вроде куба агонии или ночных пробуждений Петра [ср.: 1, с. 8–9; 18, р. 9–10]. Однако в реальности у нас действительно есть примеры неверно репрезентирующей боли, например, невралгия и попытка водой²⁰. Если иллюзионист прав в том, что нормативный статус боли определяется ее репрезентирующей ролью, то он должен согласиться с тем, что попытка водой не столь плоха, как о ней думают. Ведь страдания, испытываемые в ходе этой пытки, неверно репрезентируют утопление, так что ее реальный моральный статус не столь ужасен, как о нем привыкли думать. Проблема в том, что если иллюзионист уже согласился с тем, что наши неверно репрезентирующие болезненные переживания не столь плохи, как мы о них думаем, то неясно, почему мы должны останавливаться на этом. Почему бы нам не зайти дальше и не утверждать, что у боли в принципе нет никакого особого морального значения?

Таким образом, ответ Франкиша не позволяет решить нормативную проблему, по крайней мере без серьезных уточнений и дополнений. Однако Франкиш также делает комментарий и о другом аспекте нормативной проблемы, который связан с определением морального статуса. Как считает Франкиш, сентиентизм сам по себе проблематичен, потому что связывает моральный статус с обладанием ФС, которое, согласно самой идее ФС, приватно доступно лишь его субъекту от первого лица. Это ставит нас перед серьезной эпистемической проблемой: как мы можем понять, что у того или ино-

го существа есть ФС и, как следствие, моральный статус, если мы по определению не можем иметь доступ к его ФС, если оно существует²¹?

Иллюзионизм, считает Франкиш, лучше приспособлен к решению этой эпистемической проблемы. Если сознание полностью сводится к наблюдаемым от третьего лица функциональным, поведенческим и нейрофизиологическим свойствам, то нет никакой проблемы в том, чтобы выяснить, является ли то или иное существо сознательным. Нужно просто изучить его поведение и физиологию. Этот подход, как кажется, лучше всего выражает наши здравые суждения о моральном статусе животных: у всех существ, физиологически и поведенчески схожих с нами, есть такое же сознание, а следовательно, и моральный статус.

Некоторые квалиа-реалисты действительно выдвигают такие допущения о ФС, которые делают его практически неприменимым критерием для определения морального статуса. Например, Рене Декарт печально известен своими взглядами на сознание животных. Как он считал, у животных нет души (как и, соответственно, ФС), а потому они подобны бесчувственным машинам, лишь имитирующим субъективные переживания [59, с. 284]. В *картезианском дуализме*, таким образом, многие существа с достаточно сложной психикой оказываются лишены ФС и морального статуса. Противоположной крайностью среди квалиа-реалистических позиций оказывается *панпсихизм*. Согласно ему, какой-то формой ФС обладает все во вселенной, что необычайно расширяет перечень сущностей с моральным статусом, потенциально даже приводя нас к своего рода моральному параличу [20, с. 151, 156].

И все же Франкиш несколько преувеличивает преимущество иллюзионизма перед квалиа-реалистическими теориями сознания. Большинство квалиа-реалистов сегодня поддерживает тезис естественной супервентности ментального на физическом [60, с. 5–6]. Согласно ему, грубо говоря, два физически тождественных организма будут также феноменально тождественны (будут переживать одинаковый опыт). В силу этого тезиса для большинства квалиа-реалистов нет никакой проблемы в том, чтобы судить о наличии у какого-либо организма ФС по его физиологии и поведению.

Так что положение квалиа-реалистов в отношении эпистемических трудностей, связанных с определением морального статуса, по меньшей мере не хуже, чем у иллюзионистов. Но на самом деле у нас есть все основания считать, что положение квалиа-реалистов все-таки лучше. Ведь последние не сталкиваются ни с какой проблемой в объяснении того, почему определенные поведение и физиология имеют моральное значение — потому что они ассоциированы с определенными феноменальными состояниями, о которых мы достоверно знаем, что они плохи или хороши. У иллюзиониста нет такого объяснения, поскольку он отрицает существование феноменальных состояний. Ему нужно альтернативное объяснение, и, как мы уже показали ранее, объяснение самого Франкиша нельзя считать удовлетворительным.

5. Ответ Артёма Беседина

Некоторые российские иллюзионисты также пытались решить нормативную проблему, и наиболее проработанное решение на данный момент предложил Артём Беседин [19; 61]. Центральное место в его ответе занимает *аргумент куба агонии*, кото-

рый также обращается к вымышленному устройству из вселенной *Дюны*. Как уже утверждалось выше, очевидно, что будь такой куб реальным, пытки людей с его помощью были бы чем-то морально неправильным. Хорошая моральная теория должна объяснить и обосновать это суждение здравого смысла.

Беседин предлагает нам задаться вопросом: причиняет ли куб агонии людям именно *феноменальную* боль? Возможны три ответа: (1) да; (2) нет; (3) мы не знаем. По мнению Беседина, для решения нормативной проблемы иллюзионисту подходят ответы (2) и (3). В первом случае, поскольку мы уже установили аморальность пыток кубом агонии, мы просто должны заключить, что квазифеноменальная²² боль столь же плоха, как и феноменальная, так что корень нормативного статуса боли вовсе не в ее феноменальном характере.

Во втором же случае мы можем обосновать, что плохо причинять людям квазифеноменальную боль, даже если моральный статус боли определяется ее феноменальным характером. Но как это возможно? Беседин указывает на проблему моральных рисков. Представьте, что ваш сосед постоянно оставляет тяжелую гантелю на перекладине своего балкона. Станете ли вы говорить ему, что он делает нечто морально неправильное? Кому-то может показаться, что в его действиях нет ничего плохого, ведь и его балкон, и его гантеля принадлежат ему, так что он может распоряжаться ими, как ему захочется. Но гантеля легко может упасть на голову случайному прохожему, искалечив или убив его. Конечно, не факт, что гантеля упадет или что она упадет именно в тот момент, когда снизу будет кто-то проходить. Но само действие вашего соседа влечет за собой *предсказуемые риски* того, что кому-то будет нанесен серьезный вред, и этого достаточно, чтобы судить о его моральной неправильности [ср.: 24, с. 102–107].

Перенося эту логику на пытку кубом агонии, Беседин пытается обосновать вывод, что не имеет морального значения, является ли феноменальный характер боли реальным или иллюзорным. Когда вы причиняете кому-то боль, которая интроспективно кажется феноменальной, всегда есть риск того, что эта боль *действительно феноменальна*. И в силу подобных рисков причинять такую боль неправильно, даже если в некоторых случаях эта боль на самом деле лишь кажется феноменальной.

Далее Беседин предполагает, что иллюзионист без особых проблем может доказать истинность (3), так что ему нет нужды доказывать истинность иллюзионизма в целом, чтобы решить нормативную проблему. А для обоснования (3) он должен показать, что в принципе возможна неотличимая от реальности иллюзия феноменальной боли. В защиту этого можно сказать, что куб агонии может воздействовать на мозг человека таким образом, чтобы вызвать у него убеждение о переживании феноменальной боли без самого переживания²³. Квалиа-реалист, как считает Беседин, не может отрицать такую возможность.

Чтобы оспорить (3) и защитить метаэтический экспериенциализм, квалиа-реалисту нужно доказать, что неотличимой от реальности иллюзии феноменальной боли не может быть. А это требует обоснования очень сильного и спорного тезиса — безошибочного доступа к нашим квалиа. Даже среди квалиа-реалистов не все готовы подписаться под чем-то подобным [например, см.: 1, с. 29; 67,

с. 572]. Поэтому, как полагает Беседин, иллюзионист в любом случае находится в выигрышной позиции по поводу нормативного статуса боли.

Однако сомнительно, что позиция иллюзиониста настолько выигрышная, насколько ее описывает Беседин. В действительности иллюзионист не может принять ответ (3), потому что он неявно предполагает, что сентиентизм истинен. Ведь аргумент от моральных рисков основан на том, что было бы неправильно причинять кому-то феноменальную боль, а поскольку мы не можем знать, является ли какая-то боль феноменальной, то столь же неправильно будет причинять и квазифеноменальную боль. С подобным рассуждением может согласиться тот, кто занимает агностическую позицию в отношении квалиа, но не иллюзионист, так как он *отрицает* существование квалиа. Если вы утверждаете, что попытка кубом агонии неправильна, потому что налагает риск причинения феноменальной боли, то вы должны признать, что в этой попытке нет ничего неправильного, когда вам предоставят убедительные основания в пользу того, что никакой феноменальной боли попытка не приносит. Ведь тогда не будет тех моральных *рисков*, которые определяли моральную проблематичность этой попытки. Соответственно, иллюзионист не может объяснять неправильность причинения боли через моральные риски, он должен показать, что боль плоха даже в том случае, если мы точно знаем, что у нее нет никаких феноменальных свойств.

Как я понимаю, в конце концов Беседин принял это возражение и модифицировал свою линию защиты иллюзионизма. В своей усовершенствованной версии аргумента Беседин утверждает, что сначала мы выносим суждение о том, что боль является чем-то плохим, а лишь затем пытаемся объяснить боль. Это значит, что нам не нужно утверждать, что боль является или не является феноменальной, чтобы судить о ее моральном статусе. Достаточно просто наших дотеоретических интуиций о боли, не нагруженных метафизическими обязательствами в отношении квалиа.

Я согласен, что нам не нужна продуманная теоретизация боли, чтобы судить о том, что боль является чем-то плохим, что нам надо избегать боли и не причинять ее другим без веских на то оснований. Но это вопросы моральной практики, а не этической теории. Этика не просто выдвигает определенные моральные требования, но также пытается объяснить и обосновать эти требования, обнаружить и взвесить наши разумные основания в пользу принятия или отвержения этих требований. Поэтому моральный философ не может ограничиться только дотеоретическими интуициями, ему нужно построить когерентную моральную теорию, которая бы объяснила и обосновала эти интуиции.

Поэтому моральный философ не может отмахнуться от вопроса о том, почему боль является чем-то плохим. Иллюзионист, который хочет решить нормативную проблему, должен предложить какого-то альтернативного кандидата на роль свойства, нагружающего боль ее нормативным весом. Если у нас нет других кандидатов, кроме феноменальных, иллюзионизм неизбежно подрывает нашу этику, насколько бы ни были устойчивыми интуиции о нормативном статусе боли. В конце концов, интуиции квалиа-реалистов о существовании ФС тоже устойчивы, но иллюзионисты настаивают, что за неимением убедительных доводов в защиту ФС эти интуиции должны быть отброшены.

Впрочем, может быть, квазифеноменальные свойства боли могут играть ту же роль, которую, согласно метаэтическому экспериенциализму, играют феноменальные свойства? Франкиш определяет квазифеноменальные свойства как такие свойства, которые *предрасполагают* нас к убеждению о существовании ФС [63, с. 134]. Вряд ли такие свойства могут играть ту же роль, которую в нашей этике играют обычные феноменальные свойства.

Рассмотрим следующую аналогию. Большинство людей считает, что в инцесте есть что-то морально неправильное. Странники теории божественных заповедей считают, что моральный статус инцеста определяет воля какого-то божественного существа, которую это существо раскрыло нам в письменно зафиксированном божественном откровении [68]. Многие люди убеждены, что подобное существо есть, потому что они пережили особый 'религиозный опыт', а некоторые даже утверждают, что у них был опыт прямого общения с этим божеством. Этот опыт, можно сказать, предрасполагает людей к убеждению о существовании божества, тем самым играя если не обосновательную, то эпистемическую роль в определении морального статуса инцеста.

Допустим, у нас есть хорошие основания считать, что ни одно божественное существо в действительности не существует²⁴. В таком случае тот опыт, который некоторые люди идентифицируют как 'религиозный', схож с квазифеноменальным опытом, поскольку предрасполагает нас верить в некоторую несуществующую аномальную сущность. Можем ли мы сказать, что этот квазирелигиозный опыт имеет релевантное отношение к определению морального статуса инцеста? Очевидно, нет. Если единственное доступное нам обоснование аморальности инцеста — это его запрет каким-то божеством, то в случае несуществования этого божества мы должны признать, что в инцесте нет ничего морально плохого, даже если у нас сохраняется квазирелигиозный опыт, изначально мотивировавший нас судить об аморальности инцеста²⁵. По аналогичным причинам квазифеноменальные свойства опыта не могут выполнять ту же роль, которую выполняют феноменальные свойства. Ведь эти свойства просто предрасполагают нас к ложному убеждению, но такое убеждение, покуда оно ложно, не может играть самостоятельную роль в обосновании и объяснении морального статуса переживаний.

Таким образом, решение Беседина также не позволяет иллюзионисту отделаться от нормативной проблемы. Он не может просто настаивать на том, что дотеоретические интуиции о статусе боли могут быть поддержаны без приписывания боли феноменальных свойств. Иллюзионисту все-таки нужно предложить какие-то свойства, которые лежат в основе этих интуиций. И поскольку решения Каммерера и Франкиша также оказались безуспешны, у нас нет подходящего кандидата на роль подобных свойств.

6. Ответы Максима Горбачева и Артёма Юнусова

Впрочем, некоторые из людей, с которыми я обсуждал эту проблему, предложили своих кандидатов. Иллюзионист Максим Горбачев и неиллюзионист Артём Юнусов предложили два очень схожих ответа, которые предполагают, что квазифеноменальные свойства все же могут играть нужную иллюзионистам обосновательную роль [19]. Я рассматриваю эти ответы вместе, потому что они строятся от одной общей проблемы.

Горбачёв указывает на тот факт, что, согласно стандартному метаэтическому экспериенциализму, нормативный статус опыта определяется его *субъективным* характером — тем, как этот опыт переживается. Но иллюзионисты не отрицают, что у любого опыта есть какой-то субъективный характер, они отрицают лишь то, что этот характер конституируется феноменальными свойствами. Боль действительно переживается как что-то неприятное, и эта субъективная неприятность — основа ее морального статуса, просто в этой неприятности нет ничего феноменального.

Юнусов формулирует схожую идею немного более сложным образом. Как он подмечает, сторонники нормативной проблемы иллюзионизма (включая, как ни странно, Каммерера) как будто исходят из того, что иллюзионисты считают нас всех философскими зомби, у которых 'все темно внутри' [10, с. 129]. Но иллюзионисты на самом деле не считают, что у нас 'все темно внутри' [11], они признают наличие у нас насыщенной внутренней ментальной жизни. В таком случае у нас просто нет оснований предполагать, что иллюзионисты отрицают, что у боли и других переживаний есть какие-то субъективные свойства и что эти свойства имеют отношение к их нормативному статусу.

Оба ответа на нормативную проблему предполагают, что у переживаний есть нефеноменальный субъективный характер, который определяет их моральный статус. Проблема обоих ответов в том, что они, как кажется, выдают за иллюзионизм позицию, которая в действительности является просто замаскированной версией квалиа-реализма. Так, Юнусов, вслед за Франкишем, говорит, что иллюзионисты вовсе не считают, что люди — это философские зомби, у которых 'все темно внутри'. Точнее, они признают, что люди являются зомби, потому что зомби — это по определению физическая копия человека без ФС, просто иллюзионисты при этом не считают, что в отсутствие ФС у людей будет 'все темно внутри'. Но иллюзионисты не могут совершать этот аргументативный ход, потому что для квалиа-реалистов отсутствие ФС и 'все темно внутри' — это одно и то же состояние. Именно так зомби определяет, в частности, Чалмерс [10, с. 129]. Если вы представляете зомби как существо, у которого не 'все темно внутри', то вы просто не представляете зомби. Соответственно, отрицая таким образом ФС, вы не отрицаете то ФС, в котором на самом деле верят квалиа-реалисты.

Иллюзионист ответит на это, что он определяет квалиа как 'субъективные, невыразимые, внутренние и безошибочно доступные свойства опыта' [63, с. 132]. Человек может иметь какую-то ментальную жизнь (не 'все темно внутри') и без таких свойств, например, потому что субъективный характер нашего опыта может конституироваться также реляционными или репрезентативными свойствами. Так что иллюзионист, с его точки зрения, вовсе не заблуждается, когда говорит, что может представить себе зомби без ФС, но с какой-то внутренней жизнью.

Я не буду здесь спорить о том, что для внутренней жизни необходимы квалиа в таком теоретически нагруженном смысле²⁶. В этом нет необходимости просто потому, что данное значение квалиа не является *стандартным*. Можно сравнить несколько энциклопедических статей о квалиа, которые написали Джанет Левин [70], Эми Кайнд [71], Майкл Тай [72] и Дмитрий Иванов [73]. В каждой

из этих статей квалиа определяются более скромным образом: просто как качественные свойства опыта, которые в принципе могут быть объяснены и как реляционные или репрезентативные свойства. Главный критик редукативных подходов к объяснению квалиа Чалмерс, как ни странно, следует той же стратегии [10, с. 443].

То же самое можно сказать и в ответ на возражение Горбачева. Для квалиа-реалистов субъективный и феноменальный характер опыта — это одно и то же. Томас Нагель ввел выражение *субъективный характер опыта* в обиход философов сознания именно для обозначения того, что сейчас называют феноменальным характером [74]. Чалмерс тоже считает, что слова *субъективный* и *феноменальный* в контексте сознания являются синонимами [32, р. 6].

Проблема решения Горбачева и Юнусова, таким образом, в том, что, признавая наличие у опыта какого-то субъективного характера, иллюзионист тем самым признает существование ФС²⁷. В лучшем случае это можно понимать как отказ от сильного иллюзионизма в пользу слабого, который отрицает не само ФС, а невозможность его редукативного объяснения [см. прим. 2]. Я согласен, что для слабого иллюзионизма нормативная проблема не представляет особой трудности, но, как кажется, Горбачев и Юнусов не предполагают, что их решения действительно подразумевают такого рода ослабление иллюзионизма.

Те, кто позиционируют себя именно как сильные иллюзионисты, вероятно, возразят мне на том основании, что они отвергают саму идею теоретически скромной ('диетической') концепции квалиа по причинам, которые обсуждает Франкиш в статье *Квайнирование диетических квалиа* [63–64]. Его основная идея в том, что без привлечения теоретически проблемных свойств насыщенных квалиа любое определение феноменальных свойств будет бессодержательно. Диетические квалиа неизбежно коллапсируют либо в насыщенные, либо в нулевые.

Я не нахожу аргументацию Франкиша убедительной, поэтому такой ответ меня не устраивает²⁸. Но предположим все же, что с аргументацией Франкиша нет никаких проблем. Это все равно никак не поможет иллюзионисту в решении нормативной проблемы. Как мы увидели в прошлом разделе, нулевые квалиа не могут выполнять нужную обосновательную и объяснительную роль. Так что, если Франкиш прав насчет невозможности диетической концепции квалиа, из этого следует, что только насыщенные квалиа могут играть подобную роль.

И все же иллюзионист может настаивать, что нулевых квалиа достаточно для объяснения и обоснования морального статуса переживаний, потому что эти свойства также конституируют то, как переживается соответствующий опыт. И поскольку метаэтический экспериенциалист отсылает именно к таким свойствам, с нулевыми квалиа нет никаких проблем. Но *любые* свойства, которые конституируют то, как переживается опыт, по определению являются квалиа, независимо от того, насколько эти свойства поддаются или не поддаются редукативному объяснению. Их участие в конституировании субъективного характера опыта — это то, что делает их феноменальными, а не какие-либо спорные и проблемные черты, вроде невыразимости, внутренней присущности или безошибочного доступа. Если квазифеноменальные свойства участвуют в конституировании субъективного характера опы-

та, то на самом деле это просто феноменальные свойства, какими их себе представляют квалиа-реалисты.

Опять же, в этом нет особой проблемы, если иллюзионисты, следующие за решениями Горбачева и Юнусова, готовы согласиться на ослабление своей позиции. Но я не вижу никаких возможностей для сильных иллюзионистов, как бы они могли определить нулевые квалиа, чтобы они конституировали субъективный характер опыта, но при этом не были переименованной версией обычных квалиа²⁹.

7. Ответ Тараса Тарасенко

Последний ответ, которому стоит уделить внимание, был предложен иллюзионистом Тарасом Тарасенко [19]. Он указывает на то, что боль является сложным переживанием. В интроспекции нам открывается множество свойств боли, некоторые из которых, как кажется, не являются феноменальными. Предлагаемое решение нормативной проблемы состоит в том, чтобы признать, что все эти интроспективно доступные свойства боли имеют отношение к ее нормативному статусу. В таком случае устранение из нашей картины мира всего лишь одного из этих свойств или даже целой группы свойств, как кажется, не должно подорвать исходную нормативную оценку³⁰.

Это решение, стоит признать, звучит довольно интересно, но оно также не лишено проблем. В первую очередь квалиа-реалист может возразить, что любые интроспектируемые свойства переживаний по определению будут квалиа, так что ничего не останется, если вычесть из интроспектируемых свойств феноменальные³¹. В ответ на это иллюзионист может возразить, что это так лишь в том случае, если верна феноменальная теория интроспекции, которую иллюзионисты явно отвергают [63, с. 136]. Квалиа-реалист может ответить, что ему не нужна какая-то конкретная и спорная теория интроспекции, чтобы приравнивать любые интроспектируемые свойства к феноменальным. Но и иллюзионист может сказать, что решение Тарасенко можно подкрепить любой теорией, которая в принципе допускает интроспективный доступ к каким-либо нефеноменальным свойствам. Дальнейшая дискуссия рискует увязнуть в обсуждении технических аспектов теорий интроспекции, для которых нет места в этом тексте [см.: 9].

Квалиа-реалист может подойти к критике ответа Тарасенко и с другой стороны. Судя по всему, мы должны отвергнуть допущение, что все интроспектируемые свойства переживания имеют отношение к его нормативному статусу. Некоторые из свойств боли, как уже подмечалось выше, являются контингентными, но ее нормативный статус по крайней мере в пруденциальном значении таковым не является. Это значит, что лишь некоторые из интроспектируемых свойств боли относятся к ее нормативному статусу, и иллюзионисту все еще нужно объяснить, какие именно свойства играют такую роль.

По причинам, которые обсуждались ранее, иллюзионист не может утверждать, что это какие-либо из поведенческих или нейрофизиологических свойств. Поведение связано с переживаниями, но мы можем иметь переживания без ассоциированного с ним поведения, и наоборот. Содержание нейронных процессов же неинформативно в том, что касается их нормативного статуса, если только мы не ассоциируем их с определенными пережи-

ваниями. Мы в принципе можем интерпретировать эту ассоциацию как свидетельство тождества мозговых процессов и субъективного опыта, но даже в таком случае нам нужно знать, каким ментальным состояниям они тождественны, чтобы судить о моральном статусе мозговых процессов.

Лучшее, на что может претендовать иллюзионист, — функциональное объяснение качественных субъективных аспектов переживаний. Это сводит решение Тарасенко к вариантам, которые обсуждали Горбачев и Юнусов. И по уже обсуждаемым ранее причинам такой ответ не позволяет иллюзионистам решить нормативную проблему без ослабления их антиреализма в отношении квалиа.

8. Заключение

Таким образом, ни одно из рассмотренных выше решений нельзя назвать удовлетворительным. И все же я не предполагаю из-за этого, что метаэтические следствия иллюзионизма катастрофичны. Есть по крайней мере две опции для дальнейшего поиска решений нормативной проблемы.

Во-первых, сильные иллюзионисты могут просто принять, что их позиция предполагает теорию ошибок или что-то подобное, но при этом отрицать, что такая антиреалистическая метаэтика разрушительна для морали. Они могут поддерживать *моральный фикционализм* в духе Ричарда Джойса [36, р. 206–231]. Согласно этой позиции, не существует никаких моральных истин, фактов или свойств, однако у нас все равно есть основания придерживаться некоторых моральных принципов, как если бы они были истинны. Такой подход, однако, подразумевает некоторые следствия для нашей моральной практики, которые многим из нас покажутся неприемлемыми. С точки зрения фикционализма, наши основания поступать морально никогда не могут быть решающими. Если мораль — это пусть и полезная, но все же фикция, невообразимо, чтобы для нас было разумно придерживаться этой фикции всегда и во всех случаях. Кроме того, фикционализм также подразумевает релятивизм: ни один фиктивный стандарт не может быть универсально лучше другого. Даже если мы можем критиковать другие моральные стандарты изнутри нашего, у нас нет метастандарта, который позволил бы окончательно разрешить этот конфликт³².

Во-вторых, иллюзионисты могут просто выбрать слабую версию своей позиции и не настаивать на строгом антиреализме в отношении квалиа. Насколько я понимаю, слабый иллюзионизм перенимает все положительные стороны сильной версии, но не сталкивается ни с какими нормативными трудностями. Слабые иллюзионисты признают реальность ФС, а потому могут ссылаться на феноменальный характер опыта как на основу его нормативного статуса. При этом даже в отрыве от нормативной проблемы я не вижу хороших оснований предпочитать сильный иллюзионизм слабому³³.

Таким образом, я вижу только два пути к решению нормативной проблемы без отказа от самого иллюзионизма. Иллюзионисты могут ослабить свой антиреализм в отношении квалиа. Это позволит им использовать феноменальный характер опыта для объяснения его нормативного статуса, но в то же время сохранить свою приверженность физикалистской онтологии. Если же иллюзионисты не желают ослаблять свой антиреализм в отношении квалиа, они могут принять также и антиреа-

лизм в отношении морали, но при этом постараться показать, что эта метаэтическая позиция не столь катастрофична для нашей моральной практики. В любом случае иллюзионистам следует признать, что нормативная проблема является серьезным вызовом для их теории, а ее метаэтическим следствием пока не было уделено достаточно внимания.

Благодарности / Acknowledgments

Автор выражает глубокую признательность Арине Черепановой, Александру Разину, Аслану Гаджикурбанову, Глебу Милаеву, Вадиму Васильеву, Артёму Беседину, Антону Кузнецову, Евгению Логинову, Алексею Кардашу, Ивану Кудряшову, Кириллу Васильеву, Василисе Бобковой, Анастасии Повечеровой, Максиму Тиханкину, Артёму Юнусову, Максиму Горбачеву, Тарасу Тарасенко, Дмитрию Иванову, Александру Гусеву, Матвею Сысову, Ивану Девятко, Никите Бондаренко, Николаю Некрасову, Василию Устиненко, Дмитрию Турко, Никите Писарькову, Дмитрию Середе, Илье Касаткину, Андрею Прокофьеву, Ольге Артемьевой, Ольге Зубец, а также участникам межсекторского семинара *Современная аналитическая философия* Института философии РАН и Международной научной конференции *Сознание в виртуальной реальности* за полезные комментарии и обсуждения, которые очень помогли в работе над этой статьей.

The author expresses deep gratitude to Arina Cherepanova, Alexander Razin, Aslan Gadzhikurbanov, Gleb Milaev, Vadim Vasilyev, Artem Besedin, Anton Kuznetsov, Evgeny Loginov, Alexey Kardash, Ivan Kudryashov, Kirill Vasilyev, Vasilisa Bobkova, Anastasia Povecherova, Maxim Tikhankin, Artem Iunusov, Maxim Gorbachev, Taras Tarasenko, Dmitry Ivanov, Alexander Gusev, Matvey Sysoev, Ivan Deviatko, Nikita Bondarenko, Nilokai Nekrasov, Vasily Ustinenko, Dmitry Tourko, Nikita Pisarkov, Dmitry Sereda, Ilya Kasatkin, Andrey Prokofyev, Olga Artemyeva, Olga Zubets, as well as the participants of the interdepartmental seminar *Contemporary Analytical Philosophy of the RAS Institute of Philosophy* and the International scientific conference *Consciousness in Virtual Reality* for useful comments and discussions that greatly helped with this article.

Примечания

¹ В современной аналитической философии сознания слова *физикализм* и *материализм* используются как синонимы, но второй термин все же является более широким. Обычно слово *физикализм* используется только для обозначения современных натуралистических форм материализма из аналитической философии, но не для более ранних исторических его форм, таких как советский диамат, и не для современных континентальных позиций, вроде спекулятивного материализма Квентина Мейясу.

² Следуя сложившейся традиции, в этой статье я буду использовать слово *иллюзионизм* только для обозначения позиции, которая отрицает существование ФС и квалиа. Более корректно было бы назвать эту позицию *сильным иллюзионизмом*, поскольку существует также слабая версия. Слабые иллюзионисты — это редуцирующие физикалисты, которые признают существование ФС и квалиа, но утверждают, что некоторые наши стихийные убеждения о них являются интроспективной иллюзией. Например, через интроспекцию нам может казаться, что квалиа — это внутренние, приватные, невыразимые, нефизические, нерепрезентативные и безошибочно доступные свойства опыта, но в реальности квалиа лишены всех или нескольких из этих характеристик.

³ Несмотря на обилие литературы об иллюзионизме на русском языке, ранее из русскоязычных исследователей к нормативной проблеме обращался только Максим Горбачев [5; 13, с. 68–78]. Очень бегло я также рассматривал эту проблему в другой статье [20, с. 151, 154–155].

⁴ Я предполагаю, что возражением Стросона и Бэлог можно придать более сильную и убедительную формулировку, если трактовать их в свете проблем, о которых пишет Каммерер. Но я не буду пытаться сделать это в данной статье. Я также не буду обсуждать дополнительные неучтенные Каммерером аспекты нормативной проблемы, о которых я рассказывал на семинаре САФ [19, тайминг 11:13–43:50].

⁵ Противопоставление уважения и продвижения как двух способов отношения к внутренней ценности предложил Филип Петтит [23]. Ранее похожую идею обсуждал Роберт Нозик [24, с. 51–54], хотя корни этого противопоставления можно найти и у более ранних философов, вплоть до Античности.

⁶ Существуют разные способы сформулировать основную идею сентиментализма. Часто вместо внутренней ценности говорят об обладании *моральным статусом* или, более конкретно, *реципиентным моральным статусом*. Моральным реципиентом является сущность (например, человек или животное), по отношению к которой действуют непроеизводные моральные ограничения. Так, убивать невинных людей неправильно, как и ломать чужие вещи. Но ломать чужие вещи неправильно лишь производно — это плохо по отношению к владельцу, а не самой вещи. Напротив, убивать невинных людей плохо по отношению к самим невинным людям. В разговорах о людях идея кантовской внутренней ценности также часто формулируется как концепция *человеческого достоинства* [25]. Мэтью Рэй Перри предлагала формулировку сентиментализма через идею *сентиментального достоинства* [26].

⁷ Иногда англ. *sentience* переводят как *чувствительность*, но я предпочитаю вариант *сентиментальность* по двум причинам. Во-первых, в рамках данной дискуссии сентиментальность понимается как способность переживать феноменальный опыт, тогда как чувствительность можно понимать как способность реагировать на внешние раздражители, которая необязательно предполагает ФС. Во-вторых, в переводах текстов по моральному статусу животных уже существует устоявшаяся традиция использовать *сентиментальность* для передачи *sentience*.

⁸ Здесь необходимо внести пару уточнений. Нормативный статус боли охватывает два вида нормативности: *пруденциальную* и *моральную* [подробнее см.: 31, р. 113]. Нечто является пруденциально хорошим или плохим в той мере, в которой оно улучшает или ухудшает благополучие конкретного агента. Нечто является морально хорошим или плохим в той мере, в которой оно соответствует беспристрастным требованиям морали. Боль является плохой в обоих смыслах. Боль пруденциально плоха, потому что делает нашу жизнь хуже и для нас разумно избегать боли. Боль морально плоха, потому что неправильно причинять ее другим существам без веских на то оснований. Между пруденциальной и моральной нормативностью в данном случае есть определенная связь, но я не думаю, что один из этих видов нормативности можно полностью свести к другому. Поэтому я допускаю, что иногда может существовать конфликт между пруденциальными и моральными основаниями. Кроме того, следует признать, что основания для действий, которые дает нам нормативный статус боли, не являются решающими во всех случаях. Иногда для нашего благополучия лучше претерпеть некоторую боль, чтобы избежать еще большей боли или других негативных последствий в будущем (например, при лечении зубов). И у нас иногда могут быть моральные основания в пользу того, чтобы причинить кому-то другому боль (например, при наказании преступников, если ретрибутивизм верен). Но эти примеры не означают, что у нас в принципе нет оснований избегать причинения боли себе и другим.

⁹ Недавно Тарас Тарасенко предложил интересную версию аргумента разоблачения против квалиа, которая оттал-

кивается от представимости философского зомби [см.: 1, с. 60–61; 34; 35].

¹⁰ Это отличает теорию ошибок от другой влиятельной формы морального антиреализма — *морального нонкогнитивизма*, согласно которому у моральных суждений в принципе нет истинностного значения, например, потому что они выражают эмоции или повеления.

¹¹ Хотя ранее Хамфри позиционировал себя в качестве иллюзиониста, сейчас он называет свою позицию *феноменальный сюрреализм* [38]. В частном разговоре с Максимом Горбачевым Хамфри сказал, что феноменальный сюрреализм — это 'иллюзионизм, сформулированный на языке квалиа-реализма', так что, возможно, не стоит преувеличивать разрыв между старыми и новыми взглядами Хамфри.

¹² Это возражение независимо друг от друга предложили мне Дмитрий Иванов и Илья Касаткин.

¹³ Я подробно рассматривал их в другом месте [40], хотя мои взгляды на природу связи между пруденциальной и моральной нормативностью изменились с момента написания той статьи.

¹⁴ Эта теория морального статуса имеет поверхностное сходство с *мотивационным сентиментализмом* Люка Рулофса [29]. Согласно ему, внутренней ценностью обладают не любые существа с ФС, а только те, кто способен испытывать мотивирующий феноменальный опыт. Позиция Рулофса, таким образом, признает важность как желаний, так и феноменального опыта. Иллюзионист, следующий за решением Каммерера, сохраняет только мотивационный аспект этой теории, но отвергает сентиментистский.

¹⁵ Против этого субъективист может возразить, что мой идеализированный двойник действительно может иметь деструктивные желания, поэтому это не будет замаскированной версией объективизма. Такое возражение предложил мне Дмитрий Середа. Однако в таком случае нет смысла в идеализации: раз она не позволяет избежать деструктивных желаний, нет причин, почему мы не можем ограничиться своими фактическими желаниями, какими бы они ни были.

¹⁶ Серена Олсаретти [47] и Пьетро Интропи [48] отстаивают гибридную теорию благополучия, в которой обосновательную роль выполняют как объективные свойства какого-либо положения дел, так и наше желание реализовать это положение дел.

¹⁷ В частном разговоре Антон Кузнецов предположил, что иллюзионисты могут использовать реактивную диссоциацию как способ решения нормативной проблемы. С этой точки зрения, данный эффект показывает, что мы в принципе можем отделить переживание боли от ее оценки как чего-то негативного. А это значит, что за нормативную оценку боли отвечает не то, как боль переживается. Однако этот ответ также неудовлетворителен. Феноменальный характер боли после приема болеутоляющих меняется (она перестает быть неприятной), поэтому для нас еще естественно объяснить нормативный статус боли ее феноменальным характером. Если реактивная диссоциация вообще что-то говорит о нормативных аспектах боли, то это отсутствие связи этих аспектов с репрезентативным содержанием.

¹⁸ Это также является серьезным доводом против *репрезентационализма* — точки зрения, согласно которой феноменальный характер опыта полностью определяется его репрезентативным содержанием [см.: 55]. Однако это еще не аргумент в пользу радикального квалиа-реализма, поскольку такая реактивная диссоциация может быть объяснена в рамках *императивизма* [см.: 56–57]. Согласно последнему, особый валентный характер некоторых переживаний, вроде боли и радости, объясняется не репрезентативным, а императивным содержанием опыта. Иначе говоря, данный опыт *повелевает* нам избегать его или, наоборот, стремиться его преумножить. Как и репрезентационализм, императивизм является формой *интенционализма*, а потому совместим с редуктивным объяснением квалиа.

¹⁹ Можно возразить, что в таком случае не будет морально неправильным повредить кому-то руку, если вы предварительно дадите ему достаточно сильные болеутоляющие, чтобы он не почувствовал эту боль. Но я не утверждал, что причинение боли — это единственная морально неправильная вещь, которую можно совершить с сентиментальным существом. С последним могут согласиться даже крайние гедонисты, с точки зрения которых основанием для любой внутренней ценности является переживание определенного опыта. Ведь в случае повреждения чьей-либо руки даже под наркозом вы ухудшите его возможности наслаждаться приятным опытом в будущем, а также, весьма вероятно, нанесете ему психологическую травму, которая будет мучить его даже в отсутствие физических болей.

²⁰ Пытка водой — это форма пытки, при которой человека обездвиживают лежа на спине под наклоном 10–20°, после чего на его лицо, закрытое куском ткани, льют воду. В результате человек переживает опыт, похожий на утопление, хотя в действительности вода не попадает в легкие.

²¹ Джонатан Бёрч обсуждал схожую проблему для апостериорного физикализма [58].

²² *Квазифеноменальные свойства* (или *нулевые квалиа*) — это физические и функциональные свойства опыта, которые кажутся нам феноменальными из-за интроспективного искажения [подробнее см.: 62], хотя на самом деле они такими не являются. Иначе можно также сказать, что это физические и функциональные свойства, которые *преграсполагают* нас к убеждению о существовании феноменальных свойств [63–64].

²³ Кажется, здесь Беседин предполагает, что убеждения сами по себе лишены какого-либо феноменального характера. Однако некоторые квалиа-реалисты считают, что у убеждений также есть свой феноменальный характер, так что мы можем говорить о том, что убеждение о переживании боли тоже феноменально [65–66].

²⁴ Я полагаю, что у нас действительно есть такие основания. Насколько мне известно, все иллюзионисты согласны со мной в этом.

²⁵ Лично я считаю, что у нас есть хорошие нерелигиозные основания считать, что инцест морально проблематичен [см.: 69].

²⁶ Франкиш называет их *классическими квалиа* [63, с. 133]. Это обозначение, как ни странно, не отсылает к тому, что такая концепция является изначальной, а просто использует аналогию с разными вкусами Coca-Cola для различения классических квалиа с диетическими и нулевыми [63, с. 137]. По этой причине я больше предпочитаю называть их *насыщенными квалиа* [19, тайминг 2:40].

²⁷ Многие авторы, в числе которых Каталин Бэлог [50], Мартина Нида-Рюмелин [51], Майкл Тай [72] и Такуя Ниикава [75], предполагали, что иллюзионисты отрицают ФС не в том же смысле, в котором его признают квалиа-реалисты. Эта критика кажется мне убедительной.

²⁸ Я не буду обсуждать здесь причины моего несогласия с Франкишем ради экономии объема, а также, потому что планирую написать об этом отдельную статью. В одной из своих работ Александр Гусев также предложил аргументацию в пользу существования диетических квалиа, хотя в той публикации он, подобно иллюзионистам, использует слово квалиа в более узком и теоретически нагруженном значении, обозначая диетическую концепцию выражением *феноменальный характер опыта* [55].

²⁹ Схожий аргумент против иллюзионизма выдвигает Богдан Фауль [76]. Как он считает, иллюзионисты утверждают, что у нас есть нефеноменальный опыт, который дан нам как феноменальный, но любой опыт, который дан как феноменальный, по определению и есть феноменальный. Это делает иллюзионизм некогерентной позицией.

³⁰ Можно предположить, что даже в таком случае истинность иллюзионизма предполагает, по крайней мере, то, что

боль не так плоха, как люди о ней думают. Ведь из всех интроспектируемых свойств, конституирующих боль, некоторые являются иллюзией. На это можно возразить, что нормативный статус боли является эмерджентным свойством, которое не сводится просто к сумме всех ее интроспектируемых свойств [ср.: 77, с. 87–97]. Так что иллюзионист мог бы сказать, что мы заблуждаемся, когда приписываем моральную значимость отдельным интроспектируемым свойствам. Но успех этого ответа зависит от характера подобной эмерджентности. Если речь идет о сильной метафизической эмерджентности [20, с. 147], то это подрывает иллюзионизм, потому что в таком случае у нас нет оснований избегать объяснения квалиа как особых эмерджентных свойств.

³¹ Такой аргумент против иллюзионизма предлагает Нида-Рюмелин, хотя она предпочитает говорить не о феноменальных, а о *экспериментальных* свойствах. Быть экспериментальным свойством означает просто быть частью чего-либо опыта [51; см. также: 78].

³² Для многих, включая меня, эти следствия являются вескими основаниями отвергать фикционализм. Однако я вынужден признать, что фикционализм, тем не менее, не создает никаких серьезных препятствий для занятий этикой или самого существования морали как социальной практики. Поэтому я думаю, что, по крайней мере для сильных иллюзионистов, это является недооцененной опцией.

³³ Франкиш квалифицирует теорию сознания Питера Каррутерса как пример слабого иллюзионизма, хотя сам Каррутерс не позиционирует ее таким образом [79]. Методологический иллюзионизм Артёма Беседина также можно рассматривать как слабый иллюзионизм, хотя сам Артём, кажется, больше склоняется к его сильной форме [80]. Феноменальный сюрреализм Хамфри тоже можно охарактеризовать как слабый иллюзионизм [38].

Список источников / References

1. Анохин К. В., Беседин А. П., Бечин А. В. [и др.]. Зомби: представимость, возможность, опасность // Финиковый компот. 2024. № 19. С. 4–76. DOI: 10.24412/2587-9308-2024-19-4-76.

Anokhin K. V., Besedin A. P., Bechin A. V. [et al.]. *Zombi: predstavimost', vozmozhnost', opasnost'* [Zombies: Conceivability, Possibility, Hazard]. *Finikovyy kompot. Date Palm Compote*. 2024. No. 19. P. 4–76. DOI: 10.24412/2587-9308-2024-19-4-76. (In Russ.).

2. Тарасенко Т. Н. Иллюзионистское прочтение теории сознания Дэвида Армстронга // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. Т. 48, № 1. С. 58–75. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-1-58-75. EDN: OJLTAJ.

Tarasenko T. N. *Illyuzionistskoye prochtenie teorii soznaniya Devida Armstronga* [An Illusionist Reading of David Armstrong's Theory of Consciousness]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Lomonosov Philosophy Journal*. 2024. Vol. 48, no. 1. P. 58–75. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-1-58-75. EDN: OJLTAJ. (In Russ.).

3. Кузнецов А. В. Элиминация феноменального сознания и его возможность // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. Т. 48, № 2. С. 27–45. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-2-27-45. EDN: PNXBII.

Kuznetsov A. V. *Eliminatsiya fenomenal'nogo soznaniya i yego vozmozhnost'* [The Elimination of Phenomenal Consciousness and Its Possibility]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Lomonosov Philosophy Journal*. 2024. Vol. 48, no. 2. P. 27–45. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-2-27-45. EDN: PNXBII. (In Russ.).

4. Логинов Е. В. Опровергает ли муровский аргумент иллюзионизм? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. Т. 48, № 2. С. 46–68. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-2-46-68. EDN: FFACSN.

Loginov E. V. *Oprovergayet li murovskiy argument illyuzionizm?* [Does Moorean Argument Refute Illusionism?].

Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Lomonosov Philosophy Journal. 2024. Vol. 48, no. 2. P. 46–68. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-2-46-68. EDN: FFACSN. (In Russ.).

5. Горбачев М. Д. Сознание и иллюзия: угрожает ли человеку иллюзионизм // Человек. 2024. Т. 35, № 2. С. 87–102. DOI: 10.31857/S0236200724020054. EDN: ERAKXC.

Gorbachev M. D. *Soznaniye i illyuziya: ugrozhayet li cheloveku illyuzionizm* [Consciousness and Illusion: Does Illusionism Threaten a Human?]. *Chelovek. The Human Being*. 2024. Vol. 35, no. 2. P. 87–102. DOI: 10.31857/S0236200724020054. EDN: ERAKXC. (In Russ.).

6. Горбачев М. Д. Иллюзионистская теория сознания как развитие теории тождества ментального и физического // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 114–133. DOI: 10.5840/eps202461229. EDN: DSQUFL.

Gorbachev M. D. *Illyuzionistskaya teoriya soznaniya kak razvitiye teorii tozhdestva mental'nogo i fizicheskogo* [Illusionist Theory of the Mental and the Physical]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2024. Vol. 61, no. 2. P. 114–133. DOI: 10.5840/eps202461229. EDN: DSQUFL. (In Russ.).

7. Горбачев М. Д. Иллюзионизм и квалиа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 18–26. DOI: 10.17223/1998863X/76/3. EDN: TVJYTU.

Gorbachev M. D. *Illyuzionizm i kvalia* [Illusionism and Qualia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2023. No. 76. P. 18–26. DOI: 10.17223/1998863X/76/3. EDN: TVJYTU. (In Russ.).

8. Мельников Д. П. Сознание, восприятие, реальность: проблема интеграции // Analytica. 2023. Т. 8. С. 60–89. DOI: 10.24412/2222-5331-2023-60-89. EDN: POZOTC.

Melnikov D. P. *Soznaniye, vospriyatiye, real'nost': problema integratsii* [Consciousness, Perception, Reality: The Integration Challenge]. *Analytica*. 2023. Vol. 8. P. 60–89. DOI: 10.24412/2222-5331-2023-60-89. EDN: POZOTC. (In Russ.).

9. Беседин А. П., Волков Д. Б., Кузнецов А. В. [и др.]. Интроспекция: современные подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 2. С. 195–215. DOI: 10.5840/eps202158236. EDN: VCTICH.

Besedin A. P., Volkov D. B., Kuznetsov A. V. [et al.]. *Introspektsiya: sovremennyye podkhody i problemy* [Introspection: Contemporary Problems and Approaches]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2021. Vol. 58, no. 2. P. 195–215. DOI: 10.5840/eps202158236. EDN: VCTICH. (In Russ.).

10. Чалмерс Д. Сознаний ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. Москва: УРСС, ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с. ISBN 978-5-397-03778-5. EDN: WABBEV.

Chalmers D. *Soznayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory] / trans. from Engl. V. V. Vasilyev. Moscow, 2013. 512 p. ISBN 978-5-397-03778-5. EDN: WABBEV. (In Russ.).

11. Франкиш К. Иллюзионизм как теория сознания. Часть I / пер. с англ. М. Д. Горбачева // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 110–121. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-110-121. EDN: NFHNPI.

Frankish K. *Illyuzionizm kak teoriya soznaniya. Chast' I* [Illusionism as a Theory of Consciousness. Part I] / trans. from Engl. M. D. Gorbachev. *Voprosy Filosofii*. 2022. No. 3. P. 110–121. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-110-121. EDN: NFHNPI. (In Russ.).

12. Франкиш К. Иллюзионизм как теория сознания. Часть II / пер. с англ. М. Д. Горбачева // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 59–71. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-59-71. EDN: PZPGPA.

- Frankish K. Illyuzionizm kak teoriya soznaniya. Chast' II [Illusionism as a Theory of Consciousness. Part II] / trans. from Engl. M. D. Gorbachev. *Voprosy Filosofii*. 2022. No. 4. P. 59–71. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-59-71. EDN: PZPGPA. (In Russ.).
13. Горбачев М. Д. Иллюзионистская теория сознания: границы и перспективы развития: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2025. 246 с.
- Gorbachev M. D. Illyuzionistskaya teoriya soznaniya: granitsy i perspektivy [Illusionist Theory of Consciousness: Boundaries and Prospects of Development]. Moscow, 2025. 246 p. (In Russ.).
14. Strawson G. J. A Hundred Years of Consciousness: "A Long Training in Absurdity". *Estudios De Filosofia*. 2019. No. 59. P. 9–43. DOI: 10.17533/udea.ef.n59a02.
15. Balog K. The Abolition of Phenomena: A Voyage Among the Zombies. *Kl̄esis Revue Philosophique*. 2023. No. 55. P. 1–17.
16. Kammerer F. The Normative Challenge for Illusionist Views of Consciousness. *Ergo: An Open Access Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 6, no. 32. P. 891–924. DOI: 10.3998/ergo.12405314.0006.032.
17. Kammerer F. Ethics Without Sentience: Facing Up to the Probable Insignificance of Phenomenal Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2022. Vol. 29, no. 3–4. P. 180–204. DOI: 10.53765/20512201.29.3.180. EDN: HPHRQV.
18. Frankish K. The Ethical Implications of Illusionism. *Neuroethics*. 2024. Vol. 17, no. 2. P. 1–15. DOI: 10.1007/s12152-024-09562-5. EDN: CIPWOG.
19. Морозов К. Е., Беседин А. П. Метаэтические следствия иллюзионизма. Дискуссия // YouTube-канал 'Институт философии РАН'. 2025. URL: https://youtu.be/_RmWzEIM8PQ (дата обращения: 19.08.2025).
- Morozov K. E., Besedin A. P. Metaeticheskiye sledstviya illyuzionizma. Diskussiya [Metaethical Implications of Illusionism. Discussion]. YouTube-kanal 'Institut filosofii RAN'. *YouTube Channel 'RAS Institute of Philosophy'*. 2025. URL: https://youtu.be/_RmWzEIM8PQ (accessed: 19.08.2025). (In Russ.).
20. Морозов К. Е. Нормативная проблема для панпсихизма // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62, № 2. С. 144–161. DOI: 10.5840/eps202562227. EDN: HZKTEK.
- Morozov K. E. Normativnaya problema dlya panpsikhizma [The Normative Problem for Panpsychism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2025. Vol. 62, no. 2. P. 144–161. DOI: 10.5840/eps202562227. EDN: HZKTEK. (In Russ.).
21. Lee A. Y. Metaethical Experientialism. *The Importance of Being Conscious* / Eds. G. Lee, A. Pautz. Oxford: Oxford University Press, 2025. P. 1–35. URL: <https://philpapers.org/archive/LEEMEF-2.pdf> (accessed: 19.08.2025).
22. Bradley B. Two Concepts of Intrinsic Value. *Ethical Theory and Moral Practice*. 2006. Vol. 9, no. 2. P. 111–130. DOI: 10.1007/s10677-006-9009-7. EDN: SCDFNS.
23. Pettit P. Consequentialism and Respect for Persons. *Ethics*. 1989. Vol. 100, no. 1. P. 116–126. EDN: HHIBID.
24. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера. Москва, Челябинск: Социум, 2020. 424 с. ISBN 978-5-91603-563-6.
- Nozick R. Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya [Anarchy, State, and Utopia] / trans. from Engl. B. Pinsker. Moscow, Chelyabinsk, 2020. 424 p. ISBN 978-5-91603-563-6. (In Russ.).
25. Артемьева О. В. Человеческое достоинство в моральном измерении // Философия и практика / ред. А. А. Гусейнов, сост. Н. Б. Афанасов. Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 244–263. ISBN 978-5-98712-487-1. EDN: KAXCXC.
- Artemyeva O. V. Chelovecheskoye dostoinstvo v moral'nom izmerenii [Human Dignity in the Moral Dimension]. *Filosofiya i praktika. Philosophy and Practice* / ed. by A. A. Guseynov, comp. N. B. Afanasov. Moscow, Saint Petersburg, 2024. P. 244–263. ISBN 978-5-98712-487-1. EDN: KAXCXC. (In Russ.).
26. Perry M. W. Sentient Dignity and the Plausible Inclusion of Animals. *Politics, Philosophy & Economics*. 2025. P. 1–29. DOI: 10.1177/1470594X251314191. EDN: CESCICQ.
27. Allen C., Trestman M. Animal Consciousness. *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Eds. E. N. Zalta, U. Nodelman. 2016. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/consciousness-animal/> (accessed: 19.08.2025).
28. Lee A. Y. Speciesism and Sentientism. *Journal of Consciousness Studies*. 2022. Vol. 29, no. 3–4. P. 205–228. DOI: 10.53765/20512201.29.3.205. EDN: SEQPLQ.
29. Roelofs L. Sentientism, Motivation, and Philosophical Vulcans. *Pacific Philosophical Quarterly*. 2023. Vol. 104, no. 2. P. 301–323. DOI: 10.1111/papq.12420. EDN: POOZMY.
30. Birch J. The Edge of Sentience: Risk and Precaution in Humans, Other Animals, and AI. Oxford: Oxford University Press, 2024. 384 p. ISBN 978-0-19-196672-9. DOI: 10.1093/9780191966729.001.0001.
31. Arneson R. J. Human Flourishing versus Desire Satisfaction. *Social Philosophy & Policy*. 1999. Vol. 16, no. 1. P. 113–142. DOI: 10.1017/S0265052500002272.
32. Mackie J. L. Ethics: Inventing Right and Wrong. New York: Penguin Books, 1977. 256 p. ISBN 978-0-14-021957-9.
33. Chalmers D. J. The Meta-Problem of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2018. Vol. 25, no. 9–10. P. 6–61. EDN: OPDYX.
34. Тарасенко Т. Н. Что, если зомби не могут существовать? // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сб. науч. ст. IV Конгресса Русского общества истории и философии науки. Москва: РОИФН, 2024. С. 592–595. ISBN 978-5-605-12122-0. EDN: HGXAAF.
- Tarasenko T. N. Chto, esli zombi ne mogut sushchestvovat'? [What If Zombies Cannot Exist?]. *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustoychivom mire. Science, Technology and Values in an Unstable World*. Moscow, 2024. P. 592–595. ISBN 978-5-605-12122-0. EDN: HGXAAF. (In Russ.).
35. Тарасенко Т. Н., Фауль Б. В., Сысоев М. С. [и др.]. Иллюзионизм и философские зомби // YouTube-канал 'Институт философии РАН'. 2025. URL: <https://youtu.be/100skEJfqfM> (дата обращения: 19.08.2025).
- Tarasenko T. N., Faul B. V., Sysoev M. S. [et al.]. Illyuzionizm i filosofskiy zombi [Illusionism and Philosophical Zombies]. YouTube-kanal 'Institut filosofii RAN'. *YouTube Channel 'RAS Institute of Philosophy'*. 2025. URL: <https://youtu.be/100skEJfqfM> (accessed: 19.08.2025). (In Russ.).
36. Street S. A Darwinian Dilemma for Realist Theories of Value. *Philosophical Studies*. 2006. Vol. 127, no. 1. P. 109–166. DOI: 10.1007/s11098-005-1726-6. EDN: UJXVFD.
37. Joyce R. The Myth of Morality. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 264 p. DOI: 10.1017/CBO9780511487101.
38. Humphrey N. Redder than Red Illusionism or Phenomenal Surrealism? *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23, no. 11–12. P. 116–123.
39. Хамфри Н. Сознание. Пыльца души / пер. с англ. И. Ющенко. Москва: Карьера-Пресс, 2014. 304 с. ISBN 978-5-904946-90-6.
- Humphrey N. Soznaniye. Pyl'tsa dushi [Soul Dust. The Magic of Consciousness] / trans. from Engl. I. Yushchenko. Moscow, 2014. 304 p. ISBN 978-5-904946-90-6. (In Russ.).
40. Морозов К. Е. Почему мораль объективна? // *Insolarance Cult* / ред. А. М. Кардаш, И. С. Кудряшов, К. Е. Морозов. 2023. URL: <https://insolarance.com/objective-morality/> (дата обращения: 19.08.2025).
- Morozov K. E. Pochemu moral' ob'ektivna? [Why Is Morality Objective?]. *Insolarance Cult* / Eds. A. M. Kardash, I. S. Kudryashov, K. E. Morozov. 2023. URL: <https://insolarance.com/objective-morality/> (accessed: 19.08.2025). (In Russ.).
41. Heathwood C. Desire Satisfactionism and Hedonism. *Philosophical Studies*. 2006. Vol. 128, no. 3. P. 539–563. DOI: 10.1007/s11098-004-7817-y. EDN: NBMYVE.

42. Lin E. Against Welfare Subjectivism. *Noûs*. 2017. Vol. 51, no. 2. P. 354–377. DOI: 10.1111/nous.12131.
43. Sobel D. Full-Information Accounts of Well-Being. *Ethics*. 1994. Vol. 104, no. 4. P. 784–810. EDN: HHGLNF.
44. Kagan S. Well-Being as Enjoying the Good. *Philosophical Perspectives*. 2009. Vol. 23, no. 1. P. 253–272. DOI: 10.1111/j.1520-8583.2009.00170.x.
45. Scanlon T. M. What We Owe to Each Other. Cambridge: Harvard University Press, 1998. 432 p. ISBN 978-0-674-24895-3. DOI: 10.2307/j.ctv134vmmr.
46. Скэнлон Т. М. Основания для поступков никогда не зависят от наших желаний // Финиковый компот. 2020. № 15. С. 241–255. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-241-255. EDN: HCYDXI.
- Scanlon T. M. Osnovaniya dlya postupkov nirogda ne zavisiyat ot nashikh zhelaniy [Reasons for Action Never Depend on One's Desires]. *Finikovyy kompote. Date Palm Compote*. 2020. No. 15. P. 241–255. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-241-255. EDN: HCYDXI. (In Russ.).
47. Olsaretti S. Freedom's Value: Some Persisting Questions for Amartya Sen's Capability Approach. *Jurisprudence*. 2014. Vol. 5, no. 2. P. 369–375. DOI: 10.5235/20403313.5.2.369.
48. Intropi P. Hybrid Wellbeing and the Value of Freedom. *Economics & Philosophy*. 2025. Vol. 41, no. 3. P. 465–483. DOI: 10.1017/S0266267124000439.
49. Parfit D. On What Matters. Oxford: Oxford University Press, 2011. Vol. 1. 592 p. ISBN 978-0-19-926592-3.
50. Balog K. Illusionism's Discontent. *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23, no. 11–12. P. 40–51.
51. Nida-Rümelin M. The Illusion of Illusionism. *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23, no. 11–12. P. 160–171.
52. Raja S. N., Carr D. B., Cohen M. [et al.]. The Revised International Association for the Study of Pain Definition of Pain: Concepts, Challenges, and Compromises. *Pain*. 2020. Vol. 161, no. 9. P. 1976–1982. DOI: 10.1097/j.pain.0000000000001939. EDN: ONJDII.
53. Block N. Mental Paint. *Consciousness, Function, and Representation: Collected Papers*. Cambridge: MIT Press, 2007. Vol. 1. P. 533–563.
54. Dennett D. C. Why You Can't Make a Computer that Feels Pain. *Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology*. Cambridge: MIT Press, 1978. P. 190–229.
55. Гусев А. А. Квалиа-реализм и репрезентационализм // Философия науки и техники. 2021. Т. 26, № 1. С. 107–121. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-1-107-121. EDN: OEOELX.
- Gusev A. A. Kvalia-realizm i reprezentatsionalizm [Qualia Realism and Representationalism]. *Filosofiya nauki i tekhniki. Philosophy of Science and Technology*. 2021. Vol. 26, no. 1. P. 107–121. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-1-107-121. EDN: OEOELX. (In Russ.).
56. Klein C. What the Body Commands: The Imperative Theory of Pain. Cambridge: MIT Press, 2015. 224 p. DOI: 10.7551/mitpress/10480.001.0001.
57. Barlassina L., Hayward M. K. More of Me! Less of Me!: Reflexive Imperativism About Affective Phenomenal Character. *Mind*. 2019. Vol. 128, no. 512. P. 1013–1044. DOI: 10.1093/mind/fzz035.
58. Birch J. Materialism and the Moral Status of Animals. *Philosophical Quarterly*. 2022. Vol. 72, no. 4. P. 795–815. DOI: 10.1093/pq/pqab072. EDN: GOKXFM.
59. Декарт Р. Рассуждение о методе / пер. с фр. Г. Г. Слюсарева // Сочинения. В 2 т. Москва: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250–296.
- Descartes R. Rassuzhdeniye o metode [Discourse on the Method] / trans. from French G. G. Slyusarev. Moscow, 1989. Vol. 1. P. 250–296. (In Russ.).
60. Васильев В. В., Олсон Э. Т., Столджар Д. [и др.]. Дискуссия. Локальная естественная супервентность и причинность // Финиковый компот. 2021. № 16. С. 2–27. DOI: 10.24412/2587-9308-2021-16-2-27. EDN: TLJHFP.
- Vasilyev V. V., Olson E. T., Stoljar D. [et al.]. Diskussiya. Lokal'naya estestvennaya superventnost' i prichinnost' [Discussion. Local Natural Supervenience and Causation]. *Finikovyy Kompote. Date Palm Compote*. 2021. No. 16. P. 2–27. DOI: 10.24412/2587-9308-2021-16-2-27. EDN: TLJHFP. (In Russ.).
61. Беседин А. П. Аргумент куба агонии // Telegram-канал 'Беседин'. 2024. URL: https://t.me/phil_besedin/617 (дата обращения: 19.08.2025).
- Besedin A. P. Argument kuba agonii [Agony Box Argument] // Telegram-kanal 'Besedin'. *Telegram Channel 'Besedin'*. 2024. URL: https://t.me/phil_besedin/617 (accessed: 19.08.2025). (In Russ.).
62. Gorbachev M. D., Frankish K. Illusionism and the Distortion Thesis. *Synthese*. 2025. Vol. 205, no. 6. P. 1–22. DOI: 10.1007/s11229-025-05095-3.
63. Фрэнкиш К. Кваинирование диетических квалиа. Часть I / пер. с англ. М. Д. Горбачева // Вопросы философии. 2024. № 7. С. 131–138. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-7-131-138. EDN: DATZDO.
- Frankish K. Kvaynirovaniye dieticheskikh kvalia. Chast' I [Quining Diet Qualia. Part I] / trans. from Engl. M. D. Gorbachev. *Voprosy Filosofii*. 2024. No. 7. P. 131–138. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-7-131-138. EDN: DATZDO. (In Russ.).
64. Фрэнкиш К. Кваинирование диетических квалиа. Часть II / пер. с англ. М. Д. Горбачева // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 48–59. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-8-48-59. EDN: RJQTCF.
- Frankish K. Kvaynirovaniye dieticheskikh kvalia. Chast' II [Quining Diet Qualia. Part II] / trans. from Engl. M. D. Gorbachev. *Voprosy Filosofii*. 2024. No. 8. P. 48–59. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-8-48-59. EDN: RJQTCF. (In Russ.).
65. Strawson G. J. Real Intentionality. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2005. Vol. 3, no. 3. P. 287–313. DOI: 10.1023/b:phen.0000049306.63185.0f. EDN: XZJSQT.
66. Horgan T., Tienson J. The Intentionality of Phenomenology and the Phenomenology of Intentionality. *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings* / Ed. D. J. Chalmers. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 520–533.
67. Кузнецов А. В. Сознание без прямого доступа // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сб. науч. ст. IV Конгресса Русского общества истории и философии науки. Москва: РОИФН, 2024. С. 570–573. ISBN 978-5-605-12122-0. EDN: CRRRIP.
- Kuznetsov A. V. Soznaniye bez pryamogo dostupa [Consciousness Without Direct Access]. *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustoychivom mire. Science, Technology and Values in an Unstable World*. Moscow, 2024. P. 570–573. ISBN 978-5-605-12122-0. EDN: CRRRIP. (In Russ.).
68. Hare J. E. God's Command. Oxford: Oxford University Press, 2015. 350 p. ISBN 978-0-19-960201-8.
69. McKeever N. Critiquing Consensual Adult Incest. *The Routledge Handbook of Philosophy of Sex and Sexuality* / Eds. B. D. Earp, C. Chambers, L. Watson. New York: Routledge, 2022. P. 452–467.
70. Levin J. Qualia [revised]. *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. 2011. URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/qualia/v-2/sections/physicalist-responses> (accessed: 19.08.2025).
71. Kind A. Qualia. *Internet Encyclopedia of Philosophy* / Eds. J. Fieser, B. Dowden. URL: <https://iep.utm.edu/qualia/> (accessed: 19.08.2025).
72. Tye M. Qualia. *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Eds. E. N. Zalta, U. Nodelman. 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/qualia/> (accessed: 19.08.2025).
73. Иванов Д. В. Квалиа // Большая российская энциклопедия. 2022. URL: <https://bigenc.ru/c/kvalia-e96c0b> (дата обращения: 19.08.2025).

Ivanov D. V. Kvalia [Qualia]. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. *Big Russian Encyclopedia*. 2022. URL: <https://bigenc.ru/c/kvalia-e96c0b> (accessed: 19.08.2025). (In Russ.).

74. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? *The Philosophical Review*. 1974. Vol. 83, no. 4. P. 435–450. DOI: 10.2307/2183914.

75. Niikawa T. Illusionism and Definitions of Phenomenal Consciousness. *Philosophical Studies*. 2021. Vol. 178, no. 1. P. 1–21. DOI: 10.1007/s11098-020-01418-x. EDN: FBIMCW.

76. Фауль Б. В. Без названия // Telegram-канал 'Ленивый Философ | Богдан Фауль'. 2024. URL: <https://t.me/LenPhil/202> (дата обращения: 19.08.2025).

Faul B. V. Bez nazvaniya [Untitled] // Telegram-kanal 'Lenivyy Filosof | Bogdan Faul'. *Telegram Channel 'Lazy Philosopher | Bogdan Faul'*. 2024. URL: <https://t.me/LenPhil/202> (accessed: 19.08.2025). (In Russ.).

77. Мур Дж. Э. Принципы этики / пер. с англ. Л. В. Коноваловой. Москва: Прогресс, 1984. 327 с.

Moore G. E. Printsipy etiki [Principia Ethica] / trans. from Engl. L. V. Konovalova. Moscow, 1984. 327 p. (In Russ.).

78. Nida-Rümelin M. The Experience Property Frame Work: A Misleading Paradigm. *Synthese*. 2018. Vol. 195, no. 8. P. 3361–3387. DOI: 10.1007/s11229-016-1121-1. EDN: TSIINM.

79. Carruthers P. Phenomenal Consciousness: A Naturalistic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 347 p. DOI: 10.1017/CBO9780511487491.

80. Беседин А. П. Методологический иллюзионизм в отношении квалиа // После постпозитивизма: материалы Третьего Междунар. Конгресса Русского общества истории и философии науки. Москва: РОИФН, 2022. С. 87–90. ISBN 978-5-6047228-6-2. EDN: TRJYVO.

Besedin A. P. Metodologicheskiy illyuzionizm v otnoshenii kvalia [Methodological Illusionism Regarding Qualia]. Posle postpozitivizma. *After Postpositivism*. Moscow, 2022. P. 87–90. ISBN 978-5-6047228-6-2. EDN: TRJYVO. (In Russ.).

МОРОЗОВ Константин Евгеньевич, младший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН, г. Москва; аспирант кафедры этики философского факультета Московского государ-

ственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва.

SPIN-код: 5861-7110

AuthorID (РИНЦ): 1225399

ORCID: 0000-0003-3677-801X

AuthorID (SCOPUS): 58648298500

ResearcherID: LMP-8679-2024

Адрес для переписки: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.12.2025.

MOROZOV Konstantin Evgenyevich, Junior Researcher of the Ethics Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow; Postgraduate at the Ethics Department, Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow. SPIN-code: 5861-7110

AuthorID (RSCI): 1225399

ORCID: 0000-0003-3677-801X

AuthorID (SCOPUS): 58648298500

ResearcherID: LMP-8679-2024

Correspondence address: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 29.12.2025.

ИЛЛЮЗИОНИЗМ СОВМЕСТИМ С СЕНТИЕНТИЗМОМ

А. П. Беседин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматривается нормативный вызов для иллюзионизма. Он возникает при принятии сентиентизма — теории, утверждающей моральную значимость феноменальных состояний. Иллюзионизм, отрицающий существование феноменального сознания, может повлечь ревизию некоторых этических установок. Автор статьи демонстрирует, что иллюзионизм способен сохранить моральную значимость субъективных переживаний без необходимости постулировать существование феноменальных свойств.

В работе обосновывается, что понятия боли и удовольствия могут быть переопределены функционально и физикалистски, не теряя своей нормативной силы. Иллюзионизм позволяет переосмыслить моральный статус субъективного опыта, избегая метафизических допущений. С помощью анализа ряда мысленных экспериментов демонстрируется, что иллюзионистская трактовка боли, хотя и отрицает реальность феноменальных качеств, все же способна объяснить, почему боль считается внутренне плохим состоянием. Таким образом, иллюзионизм совместим с сентиентизмом и не противоречит нашим моральным установкам.

Ключевые слова: иллюзионизм, сентиентизм, нормативный вызов для иллюзионизма, моральная философия, субъективный опыт, феноменальные понятия.

Для цитирования: Беседин А. П. Иллюзионизм совместим с сентиентизмом // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 101–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-101-107. EDN: SZNTWK.

© Беседин А. П., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

ILLUSIONISM IS COMPATIBLE WITH SENTIENTISM

A. P. Besedin

M. V. Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1, 119991

This article addresses a normative challenge for illusionism. It arises from the acceptance of sentientism — a theory that affirms the moral significance of phenomenal states. Illusionism, which denies the existence of phenomenal consciousness, may prompt a revision of ethical frameworks. The author demonstrates that illusionism can preserve the moral relevance of subjective experiences without requiring the postulation of phenomenal properties.

The research argues that the concepts of pain and pleasure can be redefined in functional and physicalist terms without losing their normative force. Illusionism offers a way to reconceptualize the moral status of subjective experience while avoiding metaphysical assumptions. Through the analysis of several thought experiments, it is shown that although the illusionist interpretation of pain denies the reality of phenomenal qualities, it can still explain why pain is considered an intrinsically bad state. Thus, illusionism is compatible with sentientism and does not contradict our moral intuitions.

Keywords: illusionism, sentientism, normative challenge for illusionism, moral philosophy, subjective experience, phenomenal concepts.

For citation: Besedin A. P. Illusionism is compatible with sentientism. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026. Vol. 11, no. 1. P. 101–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-101-107. EDN: SZNTWK.

© Besedin A. P., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Иллюзионизм — это материалистическая теория сознания, которая утверждает, что феноменальное сознание не существует, однако у нас есть иллюзия его существования [1–4]. Под феноменальным сознанием понимается тот тип сознания, который в литературе обычно характеризуется известной фразой 'каково это — находиться в таком-то состоянии сознания'. Например, каково это — видеть красное, пробовать горькое, ощущать боль и тому подобное [5]. Иногда иллюзионизм трактуется как позиция, отрицающая существование сознания как такового [6], однако это вовсе не так: иллюзионизм не отрицает сознание как когнитивный феномен, поддающийся естественнонаучному объяснению. Иллюзионизм противостоит попыткам расширить онтологию нашего мира за счет включения в него феноменального сознания как самостоятельной сущности. С другой стороны, иллюционисты не принимают физикалистских объяснений феноменального сознания, признающих реальность феноменальных свойств и пытающихся включить их в физическую картину мира. Среди философов распространено мнение, что состояния феноменального сознания обладают качествами, делающими их особенными: они доступны только с точки зрения первого лица с помощью интроспекции, они невыразимы, субъективны, не могут быть описаны в функциональных терминах, просты [5]. Набор свойств отличается от философа к философу. Эти характеристики делают феноменальное сознание неподходящим предметом для натуралистического объяснения. Иллюзионизм, разумеется, не отрицает того, что мы испытываем боль, видим красное и ощущаем горькое. С точки зрения иллюзионистов все это физические состояния нашего тела. А вот те свойства, которые обычно приписываются этим состояниям и плохо поддаются научному объяснению, являются иллюзорными. Это означает, что из-за определенных когнитивных искажений нам кажется, что указанные физические состояния обладают такими свойствами, хотя на самом деле это не так.

Иллюзионизм неоднократно подвергался критике с разных направлений. Относительно недавним возражением против него стал так называемый нормативный вызов, сформулированный Франсуа Каммерером [7]. Можно сказать, что это критика теории изнутри, потому что сам Каммерер является иллюзионистом. Нормативный вызов состоит в следующем. Многие этические теории утверждают, что такие состояния как боль и удовольствие сами по себе имеют моральное значение. При этом данные состояния обычно рассматриваются не просто как физические состояния какого-то человека, а как субъективные переживания, приятные или неприятные. Иначе говоря, боль, удовольствие и другие подобные состояния имеют моральное значение именно потому, что они являются состояниями феноменального сознания.

Данную точку зрения называют сентиентизмом: «Сентиентизм — это теория морального статуса, согласно которой подобным статусом обладают все сущности, наделенные сентиентностью. Иногда сентиентность определяют как способность реагировать на внешнюю среду или даже более узко — как способность чувствовать боль и удовольствие, однако в философии этот термин используется как синоним феноменального сознания. ... Сентиентизм исходит из того, что определенные феноменальные состояния сами по себе имеют нормативный вес в силу своего качественитивного аспекта» [8, с. 148].

Сентиентизм можно сформулировать в слабой и сильной форме. Каммерер представляет эти два варианта в виде двух тезисов. Первый тезис: «*Ценность феноменального*: инстанции некоторых стандартных феноменальных свойств обосновывают (или обосновывали бы) внутреннюю ценность» [7, р. 896]. Это соответствует слабому сентиентизму [8, с. 150]. Добавление 'обосновывали бы' нужно для того, чтобы учесть точку зрения иллюзиониста, который, отрицая существование феноменальных свойств, тем не менее мог бы признать, что, если бы они существовали, они бы обосновывали внутреннюю ценность. Таким образом, тезис *ценность феноменального* приемлем с точки зрения иллюзионизма.

Второй, более сильный тезис гласит: «*Эксклюзивная ценность феноменального*: инстанции некоторых стандартных феноменальных свойств обосновывает (или обосновывала бы) внутреннюю ценность и нет нефеноменального свойства, такого, что его инстанция обосновывает внутреннюю ценность» [7, р. 897]. Это соответствует сильному сентиентизму [8, с. 150]. *Эксклюзивная ценность феноменального* уже влечет более серьезные последствия для иллюзионизма. Принятие этого тезиса означает, что иллюзионист либо должен признать, что стандартные феноменальные состояния, примерами которых являются боль и удовольствие, не имеют внутренней ценности, либо, что их внутренняя ценность определяется чем-то другим, например, их значением для достижения целей, которые человек перед собой ставит. Если сторонник иллюзионизма выбирает второй путь, то он предлагает определенную ревизию наших моральных установок. Действительно, нужно согласиться с Каммерером в том, что мы интуитивно убеждены в решающем значении субъективного опыта для приписывания морального статуса боли и удовольствию. Мы считаем, что боль плоха или нежелательна именно из-за того, как она переживается; то же верно и в отношении удовольствия. Каммерер исследует всевозможные ревизионистские траектории, доступные иллюзионистам и приходит к выводу, что им не удастся избежать хотя бы минимальной ревизии наших моральных установок.

Философов, принимающих тезис *эксклюзивной ценности феноменального*, я буду называть *феноменальными моралистами*, а тех, кто просто считает, что феноменальное сознание существует — феноменальными реалистами. Феноменальный реалист не обязательно должен быть феноменальным моралистом. В данной статье нормативный вызов будет пониматься как тезис о несовместимости иллюзионизма и сильного сентиентизма, а ответ на этот вызов — как демонстрация их совместимости.

Субъективный опыт и феноменальное понятие

К счастью для защитников иллюзионизма, аргументы Каммерера могут быть довольно убедительно отведены, что и было проделано Китом Франкишем в его статье *Этические импликации иллюзионизма* [9]. Учитывая, что Франкиш уже выполнил работу по критике, собственно, доводов Каммерера, подробно пересказывать сами доводы и их критику в данной статье я не буду. Я приведу основные аргументы Франкиша в общих чертах и в этом контексте раскрою отдельные аспекты аргументации Каммерера, но моей главной целью в этой статье

будет демонстрация того, что иллюзионизм не влечет никаких контринтуитивных моральных выводов и не предполагает даже минимальной ревизии наших моральных установок.

Общая позиция Франкиша по вопросу о нормативном вызове может быть суммирована в следующей цитате: «Будучи правильно понятым, иллюзионизм не отрицает существование сознания и не влечет вывод о том, что сознание не обосновывает этические ценности. Он только лишь предлагает другое объяснение того, что есть сознание и почему оно обосновывает их, и он не в большей степени подрывает наши этические установки, чем другие ревизии нашего представления о человеческой природе, как, например, отрицание жизненной силы» [9, р. 2]. Более детально Франкиш показывает, что иллюзионизм не отрицает существования субъективного опыта¹, не отрицает ценности сознательного опыта и может объяснить его ценность, не уничтожает феноменальные понятия.

Пожалуй, вполне разумно будет принять то положение здравого смысла, которое было описано выше: субъективные переживания боли или удовольствия сами по себе обладают определенной моральной значимостью. Из этого еще не следует, скажем, гедонизм или то, что боль и удовольствие всегда обязательно являются исключительно злом или благом. Упомянутое положение может быть существенно модифицировано в рамках развитой моральной теории, однако в приведенной форме оно может быть признано истинным при прочих равных.

Читатель может обратить внимание на то, что я заменяю 'феноменальное' на 'субъективное', тогда как в описании сентиентизма и в двух тезисах Каммерера фигурирует именно 'феноменальное'. С иллюзионистской точки зрения опора именно на понятие феноменального в данном споре означает предвосхищение вывода всего рассуждения: если мы изначально считаем, что феноменальное имеет моральное значение, то нормативный вызов для иллюзионизма оказывается непреодолимым. Однако использование этого понятия — это следствие принятия теоретической позиции, отождествляющей феноменальное и субъективное, неприемлемое для иллюзионистов, которые вполне могут утверждать, что сентиентизм не теряет своей силы при замене 'феноменального' на 'субъективное'. Далее сентиентизм будет пониматься именно как тезис о наделянии моральным статусом всех существ, способных обладать субъективными переживаниями.

Аргументация Каммерера строится именно на таком отождествлении субъективности переживаний и их феноменальности — отождествлении, которое совершенно естественно для феноменального реалиста, но неприемлемо для иллюзиониста. Франкиш четко формулирует иллюзионистскую позицию по данному вопросу: «Каждый организм имеет субъективную перспективу на мир. ... Этот субъективный взгляд совершенно реален, но он не *нередуцируемо* субъективен» [9, р. 3–4]. У существ, обладающих сознанием, имеются субъективные состояния, которые и составляют их сознательный опыт, однако эти состояния имеют физическую природу. У этих физических состояний есть такие свойства (тоже физические), которые заставляют субъекта верить в то, что эти состояния обладают феноменальными свойствами. Иллюзионист может утверждать, что наличие иллюзии феноменального существования для субъективности опыта, однако

он должен отрицать реальность феноменальных свойств.

Одна из предполагаемых проблем для иллюзионистов состоит в том, что подобные состояния не могут называться болью или удовольствием в нашем обычном смысле. По мнению Кэтрин Бэлог, которое обсуждается Франкишем, к ним вообще не могут применяться феноменальные понятия [10]. Именно к такому роду понятий относятся 'боль' и 'удовольствие'. Однако такое возражение основано на определенном взгляде на природу феноменальных понятий. Бэлог полагает, что их значение устанавливается исключительно на основании интроспекции, которой в данном случае следует доверять, поскольку речь идет о понятии явлений, не отличающихся от реальности [10, р. 5].

Иллюзионисты не могут согласиться с таким анализом феноменальных понятий. Приемлемую альтернативу предлагает Дерк Перебум (который, впрочем, сам иллюзионистом не является). Это анализ, предполагающий, что наши феноменальные понятия подобны другим понятиям наподобие 'воды'. Для последнего случая будет верен такой анализ, представляющий собой конъюнкцию интенционалов понятия воды для разных возможных миров:

«Если актуальным является мир, в котором водянистая субстанция в окружающем мире обладает уникальным составом, то понятие 'вода' корректно применяется только к этому составному веществу;

и

если актуальным является мир, в котором водянистая субстанция состоит нескольких составных веществ, то понятие 'вода' корректно применяется к дизъюнктивному составному веществу;

и

если актуальным является мир, в котором водянистая субстанция может быть составлена из многих разных веществ, между которыми нет ясных сходств в их внутренних свойствах, и при этом каждый фрагмент водянистой субстанции экзemplифицирует хорошо очерченную функциональную характеристику, тогда понятие 'вода' корректно применяется к функциональному виду;

и т. д.» [11, р. 32].

Вода в нашем мире попадает под такое понятие 'воды', потому что соответствует первом конъюнкту: она обладает уникальным составом H_2O . В цели данной статьи не входит защита подобного анализа понятий, для данного рассуждения важно только то, что этот анализ может быть легко применен к феноменальным понятиям. В качестве такого понятия Перебум использует 'феноменально красный', понимая под ним не красный цвет как свойство вещей, а именно субъективное переживание красного. В нижеприведенной формулировке опущено условие 'если актуальным является мир...', его можно легко добавить к P1, P2 и P3. Также опущен союз 'и'.

«P1. Понятие 'феноменальный красный' корректно применяется к свойству, которое похоже на интроспективную репрезентацию феноменального красного.

P2. Понятие 'феноменальный красный' корректно применяется к свойству, которое является типичной причиной интроспективных репрезентаций феноменального красного.

P3. Понятие 'феноменальный красный' корректно применяется к какому угодно свойству, которое вызывает (или могло бы вызвать) случаи интроспек-

тивной репрезентации феноменального красного» [11, р. 34–35].

Феноменальные реалисты настаивают на том, что P1 — это единственный корректный анализ феноменальных понятий, остальные опции не могут быть даже сформулированы. Однако данное утверждение подрывается так называемой гипотезой квалитативной неточности, выдвигаемой Перебумом. Эта гипотеза имеет силу как для реалистов в отношении феноменального сознания, так и для иллюзионистов. Будучи сформулированной в упрощенном виде, она гласит, что мы не можем быть уверены в том, что интроспекция точно передает сущность феноменальных состояний сознания. Обсуждение аргументации в пользу данной гипотезы означало бы отход от рассматриваемого в этой статье соотношения иллюзионизма и моральных установок. Кратко можно отметить, что если читатель не принимает самой такой возможности, то иллюзионизм для него будет просто абсурдной теорией, и в этом случае нет никакого смысла обсуждать его соотношение с моралью. Если уж мы обсуждаем саму эту тему, то нужно допускать иллюзионизм, по крайней мере, как возможную опцию.

Для иллюзиониста корректным анализом понятий 'феноменально красный' и 'боль' будут P2 или P3 (в случае с 'болью' Перебум убедительно показывает, что наиболее правдоподобным анализом будет именно P3, потому что 'болью' мы склонны называть все то, что интроспективно репрезентруется как 'боль' независимо от того, что именно вызвало эту репрезентацию) [11, р. 38]. Представление о том, что корректный анализ понятия 'боль' — это физическое свойство, которое вызывает (или могло бы вызвать) случаи интроспективной репрезентации боли, аналогично представлению, что корректный анализ понятия 'вода' — это 'вещество с формулой H₂O'. Данный анализ понятия 'боль' объясняет то, как именно иллюзионисты понимают субъективный опыт.

Утверждение корректности одного лишь варианта P1 при анализе феноменальных понятий предполагает совпадение их первичного и вторичного интенционалов. В пользу этого приводятся известные аргументы [12, с. 160–174], однако они не являются бесспорными. Иллюзионисты полагают, что, как и для других понятий, их вторичный интенционал должен открываться в ходе научного исследования.

Моральный статус боли — не проблема для иллюзионизма

Сидни Шумейкер однажды иронично отметил, что «боль — это любимое ментальное состояние философов» [13, р. 226]. Действительно, философы постоянно обсуждают боль как пример ментального свойства в философии сознания и в этике. А в данной статье, обсуждающей пересечение двух этих сфер, боль оказывается вдвойне важна. Именно на ее примере я постараюсь показать, что иллюзионизм обходится с моральным статусом боли, приписываемым ей сентиентизмом, ничуть не хуже феноменального реализма, а значит, иллюзионизм совместим с сентиентизмом.

В качестве подтверждения того, что иллюзионизм угрожает ценности сознательного опыта, Каммерер приводит такой мысленный эксперимент:

«*Чистое зомби-страдание*. Зомби-Петр ... страдает от редкого заболевания. Каждую ночь он просыпается и в течение часа переживает состояние, которое физическое и функционально неотличимо

от того состояния Петра, в котором он испытывает самую мучительную боль, которую только можно представить. В течение этого часа зомби-Петр не способен двигаться или говорить (и даже демонстрировать какое бы то ни было наблюдаемое поведение), и все из-за того состояния, в котором он находится. Несмотря на то, что у него нет никакого феноменального опыта, все его ментальные состояния, понятия функционально — желания, суждения и т.д. — сходны с теми, которые Петр испытывает, когда на самом деле страдает: он переживает *чистое зомби-страдание*. Затем зомби-Петр засыпает. Утром он всегда забывает обо всем, что случилось с ним ночью; эти ночные эпизоды зомби-боли не оставляют никаких воспоминаний, сознательных или бессознательных, и не меняют его психологических диспозиций» [7, р. 906].

Сравним это с примером, который Каммерер называет *Чистым страданием*. В этом примере все происходит точно так же, как и в *Чистом зомби-страдании*, за исключением того, что ночью Петр переживает не зомби-боль, а самое настоящее феноменальное страдание. Кажется, что между данными случаями есть явное различие. В *Чистом страдании* Петр претерпевает ночью состояние, которое может быть негативно оценено с моральной точки зрения. Это такое состояние, от которого его следовало бы избавить. В *Чистом зомби-страдании* Петр переживает все те же самые физические состояния, однако они не сопровождаются феноменальной болью. Пожалуй, это состояние тоже морально нежелательно и Петра следовало бы излечить от этой болезни (именно такое слово использует Каммерер), но, наверное, оно не настолько плохо, как то же самое состояние плюс переживание феноменальной боли.

Мысленный эксперимент, который предлагает Каммерер, приблизительно в таких же выражениях и приблизительно для тех же целей уже был сформулирован в литературе. Его предлагает Питер Карразерс по аналогии с хорошо известными случаями слепого зрения, при которых люди с определенными повреждениями мозга утверждают, что ничего осознанно не видят, но в то же время могут достаточно эффективно пользоваться (после обучения) своим зрением для категоризации стимулов, избегания препятствий и тому подобного.

Нельзя ли представить слепую боль, при которой человек демонстрирует болевое поведение, но не испытывает феноменального переживания боли?

«Предположим, что некоторый субъект — Мэри — никогда не осознает боли в своих ногах. Но когда эти части ее тела повреждаются, она демонстрирует вполне нормальное болевое поведение. ... Но она искренне утверждает, что она ничего не ощущает. ... Такой случай ясно представим. Это возможный (физически и логически) пример неосознаваемой боли, то есть события, которое выполняет обычную каузальную роль боли, но о котором субъект не может думать сознательно и спонтанно. Должны ли мы испытывать симпатию к Мэри? Возможно, мы могли бы испытывать симпатию к ее состоянию, потому что это явно нежелательная ситуация во многих отношениях. Но нам не следует испытывать симпатию в связи с конкретным повреждением, потому что ясно, что она не страдает. Без осознания какой бы то ни было боли ее ментальное состояние не является подходящим объектом моральной заботы» [14, р. 513].

Если состояния зомби-Петра и Мэри сводятся только к этому, то вывод о том, что они заслуживают меньше моральной заботы, чем их двойники, испытывающие феноменальную боль, кажется вполне приемлемым. Однако иллюзионисты, как должно быть ясно из предшествующего изложения, не утверждают того, что все мы переживаем именно слепую боль, а не настоящую. Карразерс специально подчеркивает, что случай Мэри является физически возможным, и это означает, что физическая реализация слепой боли и обычной боли отличаются. Если есть такое отличие в физической реализации, то иллюзионист может использовать его для объяснения различия наших моральных интуиций для двух случаев. И это не будет решением *ad hoc*, потому что физическое состояние человека, который испытывает настоящую боль, будет сопровождаться интроспективно распознаваемым состоянием боли, которое обладает иллюзорными феноменальными свойствами, именно такое физическое состояние будет референтом нашего обычного слова «боль». Иллюзионисты вовсе не должны утверждать, что интроспекция всегда нас обманывает. Интроспекция вполне надежно знакомит нас с нашими собственными состояниями. Например, я знаю, что сейчас я вижу экран компьютера, именно благодаря интроспекции. Но репрезентации некоторых наших состояний интроспекция искажает, придавая им феноменальные свойства.

Каммерер, в отличие от Карразерса, не говорит, что между Петром и его зомби-двойником есть какое-то физическое различие. Скорее, предполагается, что его нет. В этом случае иллюзионистский ответ на данный довод будет таким (его уже дал Франкиш): «Сомнительно, что разница [между Петром и зомби-Петром] может быть распознана самим субъектом. Потому что, если иллюзионизм истинен, парадигмальная боль интроспективно репрезентируется как феноменальная, и поэтому Петр и зомби-Петр будут иметь одни и те же интроспективные репрезентации» [9, р. 8]. Очень важно отметить, что с точки зрения иллюзионизма наш опыт устроен так, как если бы феноменальные свойства действительно существовали. То есть, если я существую в мире, где инстанцированы такие свойства, а мой зомби-двойник — в мире, где таких свойств нет, то наш с ним опыт с нашей собственной точки зрения различаться не будет.

Данный пункт является, пожалуй, центральным для иллюзионизма, и, защищая иллюзионизм от нормативного вызова, нужно показать, что он не влечет за собой негативных последствий для морали. Для демонстрации этого я использую мысленный эксперимент *Куб агонии*. В романе *Дюна* Фрэнка Герберта (и в его экранизациях) есть такой предмет — куб агонии. Если положить туда руку, то человек будет испытывать невероятно сильную боль. В *Дюне* куб агонии используется для испытания главного героя — Пола Атрейдеса. Его переживания описаны так: «Ему казалось, что он чувствует, как кожа на его руке обугливается, как расплывается и исчезает плоть и остаются одни кости». Однако куб не причиняет физических увечий: «Пол рывком выдернул руку и с удивлением уставился на нее. Никаких следов ожога на ней не было». Как устроен куб, не объясняется. «Кое-кто отдал бы многое за тайну этого кубика», — говорит Гайя-Елена Мойям, которая испытывала Пола. Гайя-Елена бросает такую фразу: «Это только возбуждение нервов». Однако это ничего не говорит нам об устройстве

куба, потому что, очевидно, что, чтобы человек что-то ощущал, нужно, чтобы нейроны активировались.

Рассмотрим сценарий *Куба агонии* с нейтральной точки зрения, допускающей как верность феноменального реализма, так и истинность иллюзионизма. Учитывая то, что куб не наносит физических увечий, вполне правдоподобным будет предположение о том, что он вызывает у субъекта не феноменальную боль, а сильное убеждение, что он испытывает боль. Это можно сравнить с гипнозом. Человеку в состоянии гипноза говорят: «Перед вами тигр», — и он верит в то, что перед ним действительно тигр. Из того, что боль Пола — это лишь сильное убеждение в том, что он испытывает феноменальную боль, интроспективно не отличимое от переживания феноменальной боли как таковой, нельзя сделать вывод о том, что состояние Пола не является плохим. Более того, из-за такой интроспективной неотличимости мы можем называть состояние Пола болью (особенно в том случае, если мы принимаем анализ слова 'боль' по схеме РЗ, то есть признаем болью любое состояние, интроспективно распознаваемое как боль).

Я начал эту статью с утверждения морального значения субъективных переживаний. Если феноменальный моралист не согласится с тем, что состояние Пола столь же плохо, как и состояние его гипотетического двойника, испытывающего феноменальную боль, то он нарушит изначальное условие всего спора: он будет утверждать, что два одинаковых субъективных состояния в зависимости от способа их реализации будут иметь разное моральное значение. Разумеется, феноменальный моралист может отрицать сам тезис об интроспективной тождественности иллюзий и феноменальных состояний, но в таком случае речь уже должна идти не о согласованности иллюзионизма и морали, а о состоятельности этой теории как таковой.

Опираясь на данные доводы, можно утверждать, что боль в иллюзионистском понимании может выполнять все те функции, которые выполняет боль для феноменального моралиста. Иллюзионист может объяснить моральное значение боли таким образом: «Так же, как мы все согласны с идентификацией парадигмальных примеров боли, все мы можем согласиться, что боль — это парадигмальный пример внутренне плохого состояния. Это согласие руководит нашими этическими практиками, и оно совместимо с рядом теоретических подходов, касающихся того, что обосновывает плохое качество боли и суждения о нем. (Под *внутренне* плохим состоянием я имею в виду состояние плохое само по себе, а не из-за какого-то другого состояния, к которому оно ведет. Внутренне плохое состояние в этом смысле может быть функциональным состоянием вещи, которая им обладает). ... Короткий ответ состоит в том, что болевые состояния плохи из-за того, как они влияют на нас» [9, р. 9].

Пример Каммерера *Чистое страдание*, как кажется, должен показать, что боль может быть плохой, даже если она на нас никак не влияет. Но он этого не показывает. Каммерер настаивает на том, что боль, которую испытывает Петр, не проявляется в его поведении, а потом Петр вообще о ней забывает. Последнюю оговорку вообще можно игнорировать, так как она указывает только на то, что испытанная ночью Петром боль может не иметь морального значения для Петра утром, но это может объясняться отсутствием психологической континуальности между ночным и утренним Петром².

Рассмотрим Петра в те ночные часы, когда он испытывает боль и на протяжении которых его психологические состояния континуальны. Нельзя сказать, что в это время боль никак не влияет на Петра, ведь он испытывает интроспективную репрезентацию боли и этого достаточно, чтобы утверждать, что он находится в состоянии, плохом самом по себе.

Иллюзионисты не обязаны придерживаться бихевиористских взглядов и утверждать, что боль всегда сопровождается болевым поведением. Их теория может объяснить даже то, что Дэвид Льюис называет сумасшедшей болью (*mad pain*). Имеется в виду не сильная боль, а боль, сопровождающаяся ненормальными проявлениями: «Может существовать такой странный человек, который иногда испытывает боль точно так же, как мы, но чья боль очень сильно отличается от нашей в своих связях причин и действий. ... Интенсивная боль не имеет никакой тенденции заставлять его стонать или корчиться, но она приводит к тому, что он скрещивает ноги и щелкает пальцами. Он несколько не мотивирован избегать боли или избавляться от нее. Короче говоря, он испытывает боль, но его боль не выполняет типичную каузальную роль боли» [16, р. 216]. С точки зрения иллюзионизма сумасшедшая боль — это боль, потому что она сопровождается интроспективной репрезентацией боли. (То есть, по крайней мере, такая каузальная роль должна быть присуща боли: она вызывает соответствующую интроспективную репрезентацию).

Заключение: иллюзионизм не ведет к ревизии наших моральных установок

Таким образом, можно сделать вывод о том, что иллюзионизм вполне совместим с сентиентизмом. Однако из самой такой совместимости еще не следует вывода о том, что иллюзионизм не влечет никаких последствий для наших моральных установок. Каммерер считает, что, даже если иллюзионисты смогут обосновать внутреннее моральное значение таких состояний, как боль и удовольствие, все равно они будут вынуждены произвести определенную моральную ревизию: «Если кто-то допускает, например, что феноменальная боль и феноменальное удовольствие могли бы обосновать ценность (положительную или отрицательную), естественным последствием этого будет то, что предположительно феноменальные удовольствие и страдание *не столь хороши или плохи*, как в случае, если бы реалисты были правы (что не означает, что у них совсем нет ценности)» [7, р. 906]. То есть, даже несмотря на то, что боль и удовольствие субъективно неразличимы в мире зомби и мире с феноменальным сознанием, феноменальная боль будет все равно хуже, чем иллюзионистская.

Трудно понять, почему Каммерер считает это предположение столь естественным. Будучи иллюзионистом, Каммерер в этом рассуждении неизбежно должен принимать такую дилемму: либо феноменальные свойства что-то меняют в физическом состоянии субъекта, и тогда миры с феноменальным сознанием и без него будут различаться; либо они ничего не меняют, и тогда любой физикалист должен признать принципиальную неясность того, каким образом они могут ухудшать или улучшать что-то в состояниях субъекта.

Защитник феноменального сознания может возразить, что все рассуждения, приведенные в этой статье, в лучшем случае показывают лишь то, что мы не можем достоверно знать о существовании

феноменальных свойств, но вовсе не то, что физически тождественные друг другу миры, различающиеся только в отношении упомянутых свойств, будут аксиологически различны³. Нужно признать, что это так, но такой результат достигается путем прибавления к физическому миру свойства, которое по определению служит для того, чтобы увеличивать ценность этого мира. Квалиа-реалист, с точки зрения иллюзиониста, не может привести убедительные доказательства не только существования феноменального сознания, но и какой-то особой его ценности. Все апелляции к внутреннему опыту, как было показано в статье, могут быть проинтерпретированы в иллюзионистском духе: наши интуиции о моральном статусе субъективных состояний, в целом, корректны и относятся к нашим физическим состояниям. Постулирование существования нефизических свойств, обладающих особой ценностью, таким образом, совершенно не обосновано и, с точки зрения иллюзиониста, не имеет никакого смысла.

Автор данной статьи полагает, что лучшая стратегия для иллюзиониста в моральной философии — это сохранение наших интуиций относительно моральной значимости сознательных состояний и принятие сентиентизма. Но иллюзионисты не обязаны следовать строго по этому пути. Им все еще доступно отрицание сентиентизма как такового и пересмотр наших этических установок. Наконец, не стоит впадать в наивную веру, что само по себе принятие феноменального реализма решает все проблемы: совместимость, по крайней мере, некоторых форм, феноменального реализма с сентиентизмом также неочевидна [8].

Примечания

¹ Под 'субъективным опытом' понимаются не феноменальные качества как особые сущности, а комплекс физических состояний субъекта, (i) доступных из перспективы первого лица через интроспективный мониторинг, (ii) интегрированных в 'я-модель' и систему контроля поведения, и (iii) ошибочно репрезентируемых субъектом как обладающих феноменальными свойствами (иллюзия). Доступность, с точки зрения первого лица, не влечет здесь недоступность третьему лицу, а, скорее, характеризует роль состояния в когнитивной архитектуре: оно дано субъекту как *его собственное* и участвует в оценке, мотивации и саморегуляции.

² О моральном значении континуальности и связности психологических состояний см. [15, р. 204–209].

³ Я благодарю анонимного рецензента за данное замечание.

Список источников / References

1. Франкиш К. Иллюзионизм как теория сознания. Часть I / пер. с англ. М. Д. Горбачёва // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 110–121. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-110-121. EDN: NFNHPI.
- Frankish K. Illuzionizm kak teoriya soznaniya. Chast' I [Illusionism as a Theory of Consciousness. Part I] / trans. from Engl. M. D. Gorbachev. *Voprosy Filosofii*. 2022. No. 3. P. 110–121. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-110-121. EDN: NFNHPI. (In Russ.).
2. Франкиш К. Иллюзионизм как теория сознания. Часть II / пер. с англ. М. Д. Горбачёва // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 59–71. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-59-71. EDN: PZPGPA.
- Frankish K. Illuzionizm kak teoriya soznaniya. Chast' II [Illusionism as a Theory of Consciousness. Part II] / trans. from

- Engl. M. D. Gorbachev. *Voprosy Filosofii*. 2022. No. 4. P. 59–71. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-59-71. EDN: PZPGPA. (In Russ.).
3. Фрэнкиш К. Квайнирование диетических квалиа. Часть I / пер. с англ. М. Д. Горбачёва // Вопросы философии. 2024. № 7. С. 131–138. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-7-131-138. EDN: DATZDO.
- Frankish K. Kvaaynirovaniye dieticheskikh kvalia. Chast' I [Quining Diet Qualia. Part I] / trans. from Engl. M. D. Gorbachev. *Voprosy Filosofii*. 2024. No. 7. P. 131–138. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-7-131-138. EDN: DATZDO. (In Russ.).
4. Фрэнкиш К. Квайнирование диетических квалиа. Часть II / пер. с англ. М. Д. Горбачёва // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 48–59. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-8-48-59. EDN: RJQTCF.
- Frankish K. Kvaaynirovaniye dieticheskikh kvalia. Chast' II [Quining Diet Qualia. Part II] / trans. from Engl. M. D. Gorbachev. *Voprosy Filosofii*. 2024. No. 8. P. 48–59. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-8-48-59. EDN: RJQTCF. (In Russ.).
5. Tye M. Qualia. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Eds. E. N. Zalta, U. Nodelman. 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/qualia/> (accessed: 19.08.2025).
6. Strawson G. J. A Hundred Years of Consciousness: "A Long Training in Absurdity". *Estudios De Filosofia*. 2019. No. 59. P. 9–43. DOI: 10.17533/udea.ef.n59a02.
7. Kammerer F. The Normative Challenge for Illusionist Views of Consciousness. *Ergo: An Open Access Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 6, no. 32. P. 891–924. DOI: 10.3998/ergo.12405314.0006.032.
8. Морозов К. Е. Нормативная проблема для панпсихизма // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62, № 2. С. 144–161. DOI: 10.5840/eps202562227. EDN: HZKTEK.
- Morozov K. E. Normativnaya problema dlya panpsikhizma [The Normative Problem for Panpsychism]. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2025. Vol. 62, no. 2. P. 144–161. DOI: 10.5840/eps202562227. EDN: HZKTEK. (In Russ.).
9. Frankish K. The Ethical Implications of Illusionism. *Neuroethics*. 2024. Vol. 17, no. 2. P. 1–15. DOI: 10.1007/s12152-024-09562-5. EDN: CIPWOG.
10. Balog K. The Abolition of Phenomena: A Voyage among the Zombies. *Klēsis Revue Philosophique*. 2023. No. 55. P. 1–17.
11. Pereboom D. Consciousness and the Prospects of Physicalism. New York: Oxford University Press, 2011. 208 p. ISBN 978-0-199-7640-37.
12. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. Москва: УРСС, ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с. ISBN 978-5-397-03778-5. EDN: WABBEV.
- Chalmers D. J. Soznayushchiy um: v poiskakh fundamental'noy teorii [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory] / trans. from Engl. V. V. Vasilyev. Moscow, 2013. 512 p. ISBN 978-5-397-03778-5. EDN: WABBEV. (In Russ.).
13. Shoemaker S. "Self-Knowledge and 'Inner Sense': Lecture II: The Broad Perceptual Model". The First-Person Perspective and Other Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 224–245. ISBN 0-521-56871-4.
14. Carruthers P. Brute Experience. *The Journal of Philosophy*. 1989. Vol. 86, no. 5. P. 258–269. DOI: 10.2307/2027110.
15. Parfit D. Reasons and Persons. Oxford: Oxford University Press, 1984. ISBN 978-0-19-824908-5.
16. Lewis D. Mad Pain and Martian pain. *Readings in the Philosophy of Psychology*. 1980. Vol. 1. P. 216–222. DOI: 10.4159/harvard.9780674594623.c24.
-
- БЕСЕДИН Артем Петрович**, кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва.
SPIN-код: 9271-3007
AuthorID (РИНЦ): 734657
ORCID: 0000-0001-8799-3161
AuthorID (SCOPUS): 56912249500
ResearcherID: K-7977-2015
Адрес для переписки: a.besedin@hardproblem.ru
- Прозрачность финансовой деятельности:** автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.
- Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 10.02.2026.
- BESEDIN Artem Petrovich**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the World Philosophy Department, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow.
SPIN-code: 9271-3007
AuthorID (RSCI): 734657
ORCID: 0000-0001-8799-3161
AuthorID (SCOPUS): 56912249500
ResearcherID: K-7977-2015
Correspondence address: a.besedin@hardproblem.ru
- Financial transparency:** the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.
- The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 10.02.2026.

ИЛЛЮЗИОНИЗМ (НЕ) ПРОТИВ СЕНТИЕНТНОСТИ

М. Д. Горбачев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 109028, г. Москва, Покровский бульвар, 11

Статья посвящена вопросу о совместимости иллюзионистской теории сознания и широко принятого сентистского подхода к обоснованию морального статуса. Иллюзионизм отрицает наличие феноменального сознания и квалиа, утверждая, что из-за систематического интроспективного искажения мы просто предрасположены считать, что они существуют. Если феноменального сознания не существует, то иллюзионизм не совместим с сентизмом. Именно так считает Франсуа Каммерер, и поэтому в одной из последних работ он предлагает ряд аргументов против сентизма, чтобы показать, что такое отрицание не ведет иллюзионизм к контринтуитивным этическим следствиям. В данной статье утверждается, что вывод о несовместимости иллюзионизма и сентистности является результатом использования этого понятия неочевидным, теоретически перегруженным образом. Автор предлагает три варианта понимания сентистности в связи с тремя видами квалиа: К-, Н- и Д-сентистность (классические, нулевые и диетические квалиа), где только первый вариант оказывается несовместимым с иллюзионизмом. Н-сентистность может быть принята иллюзионистами, но, как и вариант К-, оказывается слишком тяжеловесной для дискуссии об обосновании морального статуса. Д-сентистность признается наиболее подходящим вариантом понимания чувствительности. Она совместима с иллюзионизмом, что исключает возможность обвинения последнего в нежелательных этических следствиях. Также Д-сентистность не сталкивается с проблемами диетических квалиа: она когерентна, если сентизм не является попыткой совместить физикализм и феноменальный реализм из другой дискуссии; она не является бессодержательной, так как понятие сентистности не предполагается использовать в дискуссии о природе феноменального сознания, где диетические квалиа не совершают никакой теоретической работы.

Ключевые слова: иллюзионизм, сентистность, феноменальное сознание, квалиа, диетические квалиа, нормативный вызов.

Для цитирования: Горбачев М. Д. Иллюзионизм (не) против сентистности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 108–114. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-108-114. EDN: SHYGQL.

© Горбачев М. Д., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

ILLUSIONISM IS (UN)RESISTANT TO SENTIENCE

M. D. Gorbachev

National Research University Higher School of Economics,
Russia, Moscow, Pokrovskiy Blr., 11, 109028

The article is devoted to the question of the compatibility between the illusionist theory of consciousness and the widely accepted sentientist approach to the justification of moral status. Illusionism denies the existence of phenomenal consciousness and qualia, claiming that we are disposed to believe that they exist due to a systematic introspective distortion. If phenomenal consciousness does not exist, then illusionism is not compatible with sentientism. This is exactly what Francois Kammerer thinks, and therefore, in one of his recent works, he offers a number of arguments against sentientism in order to show that such a denial does not lead illusionism to counterintuitive ethical consequences. The article argues that the conclusion about the incompatibility of illusionism and sentience is the result of using this concept in a non-obvious, theoretically overloaded way. The author proposes three variants of understanding sentience in connection with three types of qualia: K-, Z-, and D-sentience (classic, zero, and diet qualia), where only the first variant turns out to be incompatible with illusionism. Z-sentience can be accepted by illusionists, but, like the K-variant, turns out to be too heavy for the discussion about the justification of moral status.

D-sentience is recognized as the most suitable variant of understanding sentience. It is compatible with illusionism, which excludes the possibility of accusing the latter of undesirable ethical consequences. Also, D-sentience does not face the problems of diet qualia: it is coherent if sentientism is not an attempt to combine physicalism and phenomenal realism from another discussion; it is not empty, since the concept of sentience is not supposed to be used in the discussion about the nature of phenomenal consciousness, where diet qualia do not do any theoretical work.

Keywords: illusionism, sentience, phenomenal consciousness, qualia, diet qualia, normative challenge.

For citation: Gorbachev M. D. Illusionism is (un)resistant to sentience. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026. Vol. 11, no. 1. P. 108–114. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-108-114. EDN: SHYQL.

© Gorbachev M. D., 2025.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Сравнительно недавно предложенная Китом Франкишем иллюзионистская теория сознания уже успела породить немало значимых для философии сознания дискуссий. Одна из таких дискуссий — вопрос об этических следствиях принятия иллюзионизма, которую начал один из сторонников этого подхода — Франсуа Каммерер, предложив для иллюзионизма нормативный вызов [1]. Центральной проблемой в этой связи можно считать то, какую роль играет феноменальное сознание в обосновании этики и моральных суждений¹. Если феноменальное сознание этически значимо, то иллюзионистам необходимо показать, почему его отрицание не ведет к парадоксальным следствиям. Или же требуется обосновать, почему можно считать феноменальное сознание этически не значимым.

Настоящая статья посвящена более специальному вопросу, который все еще является частью вопроса об этических следствиях иллюзионизма. Это вопрос о том, каковы следствия принятия иллюзионизма для сентиентистской² стратегии обоснования морального статуса. В первой части статьи я кратко представляю понятие сентиентности и иллюзионистскую теорию. Затем я рассмотрю, почему иллюзионизм может быть несовместим с сентиентистскими подходами к обоснованию морального статуса. В третьей части я предложу три подхода к чувствительности, исходя из различных понятий квалиа (классического, диетического и нулевого), и рассмотрю каждый из них, указав, почему именно диетические квалиа в предложенном мной виде важны для сторонника сентиентности и почему иллюзионизм не ведет к нежелательным следствиям в этой связи.

1. Сентиентность, иллюзионизм

Есть разные способы определения сентиентности, которые могут отличаться в более или менее существенных деталях. Общим для всех вариантов является то, что чувствительность заключается в возможности обладать сознательным опытом [2]. Затем мы можем выделить, как предлагает Дунг, узкий и широкий сентиентизм [2, р. 9]. Согласно первому, обосновывать моральный статус может только валентный опыт — тот, который оценивается существом как приятный или неприятный. Широкий сентиентизм допускает такое фундирование также и не валентным опытом. То есть в первом случае необходимо наличие возможности страдать и получать удовольствие; во втором — наличие самой возможности пребывать в сознательном состоянии. Дунг также считает, что можно выделить

сильный и слабый сентиентизм: сильный предполагает, что релевантность нормативности зависит исключительно от чувствительности; слабый допускает наличие других факторов, которые могут служить основанием морального статуса [2, р. 10].

Я не буду останавливаться на том, какие из представленных вариантов сентиентизма пользуются большей популярностью среди ученых и философов. Но даже без подобного рода историко-философского анализа допустимо утверждать, что большинство из тех, кто вовлечен в этическую дискуссию, согласны со значимостью способности обладать сознательным опытом, страдать и получать удовольствие для обоснования ценности опыта и морального статуса его обладателя (например, Берч [3], Лин [4], Меллор [5], Каган [6], Сингер [7] и др.).

Иллюзионизм — это физикалистский тезис о природе сознательного опыта. Под 'опытом' здесь понимаются сенсорные состояния всех видов, как экстероцептивные, так и интероцептивные, а также все виды аффективных состояний. Многими принято считать, что сознательные переживания — это те, которые субъективно *каковы-то* для испытывающего их существа. Свойства, составляющие этот субъективный аспект 'каково-это' (what-it-is-like), называют феноменальными свойствами или квалиа. Обычно признают, что они, по крайней мере, на первый взгляд, аномальны. Их часто описывают как внутренне присущие, приватные, безошибочно познаваемые, непосредственно данные и невыразимые [8]. Объяснение существования этих свойств представляет собой трудную проблему для когнитивной науки, предложенную Чалмерсом. Она противопоставляется 'легким' проблемам, связанным с объяснением функциональных процессов, вовлеченных в сознательный опыт [9, р. 201]. Для иллюзионистов феноменальное сознание и трудной проблемы не существует, и объяснять нужно не феноменальность, а интроспективную иллюзию феноменальности, — нашу предрасположенность считать, что у нас есть феноменальное сознание или что у нашего сознательного опыта есть квалиа, — нефункциональные свойства, которые нельзя объяснить с перспективы третьего лица. Франкиш называет это *проблемой иллюзии* [10]. Соответственно, иллюзия феноменальности в отличие от феноменального сознания допускает объяснение с помощью стандартных естественнонаучных методов, предлагая ясные перспективы для исследования сознания, так как эта иллюзия не обладает особыми эпистемологическими характеристиками, несовместимыми с познанием от третьего лица.

Иллюзионизм противопоставляет себя реалистическим стратегиям объяснения природы субъективного опыта, которые признают реальность квалиа. Есть, как минимум, два варианта таких стратегий. Радикальный вариант — существенно пересмотреть или расширить нашу картину мира, признав наличие особых нефизических феноменальных свойств или сущностей (например, Чалмерс [11], Гофф [12], Строссон [13]). Консервативный вариант — утверждать, что феноменальные свойства не так аномальны, как может показаться, и что их можно объяснить в рамках физикалистской парадигмы (например, Карратерс [14], Розенталь [15]). Последнюю опцию Франкиш отвергает, утверждая, что нельзя успешно совмещать физикализм и квалиа-реализм, не коллапсируя в радикальный вариант реализма или иллюзионизм [16, с. 62].

2. Иллюзионизм против сентиентности

Если мы согласны с тем, что сентиентность является чертой существа, существенной или даже необходимой для обоснования его морального статуса, отрицание чувствительности может приводить к контринтуитивным следствиям и снижать привлекательность подхода, если он несовместим с сентиентизмом. Именно такую проблему рассматривает Каммерер в связи с иллюзионистским подходом. Сначала он выдвигает нормативный вызов³, где он лишь немного пишет о сентиентности [1], а затем в уже подробно останавливается именно на нем в более поздней работе [17]. В этой части я рассмотрю, почему иллюзионизм может считаться отрицающим чувствительность в качестве основания морального статуса, и, соответственно, почему такая проблема вообще может быть релевантна.

Именно Каммерер — сторонник иллюзионизма — заметил наличие у теории проблем с сентиентностью. Он утверждает, что сентиентность — это «способность пребывать в феноменальных состояниях» [17, р. 180], а эти состояния «кажутся хорошими или плохими *сами по себе*, независимо от последующих эффектов (чувствовать боль кажется плохим само по себе — мы знаем, что *это*...плохо из-за того, как это *ощущается*)» [17, р. 183]. Иллюзионизм же отрицает и наличие феноменальных состояний; и то, что есть внутренне присущие свойства опыта, которые могли бы делать состояния *какими-то*; и то, что боль не просто ощущается, а *ощущается*⁴. В таком случае иллюзионисты, действительно вынуждены отрицать, что сентиентность может обосновывать моральный статус или являться этически значимой, так как ее просто не существует.

Однако, как показывают Дунг и Каммерер, среди ученых и философов распространен взгляд, что сентиентность актуально значима для фундирования морального статуса. Из этого можно было бы заключить, что иллюзионизм вместе с феноменальным сознанием отрицает и широко принимаемую сентиентность, теряя свою привлекательность из-за контринтуитивных следствий для смежных проблем. По всей видимости, именно к такому заключению приходит сам Каммерер, поскольку в основной части своей работы он отвечает на вопрос, почему сентиентность не может являться ключевой характеристикой, обосновывающей моральный статус.

Однако я не буду останавливаться на сути этих, безусловно, заслуживающих внимания аргументов. На мой взгляд, вывод Каммерера поспешен и продиктован в первую очередь тем, как именно он интерпретирует чувствительность. Каммерер вво-

дит понятие сентиентности в дискуссию о феноменальном сознании. В результате чувствительность оказывается не просто инструментом утверждения наличия субъективного (возможно, еще и валентного) опыта, а указанием на наличие особых нефизических качественных свойств, которые являются предметом спора в дискуссии о феноменальном сознании. Такой способ представления сентиентности кажется мне далеко не самым очевидным и, возможно, одним из наименее интуитивных. Так, например, во многих работах, где упоминается или обсуждается сентиентность, нет никакого указания на эпистемологически и/или онтологически уникальное/аномальное феноменальное сознание⁵, обладающее особыми характеристиками, не позволяющими вписать его в физикалистскую онтологию. К таким текстам можно отнести, например, работы Браунинг [18], Берча [19], Кауфманн [20] и *Энциклопедию поведения животных* [21].

Я полагаю, что совместимость сентиентизма с иллюзионизмом зависит от того, как именно понимается сентиентность, насколько важным для понятия оказывается связь с аномальным феноменальным сознанием. Поэтому далее я рассмотрю три варианта связи сентиентности и феноменального сознания, исходя из предложенной Франкишем классификации квалиа: классические, диетические и нулевые [22]. Каждый из вариантов сентиентности будет требовать наличие у существа соответствующих квалиа. Это позволит проследить указанную зависимость и сохранить связь понятия сентиентности с дискуссией о квалиа, которую выстраивает Каммерер.

3. Три варианта сентиентности

3.1. К-сентиентность

Я уже упомянул, что Каммерер использует понятие сентиентности в эпистемологически и онтологически нагруженном виде. Такому использованию соответствует связь классических квалиа и чувствительности (К-сентиентность). К-сентиентность в качестве инструмента обоснования морального статуса — это *способность обладать опытом, наделенным интроспектируемыми качественными свойствами, которые являются внутренне присущими, невыразимыми, приватными, непосредственно данными и безошибочно познаваемыми*. Да, разные сторонники классических квалиа могут признавать не полный список этих характеристик, но сейчас подобные детали не так важны. Такая сентиентность, действительно, несовместима с иллюзионизмом и не может служить этически значимой характеристикой для сторонника иллюзионистского подхода. В этом случае мы могли бы обвинять его в контринтуитивных следствиях, если полагаем в высшей мере интуитивным принятие К-сентиентности.

Как показывает работа Каммерера, у иллюзионистов есть возможность избежать вызова, атакуя саму сентиентность. Более того, такая атака вполне может быть успешной, ведь К-сентиентность оказывается онтологически и эпистемологически 'дорогим' понятием, и мы сталкиваемся с проблемой верификации наличия именно таких аномальных свойств чувствительности. То есть не исключено, что в случае, если мы принимаем К-сентиентность и признаем ее несовместимость с иллюзионистской программой, вызов будет стоять не столько перед иллюзионистами, сколько перед К-сентиентистами. Ведь далеко не очевидно, что будет менее привлекательным — отрицание теоретически нагруженной

К-сентиентности или указание на нее как на то, что обосновывает моральный статус. Ведь сентиентность важна и для исследования, например, животных с перспективы третьего лица естественнонаучными методами. А такое исследование становится невозможным при принятии К-сентиентности. Было бы странно, если бы широко принимаемым способом обоснования морального статуса существа было нечто нерегистрируемое никем помимо самого этого существа. И, как я указывал ранее, по всей видимости, К-сентиентность действительно не является тем, что принимается всеми или почти всеми исследователями областей, где это понятие значимо. Хотя, например, один из немногих, если не единственный, в России исследователь, который занимается рассматриваемой в статье проблемой, — Константин Морозов, использует именно К-сентиентность [23].

Более того, такая интерпретация чувствительности кажется мне избыточной. Я не думаю, что наличие или отсутствие аномальной эпистемологии и онтологии классических квалиа значимо для этиков при описании инструмента для принятия решения о моральном статусе. В особенности учитывая, что этическую важность чувствительности признают многие, но едва ли многие из них погружены в дискуссию о природе феноменальности. Это наталкивает на мысль, что для сентиентиста важна скорее субъективная сторона опыта, а не его природа.

3.2. Н-сентиентность

Следующий вид сентиентности связан с нулевыми квалиа (Н-сентиентность). Нулевые квалиа — это то, что предлагают иллюзионисты вместо классических. В результате интроспективного искажения они кажутся классическими квалиа, но на самом деле ими не являются и представляют собой физические свойства, представленные в ходе репрезентации таким образом, что мы предрасположены выносить феноменальные суждения и считать, что мы обладаем феноменальным сознанием. Так понимаемая Н-сентиентность — *это способность обладать опытом, наделенным квази-феноменальными свойствами*.

В таком случае Н-сентиентность будет казаться обладающему чувствительностью существу К-сентиентностью, но не будет являться ею на самом деле. Фактически субъективные свидетельства для К- и Н-сентиентностей будут тождественны, но во втором случае сохраняется возможность исследования и верификации морального статуса на основании наличия Н-сентиентности, так как она физикалистична и не обладает аномальными характеристиками. Разумеется, такой вариант совместим с иллюзионизмом, так как чувствительность лишается всех характеристик, которые сторонники этого подхода не могли бы принять. Более того, Н-сентиентность вполне могла бы устроить и тех проponentов К-сентиентности, для которых важно именно то, как субъективно переживается ее наличие, а не то, обладает ли она в действительности уникальной эпистемологией или онтологией. Ведь субъективно между К- и Н-сентиентностью нет разницы.

При такой интерпретации чувствительности иллюзионисты избегают обвинения в отрицании очевидного и принятии нежелательных этических следствий. Тем не менее я считаю такой вариант чувствительности в той же мере избыточным, что и К-сентиентность. Хотя теперь мы и не сталкива-

емся с невозможностью исследования чувствительности, наличие иллюзии феноменальности или наличие иллюзии К-сентиентности кажется просто не необходимым для признания этической значимости опыта. Так, например, Франкиш отмечает, что иллюзия феноменальности не является заменой феноменального сознания — существо не должно быть подверженным такой иллюзии, чтобы считаться сознательным и обладать субъективными переживаниями [24, р. 40]. При переносе на сентиентность это означает, что наличие иллюзии К-сентиентности не необходимо для способности испытывать опыт и в частности валентный опыт. Ведь Н-сентиентность предполагает, что существу для признания у него морального статуса должно казаться, что его опыт обладает характеристиками классических квалиа. Это, как я упоминал выше, кажется, не интересует исследователей, которые занимаются этикой и чувствительностью. Судя по отсутствию во многих работах описания сентиентности именно как К-сентиентности, сторонников такого обоснования этики интересует сама способность испытывать опыт или валентный опыт, но не то, какой является или кажется его природа.

3.3. Д-сентиентность

Третий и наиболее подходящий, на мой взгляд, вариант сентиентности связан с диетическими квалиа (Д-сентиентность). Диетические квалиа обычно используют в попытке предложить менее нагруженный объект объяснения в рамках проблемы природы субъективного опыта. Под ними понимают *каково-это* опыта, некие феноменальные характеристики, которые делают опыт *каким-то*, но не обладают той уникальной эпистемологией, выводящей классические квалиа из границ физикалистской онтологии. Д-сентиентность в этом случае — возможность обладать опытом, наделенным диетическими квалиа.

Однако такое определение квалиа и, соответственно, Д-сентиентности кажется неясным из-за трудности эксплицитно указать, что именно обозначают диетические квалиа. Этому Франкиш посвятил целую статью, где рассмотрел различные способы введения диетических квалиа, каждый из которых показался ему неудовлетворительным [22]. Поэтому я не буду подробно на этом останавливаться. Однако важны причины, по которым Франкиш призывает нас отказаться от понятия диетических квалиа. Таких причин, как минимум, две: *некогерентность* и *бессодержательность* понятия. Некогерентность возникает в том случае, если понятие диетических квалиа используется в попытке совместить феноменальные свойства и физикализм [22, р. 674]. Многие согласны с Франкишем в том, что феноменальность, если она есть, не вписывается в физикалистскую онтологию; если ее нет, то ничто не мешает использовать более подходящие в этом случае нулевые квалиа. Но не думаю, что такая проблема всерьез угрожает Д-сентиентности, так как связанная с чувствительностью дискуссия не ставит своей целью примирить физикализм и феноменальный реализм в отношении сознания.

Более существенной для Д-сентиентности может оказаться проблема отсутствия у диетических квалиа самостоятельного содержания в свете дискуссии о феноменальном сознании. Понятие оказывается пустым и вынуждено смещаться либо в сторону классических, либо в сторону нулевых квалиа. На мой взгляд, так происходит потому, что, когда сторонники использования диетического по-

нения квалиа не пытаются совместить физикализм и феноменальный реализм, они хотят указать лишь на наличие субъективного опыта, субъективных переживаний и не хотят делать утверждений о природе этих переживаний. Именно поэтому Франкиш, в конечном счете, так и не находит, что могут означать диетические квалиа, если это понятие должно совершать какую-то теоретическую работу. Ведь наличие субъективного опыта признают все стороны дискуссии о феноменальном сознании, включая иллюзионистов. А называть субъективный опыт диетическими квалиа и, тем более, феноменальными характеристиками было бы просто неэкономично и приводило бы к путанице (что в действительности иногда и случается), так как диетическое понятие в этом случае не делает никакой теоретической работы. Для сентиентности это не так значимо, поскольку сентиентисты не решают проблему феноменального сознания. Д-сентиентность не должна быть теоретически содержательна с точки зрения вопроса о природе опыта. Поэтому с точки зрения иллюзионизма как теории сознания Д-сентиентность может быть бессодержательна относительно вопроса о природе субъективного опыта в силу онтологической нейтральности. Но это является проблемой только в том случае, если мы считаем, что сентиентист обязан решить проблему феноменального сознания, что кажется избыточным требованием.

Так, если мы хотим лишь указать на наличие субъективной стороны опыта, отметить, что опыт переживается, не настаивая на наличии у этого переживания аномальной эпистемологии или физикалистского объяснения (то есть, оставляя за рамками онтологический вопрос), то ничто не мешает нам использовать в качестве диетического понятия сентиентности более ясные 'сознательный опыт' или 'субъективные переживания'. Да, какова их природа остается неясным, но это лишь говорит нам о существовании другой философской проблемы, а не о невозможности использовать такой нейтральный вариант сентиентности. В таком случае Д-сентиентность — это не более чем *возможность обладать субъективными переживаниями/сознательным опытом*. Как ни странно, именно такое определение сентиентности предлагает Дунг [2, р. 8–9] и именно таким образом обычно понимается сентиентность в ряде приведенных ранее работ. Сторонникам узкой сентиентности требуется лишь добавить к этому определению указание на валентный опыт, но в остальном Д-вариант им также подходит.

Поскольку иллюзионизм признает наличие субъективных переживаний или сознательного опыта, у его сторонников не будет проблем с Д-сентиентностью. В результате обвинения в отрицании широко признаваемого кандидата на обоснование морального статуса не попадают в цель, и иллюзионист не сталкивается с контринтуитивными этическими следствиями. Более того, иллюзионисту даже не нужно приводить аргументы против сентиентности, так как, по всей видимости, именно Д-сентиентность, которую он готов признать, а не тяжеловесные К- и Н-сентиентности, интересуют большинство сентиентистов.

С другой стороны, если вдруг для нас важно также и то, что обеспечивает наличие сентиентности как таковой, какова ее природа, то Д-сентиентность, как и диетические квалиа, не совершает никакой теоретической работы в этом направлении. Что же та-

кое 'субъективный опыт', остается неясным. Но ничто не мешает нам разделять проблему обоснования морального статуса и проблему объяснения природы субъективного опыта, так как в первом случае нас интересует само наличие опыта, которое иллюзионисты (как, впрочем, и другие стороны дискуссии о природе опыта) могут признать без требования предоставить дополнение в виде ответа на вопрос об онтологическом статусе этого опыта. Ведь, как я упоминал, было бы избыточно требовать об сентиентиста решение проблемы феноменального сознания. Хотя при этом необходимо учитывать, что методология удостоверения наличия Д-сентиентности может напрямую зависеть от ответа на вопрос о ее природе. Но и в этом случае, если мы, например, не решимся выбирать аномальную К-сентиентность, не возникает обязательства останавливаться на Н-сентиентности, которая предполагает сильный тезис о наличии иллюзии К-сентиентности. Предложенные варианты не исчерпывают все возможные виды чувствительности. Вполне вероятно, что какой-нибудь минималистичный физикалистский вариант, не предполагающий никакой иллюзии, но позволяющий делать вывод о сентиентности существа на основании его физического или функционального устройства, окажется предпочтительным. Тот же функционализм — пусть и может быть оспорен сторонниками К-сентиентности, но остается неплохим вариантом для Д-варианта. Однако, как я уже отметил, подходов к удостоверению наличия Д-сентиентности может быть много, и они зависят от того, как мы объясняем наличие переживаний. Здесь проблемы, связанные с верификацией носят скорее технический характер, хотя и зависят от нашего определения субъективного опыта. В то время как верификация К-сентиентности невозможна по определению, что делает Д-вариант более предпочтительным.

Конечно, Д-сентиентность может не устроить все стороны даже в рамках обсуждаемых трех вариантов, так как признание наличия Д-сентиентности и признание ее в качестве того, что удостоверяет моральный статус, не влечет к признанию К-сентиентности или Н-сентиентности. Однако я не думаю, что это большая проблема. Состав сторонников понимания чувствительности, близкого к К-сентиентности, по всей видимости, весьма малочисленный, а сторонников Н-сентиентности, насколько мне известно, вовсе нет. Тем не менее стоит учитывать наличие опции настаивать на необходимости обладать возможностью испытывать именно феноменальный опыт, чтобы считаться существом, наделенным сентиентностью и, как следствие, моральным статусом. Хотя остается открытым вопрос, насколько такое требование оправданно, учитывая возникающие в результате трудности с дальнейшими исследованиями.

Заключение

В начале текста я задался вопросом о следствиях принятия иллюзионизма для сентиентистского подхода к обоснованию морального статуса. Если иллюзионизм ведет к отрицанию такого подхода, иллюзионисты сталкиваются с нежелательными импликациями, поскольку этическая значимость чувствительности широко принимается и кажется интуитивной в исследовательском сообществе (даже в том случае, если мы признаем трудности в регистрации наличия сентиентности). Каммерер в попытке защитить иллюзионизм даже предложил

два аргумента против сентииентности. Однако, как я попытался показать в тексте, его аргументы, как и общее беспокойство относительно совместимости иллюзионизма и сентииентизма, релевантны только при определенном понимании сентииентности. Так, я предложил три вида чувствительности, основываясь на трех видах квалиа: К-сентииентность (классические квалиа), Н-сентииентность (нулевые квалиа) и Д-сентииентность (диетические квалиа). Идея Каммерера актуальна только для К-сентииентности, которая заключается в способности испытывать феноменальный опыт. Однако сентииентист, если он по какой-то причине заинтересован ответить на вопрос о природе чувствительности, может использовать и Н-сентииентность, где существо должно быть способным испытывать квази-феноменальный опыт, который лишь кажется обладающим феноменальными свойствами. Такой вариант устраивает иллюзионистов, хотя и завывает требования к чувствительности за счет необходимости наличия иллюзии феноменальности, которая, по мнению Франкиша, не требуется для наличия сознательного опыта.

Есть и третий вариант — Д-сентииентность — способность обладать субъективными переживаниями. Если она не оказывается попыткой совместить феноменальный реализм и физикализм в вопросе обоснования морального статуса, то такой вариант избегает проблемы некогерентности, а проблема бессодержательности не возникает, так как понятие сентииентности предлагается для выдвижения тезиса не о природе чувствительности, о которой Д-сентииентность ничего не говорит, а о самом ее наличии в виде субъективного опыта. Единственное, что требуется от иллюзионистов в таком случае, — это признание наличия субъективного опыта. Поскольку они готовы это сделать, иллюзионистская теория совместима с Д-сентииентизмом, никаких нежелательных следствий не возникает, а попытки отвергнуть сентииентизм, чтобы спасти иллюзионизм, — результат толкования чувствительности как К-сентииентности, которая в действительности не является широко принимаемой.

Финансирование / Funding

Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University "Higher School of Economics".

Благодарности / Acknowledgments

Выражаю благодарность Константину Морозову за интересный доклад, по итогам обсуждения которого выходит эта статья.

I would like to thank Konstantin Morozov for the interesting presentation, the discussion of which led to this article.

Примечания

¹ Здесь и далее, говоря об обосновании или фундировании этики, моральных суждений или морального статуса, я имею в виду придание релевантности нормативности поведения в отношении агента/существа.

² В статье термины 'сентииентность' (sentience) и 'чувствительность' будут использованы в качестве синонимов.

³ Вызов ставит перед иллюзионистами проблему объяснения того, почему отрицание феноменального сознания не приводит к парадоксальным этическим следствиям, если мы признаем связь между феноменальностью и этической ценностью опыта.

⁴ Вероятно, Каммерер использует курсив именно для того, чтобы подчеркнуть феноменальный характер этих ощущений.

⁵ Иногда термин 'феноменальное сознание' используют вне связи с аномальными эпистемологическими характеристиками или нефизикалистской онтологией. В этих случаях речь идет, скорее, о феноменологии, под которой подразумевается не более чем субъективная сторона опыта. Но такие случаи не релевантны дискуссии о природе феноменального сознания.

Список источников / References

1. Kammerer F. The Normative Challenge for Illusionist Views of Consciousness. *Ergo: An Open Access Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 6, no. 32. P. 891–924. DOI: 10.3998/ergo.12405314.0006.032.
2. Dung L. Preserving the Normative Significance of Sentience. *Journal of Consciousness Studies*. 2024. Vol. 31, no. 1. P. 8–30. DOI: 10.53765/20512201.31.1.008.
3. Birch J. Materialism and the Moral Status of Animals. *The Philosophical Quarterly*. 2022. Vol. 72, no. 4. P. 795–815. DOI: 10.1093/pq/pqab072.
4. Lin E. The Experience Requirement on Well-Being. *Philosophical Studies*. 2021. Vol. 178, no. 3. P. 867–886. DOI: 10.1007/s11098-020-01463-6.
5. Mellor D. J. Welfare-Aligned Sentience: Enhanced Capacities to Experience, Interact, Anticipate, Choose and Survive. *Animals*. 2019. Vol. 9, no. 7. P. 1–16. DOI: 10.3390/ani9070440.
6. Kagan S. How to Count animals, More or Less. Oxford: Oxford University Press, 2019. 296 p.
7. Singer P. Practical Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 338 p.
8. Lewis C. I. Mind and the World-Order: Outline of a Theory of Knowledge. New York: Dover Publications. 1956. 446 p.
9. Chalmers D. J. Facing Up to the Problem of Consciousness. *Journal of consciousness studies*. 1995. Vol. 2, no. 3. P. 200–219.
10. Frankish K. Illusionism as a Theory of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23, no. 11–12. P. 11–39.
11. Chalmers D. J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford: Oxford University Press, 1997. 414 p.
12. Goff P. Consciousness and Fundamental Reality. Oxford: Oxford University Press, 2017. 256 p.
13. Strawson G. Mind and Being: The primacy of panpsychism. *Panpsychism: Contemporary Perspectives* / Eds. G. Вьлнtrup, L. Jaskolla. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 75–112.
14. Carruthers P. Phenomenal Consciousness: A Naturalistic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 368 p.
15. Rosenthal D. Consciousness and Mind. Oxford: Clarendon Press, 2005. 392 p.
16. Франкиш К., Горбачев М. Д. Квайнирование диетических квалиа. Часть II // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 48–59. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-8-48-59. EDN: RJQTCF. Frankish K., Gorbachev M. D. Kvaynirovaniye diyeticheskikh kvalia. Chast' II [Quining Diet Qualia. Part II]. *Voprosy filosofii*. 2024. No. 8. P. 48–59. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-8-48-59. EDN: RJQTCF. (In Russ.)
17. Kammerer F. Ethics without Sentience: Facing Up to the Probable Insignificance of Phenomenal Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2022. Vol. 29, no. 3–4. P. 180–204. DOI: 10.53765/20512201.29.3.180.

18. Browning H., Veit W. The Sentience Shift in Animal Research. *The New Bioethics*. 2022. Vol. 28, no. 4. P. 299–314. DOI: 10.1080/20502877.2022.2077681.
19. Browning H., Birch J. Animal Sentience. *Philosophy Compass*. 2022. Vol. 17, no. 5. P. 1–14. DOI: 10.1111/phc3.12822.
20. Kaufmann A. Introducing Individual Sentience Profiles in Nonhuman Primate Neuroscience Research. *Current Research in Neurobiology*. 2023. Vol. 5. P. 1–6. DOI: 10.1016/j.crneur.2023.100104.
21. Encyclopedia of Animal Behavior. Vol. 1–4 / ed. J. C. Choe. London: Academic Press, 2019. 3048 p.
22. Frankish K. Quining Diet Qualia. *Consciousness and Cognition*. 2012. Vol. 21, no. 2. P. 667–676. DOI: 10.1016/j.concog.2011.04.001.
23. Морозов К. Е. Нормативная проблема для панпсихизма // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62, №. 2. С. 144–161. DOI: 10.5840/eps202562227. EDN: HZKTEK.
- Morozov K. E. Normativnaya Problema Dlya Panpsikhizma [Normative Challenge for Panpsychism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2025. Vol. 62, no. 2. P. 144–161. DOI: 10.5840/eps202562227. EDN: HZKTEK. (In Russ.).
24. Frankish K. The Ethical Implications of Illusionism. *Neuroethics*. 2024. Vol. 17, no. 2. P. 1–15. DOI: 10.1007/s12152-024-09562-5.

ГОРБАЧЕВ Максим Дмитриевич, кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

SPIN-код: 9453-6534
 ORCID: 0000-0002-8374-5889
 ResearcherID: AGD-7154-2022
 Адрес для переписки: mgorbachev@hse.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 30.12.2025.

GORBACHEV Maxim Dmitrievich, Candidate of Philosophical Sciences, Research Fellow at the International Laboratory of Logic, Linguistics and Formal Philosophy, National Research University Higher School of Economics, Moscow.
 SPIN-code: 9453-6534
 ORCID: 0000-0002-8374-5889
 ResearcherID: AGD-7154-2022
 Correspondence address: mgorbachev@hse.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 30.12.2025.

УДК/UDC 179
DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-115-122
EDN: QWUYQM
Научная статья / Original article

ШИЗОФРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ*

М. Стокер

Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Перевод с английского

Д. А. Борода

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2

В статье рассматривается феномен моральной 'шизофрении' современных этических теорий — эгоизма, утилитаризма и деонтологии — возникающий из-за разрыва между заявляемыми основаниями-ценностями и реальными человеческими мотивами. Подобный разрыв исключает из поля этики любовь, дружбу и сочувствие, обедняя моральную практику и делая ее психологически нежизнеспособной. В статье автор показывает некоторые ограничения, которые мотивация накладывает на этическую теорию и жизнь, и продвигает наше понимание отношений между основанием и мотивом, критически сопоставляя указанные теории, демонстрируя, что их принятие ведет либо к обедненной, либо к раздвоенной моральной жизни.

Ключевые слова: этика, современные этические теории, мораль, шизофрения, эгоизм, причина, мотив.

Для цитирования: Стокер М. Шизофрения современных этических теорий = Stocker M. The Schizophrenia of Modern Ethical Theories / пер. с англ. Д. А. Борода // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 115–122. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-115-122. EDN: QWUYQM.

© Стокер М., Борода Д. А., 2026.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE SCHIZOPHRENIA OF MODERN ETHICAL THEORIES*

M. Stocker

The Australian National University, Canberra, Australia

Translated from English

D. A. Boroda

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Belarus, Minsk, Surganova St., 1/2, 220072

The article examines the phenomenon of moral 'schizophrenia' of modern ethical theories — egoism, utilitarianism and deontology — arising from the gap between the declared reasons-values and real human motives. Such a gap excludes love, friendship and sympathy from the field of ethics, impoverishing moral practice and making it psychologically unviable. In the article, the author shows some of the limitations that motivation imposes on ethical theory and life, and advances our understanding of the relationship between reason and motive, critically comparing these theories, demonstrating that their acceptance leads to either an impoverished or a bifurcated moral life.

Keywords: ethics, modern ethical theories, morality, schizophrenia, egoism, reason, motive.

© Stocker M., Boroda D. A., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Современные этические теории, за некоторыми, возможно, достойными исключениями, имеют дело только с основаниями, ценностями и оправданиями действий. Они не исследуют мотивы, мотивационные структуры и ограничения этической жизни. Они не только не способны сделать это, но и терпят неудачу как этические теории, если не занимаются этим, — как я буду утверждать в этой статье. Я также попытаюсь решить две взаимосвязанные задачи: показать некоторые ограничения, которые мотивация накладывает на этическую теорию и жизнь, и углубить наше понимание взаимосвязей между основанием и мотивом.

Один из признаков благой жизни — гармония между мотивами, основаниями, ценностями и оправданиями действий. Неспособность руководствоваться своими ценностями — тем, что человек считает хорошим, приятным, правильным, красивым и т. д., — признак недуга духа. Неспособность ценить то, что движет человеком, также свидетельствует о недуге духа. Такой недуг или подобные ему можно назвать *моральной шизофренией*, так как они представляют собой раскол между мотивами и основаниями¹.

Крайняя форма такой шизофрении характеризуется, с одной стороны, стремлением совершать поступки, которые человек считает плохими, вредными, отвратительными или унижительными; с другой стороны, отвращением, ужасом и смятением от того, что он хочет сделать. Возможно, подобного рода случаи редки. Однако более скромная форма шизофрении между основанием и мотивом встречается гораздо чаще, что можно наблюдать в многочисленных примерах слабоволия, нерешительности, чувства вины, стыда, самообмана, рационализации и недовольства самим собой.

По меньшей мере мы должны быть движимы нашими главными ценностями и ценить то, к чему устремлены наши основные мотивы. Такая гармония является признаком хорошей жизни. Действительно, можно задаться вопросом, возможно ли человеческое существование (хорошее или плохое) без подобного единства.

Однако это не означает, что во всех случаях лучше иметь такую гармонию. Для нас же будет лучше, если корыстные авторитарные люди будут чувствовать себя скованными своим моральным воспитанием, нежели станут использовать свои основания как мотивы. Для мира и его жертв было бы гораздо лучше, если бы Эйхман² не хотел делать то, что считал своим долгом³.

Нельзя также утверждать, что во всех сферах деятельности такая гармония нужна или даже особо способствует достижению того, что ценится. Во многих случаях это не так. К примеру, мотивы при замене проколотаго колеса в значительной степени не имеют отношения к тому, чтобы снова отправиться в путь. (Во многих подобных ситуациях даже не обязательно ценить желаемый результат.)

Кроме того, нельзя с уверенностью утверждать, что в каждой сфере, имеющей 'моральное значе-

ние', такая гармония является необходимым условием или особо способствует достижению того, что ценится. Многие морально значимые действия, такие как кормление больного, можно выполнять одинаково хорошо практически независимо от мотива. И, как утверждает Д. Росс, с которым, в некоторых случаях, соглашается Дж. Милль, для значительной части этики просто не существует философского вопроса о гармонии или дисгармонии между ценностью и мотивом: вы можете делать то, что правильно, обязательно и что является вашим долгом, независимо от того, каковы ваши мотивы для этого действия. Если ваша обязанность заключается в том, чтобы сдерживать обещание, вы выполняете эту обязанность независимо от того, делаете ли вы это из уважения к долгу, страха потерять репутацию или по какой-либо другой причине. Мотивы не имеют значения в случаях, когда речь идет о правильности, обязательности или долге.

Несмотря на весьма сомнительную состоятельность этой точки зрения в отношении правильности, обязательности и долга [подробнее см.: 1], остаются как минимум две проблемы. Первая заключается в том, что даже здесь возникает вопрос о гармонии. Какую жизнь вели бы люди, которые исполняли бы свои обязанности, но делали бы это без особого желания? Вторая проблема состоит в том, что долг, обязательство и правильность — это лишь одна часть этики. Можно даже сказать, что это всего лишь ее небольшая, выхолощенная, минимальная часть. Существует целая другая область ценностей личных и межличностных отношений и действий, а также область морального блага, достоинства и добродетели. В обеих этих областях мотив является существенной частью того, что имеет ценность; в них мотив и основание должны находиться в гармонии для того, чтобы ценности могли быть реализованы.

По этой причине, а также потому, что такая гармония является признаком хорошей жизни, любая теория, которая ее игнорирует, подвергает себя большой опасности. Любая теория, которая затрудняет или исключает такую гармонию, если и не осуждается, требует серьезной и убедительной защиты. Я собираюсь доказать, что современные этические теории (теории, которые преобладают в англоязычном философском мире) делают такую гармонию невозможной.

Критика современной этики

Размышления о сложности и многогранности нашей моральной жизни, о том, что имеет ценность, показывают, что современные этические теории чрезмерно сосредоточились на долге, правильности и обязательствах [подробнее см.: 1, 2]. Эта ошибка — чрезмерная концентрация — не могла бы быть допущена, если бы уже не была допущена ошибка, заключающаяся в невнимании к мотивам или к вопросам отношения мотивов к ценностям. Таким образом, первая ошибка подкрепляет и объясняет вторую, в которой мы находим гораздо бо-

лее серьезный недостаток современных этических теорий, чем чрезмерная концентрация: они либо приводят с необходимостью к шизофрении между основанием и мотивом в жизненно важных и всеобъемлющих областях ценностей, либо, напротив, позволяют нам жить в гармонии морально жалкой жизни, лишенной того, что действительно ценно. Невозможно, чтобы нравственные люди, то есть люди, которые хотели бы достичь того, что ценно, действовали на основе этих этических теорий, позволяли бы им определять их мотивы. Люди, которые позволяют этим теориям определять их мотивы, будут жить жизнью, лишенной того, что действительно является ценным.

Таким образом, эти теории вдвойне дефектны. Как этические теории, они не позволяют человеку достичь блага целостным образом. Как теории сознания, оснований и мотивов, человеческой жизни и деятельности, они проваливаются не только потому, что ставят нас в психологически неудобное, трудное или даже неприемлемое положение, но и потому, что делают нас и нашу жизнь сущностно фрагментированными и непоследовательными.

Тот вид дисгармонии, о котором я говорю, можно проиллюстрировать, рассмотрев проблему эгоистов, типичными представителями которых являются гедонистические эгоисты. Важными источниками личного удовольствия для них являются: любовь, дружба, привязанность, сопереживания и чувство общности. Но могут ли такие эгоисты получить эти самые удовольствия? Я думаю, что нет, — по крайней мере, пока они придерживаются мотива удовольствия-для-себя.

Причина этого не в том, что эгоисты не могут собраться и, так сказать, решить, вступить в любовные отношения. Конечно, они могут это сделать (оставим в стороне несущественные проблемы, связанные с решением сделать что-то подобное). Они могут делать различные вещи, направленные на получение такого удовольствия: вести увлекательные беседы, заниматься любовью, наслаждаться вкусной едой, смотреть интересные фильмы и так далее.

Тем не менее в такой жизни чего-то обязательно не хватает, а именно любви. Ведь для самого понятия любви необходимо заботиться о любимом человеке, быть готовым действовать ради него. Более того, нужно заботиться о любимом и действовать ради него, считая это конечной целью. Любимый человек или его благополучие должны быть конечной целью нашей заботы и действий.

Если моя забота о вас, или стремление сделать вас счастливыми, основано на моем желании жить спокойно и приятно для себя, то, безусловно, я не действую ради вас. Короче говоря, в той мере, в которой я действую различными способами по отношению к вам с конечной целью получения удовольствия — или, в более общем смысле, блага — для себя, я не действую ради вас.

Когда мы рассматриваем это таким образом, мы можем получить представление о том, почему эгоизм часто считается по своей сути чем-то одиозным. Он в основном сосредоточен на внешних отношениях с другими людьми, где, кроме их влияния на нас, один человек не отличается от другого и не является более важным, ценным или особенным, чем любой другой человек или даже любое другое существо. Индивиды как таковые не важны; важны лишь их воздействия на нас; они, по сути, взаимозаменяемы, подойдет любой другой человек с аналогичным влиянием. И это, как я предполагаю,

лично для меня было бы чем-то невыносимым. Думать о себе таким образом или верить, что человек, которого вы любите, думает о вас так же — невыносимо. И на концептуальных, а также психологических основаниях это несовместимо с любовью.

Можно предположить, что любовь такого рода не имеет большого значения. Но это было бы серьезной ошибкой. Любовь, о которой здесь идет речь, не ограничивается одним лишь современным пониманием романтического или сексуального влечения. Это также любовь между членами семьи, любовь к нашим близким друзьям и так далее. Какую жизнь могли бы вести люди, которые никогда не 'заботились' о ком-либо, кроме как в качестве средства достижения своих собственных интересов? И какую жизнь могли бы вести те, кто считает, что никто не любит их ради них самих, а только за то, как они служат интересам других?

Так же как стремление делать что-то ради другого человека или заботиться о нем ради него самого, необходимо для любви, оно необходимо для дружбы и всех близких отношений. Без этого, в лучшем случае, мы могли бы иметь хорошие, приятельские отношения. Аналогичным образом такого рода забота и внимание необходимы для сопереживания и чувства общности.

Прежде чем продолжить, давайте сравним мою критику эгоизма с более стандартной ее формой. Моя критика выглядит так: гедонистические эгоисты считают собственное удовольствие единственным оправданием своих поступков, деятельности и образа жизни, однако им следует признать, что любовь, дружба, привязанность, сопереживание и чувство общности являются одними из величайших источников личного удовольствия. Это значит, у них есть веские основания, исходя из их собственных же убеждений [grounds], вступать в такие отношения. Но они не могут действовать так, как требуется для получения этих удовольствий и величайших благ, если они действуют, руководствуясь мотивом удовольствия-для-себя. Они не могут действовать во благо любимого человека, друга и так далее; следовательно, они не могут любить или иметь друзей. Чтобы достичь этих величайших личных благ, они должны отказаться от эгоистичного мотива. Они не могут воплотить свои основания в своих мотивах. Их основания и мотивы делают их моральную жизнь шизофреничной.

Стандартная критика эгоистов заключается в том, что они просто не могут достичь такого рода неэгоистичных благ, что направление их действий, по сути, будет препятствовать их вовлечению в отношения с другими людьми соответствующими для этого способами и так далее. Данная критика не совсем состоятельна. Дело в том, что нет ничего противоречивого в том, чтобы эгоисты приняли политику, которая позволит им забыть, так сказать, что они эгоисты; политику, которая позволит и даже побудит их развивать такие конечные цели и мотивы, как забота о другом человеке ради него самого. Действительно, как часто утверждается, мудрый эгоист поступил бы именно так.

Подобный ответ ставит ряд вопросов. Останется ли трансформированный таким образом человек эгоистом? Важно ли для защиты эгоизма, чтобы человек оставался эгоистом? Или важно лишь то, чтобы человек жил так, как это одобрил бы эгоист? Конечно, для трансформации человека от эгоистической мотивации к заботе о других людях необходимо, чтобы человек-эгоист утратил созна-

тельный контроль над собой. Это поднимает вопрос относительно того, смогут ли такие люди проверять и следить за тем, насколько успешно их преобразованные 'я' справляются с достижением эгоистически одобренных целей. Будет ли у них внутренний будильник, который время от времени будет пробуждать их от неэгоистических трансформаций, позволяя им корректировать эти трансформации, если они не получают достаточного личного удовольствия или, в более общем смысле, чего-то в достаточной мере благого? Полагаю, что это отнюдь не исключено. Однако их жизнь едва ли была бы идеальной или даже удовлетворительной. Плохо иметь личность, которую нужно скрывать от других. А теперь представьте себе личность, которую нужно скрывать от самого себя. Вероятно, это все-таки возможно. Если это так, то кажется, что эгоисты могут быть в состоянии противостоять этой второй критике. Но это не затрагивает мою критику: что они не смогут воплотить собственные основания в своих мотивах; что им придется вести раздвоенную, шизофреническую жизнь, чтобы достичь того, что является благом.

Это можно было бы рассматривать как недостаток только таких этических теорий, как эгоизм. Но рассмотрим формы утилитаризма, которые утверждают, что действие является правильным, обязательным или каким-либо иным образом допустимым тогда и только тогда, когда оно оптимально с точки зрения баланса удовольствия и боли (или взвешенных ожиданий относительно них). Такая точка зрения подразумевает, что единственным хорошим основанием для действия является удовольствие, а не боль, и поэтому нам следует высоко ценить любовь, дружбу, привязанность, сопереживание и чувство общности. Предположим теперь, что вы руководствуетесь этим утилитарным основанием как мотивом в своих действиях и мыслях по отношению к кому-то. Какими бы ни были ваши отношения с этим человеком, это не будет любовью (так же как не будет дружбой, привязанностью, сопереживанием или чувством общности). Человек, которого вы якобы любите, привлекает ваше внимание и побуждает к действиям не ради него самого, а скорее как источник удовольствия.

Проблема заключается не просто в том, что удовольствие принимается за единственное благо, единственную характеристику, оправдывающую действие. Чтобы в этом убедиться, рассмотрим формалистский утилитаризм Дж. Мура, который призывает нас максимизировать благо, не утверждая при этом, что он определил все виды блага. Если, в чем я согласен с Муром, любовные отношения и что-то подобное им являются благом, как может возникнуть здесь какая-либо дисгармония? Разве нельзя воплотить в жизнь оправдывающее основание Мура как мотив и при этом любить? Я так не думаю.

Во-первых, если вы пытаетесь поддерживать любовные отношения ради блага, то нет никакой существенной приверженности даже этой деятельности, не говоря уже о вовлеченных в нее людях. В той мере, в какой это касается блага, вы могли бы относиться к любви так же, как к виду спорта, например, катанию на лыжах, или к увлечению, например, написанию стихов, или к удовольствию, например, от вкусной еды... Можно было бы предположить, что особенность этого блага — блага любви — заключается в том, что оно рассматривается не просто в качестве блага, но как нечто действи-

тельно благое, или как конкретное, уникальное благо. Однако в таком случае мы снова сталкиваемся с безличным отношением к людям. Любой другой человек, который смог бы вызвать столько же этого блага, был бы столь же подходящим объектом любви, как и ваш возлюбленный. На это можно было бы возразить, что именно такое благо и должно быть целью, акцентируя личные и индивидуальные черты, связывающие людей в любовных отношениях. Но теперь неясно, в каком смысле ищется благо, как и неясно, предписывает ли по-прежнему теория его максимизировать⁴. Да, теория говорит нам добиваться этого блага, но теперь мы не можем отделить то, что является благом — любовь — от ее благодати. А это просто не соответствует утилитаризму Мура.

Подобно тому, как эгоизм и вышеупомянутые формы утилитаризма требуют шизофреники между основанием и мотивом, не допуская никакой любви, дружбы, привязанности, сопереживания и чувства общности, этого же требуют и современные формы утилитаризма правил и деонтологии.

Человек — это то, чего не хватает в этих теориях. Ведь любовь, дружба, привязанность, сопереживание и чувство общности требуют, чтобы другой человек был неотъемлемой частью того, что ценится. Цениться должен именно сам этот человек, а не просто набор его общих ценностей или даже человек-как-производитель-или-носитель-общих-ценностей. Недостаток этих теорий в отношении любви заключается не в том, что они не ценят любовь (что, впрочем, бывает довольно часто), а в том, что они не ценят возлюбленного. Действительно, человек, который ценит и стремится к простой любви, то есть к любви-в-целом или любви-в-целом-проявляемой-этим-человеком, 'упускает' из виду своего возлюбленного так же, как и сторонник тех теорий, которые я критиковал.

Однако проблема с этими теориями не заключается в том, чтобы видеть *других* людей-как-ценных. Проблема именно с *людьми*-как-ценностями. Точно так же, как они это делают в отношении других людей, современные этические теории препятствуют нам любить, заботиться и ценить себя, в отличие от любви, заботы и признания наших общих ценностей-в-целом или нас-саших-как-производителей-или-носителей-общих-ценностей. В этих теориях, переполненных внешними факторами, в равной степени исчезает или не появляется как наше 'Я', так и другие люди. Их миры, переполненные внешними проявлениями того, что имеет внутреннюю ценность, не являются солипсическими; скорее, они полностью лишены всех людей⁵.

Общезвестно, что трудно иметь дело с людьми как таковыми. Трудно по-настоящему заботиться о них ради них самих. Это психически изматывающе и утомительно. Это ставит нас в слишком открытую и уязвимую позицию. Однако также важно учитывать и то, что происходит с нами, как индивидуально, так и в группах, начиная с обычной пары людей и заканчивая целым обществом, когда мы воспринимаем и относимся к другим лишь как к внешним объектам, как к сущностям заменимым, как к простым инструментам или хранилищам общей и обезличенной ценности; и что с нами происходит, когда с нами так обращаются или когда мы верим в то, что с нами так обращаются.

По меньшей мере такие отношения расчеловечивают. Чтобы описать это более детально, требуется полное философско-антропологическое исследование, показывающее возможность таких

личных отношений, как любовь и дружба, как они соотносятся с более широкими способами и структурами человеческой жизни и как они, возможно, позволяют развиваться тем отношениям, которые составляют основу достойной человеческой жизни; короче говоря, как они между собой взаимодействуют для создания полноты нашей жизни, полной эвдемонии.

При этом следует признать, что в понятии ценности человека и человека-как-ценности есть множество неясностей и трудностей. Когда мы задумываемся об этом, — например, о том, что и почему мы ценим, — нам кажется, что мы либо исключаем человека и в итоге имеем дело с человеком-как-производителем-или-носителем-общих-ценностей или его общими ценностями, либо исключаем даже их и остаемся с чистым отдельным эго.

Во всем этом, возможно, нам стоит поучиться у эгоистов. Их инстинкты, по крайней мере, должны подсказывать им включать себя в набор своих ценностей, пусть и у каждого из них собственный. Несмотря на риск превратиться в абсурд или же полностью потерять привлекательность своей точки зрения, — то, что они находят привлекательным и благим в благо-для-себя, должно быть не только благом, но и прежде всего для-себя.

На этом этапе было бы полезным повторить некоторые из уже обсуждавшихся мной вещей, как и сформулировать ряд вещей, о которых я еще не упоминал. На протяжении всего текста я беспокоился о том, какие мотивы могут быть у людей, если они хотят реализовать величайшие блага любви, дружбы, привязанности, сопереживания и чувства общности. Я утверждал, что, если мы принимаем в качестве мотивов либо воплощаем в наших мотивах различные вещи, которые современные этические теории считают в конечном счете благими или правильными, мы с необходимостью окажемся не в состоянии иметь эти мотивы. Любовь, дружба, привязанность, сопереживания и чувство общности, как и многие другие состояния и виды деятельности, сущностным образом содержат определенные мотивы и исключают некоторые другие; среди исключенных мы находим мотивы, составляющие оправдания, цели и блага наиболее известных сегодня этических теорий. Воплощать в своих мотивах ценности современных этических теорий означает относиться к людям лишь как к внешним объектам и исключать любовь, дружбу, привязанность, сопереживания и чувство общности — как по отношению к другим людям, так и по отношению к самому себе. Чтобы обрести эти величайшие блага, придерживаясь современных этических теорий, требуется шизофрения между основанием и мотивом.

Я не утверждаю, что если вы есть успешные любовные отношения, дружба и т. д., то вы не сможете достичь оправданий, целей и благ, которые предполагают эти теории. Вы можете их достичь, но не пытаться напрямую следовать им. Или, точнее, ровно в той мере, в какой вы живете в соответствии с ними, вы не сможете достичь постулируемых ими благ.

До сих пор я поднимал вопрос о дисгармонии, раздвоении, шизофрении только в случаях личных отношений: любви, дружбы, привязанности, сопереживания и чувства общности. Я бы сказал, что важность этих видов отношений достаточна, чтобы подтвердить мои доводы. Тем не менее давайте рассмотрим еще одну сферу жизни человека — стрем-

ление к исследованиям как поиски понимания и мудрости. И хотя здесь я не столь уверен, я все же полагаю, что многие из моих обвинений применимы и в этом случае.

Вполне возможно, следующий пример является лишь частным случаем, но, как кажется, его стоит рассмотреть. Вас поместили в психиатрическую клинику, и вы, естественно, очень хотите оттуда выбраться. Вы спрашиваете психиатра, когда вас выпустят; он отвечает: «Довольно скоро». Вы выясняете, что вместо того, чтобы говорить пациентам то, во что он действительно верит, он сообщает им то, что считает было бы благом для них услышать (то, во что им полезно было бы верить). Вероятно, вы могли бы 'разгадать его скрытые намерения' ['crack his code'], открыв для себя медицинские теории, которых он придерживается в своей практике, и его убеждения о вас. Тем не менее ваши дальнейшие с ним разговоры, если их можно так назвать, вряд ли можно было бы назвать образцом исследования. Я не настолько уверен, что мы окажемся в другой ситуации при столкновении с людьми, которые занимаются исследованиями ради них самих, ради славы Божьей, ради высшего удовольствия или даже ради высшего блага. Мы вполне можем разгадать их скрытые намерения: например, мы могли бы выяснить, что некто считает нахождение истины в определенной области своим наилучшим шансом на академическое продвижение. И все же...

(Имеет ли здесь значение остаточное сомнение «А что, если он верит в то, что продвижение по карьерной лестнице получают те, кто больше всего нравится старшим профессорам; и как мы можем узнать, во что он действительно верит?» И отличается ли оно как-то существенно от «А что, если он перестанет ценить истину как таковую; и как мы можем узнать, что он действительно ценит?». Вполне возможно, если целью является понимание, а не 'просто знание', то такая разница есть.)

Можно было бы ожидать, что в тех сферах, которые явно касаются мотивов и их оценки, этические теории не приведут нас к уже отмеченной дисгармонии или соответствующим формам морально-дефектной жизни. И в какой-то степени это ожидание оправдывается. Однако даже в отношении моральных достоинств и недостатков, моральной похвалы и порицания, моральных добродетелей и пороков, ситуация мало чем отличается. Снова возникает проблема внешнего отношения и обезличивания, а также связанная с ней дисгармония.

Стандартная точка зрения заключается в том, что морально благое намерение является важной составляющей морально благого поступка. Это кажется вполне правильным. Согласно этой точке зрения, морально благое намерение — это намерение совершить действие ради его благости или правильности. Но теперь представьте, что вы находитесь в больнице, восстанавливаясь после долгой болезни. Вам очень скучно, вы беспокойны и не знаете, чем заняться. Но тут вы вспоминаете, что ваш приятель Смит проводит вас почти каждый день. Вы теперь верите, более чем когда-либо, что он замечательный человек и настоящий друг: он тратит столько времени, чтобы развеселить вас, приезжая через весь город и т. д. Вы так щедро хвалите и благодарите его, что он протестует, говоря, что всегда старается делать то, что считает своим долгом, то, что, по его мнению, будет лучше всего. Сначала вы думаете, что он просто вежливо принимает себя, снимая с себя моральное бремя. Но чем больше вы

с ним разговариваете, тем яснее становится, что он говорит правду: он пришел к вам не потому, что вы друзья, а потому, что считал это своим долгом, возможно, как христианин или коммунист, или по какой-то другой причине, или просто потому, что не знает никого более нуждающегося в поддержке и кого было бы легче подбодрить.

Очевидно, здесь чего-то не хватает, а именно морального достоинства или ценности. Этот недостаток можно отнести к двум взаимосвязанным моментам: во-первых, опять же, неверный мотив указан в качестве должного; а во-вторых, по крайней мере, в данном конкретном случае этот неверный мотив сущностным образом внешний⁶.

Вопросы и заключительные замечания

Я предположил, что основания, ценности и обоснования этических теорий должны быть такими, чтобы мы могли воплотить их в своих мотивах и при этом действовать морально и достигать блага. Но почему следует это предполагать? Возможно, нам стоит рассматривать этические теории как формы поощрения к непрямым действиям — получать желаемое через стремление к чему-то другому. Например, говорят, что экономическое всеобщее благосостояние достигается не путем стремления каждого к нему, а путем стремления каждого к собственному благосостоянию. Или мы можем считать этические теории лишь индикаторами, а не определяющими факторами того, что является правильным и благим.

Теории непрямого действия имеют свои особые проблемы. Всегда существует огромный риск получить вместо того, что мы действительно хотим, что-то другое. Есть также две связанные между собой проблемы. Во-первых, теория, поддерживающая не прямые действия, должна быть дополнена другой теорией мотивации, которая бы объясняла, какие мотивы подходят для каких действий. Такая теория также должна объяснять прямые и не прямые связи между мотивом и реальной целью.

Во-вторых, вполне возможно, не так уж и проблематично говорить о не прямых действиях в таких масштабных и затрагивающих интересы целых коллективов вопросах, как экономика общества. Но в отношении чего-то настолько личного, близкого и внутреннего для человека, как этика, разговор о не прямых действиях кажется, как минимум, неправдоподобным и сбивающим с толку. Неправдоподобным в том смысле, что мы, по-видимому, не действуем не прямо, по крайней мере, не в таких сферах жизни, как любовь, дружба, привязанность, сопереживание и чувство общности. В этих случаях наш мотив напрямую связан с любимым человеком, другом и т. д., так же как и наше основание. Когда мы делаем что-то для любимого ребенка или родителя, нет необходимости обращаться к основаниям, найденным в современных этических теориях. Разговор о не прямых действиях сбивает с толку, поскольку мешает действиям и их пониманию, ведь как только мы начинаем верить в то, что существует нечто большее за такими действиями, как любовь, что необходимо для их оправдания, мы можем продолжать их только благодаря чему-то, подобному самообману.

Частичным оправданием этих этических теорий может быть то, что они не предназначены для того, чтобы давать нам одновременно как основания, так и мотивы; их цель — лишь предоставить индикаторы блага и правильности, а не определяющие факторы.

Формально в таком понимании этических теорий нет ничего плохого. Но возникает ряд вопросов. Почему мы должны интересоваться такими теориями, которые нельзя применить на практике? Почему бы просто не иметь теорию, которая позволяет нам достичь гармонии между основанием и мотивом? Теорию, которая предоставляет определяющие факторы? Разве нам не нужна такая теория? Это верно, что наших предваряющих анализ взглядов может быть достаточно для оценки индикаторных теорий. Возможно, нам не нужна определяющая теория, чтобы выбрать правильную индикаторную теорию. Но разве нам не нужна определяющая теория, чтобы понять, почему тот или иной конкретный индикатор является корректным, почему он работает, чтобы знать, что благого в том, индикатором чего он является⁷?

Еще одним частичным оправданием современных теорий может служить то, что, во-первых, они почти полностью сосредоточены на вопросах правильности, обязательствах и долге, а не на всей этике в целом; и, во-вторых, что в этой ограниченной области они не страдают от дисгармонии или шизофрении. В какой-то степени такое оправдание, особенно второй пункт, рассматривалось мной выше. Но стоит сказать больше. Возможно, сейчас уже стало достаточно очевидным, что современные этики игнорируют большие и чрезвычайно важные области морали — например, вопросы личных отношений и достоинств. В этом отношении первый пункт оправдания верен. Однако далеко не очевидно, были ли эти теории выдвинуты лишь как частичные теории или же их сторонники считали, что долг и тому подобное на самом деле являются всей этикой или, по крайней мере, единственно важной ее частью.

Нам могли бы посоветовать забыть о прежних мотивах и убеждениях и просто взглянуть на эти теории, чтобы понять, какую пользу они могут нам принести. Возможно, они ошибались в отношении объема и важности долга. Тем не менее они могли быть правы относительно рассматриваемых концепций. В ответ на это следует сделать несколько замечаний. Во-первых, они ошибались в отношении этих концепций, как показало бы даже краткое изучение понятий суперерогации⁸ и эгоизма. Во-вторых, эти теории вводят нас в опасное заблуждение; их слишком легко можно истолковать так, будто вся этика может рассматриваться с внешней точки зрения, по модели законодательства⁹ и индикаторным образом. В-третьих, принятие таких теорий как частичных создает серьезные проблемы интеграции внутри системы этического знания. Поскольку эти теории так сильно отличаются от тех, что касаются, например, личных отношений, каким образом можно было бы их все интегрировать в единое целое? Конечно, этот третий пункт может и не быть критикой основанных на понятии долга теорий, а всего лишь признанием великого разнообразия и сложности нашей моральной жизни¹⁰.

В заключение можно задать вопрос, как современные этические теории пришли к выводу о необходимости либо выхолащенной моральной жизни, либо дисгармонии, шизофрении. Один из наборов (довольно спекулятивных) ответов касается вопросов преобладания понятий долга, правильности и обязательства в этих теориях. Это преобладание естественным образом согласуется с теориями, разработанными в эпоху ослабления личных отношений; во времена, когда связи, объединяющие людей

и смягчающие трения в самого разного рода начинаниях, все менее и менее основывались на чувствах привязанности; во времена, когда коммерческие отношения заменяли семейные (или подобные семейным); в эпоху нарастающего индивидуализма. Оно столь же естественным образом связано с главной заботой философов той самой эпохи — законодательством. Когда речь шла о законодательстве, их интересовали долг, правильность и обязательность. (Конечно, здесь возникает уместный вопрос: почему их интересовало именно законодательство, особенно такого рода? На него отчасти уже был предоставлен ответ и за его пределы я распространяться не буду.) Рассматривая мораль с точки зрения законодателя и принимая такое законодательство за модель, вопросы мотивов очень быстро становятся несущественными. Законодатель хочет, чтобы те или иные вещи были либо сделаны, либо не сделаны; ему неважно, почему они делались или не делались теми или иными людьми, поскольку полагаться можно только на действия и на знания о них, но не на их мотивы. (Это также связано с общим обеднением наших эмоций и эмоциональных возможностей — восприятием наших эмоций как простых чувств или побуждений, лишенных рационального или когнитивного содержания и ограничений; и представлением о нас как об искателях удовольствий и избегателях боли, — забывая или отрицая, что любовь, дружба, привязанность, сопереживание и стремление к добродетели являются чрезвычайно влиятельными движущими силами нашего поведения.) С этим связана законодательная точка зрения, или, проще говоря, точка зрения третьего лица, которая уверяет нас в том, что с людьми все хорошо, если они счастливы, если они делают то, что приносит им удовольствие, и тому подобное. Следствие гарантирует причину — в эпистемическом смысле (Хотя можно задаться вопросом, нет ли здесь распространенной эмпирической путаницы между *ratio cognoscendi*¹ и *ratio essendi*²?).

Таким образом, эти различные факторы могут помочь объяснить эту довольно примечательную инверсию (используя понятие Маркса): принятие 'следствия', в виде удовольствия и тому подобного, за 'причину' — благую деятельность.

Формалистский утилитаризм Мура и традиционные взгляды на морально благое действие тоже страдают чем-то похожим на инверсию. Однако здесь она связана не с причинно-следственными отношениями, а с философскими аспектами. Все выглядит так, будто эти философы пришли к заключению, что, поскольку всевозможные разные виды блага могут быть классифицированы как благие, их благость заключается именно в этом, а не наоборот. Наиболее общая классификация, как кажется, была реифицирована и сама по себе принята за морально значимую цель.

Подобные инверсии могут помочь ответить на вопрос, мучающий меня в этой статье: почему я говорю о том, что современная этика страдает от шизофрении, двуличия, дисгармонии? Почему бы мне просто не заявить, что современные этические теории ошибочны в своем определении блага и зла, правильного и неправильного? Ведь вполне очевидно, что если мы стремимся к неправильной цели, то (с большой вероятностью) мы не достигнем того, чего действительно хотим, — того, что является благом, и тому подобного. Причина, по которой я утверждаю, что это не просто ошибка, заключается в том, что эта ошибка хорошо обоснована; она

тесно связана с истиной и обладает многими чертами этой самой истины. Возьмем всего два примера. Благая деятельность (за исключением случаев невезения и неблагоприятных обстоятельств) действительно приносит удовольствие; любовь, несомненно, приносит пользу любящему. Таким образом, есть большая вероятность считать благом то, что эти теории выдвигают на роль блага. Но когда мы пытаемся действовать на основе этих теорий, пытаемся воплотить их основания в наших мотивах (вместо того, чтобы просто проверить, соответствуют ли эти теории нашей жизни или жизни других людей), тогда совершенно безумным образом все начинает идти не так, как мы рассчитывали. Личностные качества любимых людей игнорируются, а моральные действия становятся самоопустошительными и саморазрушительными. И, пожалуй, величайшее безумие из всех заключается в двух моментах (которые находятся в порочной взаимосвязи): во-первых, мир все больше и больше обустроивается так, чтобы сделать эти теории верными; во-вторых, мы принимаем эти теории за верные и, тем самым, начинаем видеть любовь, дружбу и тому подобное только как возможные и не очень надежные источники удовольствия или чего-то подобного. Мы ошибочно принимаем следствие за причину, и когда причина, рассматриваемая как следствие, не вытекает из следствия, рассматриваемого как причина, мы обесцениваем первое, низводя его, в лучшем случае, до уровня инструментального блага, или блага как средства, и бросаемся в объятия второго, удивляясь, почему выбранные нами блага так пусты, горьки и бесчеловечны.

Примечания

¹ Я хотел бы поблагодарить всех, кто ознакомился или читал различные версии этой статьи, и чьи комментарии оказали мне огромную поддержку и помощь.

² Здесь и далее под 'основаниями' [reasons] будут также подразумеваться 'ценности' [values] и 'оправдания' [justifications].

³ Отто Адольф Эйхман — нацистский военный преступник, был одним из 'архитекторов Холокоста', отвечал за преследование и уничтожение евреев во времена Второй мировой войны [примечание переводчика. — Д. Б.].

⁴ Можно даже было бы задаться вопросом, что лучше для таких людей, иметь или не иметь подобную гармонию между основаниями и мотивами, учитывая их злые мотивы или ценности; и каким образом они могли бы встать на путь морального исправления. Хотя на такие вопросы, возможно, и нет ответов.

⁵ Признание внутренней ценности любви и людей, состоящих в определенных отношениях, помогает выявить ошибочность ряда взглядов на рациональное (или целесообразное) поведение. Во-первых, относительно максимизации: так, если вы цените 'экземпляр' *C* и если в состоянии *S* больше *C*, чем в состоянии *S'*, вы действуете разумно только в том случае, если вы выбираете *S* — если только у *S'* нет большего количества чего-то другого, ценного для вас, чем у *S*, или ваши затраты на приобретение *S*, в отличие от *S'*, не слишком высоки, или вы недостаточно хорошо информированы. В тех случаях, где *C* — любовь (а в действительности, где *C* — многие, если не большинство, ценных вещей), это не работает, даже если все задействованные ценности являются эгоистичными. Во-вторых, относительно внимания к разнице ценности, ее осознания и ее значения для рациональных действий: просто представьте себе человека, который (часто) проверяет, были ли любовные отношения с другим человеком 'лучше', чем его нынешняя любовь.

⁵ Исключением из этого правила является то, что Мур рассматривает дружбу как внутреннее благо. Но если предыдущая критика Мура справедлива, то его понимание дружбы вносит в его теорию серьезные противоречия, граничащие с непоследовательностью.

⁶ Чтобы избежать подобной проблемы, рекомендую обратиться к моей статье *Морально благие намерения* [3], где утверждается, что благодетель и правильность не обязательно должны быть объектами морально благого намерения, ими скорее могут быть различные блага или правильные поступки.

⁷ Использование современных теорий в качестве индикаторных помогло бы разрешить один из самых давних споров в этической философии — спор, в котором Аристотель и Маркс оказались на стороне победителей, а многие, если не большинство современных специалистов по этике — на противоположной. Спор касается условной объяснительной роли удовольствия, благой деятельности и благой жизни. Грубо говоря, многие утилитаристы и не только они придерживаются мнения, что деятельность является благой только потому и постольку, поскольку она приносит удовольствие; Аристотель и Маркс, по крайней мере, в отношении многих удовольствий, придерживаются мнения, что если они и являются для нас благом, то это лишь потому, что они вызваны благой деятельностью. Проблема аморальных удовольствий многим казалась наиболее важным прецедентом в этом споре. В той мере, в какой верны отстаиваемые в моей статье взгляды, у нас есть иной способ разрешить данный спор. Ибо, если я прав, удовольствие не может быть тем, что делает любую благоую деятельность благой, даже если исключить из него все аморальные удовольствия. Должна существовать такая деятельность, например, как любовь или дружба, которая делает некоторые удовольствия благом.

⁸ Суперерогация (от лат. *supererogare* — делать больше, чем требуется) представляет собой действия, которые морально желательны, но не обязательны. В рамках этических теорий суперерогационные поступки часто рассматриваются как выходящие за пределы минимальных моральных требований, что ставит вопрос о природе морального долга и добродетели. Например, в рамках утилитаризма суперерогация может быть оценена через призму максимизации общего блага, тогда как деонтологические теории могут акцентировать внимание на обязанностях индивида [примечание переводчика. — Д. Б.].

⁹ О так называемой 'законодательной модели' этики см. ниже.

¹⁰ Отчасти эту сложность можно объяснить следующим образом: долг кажется уместным в наших отношениях с любимыми людьми и друзьями только тогда, когда наша любовь, дружба и привязанность теряют былую силу. Если в семье 'все хорошо', ее члены 'естественным образом' помогают друг другу; то есть их любви, привязанности и глубокой дружбы достаточно для того, чтобы они заботились друг о друге и помогали друг другу (если выразиться чуть более сдержанно). Такие 'чувства' иногда ослабевают. В такие моменты приходится апеллировать к долгу или обращаться к помощи (со стороны заинтересованного агента или других лиц), чтобы сделать хотя бы малую толику из того, что обычно обеспечивает любовь. В какой-то степени частота, с которой один член семьи действует по отношению к другому из чувства долга, а не из любви, является показателем недостатка любви у первого члена семьи по отношению ко второму. Но это не означает, что не существует обязанностей, связанных с любовью, дружбой и тому подобным.

¹¹ Термин '*ratio cognoscendi*' (лат. 'основание познания') обозначает принцип или критерий, на основе которого формируется знание о чем-либо. В философии этики этот термин часто используется для обсуждения источников морального знания и обоснования этических норм. Например, в контексте морального реализма *ratio cognoscendi* может включать в себя интуитивные осознания моральных истин [примечание переводчика. — Д. Б.].

¹² Термин '*ratio essendi*' (лат. 'основание сущности') относится к причине или основе существования чего-либо. В этической философии этот термин может использоваться при анализе метаэтических вопросов, в частности, вопросов о том, что делает моральные утверждения истинными или ложными [примечание переводчика. — Д. Б.].

Список источников / References

1. Stocker M. Act and Agent Evaluations. *The Review of Metaphysics*. 1973. Vol. 27, no. 1. P. 42–61.
2. Stocker M. Rightness and Goodness: Is there a Difference? *American Philosophical Quarterly*. 1973. Vol. 10, no. 2. P. 87–98.
3. Stocker M. Morally Good Intentions. *The Monist*. 1970. Vol. 54, no. 1. P. 124–141. DOI: 10.5840/monist19705419.

Сведения о переводчике

БОРОДА Дарья Андреевна, магистр культурологии, аспирант Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

ORCID: 0009-0000-8142-9754

ResearcherID: LMN-9082-2024

Адрес для переписки: darya.boroda.00@mail.ru

Источник перевода:

Stocker M. The Schizophrenia of Modern Ethical Theories // *The Journal of Philosophy*. 1976. Vol. 73, no. 14. P. 453–466. DOI: 10.2307/2025782.

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 09.07.2025; одобрена после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 20.01.2026.

About the translator

BORODA Darya Andreevna, Master of Cultural Studies, Postgraduate, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

ORCID: 0009-0000-8142-9754

ResearcherID: LMN-9082-2024

Correspondence address: darya.boroda.00@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 09.07.2025; approved after reviewing 12.01.2026; accepted for publication 20.01.2026.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СРЕДИ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ УНИВЕРСИТЕТОВ

И. А. Анисимова¹, Е. В. Ходорева², В. В. Шалай³

¹Всероссийский научно-исследовательский институт труда
Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации,
Россия, 105043, г. Москва, ул. 4-я Парковая, 29

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 109028, г. Москва, Покровский бульвар, 11

³Омский государственный технический университет, Россия, 644050, г. Омск, пр. Мира, 11

В статье изучается востребованность системы высшего образования и измеряется постобразовательная миграция выпускников вузов в региональном разрезе. Приводится типология регионов РФ на основании совокупности двух показателей: востребованности региональной системы высшего образования у выпускников школ и миграции выпускников вузов этих регионов, что позволяет измерить состояние системы как на «входе», так и на «выходе» по данным 2024 г.

Авторы выделяют проблематику влияния постобразовательной миграции на экономику регионов и риски, которые несет в себе дифференциация в востребованности системы высшего образования в различных регионах РФ.

Ключевые слова: постобразовательная миграция, востребованность системы высшего образования, межрегиональная образовательная миграция, регионы-магниты, регионы-доноры, регионы-транзиты, замкнутые регионы.

Для цитирования: Анисимова И. А., Ходорева Е. В., Шалай В. В. Востребованность региональных систем высшего образования Российской Федерации среди выпускников школ и межрегиональная мобильность выпускников университетов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 123–135. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-123-135. EDN: YMUGIB.

© Анисимова И. А., Ходорева Е. В., Шалай В. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

DEMAND FOR REGIONAL HIGHER EDUCATION SYSTEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION AMONG SCHOOL GRADUATES AND INTERREGIONAL MOBILITY OF UNIVERSITY GRADUATES

I. A. Anisimova¹, E. V. Khodoreva², V. V. Shalay³

¹All-Russia Research Institute of Labour, Russia, Moscow, 4 Parkovaya St., bld. 29, 105043

²National Research University Higher School of Economics,
Russia, Moscow, Pokrovskiy Blvd., 11, 109028

³Omsk State Technical University, Russia, Omsk, Mira Ave., 11, 644050

The article examines the demand for the higher education system and measures of post-educational migration of university graduates at the regional level. A typology of regions of the Russian Federation is presented based on a combination of two indicators of the demand for the regional higher education

system among school graduates and the migration of university graduates from these regions, which allows measuring the state of the system both at the "input" and at the "output" according to data of 2024.

The authors highlight the impact of post-educational migration on the regional economies and the risks posed by the differentiation in demand for the higher education system in various regions of the Russian Federation.

Keywords: post-educational migration, demand for the higher education system, interregional educational migration, magnet regions, donor regions, transit regions, closed regions.

For citation: Anisimova I. A., Khodoreva E. V., Shalay V. V. Demand for regional higher education systems in the Russian Federation among school graduates and interregional mobility of university graduates. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026. Vol. 11, no. 1. P. 123–135. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-123-135. EDN: YMUGIB.

© Anisimova I. A., Khodoreva E. V., Shalay V. V., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

В связи с общей неблагоприятной демографической ситуацией усиливаются риски возникновения дефицита кадров в первую очередь для территорий с низким уровнем производительности труда и существенным оттоком населения.

Согласно демографическому прогнозу Федеральной службы государственной статистики, численность населения в трудоспособном возрасте страны к 2030 г. достигнет 87,3 млн чел., после чего перестанет расти. При такой численности населения в трудоспособном возрасте дефицит рабочей силы составит более 2 млн чел. На фоне дефицита кадров уровень безработицы по методологии Международной организации труда имеет устойчивую тенденцию к сокращению [1].

Таким образом, на российском рынке труда в последние годы сложился специфический дисбаланс, когда напряженность связана не с безработицей, а с нарастающим дефицитом рабочей силы. Уровень безработицы продолжает падать. Так, в 2024 г. он составил 2,3 % [2] (рис. 1).

В данном контексте риски дефицита трудовых ресурсов в пространственном отношении распределяются неравномерно, и перспективные места приложения труда могут не совпадать с территориями избыточной концентрации рабочей силы. Вследствие чего возникает потребность в привлечении рабочей силы, в том числе из других федеральных округов Российской Федерации.

Для ответа на данный вызов Минтрудом России по поручению Президента был разработан пятилетний прогноз кадровой потребности, который подготовлен в трех разрезах — отраслевом, региональном и профессионально-квалификационном, чтобы обеспечить подготовку специалистов с учетом прогноза потребности экономики в кадрах [3].

В указанном контексте межрегиональная образовательная миграция приобретает особую значимость, так как может иметь как позитивные последствия, так и нести в себе риски для экономического развития некоторых регионов.

Одним из главных положительных аспектов является возможность для абитуриентов выбирать лучшие учебные заведения и программы обучения в других регионах, что может способствовать их профессиональному и личностному развитию. При этом главным генерируемым риском является возможный отток квалифицированных специалистов из некоторых регионов, ведь после обучения за пределами своего региона многие студенты решают остаться в регионе обучения, что может значительно снизить квалифицированную рабочую силу и затруднить экономическое развитие региона-донора, а это, в свою очередь, может привести к усилению неравенства между различными регионами [4].

Целью данного исследования является оценка востребованности системы высшего образования регионов, а также тенденций постобразовательной миграции.

Методология исследования заимствована из исследований межрегиональной мобильности выпускников по данным 2017 г. [5].

Методология исследования

Оценка показателя востребованности региональных университетов вычислялась путем соотношения численности выпускников среднего общего образования и численности зачисленных студентов на базе среднего общего образования на 1-й курс очной формы обучения по программам бакалавриата и специалитета. Учитывались зачисленные как за счет бюджетных ассигнований, так и по дого-

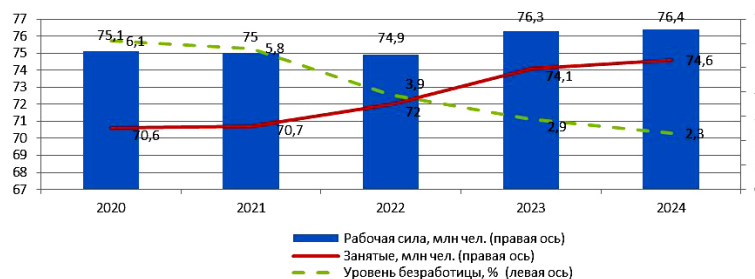

Рис. 1. Динамика численности занятой рабочей силы и уровня безработицы в 2020–2024 гг.
Fig. 1. Dynamics of the labor employed force and unemployment rates in 2020–2024

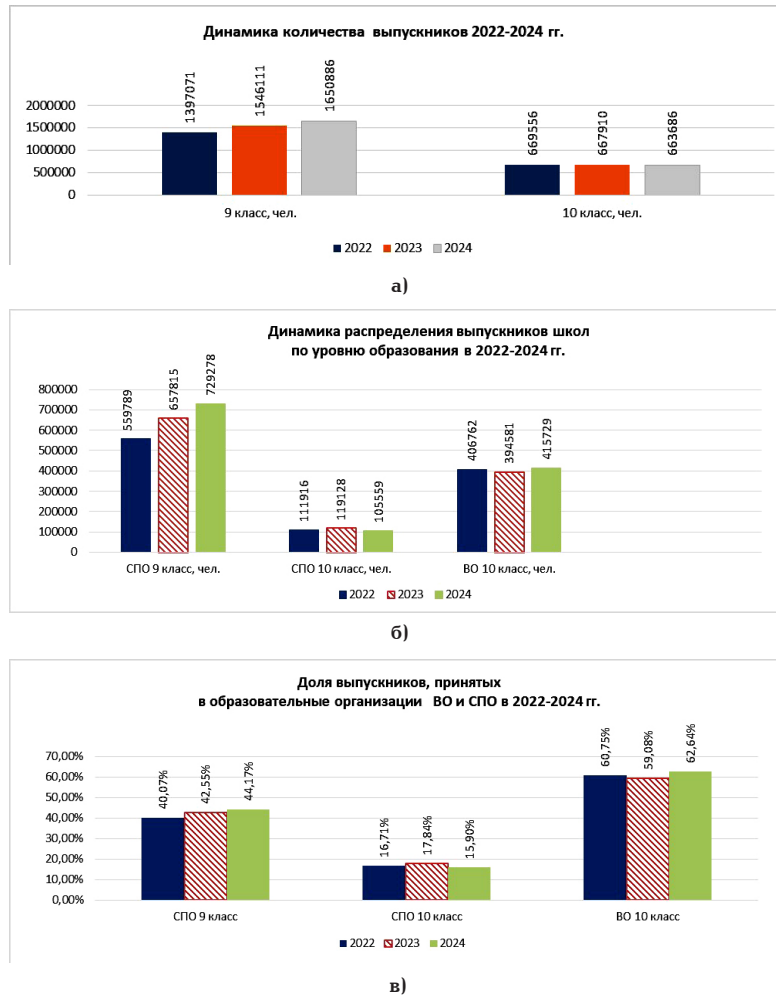

Рис. 2. Распределение количества выпускников школ между системами среднего профессионального и высшего образования:
 а) количество выпускников РФ основного общего и среднего общего образования; б) распределение выпускников школ между системами среднего профессионального и высшего образования;
 в) доля выпускников, поступивших в образовательные организации высшего и среднего профессионального образования сразу после выпуска по РФ 2022–2024 гг.

Fig. 2. Distribution of the number of school graduates between the secondary vocational and higher education systems:
 a) number of graduates of basic general and secondary general education in the Russian Federation; б) distribution of school graduates between secondary vocational and higher education systems; в) the share of graduates who entered higher and secondary vocational educational institutions immediately after graduation in the Russian Federation in 2022–2024

ворам об оказании платных образовательных услуг (формула 1) [5].

На рис. 2а–в представлены данные за 2022–2024 гг. относительно количества выпускников основного общего и среднего общего образования РФ, а также распределения выпускников между системами среднего профессионального и высшего образования, доля выпускников школ, которые продолжили свое обучение по программам высшего и среднего профессионального образования.

Также при интерпретации данных о востребованности региональной системы высшего образования была учтена доля выпускников, которые не продолжили свое обучение в системе высшего образования. В частности, указанная когорта может включать в себя тех выпускников, которые выбрали поступление на программы среднего профессионального образования, были призваны в армию, сразу вышли на рынок труда или остались безработными. Для этого был введен поправочный

коэффициент для численности выпускников школ, который равен среднему значению по РФ доли выпускников, которые на базе среднего общего образования были зачислены в вузы:

$$K_{i.востреб.} = \frac{N_i \text{ студенты}}{N_i \text{ выпускники} \cdot r}, \quad (1)$$

где $K_{i.востреб.}$ — показатель востребованности вузов i -го региона среди выпускников школ;

N_i студенты — численность зачисленных на очную форму обучения на базе среднего общего образования по программам бакалавриата и специалитета в вузы i -го региона;

N_i выпускники — численность выпускников школ i -го региона; r — доля выпускников школ, которые идут сразу после окончания школы в вузы (в среднем по России в 2024 г., $r = 0,63$) [5].

По данным 2024 г., в среднем по России 63 % выпускников были зачислены на базе среднего об-

Таблица 1. Значения показателя востребованности систем высшего образования регионов и востребованности платной формы обучения

Table 1. Values of the indicator of demand for higher education systems in regions and demand for paid education

Регион обучения	Кол-во выпускников (среднее общее образование), чел.	Количество студентов, зачисленных на первый курс на базе среднего общего образования, чел.	Численность выпускников школ с учетом корректирующего коэффициента, чел.	Показатель востребованности системы ВО регионов
1	2	3	4	5
Санкт-Петербург	32310	52816	20355	2,59
Томская область	4953	7996	3120	2,56
Республика Мордовия	2886	3599	1818	1,98
Орловская область	2825	3295	1780	1,85
Москва и Московская область	103365	119705	65120	1,84
Новосибирская область	13540	14886	8530	1,75
Воронежская область	9256	9613	5831	1,65
Астраханская область	3739	3854	2356	1,64
Свердловская область	17866	17399	11256	1,55
Нижегородская область	12702	12018	8002	1,50
Ростовская область	16014	15114	10089	1,50
Республика Татарстан	15296	14214	9636	1,48
Ульяновская область	4361	3900	2747	1,42
Курская область	4241	3782	2672	1,42
Приморский край	8811	7832	5551	1,41
Саратовская область	9702	8592	6112	1,41
Самарская область	12108	10283	7628	1,35
Рязанская область	4171	3512	2628	1,34
Новгородская область	2392	1952	1507	1,30
Пензенская область	4584	3709	2888	1,28
Хабаровский край	5549	4440	3496	1,27
Ярославская область	5241	4122	3302	1,25
Волгоградская область	9497	7278	5983	1,22
Ивановская область	3854	2850	2428	1,17
Ставропольский край	10150	7480	6395	1,17
Тамбовская область	3277	2395	2065	1,16
Тюменская область	10907	7853	6871	1,14
Омская область	8242	5919	5192	1,14
Смоленская область	3691	2628	2325	1,13
Пермский край	10003	7114	6302	1,13
Тверская область	5060	3513	3188	1,10
Республика Северная Осетия-Алания	3168	2187	1996	1,10
Калининградская область	4633	3089	2919	1,06
Удмуртская Республика	5746	3706	3620	1,02
Алтайский край	10201	6193	6427	0,96
Республика Марий Эл	2630	1588	1657	0,96
Белгородская область	5540	3233	3490	0,93
Калужская область	4265	2476	2687	0,92
Челябинская область	13610	7868	8574	0,92
Красноярский край	15562	8900	9804	0,91
Тульская область	5511	3139	3472	0,90
Республика Башкортостан	15496	8753	9762	0,90
Кировская область	5275	2880	3323	0,87

Окончание табл. 1.
End of the Table 1.

1	2	3	4	5
Иркутская область	13232	6950	8336	0,83
Кабардино-Балкарская Республика	4087	2116	2575	0,82
Республика Карелия	2906	1486	1831	0,81
Псковская область	2793	1393	1760	0,79
Краснодарский край	24416	12026	15382	0,78
Республика Адыгея	1796	883	1131	0,78
Кемеровская область	10177	4969	6412	0,78
Оренбургская область	6399	3091	4031	0,77
Архангельская область	5269	2520	3319	0,76
Амурская область	3699	1722	2330	0,74
Чувашская Республика	4993	2307	3146	0,73
Владимирская область	4990	2074	3144	0,66
Карачаево-Черкесская Республика	1667	687	1050	0,65
Республика Крым	9169	3718	5776	0,64
Вологодская область	4419	1693	2784	0,61
Брянская область	5102	1854	3214	0,58
Забайкальский край	4351	1532	2741	0,56
Липецкая область	4733	1631	2982	0,55
Республика Ингушетия	2143	699	1350	0,52
Республика Калмыкия	1424	461	897	0,51
Республика Коми	3668	1114	2311	0,48
Республика Дагестан	10350	3091	6521	0,47
Чеченская Республика	7899	2307	4976	0,46
Курганская область	3088	874	1945	0,45
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	9231	2428	5816	0,42
Республика Саха (Якутия)	7222	1813	4550	0,40
Республика Бурятия	5823	1438	3668	0,39
Камчатский край	1518	311	956	0,33
Республика Хакасия	2618	498	1649	0,30
Мурманская область	2888	539	1819	0,30
Магаданская область	612	107	386	0,28
Костромская область	2889	440	1820	0,24
Сахалинская область	2863	385	1804	0,21
Еврейская автономная область	881	100	555	0,18
Республика Алтай	1320	143	832	0,17
Республика Тыва	2026	133	1276	0,10

щего образования в вузы. Следовательно, поправочный коэффициент был принят равным 0,63.

Расчет показателя востребованности вузов по каждому региону проводился по данным форм ВПО-1¹ за 2024/25 учебный год и данным Роструда (мониторинг трудоустройства выпускников)² —

количество выпускников школ на базе среднего общего образования за 2024 г. по субъектам Российской Федерации.

И хотя данная методология не позволит увидеть глубинные причины выбора выпускником своей траектории, такие как стартовые социальные усло-

¹ Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». 2024 г. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 22.12.2025).

² Роструд (мониторинг трудоустройства выпускников). Доступ свободный после авторизации.

Таблица 2. Значения показателя послевузовской миграции выпускников вузов в регионах России
 Table 2. Values of the postgraduate migration indicator of university graduates in the regions of Russia

Регион обучения	Трудоустроенные выпускники, чел.	Уехавшие для трудоустройства в другой регион, чел.	Показатель послевузовской миграции
1	2	3	4
Республика Адыгея	1891	1083	0,573
Ивановская область	3580	1801	0,503
Севастополь	2157	1085	0,503
Курганская область	2059	966	0,469
Орловская область	3690	1703	0,462
Владимирская область	2689	1186	0,441
Томская область	7115	3034	0,426
Воронежская область	13361	5646	0,423
Белгородская область	4143	1739	0,420
Омская область	9020	3774	0,418
Псковская область	1486	619	0,417
Республика Мордовия	3871	1613	0,417
Смоленская область	2645	1094	0,414
Еврейская автономная область	281	112	0,399
Рязанская область	4580	1823	0,398
Калужская область	3338	1320	0,395
Чувашская Республика	5675	2241	0,395
Курская область	5441	2140	0,393
Ямало-Ненецкий автономный округ	23	9	0,391
Тюменская область	6580	2558	0,389
Брянская область	2736	1056	0,386
Волгоградская область	8374	3224	0,385
Саратовская область	9669	3715	0,384
Ставропольский край	9423	3610	0,383
Республика Хакасия	1069	403	0,377
Тамбовская область	4277	1614	0,377
Ярославская область	4201	1545	0,368
Астраханская область	3498	1267	0,362
Тульская область	4674	1687	0,361
Ростовская область	16761	6038	0,360
Самарская область	15901	5676	0,357
Ульяновская область	4953	1768	0,357
Херсонская область	111	39	0,351
Новгородская область	1313	459	0,350
Кировская область	3431	1180	0,344
Республика Калмыкия	854	294	0,344
Новосибирская область	13472	4591	0,341
Республика Северная Осетия-Алания	2043	682	0,334
Оренбургская область	5820	1934	0,332
Хабаровский край	5125	1701	0,332
Тверская область	3562	1177	0,330
Республика Бурятия	2711	886	0,327
Карачаево-Черкесская Республика	1175	381	0,324
Костромская область	1020	323	0,317
Пензенская область	4495	1404	0,312
Удмуртская Республика	6254	1944	0,311
Республика Башкортостан	15755	4794	0,304

Окончание табл. 2.
End of the Table 2.

1	2	3	4
Санкт-Петербург и Ленинградская область	84563	25163	0,298
Краснодарский край	15353	4500	0,293
Республика Карелия	1492	430	0,288
Республика Татарстан	21986	6321	0,288
Липецкая область	3025	867	0,287
Республика Марий Эл	1949	551	0,283
Республика Алтай	357	98	0,275
Челябинская область	12126	3339	0,275
Нижегородская область	13112	3585	0,273
Донецкая Народная Республика	5917	1612	0,272
Кабардино-Балкарская Республика	1779	484	0,272
Алтайский край	6477	1714	0,265
Свердловская область	18605	4938	0,265
Вологодская область	2636	697	0,264
Республика Коми	1339	354	0,264
Приморский край	5159	1343	0,260
Амурская область	1777	461	0,259
Иркутская область	8474	2194	0,259
Москва и Московская область	251438	62365	0,248
Калининградская область	2456	604	0,246
Луганская Народная Республика	4622	1132	0,245
Республика Крым	4776	1161	0,243
Архангельская область	2348	550	0,234
Забайкальский край	2501	583	0,233
Республика Дагестан	4556	1060	0,233
Пермский край	6849	1547	0,226
Кемеровская область	6482	1445	0,223
Красноярский край	9106	2013	0,221
Мурманская область	860	187	0,217
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	3621	710	0,196
Республика Ингушетия	727	132	0,182
Магаданская область	264	43	0,163
Запорожская область	294	46	0,156
Чеченская Республика	3029	416	0,137
Камчатский край	347	42	0,121
Республика Тыва	834	85	0,102
Сахалинская область	552	53	0,096
Республика Саха (Якутия)	2439	159	0,065

вия и способности [6], тем не менее покажет уже сложившуюся картину, своеобразный атлас востребованности региональных систем высшего образования и после образовательной миграции. Что также позволит дополнить данные о структурных изменениях в населении регионов в части, связанной с межрегиональной миграцией молодого населения [7].

При проведении расчетов суммировались данные для Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, так как ука-

занные субъекты имеют единую образовательную систему и рынок труда. Также при анализе востребованности высшего образования не учитывались такие регионы, как Севастополь, Донецкая Народная Республика, Луганская и Херсонская области, так как по ним отсутствуют данные форм ВО-1. Отсутствуют данные по Чукотскому и Ямало-Ненецкому автономным округам за неимением региональных вузов в данных субъектах.

В табл. 1 приведены данные о востребованности системы высшего образования регионов. В топ 15

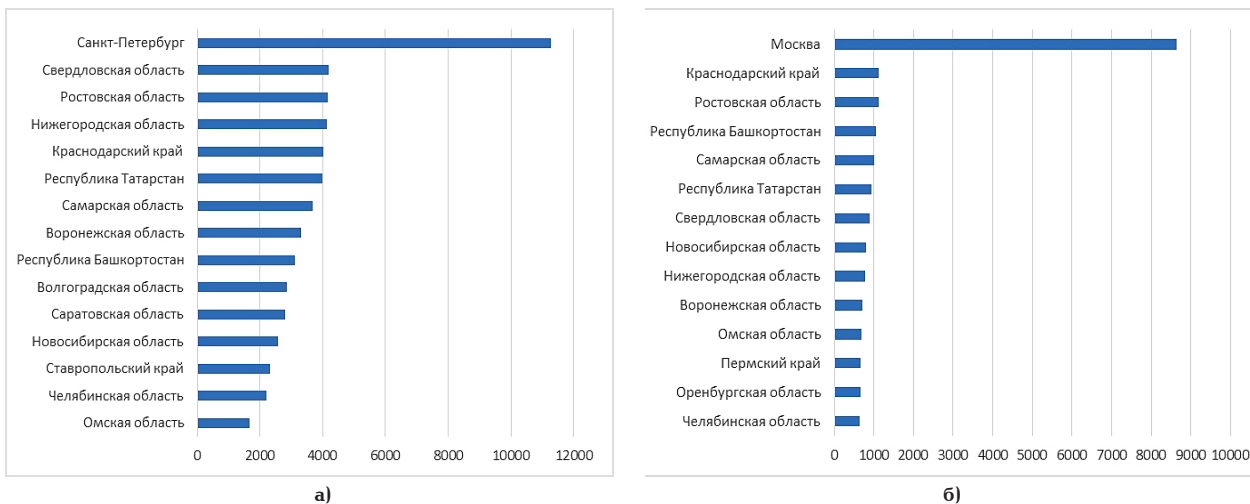

Рис. 3. Top 15 regions by outflow of graduates to large metropolitan areas: Moscow and the Moscow region, Saint Petersburg and the Leningrad region: а) top 15 regions from which graduates came to find employment in Moscow and the Moscow region; б) top 15 regions from which graduates came to find employment in Saint Petersburg and the Leningrad region

вошли такие регионы, как Санкт-Петербург, Томская область, Республика Мордовия, Орловская область, Москва и Московская область, Новосибирская область, Воронежская область, Астраханская область, Свердловская область, Нижегородская область, Ростовская область, Республика Татарстан, Ульяновская область, Курская область, Приморский край.

На полученный ранжированный список регионов будет наложена вторая ось для их категоризации — показатель послевузовской миграции выпускников. Данный показатель был рассчитан на основании данных портала «Работа в России» и вычислялся как соотношение трудоустроенных в течение одного года выпускников вузов региона в других регионах РФ и общей численности трудоустроенных в течение одного года выпускников:

$$K_{i.\text{послевуз. миг.}} = \frac{N_{i \text{ тр. уехавшие}}}{N_{i \text{ тр. выпускники}}}, \quad (2)$$

где $K_{i.\text{послевуз. миг.}}$ — показатель послевузовской миграции выпускников вузов i -го региона; $N_{i \text{ тр. уехавшие}}$ — численность выпускников вузов i -го региона, трудоустроенных в другом регионе в течение одного года после окончания вуза; $N_{i \text{ тр. выпускники}}$ — численность выпускников вузов i -го региона, трудоустроившихся в течение одного года после окончания вуза [5].

Показатель послевузовской миграции был рассчитан на основе данных Роструда (мониторинг трудоустройства выпускников), окончивших обучение в 2024 г. по программам всех форм обучения. Полученные данные приведены в табл. 2.

Рассматривая процесс постобразовательной миграции, целесообразно более подробно рассмотреть крупные города-агломераты: Москва и Московская область, а также Санкт-Петербург и Ленинградская область. Указанные субъекты являются центрами притяжения как для выпускников школ, так и для выпускников вузов [8] (рис. 3).

Для структурирования полученных результатов будем использовать типологию регионов на основе

матрицы, построенной на показателях востребованности вузов региона среди выпускников школ и послевузовской миграции выпускников университетов региона в исследовании по данным 2017 г. [5].

Использование данной методологии позволяет не только произвести категоризацию регионов, но и сопоставить полученные данные с результатами исследования 2017 г., а также проследить динамику на образовательном ландшафте РФ.

Пограничное значение для показателя востребованности вузов региона, которое позволяет отнести регион к определенному типу, было принято за 1, так как эта граница отражает определенную сбалансированность между количеством выпускников среднего общего образования региона и количеством зачисленных в региональные вузы на базе среднего общего образования.

В качестве пограничного значения показателя послевузовской миграции примем 0,31, что соответствует среднему значению по выборке. Основной критерий отнесения региона в указанную группу основывается на том, что один из двух показателей находится в пределах четверти стандартного отклонения в большую или меньшую сторону от пограничного значения. Соответственно, для показателя востребованности стандартное отклонение равно 0,4; для показателя послевузовской миграции — 0,1.

Основные результаты

Таким образом, регионы Российской Федерации в соответствии с предложенной матрицей можно разделить на пять типов (табл. 3–6).

Регионы-магниты — вузы региона востребованы среди выпускников школ и работают на локальный рынок труда.

Регионы-транзиты — вузы региона востребованы среди выпускников школ и работают на внешний и локальный рынки труда.

Замкнутые регионы — вузы региона не востребованы среди выпускников школ и работают на локальный рынок труда.

Регионы экспортеры — вузы регионов не востребованы среди выпускников школ и работают на внешний рынок труда.

Таблица 3. Типология регионов. Регионы-магниты (показатель востребованности >1; показатель послевузовской миграции <0,31)

Table 3. Typology of regions. Magnet regions (demand index >1; postgraduate migration index <0.31)

Регион	Показатель востребованности системы высшего образования регионов	Показатель послевузовской миграции	Численность студентов по договорам об оказании платных услуг, чел.	Доля студентов по договорам об оказании платных услуг, в общей численности по программам бакалавриата и специалитета, %
Санкт-Петербург и Ленинградская область	2,59	0,298	24576	46,53
Москва и Московская область	1,84	0,248	60590	50,62
Свердловская область	1,55	0,265	7485	43,02
Нижегородская область	1,50	0,273	4807	40,00
Республика Татарстан	1,48	0,288	3462	24,36
Приморский край	1,41	0,260	3029	38,67

Таблица 4. Типология регионов. Регионы-транзиты (показатель востребованности >1; показатель послевузовской миграции >0,31)

Table 4. Typology of regions. Transit regions (demand index >1; postgraduate migration index >0.31)

Регион	Показатель востребованности системы высшего образования регионов	Показатель послевузовской миграции	Численность студентов по договорам об оказании платных услуг, чел.	Доля студентов по договорам об оказании платных услуг, в общей численности по программам бакалавриата и специалитета, %
Томская область	2,56	0,426	1675	20,95
Республика Мордовия	1,98	0,417	1941	53,93
Орловская область	1,85	0,462	2129	64,61
Новосибирская область	1,75	0,341	3952	42,90
Воронежская область	1,65	0,423	4340	41,11
Астраханская область	1,64	0,362	1681	62,32
Ростовская область	1,50	0,360	3092	41,25
Ульяновская область	1,42	0,357	1667	42,74
Курская область	1,42	0,393	1681	44,45
Саратовская область	1,41	0,384	4340	50,51
Самарская область	1,35	0,357	3585	34,86
Рязанская область	1,34	0,398	1471	41,88
Новгородская область	1,30	0,350	734	37,60
Ярославская область	1,25	0,368	1345	32,63
Волгоградская область	1,22	0,385	3092	42,48
Ивановская область	1,17	0,503	749	26,28
Ставропольский край	1,17	0,383	4111	54,96
Тамбовская область	1,16	0,377	1325	55,32

В отдельную группу выделены регионы, требующие дополнительного анализа, если они находятся в диапазоне показателя востребованности от 0,9 до 1,1, а также если показатель послевузовской миграции варьируется от 0,289 до 0,337.

В 2024 г. в «серую» зону вошли: Пензенская область, Хабаровский край, Тюменская область, Омская область, Смоленская область, Пермский край, Тверская область, Республика Северная Осетия-Алания, Калининградская область, Удмуртская Республика, Алтайский край, Республика Марий Эл, Белгородская область, Калужская область, Челябинская область, Красноярский край, Тульская область, Республика Башкортостан, Кировская область,

Краснодарский край, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Бурятия, Костромская область.

Полученные данные сопоставлялись с результатами исследования 2019 г. Следует отметить, что значительно изменился состав групп благодаря увеличению востребованности регионального образования. Так, расширился список регионов-магнитов, который дополнился следующими субъектами: Приморский край, Нижегородская область. Отдельного внимания заслуживает Санкт-Петербург и Ленинградская область. При самом высоком показателе востребованности высшего образования у данного региона увеличился показатель постобразовательной миграции, в частности, за счет

Таблица 5. Типология регионов. Замкнутые регионы (показатель востребованности <1; показатель послевузовской миграции <0,31)

Table 5. Typology of regions. Closed regions. The region's universities are not in demand among high school graduates and operate for the regional labor market (demand index <1; postgraduate migration index <0.31)

Регион	Показатель востребованности системы высшего образования регионов	Показатель послевузовской миграции	Численность студентов по договорам об оказании платных услуг, чел.	Доля студентов по договорам об оказании платных услуг, в общей численности по программам бакалавриата и специалитета, %
Иркутская область	0,83	0,259	2715	39,06
Кабардино-Балкарская Республика	0,82	0,272	1379	65,17
Республика Карелия	0,81	0,288	413	27,79
Кемеровская область	0,78	0,223	1822	36,67
Оренбургская область	0,77	0,332	916	29,63
Архангельская область	0,76	0,234	525	20,83
Амурская область	0,74	0,259	397	23,05
Республика Крым	0,64	0,243	1222	32,87
Вологодская область	0,61	0,264	284	16,77
Забайкальский край	0,56	0,233	0,288	32,70
Липецкая область	0,55	0,287	658	40,34
Республика Ингушетия	0,52	0,182	286	40,92
Республика Коми	0,48	0,264	213	19,12
Республика Дагестан	0,47	0,233	977	31,61
Чеченская Республика	0,46	0,137	844	36,58
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	0,42	0,196	307	12,64
Республика Саха (Якутия)	0,40	0,065	284	15,66
Камчатский край	0,33	0,121	51	16,40
Мурманская область	0,30	0,217	50	9,28
Магаданская область	0,28	0,163	0	0
Сахалинская область	0,21	0,096	62	9,28
Республика Алтай	0,17	0,275	8	5,59
Республика Тыва	0,10	0,102	21	15,79

Таблица 6. Типология регионов. Регионы-экспортеры (показатель востребованности <1; показатель послевузовской миграции >0,31)

Table 6. Typology of regions. Exporting regions (demand index <1; postgraduate migration index >0.31)

Регион	Показатель востребованности системы высшего образования регионов	Показатель послевузовской миграции	Численность студентов по договорам об оказании платных услуг, чел.	Доля студентов по договорам об оказании платных услуг, в общей численности по программам бакалавриата и специалитета, %
Псковская область	0,79	0,417	687	49,32
Республика Адыгея	0,78	0,573	368	41,68
Чувашская Республика	0,73	0,395	844	36,58
Владимирская область	0,66	0,441	735	35,44
Брянская область	0,58	0,386	637	34,36
Республика Калмыкия	0,51	0,344	150	32,54
Курганская область	0,45	0,469	164	18,76
Республика Хакасия	0,30	0,377	99	19,88
Еврейская автономная область	0,18	0,399	7	7,00

оттока выпускников в Москву и Московскую область. Хотя данный регион был отнесен к группе регионов-магнитов, нельзя не отметить тенденцию увеличения миграции, усиление которой приведет

к изменению статуса региона на регион-транзит (рис. 3).

Значительно расширился список регионов-транзитов за счет увеличения востребованности ре-

гионального образования. По данным 2024 г. его дополнили регионы, которые по результатам исследования 2019 г. входили в «серую зону»: Новосибирская область, Астраханская область, Ростовская область, Ульяновская область, Курская область, Самарская область, Рязанская область, Новгородская область, Ярославская область, Волгоградская область. В указанную когорту вошел и Ставропольский край, который в 2019 г. относился к регионам-экспортерам. Стоит отметить, что Тюменская и Омская области переместились из категории регионов-транзитов в «серую зону» за счет небольшого спада интереса выпускников к системам высшего образования данных регионов. Тем не менее они находятся на пограничных значениях и их показатели востребованности больше единицы и составляют 1,14.

По сравнению с результатами 2019 г. список замкнутых регионов дополнился регионами, ранее входившими в «серую зону», такими как Астраханская область, Оренбургская область, Республика Калмыкия, Республика Карелия. Также эта категория дополнилась Республикой Крым, по которой ранее не было данных. Отдельно стоит отметить, что благодаря снижению показателя постобразовательной миграции данную категорию дополнили Ханты-Мансийский автономный округ и Вологодская область, относившиеся ранее к регионам-экспортерам.

В «серую зону» из категории замкнутых регионов переместились Пермский край и Калининградская область за счет увеличения показателя востребованности, который составил 1,13 и 1,06 соответственно. Следовательно, можно сделать вывод, что эти регионы обладают потенциалом для перехода в когорту регионов-магнитов.

Благодаря перемещению из списка регионов-экспортеров в другие категории, список указанных регионов значительно сократился по сравнению с 2019 г.

Для полноты понимания востребованности высшего образования в регионах полученные результаты были интерпретированы с учетом данных о востребованности платного высшего образования. Согласно формам ВПО-1, можно рассчитать соотношение зачисленных на базе среднего общего образования в вузы региона по договорам об оказании платных услуг с общей численностью зачисленных на базе среднего общего образования.

В топ 15 регионов-лидеров по количеству платного набора по данным 2024 г. вошли: Москва и Московская область — 60 590 чел., Санкт-Петербург и Ленинградская область — 24 576 чел., Свердловская область — 7 485 чел., Новосибирская область — 6 386 чел., Краснодарский край — 6 334 чел., Ростовская область — 6 235 чел., Нижегородская область — 4 807 чел., Саратовская область — 4 340 чел., Ставропольский край — 4 111 чел., Воронежская область — 3 952 чел., Тюменская область — 3 597 чел., Самарская область — 3 585 чел., Республика Татарстан — 3 462 чел., Республика Башкортостан — 3 137 чел., Волгоградская область — 3 092 чел. Как видно, в список регионов-лидеров входят регионы-магниты — крупные города с развитой системой высшего образования, которая обладает достаточными человеческими и инфраструктурными ресурсами для увеличения платного набора и широким рынком труда, а также регионы-транзиты, чья система высшего образования высоко востребована, но выпускники вузов выбирают другие

регионы для трудоустройства. Согласно исследованию [9], в указанных регионах высокий средний балл ЕГЭ даже на коммерческой форме обучения, что говорит о наборе качественного контингента.

В топ 15 лидеров по доле студентов очной формы обучения по программам бакалавриата и специалитета и по договорам об оказании платных образовательных услуг вошли такие регионы, как Кабардино-Балкарская Республика — 65,17 %, Орловская область — 64,61 %, Астраханская область — 62,32 %, Карачаево-Черкесская Республика — 57,06 %, Тамбовская область — 55,32 %, Ставропольский край — 54,96 %, Республика Мордовия — 53,93 %, Краснодарский край — 52,67 %, Костромская область — 52,27 %, Москва и Московская область — 50,62 %, Саратовская область — 50,51 %, Тверская область — 49,93 %, Псковская область — 49,32 %, Пензенская область — 48,75 %, Республика Северная Осетия-Алания — 48,65 %. В указанную когорту большей частью вошли замкнутые регионы с низким показателем востребованности высшего образования и менее высоким средним баллом ЕГЭ.

Выводы

По результатам проведенного исследования становится очевидным, что:

1. Ландшафт системы высшего образования сильно дифференцирован и по уровню востребованности, и по уровню закрепления выпускников. Сохраняется тренд миграции выпускников вузов в крупные города-агломераты, такие как Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, что снижает трудовой потенциал ряда регионов-транзитов и регионов-доноров, так как обостряет дефицит молодых специалистов и приводит к увеличению нагрузки на социальную сферу из-за «старения» населения.

2. Главным позитивным трендом является динамика увеличения интереса выпускников школ к региональной системе высшего образования, относительно результатов 2019 г. Увеличилось число регионов-магнитов за счет увеличения показателя востребованности системы регионального высшего образования. Возможной причиной стала реализация национального проекта РФ «Наука и университеты» (с 2019 г.). В рамках указанного проекта реализуются: «Приоритет 2030» (с 2021 г.), «Молодежные лаборатории» (с 2019 г., а в настоящее время в рамках национального проекта «Молодежь и дети»), строительство сети современных кампусов в регионах (с 2021 г.), «Передовые инженерные школы» (с 2022 г.). Вероятность данной зависимости требует дополнительного изучения и более полного обоснования.

3. За счет фактора увеличения интереса к региональной системе высшего образования увеличилась когорта регионов-транзитов, готовящих кадры как для регионального рынка, так и для рынка труда других регионов, и сократился список регионов-экспортеров.

4. По-прежнему остается внушительным список замкнутых регионов, и указанная группа требует дополнительного изучения с точки зрения баланса интереса выпускников к системе высшего профессионального образования и среднего профессионального образования, а также востребованности выпускников на рынке труда.

При сохранении тенденции увеличения интереса к региональной системе высшего образования возможна перспектива усиления конкурен-

тоспособности региональных вузов, что приведет к увеличению качества регионального образования и повышения среднего балла ЕГЭ в ряде регионов. Также целесообразно дополнительно изучить востребованность системы среднего профессионального образования [10] и баланса данного интереса в регионах РФ.

Отдельно следует провести исследование зависимости между такими параметрами, как востребованность системы высшего образования региона и распределение контрольных цифр приема в региональном разрезе.

Список источников / References

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda: rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28 dekabrya 2024 g. № 4146-r [Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2030 and with a forecast up to 2036: Order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 4146-p]. Available at Garant. (In Russ.).

2. Социально-экономическое положение России: доклады // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 30.11.2025).

Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye Rossii: doklady [Socio-economic situation in Russia: reports] // *Rosstat*. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (accessed: 30.11.2025). (In Russ.).

3. Минтруд представил прогноз кадровой потребности экономики на ближайшие 5 лет. URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/260> (дата обращения: 30.11.2025).

Mintrud predstavil prognoz kadrovoy potrebnosti ekonomiki na blizhayshiy 5 let [The Ministry of Labor presented a forecast of the economies of labor needs for the next five years]. URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/260> (accessed: 30.11.2025). (In Russ.).

4. Тошпулатов А. А., Сурина Е. А., Матвеева И. В., Марикян Е. А. Образовательная миграция и ее причины: теоретический анализ // Теоретическая экономика. 2024. № 10. С. 85–93. DOI: 10.52957/2221-3260-2024-10-85-93. EDN: EKOAFU.

Toshpulotov A. A., Surina E. A., Matveyeva I. V., Marikyan E. A. Obrazovatel'naya migratsiya i ee prichiny: teoreticheskiy analiz [Educational migration and its causes: a theoretical analysis]. *Theoretical Economics*. 2024. No. 10. P. 85–93. DOI: 10.52957/2221-3260-2024-10-85-93. EDN: EKOAFU. (In Russ.).

5. Козлов Д. В., Платонова Д. П., Лешуков О. В. Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов // Современная аналитика образования. Москва: НИУ ВШЭ, 2017. № 4 (12). 32 с.

Kozlov D. V., Platonova D. P., Leshukov O. V. Gde uchit'sya i gde rabotat': mezhhregional'naya mobil'nost' studentov i vypusknikov universitetov [Where to study and where to work: interregional mobility of university students and graduates]. *Sovremennaya Analitika Obrazovaniya*. Moscow, 2017. No. 4 (12). 32 p. (In Russ.).

6. Мальцева В. А., Розенфельд Н. Я. Траектории российской молодежи в образовании и профессии на материале лонгитюда: сложные маршруты выпускников вузов // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 99–148. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-99-148. EDN: JBWNDС.

Mal'tseva V. A., Rozenfel'd N. Ya. Trayektorii rossiyskoy molodezhi v obrazovanii i professii na materiale longityuda:

slozhnyye marshruty vypusknikov vuzov [Educational and career trajectories of the russian youth in a longitudinal perspective: a case of university graduates]. *Voprosy obrazovaniya. Educational Studies Moscow*. 2022. No. 3. P. 99–148. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-99-148. EDN: JBWNDС. (In Russ.).

7. Пашук Н. Р., Вертинова А. А., Садовская Л. Е. Внутренняя образовательная миграция в России: аналитика и факторы // Креативная экономика. 2024. Т. 18, № 2. С. 539–553. DOI: 10.18334/ce.18.2.120537. EDN: IDQFAV.

Pashuk N. R., Vertinova A. A., Sadovskaya L. E. Vnutrennyaya obrazovatel'naya migratsiya v Rossii: analitika i factory [Internal educational migration in Russia: analytics and factors]. *Kreativnaya ekonomika. Creative Economy*. 2024. Vol. 18, no. 2. P. 539–553. DOI: 10.18334/ce.18.2.120537. EDN: IDQFAV. (In Russ.).

8. Ситковский А. М., Дождиков А. В. Внутророссийская образовательная миграция молодежи: привлекательность регионов для получения высшего образования // Образование и наука. 2025. Т. 27, № 6. С. 149–179. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-6-149-179. EDN: TSLSLP.

Sitkovskiy A. M., Dozhnikov A. V. Vnutrirossiyskaya obrazovatel'naya migratsiya molodezhi: privlekatel'nost' regionov dlya polucheniya vysshego obrazovaniya [Intra-Russian educational migration of youth: the attractiveness of regions for pursuing higher education]. *Obrazovaniye i nauka. Education and Science*. 2025. Vol. 27, no. 6. P. 149–179. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-6-149-179. EDN: TSLSLP. (In Russ.).

9. Региональный разрез мониторинга качества приема: ключевые аспекты. URL: <https://www.hse.ru/ege2024-3/#anc3> (дата обращения: 22.12.2025).

Regional'nyy razrez monitoringa kachestva priyema: klyuchevyye aspekty [Regional breakdown of reception quality monitoring: key aspects]. URL: <https://www.hse.ru/ege2024-3/#anc3> (дата обращения: 22.12.2025). (In Russ.).

10. Мальцева В. А., Шабалин А. И. Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10–42. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-10-42. EDN: VFPICX. (In Russ.).

Mal'tseva V. A., Shabalin A. I. Ne-obkhodnoy manevr, ili Bum sprosa na sredneye professional'noye obrazovaniye v Rossii [The non-bypass trajectory, or the boom in demand for TVET in Russia]. *Voprosy obrazovaniya. Educational Studies Moscow*. 2021. No. 2. P. 10–42. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-10-42. EDN: VFPICX. (In Russ.).

АНИСИМОВА Ирина Александровна, эксперт Всероссийского научно-исследовательского института труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, г. Москва.

ХОДОРЕВА Елена Викторовна, кандидат технических наук, магистрант направления «Менеджмент» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

AuthorID (РИНЦ): 591427

AuthorID (SCOPUS): 56610293100

Адрес для переписки: l.khodoreva@yandex.ru

ШАЛАЙ Виктор Владимирович, доктор технических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой «Нефтегазовое дело, стандартизация и метрология» Омского государственного технического университета, г. Омск.

SPIN-код: 2322-6820

AuthorID (РИНЦ): 9913

ORCID: 0000-0003-0635-4849

AuthorID (SCOPUS): 35792469000

AuthorID (SCOPUS): 56755298300

AuthorID (SCOPUS): 57190972363

ResearcherID: P-8233-2015

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в пред-

ставленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.

ANISIMOVA Irina Aleksandrovna, Expert of the All-Russia Research Institute of Labour, Moscow.

KHODOREVA Elena Viktorovna, Candidate of Technical Sciences, Master's Student in Management, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

AuthorID (RSCI): 591427

AuthorID (SCOPUS): 56610293100

Correspondence address: l.khodoreva@yandex.ru

SHALAY Viktor Vladimirovich, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Oil and Gas Storage,

Standardization and Certification Department, Omsk State Technical University, Omsk.

SPIN-code: 2322-6820

AuthorID (RSCI): 9913

ORCID: 0000-0003-0635-4849

AuthorID (SCOPUS): 35792469000

AuthorID (SCOPUS): 56755298300

AuthorID (SCOPUS): 57190972363

ResearcherID: P-8233-2015

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 26.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

**Новый этап международного развития:
научные рецензируемые журналы ОмГТУ интегрированы
в крупнейшую китайскую платформу BAIDU**

Baidu объединяет лучший международный опыт научных исследований. В базе данных представлено 1,4 млрд академических ресурсов и 15 млн научных статей. Для вхождения журналов в Baidu проводится тщательный анализ по критериям соответствия мировым издательским стандартам и требованиям.

Теперь статьи Омского научного вестника и его серий доступны для поиска, чтения и цитирования в Китае и Азии. Попадание в крупнейшую базу данных напрямую влияет на видимость публикаций и повышает вероятность их цитирования зарубежными коллегами.

В условиях трансформации глобального научного пространства Baidu обеспечивает авторам журналов Омского политеха выход на самый быстрорастущий рынок научных знаний в мире.

Редколлегия и редакция научных рецензируемых журналов ОмГТУ продолжит вести работу по продвижению и представлению наших изданий на ведущих научных площадках.

Полная новостная версия доступна по ссылке
<https://www.omgtu.ru/news/?eid=100232>

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Серия Общество. История. Современность

включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя и редакции: 644050, Омская обл., г. Омск, пр. Мира, 11,
Омский государственный технический университет, корпус 6, каб. 424;
тел. (3812) 65-32-08; e-mail: onv@omgtu.ru

Адрес типографии: 644050, Омская обл., г. Омск, пр. Мира, 11,
Омский государственный технический университет, корпус 6, каб. 333;
тел. (3812) 65-32-08.